

Машина смерти

ДЖЕК

ВЭНС

ДЖЕК
ВЭНС

Машина смерти

ДЖЕК
ВЭНС

Звездный король

Машина смерти

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
«СНАРК»
1996

ББК 84.7 (США)
В22

Вэнс Дж.

В22 Машина смерти: Романы / Пер. С англ.—СПб.,
«Северо-Запад», «Снарк», 1996 — 416 с.
ISBN 5-87365-033-0

*Перепечатка отдельных глав
и всего произведения в целом — запрещена.
Всякое коммерческое использование
данного произведения возможно
исключительно с ведома издателя.*

Во Вселенной, на Краю Света, куда не распространяются законы Ойкумены — цивилизованной части космоса, обосновались преступники и убийцы, которыми правит пятерка Властителей Зла... Они уничтожают планету Маунт-Плезент, осмелившуюся выступить против их тирании. Из населения планеты в живых остается только один. И отныне его удел — месть...

Блестящая фантастическая эпопея Джека Вэнса «Сага о Властителях Зла» написана в жанре захватывающего космического боевика. В настоящий том вошли первые два романа пятикнижия.

На русском языке публикуется впервые.

© А.Жикаренцев, Н.Николаева,
перевод, 1996
© Н.Зубков, обложка, 1996
© Е.Кузнецова, графика, 1996
© «Северо-Запад», русское издание, 1996

САГА О ВЛАСТИТЕЛЯХ ЗЛА 1

Звездный КОРОЛЬ

ГЛАВА 1

Что за парадокс, какое отсутствие здравого смысла, когда разница в какие-то несколько сот миль, да что там миль — в несколько футов или даже дюймов, способна превратить отвратительнейшее преступление в простой, совершенно заурядный случай!

Его Святейшество Балдер Башин. «Экклезиархическая Нунциамения», год 1000-й. Форесс, планета Крокиноль.

Где нет принуждения, там не нужен закон.

Пословица.

Вопрос: Вы когда-нибудь чувствовали себя одиноким, мистер Смэйд?

Ответ: Это с тремя-то женами и одиннадцатью детьми?

В.: И все-таки что побудило вас обосноваться именно на этой планете? В целом малопривлекательный мирок, как вы считаете?

О.: Красота — понятие весьма относительное. К тому же мне всегда не нравились курорты.

В.: Что представляют собой завсегдатаи вашей таверны?

О.: Это те, кто ищет покоя и местечка, где можно нормально отдохнуть. В большинстве своем это прибывшие из-за Черты Обитания или изыскатели.

В.: До нас доходили слухи, что кое у кого из ваших клиентов довольно крутой нрав. По сути дела, если говорить прямо, многие считают, что таверна Смэйда частенько посещается самыми известными пиратами и грабителями со всего Края Света.

О.: Ну, и они время от времени нуждаются в отдыхе.

В.: А у вас не возникает трудностей во взаимоотношениях с ними? В поддержании порядка, например?

О.: Ни в коем случае. Им прекрасно известны мои законы. Я всегда говорю: «Джентльмены, прошу вас, старайтесь держать себя в руках. Разногласия — это ваше личное дело, они преходящи. Моя же задача заключается в том, чтобы создать в таверне атмосферу благополучия и взаимопонимания. И так будет всегда».

В.: И что, они с этим соглашаются?

О.: Как правило.

В.: А если нет?

О.: Я скидываю их в море.

Выдержки из статьи «Смэйд с планеты Смэйда». Журнал «Космополис», 1923 год, октябрь.

Смэйд был довольно скрытным человеком. О его происхождении и молодых годах знал лишь он один. В 1479 году он приобрел большую партию лучшего строительного леса, которую по весьма туманным причинам переправил на скромную каменистую планетку в средней части Края Света. И там с помощью нанятой по контракту команды, состоящей из десяти мастеровых и стольких же рабов, он выстроил таверну Смэйда.

Расположена она была на вытянутой, поросшей вереском узкой косе, разделявшей горы Смэйда и океан Смэйда, точно на экваторе планеты. При строительстве Смэйд руководствовался планом столь же старым, как и сами строительные материалы, используемые им: на стены пошли камни, на стропила — доски, а крышу он выложил черепицей. После завершения работ таверна смотрелась так, будто уже веками принадлежала окружающему ее пейзажу: продолговатое двухэтажное здание с высокой двускатной крышей, двумя рядами окон — как с фасада, так и с тыльной стороны, с трубами от каминов, топившихся ископаемым торфом. Позади таверны росла группа похожих на кипарисы деревьев, формой и листвой также совершенно сливающихся с пейзажем.

Смэйд внес некоторые изменения и в окружающую среду на планете: в одной защищенной от ветров долине, сразу за таверной, он развел огород и разбил фруктовый сад; в другой устроил загон для небольшого стада домашнего скота и соорудил маленький домик для домашней птицы. Причем все это было сделано с любовью и предельной осторожностью, чтобы присутствие животных ни в коем случае не повлияло на биологическое равновесие планеты.

Размеры владений Смэйда ограничивались лишь его собственными желаниями — других обитателей на планете просто-напросто не было, однако он предпочел ограничиться тремя акрами земли, которые огородил каменной выбеленной изгородью. Ко всему остальному, что происходило за пределами этого забора, он оставался полностью равнодушным, если только происходящее там не затрагивало его личные интересы, но пока такого еще ни разу не случалось.

Планета Смэйда оказалась единственным спутником звезды Смэйда — едва различимого белого карлика в сравнительно пустынном регионе пространства. Местная растительность отличалась чрезвычайной скудностью: лишайники, мхи, примитивные стелющиеся и выющиеся растения да водоросли, окрашивающие всю поверхность океана в черный цвет. Животный мир был еще более беден: белесые черви в морском иле, несколько изрядно смахивающих на студень существ, тупо пожирающих черные водоросли, плюс пара видов простейших одноклеточных организмов. Таким образом, вряд ли привнесенные Смэйдом флора и фауна могли ощутимо повлиять на экологию планеты.

Сам Смэйд был высоким коренастым мужчиной с необычайно светлой кожей и черными, цвета воронова крыла, волосами. Прошлого его, как уже упоминалось, было сокрыто туманом, и никто не слышал, чтобы Смэйд упоминал о нем. Однако таверну он содержал, придерживаясь весьма строгого кодекса правил. Три жены его жили в полном согласии друг с другом, дети были красивы и хорошо воспитаны, а сам Смэйд считался безукоризненно вежливым хозяином. Расценки у него были высоки, но вполне перекрывались гостеприимством и щедростью, так что доходы его неизменно росли. Плакат над баром гласил: «Ешь и пей сколько душе угодно. Кто может и платит — клиент, кто не может и не платит — гость заведения».

Постоянными посетителями таверны были самые разные люди: изыскатели, космопроходцы, техники по обслуживанию приводов Джарнелла, частные детективы, занимающиеся розыском пропавших без вести людей или украденных сокровищ, порой даже представители МПКС * — «ласки», как их называли на Краю. Остальная публика большей частью представляла собой всякое отребье, таких можно было называть как угодно:

* МПКС — Межпланетная полицейская координационная корпорация. Теоретически — частная организация, обладающая централизованной информационной системой, предоставляющая специальные консультации и криминологические лаборатории полицейским организациям Ойкумены. Практически — надправительственная организация, в ряде случаев действующая как карательная. — *Примеч. авт.*

сколько преступлений — столько имен. Но выхода не было, и Смэйд вел себя одинаково со всеми.

В июле 1524 года в таверне Смэйда объявился некий разведчик по имени Кирт Джерсен. Его корабль, стандартная модель, взятый в аренду в одном из прокатных агентств Ойкумены, являл собой десятиметровый цилиндр, оснащенный только самым необходимым. В носовой части размещались совмещенный монитор-автопилот, звездонискатель, хронометр, телескоп и системы ручного управления. Середину корабля занимали жилые отсеки, генератор воздуха, реконвертер, перерабатывающий всяческую органику, информационный центр и кладовые. Корма предназначалась для энергоблока, привода Джарнелла и нескольких хранилищ. Как и на всех остальных разведкораблях, корпус судна усеивали многочисленные выбоины и вмятины.

Облик самого Джерсена также оставлял желать лучшего: поношенная одежда, скромность, если не сказать — убогость, которая подчеркивалась откровенной неразговорчивостью. Но Смэйда это ни капли не смутило.

- Надолго к нам, мистер Джерсен?
- Дня на два-три, не больше. Нужно кое-что обдумать.

Смэйд понимающе кивнул.

— Как раз никого нет — разве что вы да Звездный Король. Так что тишины и спокойствия вам хватит с избытком.

— Меня устраивает, — ответил Джерсен, что было истинной правдой.

Несмотря на то что большинство его дел было успешно завершено, проблем еще оставалось выше головы. Он уже повернулся, собираясь выйти, как вдруг остановился и взглянул на Смэйда, словно слова Смэйда только сейчас дошли до него:

- Звездный Король? Здесь, в таверне?
- Во всяком случае, так он представился.
- Ни разу не доводилось встречаться ни с кем из них. Слышать-слышал, но никогда не видел.

Смэйд вежливо кивнул, давая понять, что его это никак не касается, и показал на висящие на стене часы.

— Наше местное время, лучше переставьте ваши часы. Ужин ровно в семь, то есть через полчаса.

Джерсен поднялся по каменным ступеням в свою комнату — простенькую клетушку с кроватью, стулом и столом — и посмотрел в окно, окинув взглядом узенькую полоску суши, поросшую вереском и разделяющую горные кручи и океан. На посадочном поле стояло всего два корабля: его собственный и еще один, покрупнее да потяжелее, принадлежащий, очевидно, Звездному Королю.

Покинув комнату, Джерсен прошел по коридору, умылся в общей ванной комнате и спустился в зал на первом этаже, где его ждал ужин из хорошо приготовленного мяса, сдобренного овощами и фруктами, выращенными Смэйдом. Подошли и еще двое гостей таверны. Первым появился Звездный Король, странная личность, ростом чуть выше среднего, с черной, как смоль, кожей и такими же черными глазами. Сопровождаемый шорохом богатых одежд, он быстро проследовал в дальний конец комнаты, держась с предельным высокомерием. Антрацитовая кожа, отбрасывающая блики при малейшей игре света, делала его лицо многообразной, изменчивой маской. Его одеяния поражали вычурностью: широкие брюки-бриджи из оранжевого шелка, белый кушак, свободная алая мантия и шегольски сдвинутый на бок берет в черную и серую полоску.

Джерсен с нескрываемым любопытством проводил его взглядом. Ни разу еще он не встречался со Звездными Королями вот так, лицом к лицу, хотя неоднократно до него доносились слухи, будто по всем планетам инкогнито разбросаны сотни и сотни Звездных Королей. Раса эта представляла собой сплошную загадку с тех самых пор, как люди впервые посетили Лямбду-Грас.

Второй гость, видимо, только-только прибыл: худощавый мужчина средних лет неопределенной расовой принадлежности. На своем пути Джерсен не раз сталкивался с такими, как он, — этим сбродом, без имени, без профессии, кишел весь Край Света. Короткие взъерошенные светлые волосы и желтоватая, болезненного цвета кожа, да и вообще весь его вид говорили о какой-то глубоко запрятанной неуверенности. Он ел без види-

мого аппетита, то и дело поглядывая то на Джерсена, то на Звездного Короля, однако вскоре стало понятно, что внимание его приковано именно к Джерсену. Джерсен всячески старался игнорировать эти с каждой минутой делающиеся все более и более настойчивыми взгляды, менее всего ему хотелось оказаться вовлеченным в какие бы то ни было дела незнакомца.

Увы, его опасения сбылись. После обеда, когда Джерсен сидел и любовался вспышками молний над океаном, к нему, нервно мигая и гримасничая, подобрался тот самый второй гость.

— Насколько я понимаю, вы прибыли сюда из Бринктауна? — нарочито спокойным тоном, который не мог скрыть нервозности, произнес незнакомец.

Джерсен с детства привык скрывать свои истинные чувства под тщательно выверенным, иногда даже мрачноватым спокойствием, однако вопрос незнакомца, наложившись на его собственные тревоги и сомнения, слегка озадачил Джерсена. Он слегка помедлил и наконец утвердительно кивнул.

— Да, вы не ошиблись.

— Я думал встретить здесь кого-нибудь другого, но, впрочем, теперь это уже не имеет значения. Я понял, что не смогу выполнить взятые на себя обязательства. Ваша поездка сюда была напрасной. Вот и все.

Он немного отступил и осклабился жутковатой улыбкой, предназначенной, по-видимому, в ответ на ту реакцию, которая, по его мнению, должна была последовать со стороны Джерсена.

— Вы, очевидно, принимаете меня за кого-то другого, — вежливо улыбнулся Джерсен, слегка покачав головой.

Незнакомец с недоверием уставился на Джерсена.

— Но вы прибыли сюда из Бринктауна?

— И что с того?

Мужчина безнадежно махнул рукой.

— А, все равно. Я было подумал... что ж, теперь это уже не имеет никакого значения. — Помедлив немного, он добавил: — Я заметил ваш корабль. Модель 9Б. Вы ведь разведчик?

— Не спорю.

Лаконичность ответа ничуть не обескуражила незнакомца.

— И вы летите дальше? Или возвращаетесь?

— Дальше, — так же лаконично ответил Джерсен, но затем, решив, что не плохо бы разузнать побольше о роли, которую ему навязывали, продолжил: — И не могу сказать, чтобы мне особо сопутствовала удача.

Нервозность незнакомца словно рукой сняло. Плечи его опустились.

— Я сам занимаюсь тем же делом. Ну, а удача... — Он безнадежно вздохнул, и Джерсен уловил аромат самодельного виски, изготавливаемого Смэйдом. — В своих бедах я должен винить лишь себя самого.

Джерсен по-прежнему держался настороженно. Голос незнакомца звучал выразительно, произношение выдавало хорошо образованного человека, хотя, в принципе, само по себе это еще ничего не значило. Очень может быть, что он именно тот, за кого себя выдает: разведчик, ввязавшийся в Бринктауне в какие-то неприятности. Или наоборот: он и есть та самая неприятность, и последствия могут оказаться весьма плачевными. Конечно, Джерсен с большей охотой посвятил бы себя своим собственным проблемам, однако элементарная осторожность подсказывала ему, что разговор просто так прерывать не следует. Он глубоко вздохнул и, ощутив легкую жалость к себе, решился-таки на благородный, хоть и бессмысленный, поступок:

— Вы не присоединитесь ко мне?

— Благодарю вас. — Мужчина устроился напротив и с показной бравадой, словно избавляясь таким образом от всех своих беспокойств и треволнений, представился: — Меня зовут Тихолт, Луго Тихолт. Выпьете со мной? — Не дожидаясь ответа, он сделал знак рукой, подзывая к себе одну из молоденьких дочерей Смэйда, девочку лет девяти-десяти, в скромной белой блузке и длинной черной юбке. — Виски для меня, малышка, а джентльмену — на его усмотрение.

Казалось, то ли спиртное, то ли предвкушение близкой беседы придало дополнительных сил Тихолту: голос его стал тверже, взгляд прояснился, глаза заблестели.

— И сколько вы отсутствовали? — спросил он.

— Месяца четыре, может, пять, — ответил Джерсен, продолжая играть роль разведчика. — И все это время сплошные скалы, грязь да сера... Не знаю даже, стоило ли из-за этого так надрываться.

Тихолт улыбнулся и медленно кивнул.

— Но все равно это захватывает... Звезда, в сиянии которой купаются планеты. И опять ты спрашиваешь себя, может, вот сейчас все и свершится? А потом снова и снова — дым и аммиак, странные кристаллы, вихри окисей углерода и кислотные дожди. Но ты идешь дальше — вперед, вперед. Может, там, сектором дальше, все эти элементы образовали новую, высшую форму? Но опять тебя подстерегают те же самые ил, черные ловушки и метановые бури. И вдруг вот она! Совершенная красота...

Джерсен молча потягивал виски. По-видимому, Тихолт был истинным джентльменом, хорошо воспитанным и образованным, но, к несчастью, опустившимся в этом мире.

— Понятия не имею, где все-таки может скрываться эта самая удача, — продолжал тот, обращаясь в основном к самому себе. — Я уже ни в чем не могу быть уверен. Счастливая случайность на проверку оборачивается неудачей, а разочарование становится более желанным, нежели успех... Но все же я знаю, что к чему, и никогда в жизни не назову удачей полный провал, а уж разочарование никто не сможет перепутать с успехом. Только не я. Так что все одно — жизнь продолжается.

Джерсен начал потихоньку расслабляться. Такого рода непоследовательность, свидетельствующую лишь о незаурядном уме его собеседника, трудно было вообразить среди его врагов. Если только те не наняли сумасшедшего.

— Сомнения несут в себе больше страданий, нежели обыкновенное невежество, — осторожно вставил Джерсен.

Тихолт с уважением окинул его взглядом, так, будто слова Джерсена явились свидетельством высшей мудрости.

— Но вы же не считаете, что лучше человеку оставаться невеждой?

— Всякое бывает,— ответил Джерсен, стараясь вести разговор как можно более непринужденно.— Именно сомнения порождают нерешительность и, таким образом, заводят в тупик. Невежда же действует. А уж прав он или нет — по этому поводу у каждого человека есть свое собственное мнение. Согласия в этом вопросе не добиться никогда в жизни.

— Вы сторонник весьма популярной доктрины, так называемого этического прагматизма, который на деле оборачивается учением об эгоизме. Но все же я понимаю вас, когда вы ведете речь о сомнениях, ибо я довольно-таки нерешительный человек.— Он покачал головой, худое лицо его еще больше заострилось.— Я знаю, я встал на плохую дорожку, а что мне оставалось? У меня был горький опыт.— Он прикончил свое виски и наклонился вперед, пытаясь заглянуть Джерсену в глаза.— А вы куда более чувствительный, чем кажетесь с первого взгляда. Более проницательный. И точно моложе, чем выглядите.

— Я родился в 1490 году.

Тихолт как-то неопределенно махнул рукой и вновь изучающе посмотрел на Джерсена.

— Не знаю, поняли бы вы меня, если б я сказал, что мне довелось познать совершенную красоту.

— Может, и понял бы,— ответил Джерсен,— если бы вы выражались немного яснее.

Тихолт задумчиво прищурился.

— Попробую.— На какое-то мгновение он вновь замолчал.— Я уже говорил вам, я — разведчик. Не самое достойное занятие, приношу искренние извинения за эти слова, ибо так или иначе оно способствует лишь разрушению красоты. Бывает, что ей наносится самый незначительный вред. На это-то и надеются такие, как я. Это происходит в тех случаях, когда либо красоты слишком мало, либо ее просто-напросто невозможно истребить всю целиком.— Он махнул рукой в сторону океана.— Например, эта таверна не вредит никому и ничему. Наоборот, она подчеркивает красоту этой ужасной маленькой планетки.

Тихолт немного наклонился и нервно облизнул пересохшие губы.

— Вам знакомо имя Малагате? Аттель Малагате?

Уже во второй раз за время разговора Джерсену стало не по себе, хоть он и сохранил на своем лице прежнюю маску невозмутимости.

— Малагате-Беда, так, кажется? — выждав некоторое время, как бы невзначай спросил он.

— Точно. Малагате-Беда. Вы знакомы с ним?

С этими словами Луто Тихолт пристально уставился на Джерсена, будто даже намек на такую возможность вернул к жизни все его старые страхи и подозрения.

— Только по слухам, — произнес Джерсен, выдавив слабое подобие улыбки.

— Что бы вы там ни слышали, уверяю вас, это было не более, чем самая обыкновенная лесть, — с жаром проговорил Тихолт.

— Но вы же еще не знаете, что я слышал.

— Вряд ли вы могли слышать о нем что-либо плохое. Но, тем не менее, именно здесь-то и кроется поразительный парадокс... — Тихолт закрыл глаза. — Я провожу разведку для Аттеля Малагате. Настоящий владелец моего корабля — он. И я взял у него в долг деньги.

— Неприятная ситуация.

— А когда я понял, мне уже ничего не оставалось, кроме как... а что я мог сделать? — Тихолт взволнованно вскинул руки: то ли в нем действительно бушевали чувства, то ли виски Смэйда наконец начало действовать. — Я задавал себе этот вопрос бесчисленное количество раз. Это был не мой выбор. Да, у меня было свое судно, деньги, но получил-то я все не от какой-то мелкой фирмы, а от почтенного учреждения. Я был не простым разведчиком. Я был Луто Тихолтом, способным молодым человеком, назначенным на должность главного изыскателя учреждения или что-то в этом духе, — по крайней мере, так я себе говорил. Но меня выставили в разведку на каком-то 9Б, и после этого все мои сладкие грезы мигом рассеялись. На деле я всегда был Луто Тихолтом, самым что ни на есть заурядным разведчиком.

— А где ваш корабль? — спросил Джерсен, выказывая легкое любопытство. — Ведь на посадочном поле только мой да судно Звездного Короля.

— У меня достаточно причин для осторожности.— Тихолт украдкой оглянулся по сторонам.— Интересно, что бы вы сказали, если б узнали, что здесь я должен был встретиться с самим...

Он замолк, видимо, обдумывая дальнейшие слова, и некоторое время сидел молча, уставившись в пустой стакан. Джерсен сделал знак, и юная Араминта Смэйд принесла им еще по порции виски на светло-нефритовом подносе, который девочка сама расписала по краям алыми и голубыми цветами.

— Впрочем, это не важно,— внезапно заговорил Тихолт.— Я вам, наверное, уже порядком надоел своими проблемами...

— Что вы, совсем напротив,— абсолютно искренне заверил Джерсен.— Меня интересует все, что связано с Аттелем Малагате.

— Я вас понимаю,— кивнул Тихолт, помолчав еще немного.— Весьма своеобразная личность этот Малагате.

— И все же от кого вы получили свой корабль? — без обиняков спросил Джерсен.

Тихолт покачал головой.

— Этого я вам не скажу. А вдруг вас прислал сюда Малагате? Хотя, ради вашего же собственного спасения, надеюсь, что это не так.

— Но с чего мне работать на Малагате?

— Все обстоятельства нашей встречи говорят за это. Но только обстоятельства. Я-то знаю, вы не его человек. Он не мог послать сюда человека, которого я не знаю в лицо.

— Значит, у вас здесь назначена встреча?

— Да, вот только меня на ней не будет. Хотя... я и сам не знаю, что мне дальше делать.

— Возвращайтесь в Ойкумену.

— А Малагате? Он может все, стоит ему только захотеть.

— С чего вы взяли, что он вдруг вспомнит о вас? Таких, как вы, двадцать на дюжину.

— Я единственный в своем роде,— отмахнулся Тихолт.— Я разведчик, на долю которого выпал слишком драгоценный приз.

На Джерсена признание разведчика произвело большое впечатление, хоть он и старался не показать этого.

— Эта планета слишком красива, чтобы ее разрушить, — продолжал Тихолт. — Девственный мир, полный света, воздуха и красок. Отдать его Малагате, под его дворцы, аттракционы и казино, — все равно что бросить ребенка на растерзание солдатам с Саркоя. А может, и того хуже.

— И Малагате стало известно о нем?

— У меня есть дурная привычка: много пить и столько же болтать.

— Прямо как сейчас, — заметил Джерсен.

Тихолт улыбнулся своей нервной улыбочкой.

— В нашем разговоре нет ничего нового для Малагате. Моей главной ошибкой было то, что я начал болтать в Бринктауне.

— Расскажите поподробнее о найденном вами мире. Он обитает?

Тихолт снова улыбнулся, но не промолвил ни слова. Джерсен несколько не удивился. Тем временем разведчик подозвал Араминту и заказал порцию фрэйза, густого, кисло-сладкого ликера, который славился содержанием в нем слабого утонченного наркотика-галлюциногена. Джерсен от предложения выпить еще отказался.

Ночь уже полностью завладела планетой Смэйда. То и дело сверкали молнии, по крыше внезапно забарабанил сильный ливень.

Тихолт, немного успокоенный действием ликера и, возможно, уже видящий галлюцинации, уставясь в пламя камина, произнес:

— Вам никогда не найти мою планету. Я твердо решил: никто и никогда не коснется ее красот.

— А как же ваш контракт?

Тихолт пренебрежительно взмахнул рукой.

— Я выдам ее за обыкновенный выжженный мирок.

— Но на вашем мониторе вся информация уже зарегистрирована, — заметил Джерсен. — И теперь планета является собственностью вашего попечителя.

Наступило долгое молчание, Джерсен уже было подумал, что его собеседник заснул, когда Тихолт наконец заговорил:

— Мне страшно умирать. Иначе я уже давным-давно направил бы свой корабль прямо вместе с собой и этим монитором прямиком в какую-нибудь звезду.

Джерсен счел за лучшее промолчать.

— Понятия не имею, что мне теперь делать. — Голос Тихолта звучал уже без прежнего надрыва, алкоголь постепенно овладевал его мозгом, навевая приятные видения. — Это замечательная планета. О, как она прекрасна! Я даже подумал тогда, а не скрывается ли за этой красотой что-нибудь еще... Знаете, как бывает... Например, за красотой женщины часто кроются ее внутренние, более глубокие достоинства. Или недостатки... Как бы то ни было, тот мир прекрасен, для описания его не хватило бы никаких слов. Там горы омываются весенними ливнями, над многочисленными долинами, в небе темно-сапфирового оттенка, степенно плывут облака, нежные и яркие, словно снег. Воздух сладок на вкус и прохладен, он так свеж и прозрачен, что кажется, будто вот-вот все вокруг превратится в хрусталь. Есть там и цветы, но их не очень много. Как правило, они растут небольшими группами, так что когда натыкаешься на них, возникает ощущение, будто набрел на сокровище. Но зато там множество деревьев, среди них попадаются истинные великаны с побелевшей от времени корой. Перед ними открыта вечность.

Вы спрашивали, обитаем ли этот мир. Вынужден ответить «да», хотя создания, населяющие планету, более чем своеобразны. Я назвал их дриадами. Мне встретилось всего несколько сотен этих существ, и, должен сказать, они показались мне очень и очень древней расой. Столь же древней, как и окружающие их леса и горы. — Тихолт снова прикрыл глаза. — День в этом мире в два раза длиннее нашего: утренние часы длинные и наполнены ярким светом, дни спокойные, а ближе к вечеру все вокруг светится золотом, как мед. Дриады купаются в реке или гуляют в темных рощах... — Голос Тихолта становился все тише, казалось, он грезит наяву.

Джерсен попытался вывести его из этого полудремотного состояния.

— Дриады? — переспросил он.

Тихолт зашевелился и выпрямился.

— А чем плохо? В общем-то, они полурастения. Я их особо не изучал — не посмел. Почему? Не знаю. Там я пробыл недели две-три. И вот что я там увидел...

Тихолт посадил потрепанный старый корабль модели 9Б на лугу, сразу рядом с рекой, и стал дожидаться, пока анализатор выдаст результаты проверки окружающей среды, хотя планета подобного типа никак не могла оказаться враждебной — так, во всяком случае, считал Тихолт, ученый, поэт и праздный мечтатель в равной степени. Он не ошибся — в атмосфере никаких вредных микробов обнаружено не было, тест на наличие аллергенов показал негативную реакцию, а микроорганизмы, если и существовали в воздухе и почве планеты, быстро погибали от контакта с самыми обычными антибиотиками, которыми Тихолт напичкал себя по самое горло. Ничто не препятствовало высадке, и Тихолт не стал откладывать ее в долгий ящик.

Ступив на траву, Тихолт застыл в неописуемом восторге. Воздух был чист и прозрачен, словно хрусталь, такое случается только по весне при восходе солнца. Вокруг стояла неземная тишина, будто только-только смолкла очередная трель птицы.

Тихолт побрел вдоль долины. Остановившись, чтобы полюбоваться небольшой рощицей, он заметил дриад, кроющихся в тени деревьев. Двуногие, они обладали странным, почти человеческим телом, строение головы тоже было во многом сходно, хотя при ближайшем рассмотрении сразу становилось понятно, что сходство лишь поверхностное. Кожа их отливала всеми цветами радуги, она казалась то серебристой, то коричневой, то зеленоватой, вся в каких-то пятнах и блестках. На гладкой голове выделялись два пурпурно-салатных пятна, которые, судя по всему, служили им глазами. С плеч свешивались два отростка, напоминающих руки и разветвляющихся на концах, образуя сначала прутики, а потом и листья-пальцы темно- и бледно-зеленых, ярко-красных, бронзово-оранжевых и золотистых оттенков. Завидев Тихолта, дриады двинулись ему навстречу, выказывая типично человеческое любопытство, но, не дойдя метров пятнадцати, остановились, покачиваясь на

гибких конечностях и шурша своей отливающей на солнце листвой. Они изучали Тихолта, а он, в свою очередь, столь же внимательно наблюдал за ними. Странно, он совсем не боялся их, лишь думал про себя, что никогда в жизни не встречал столь поразительных созданий.

Все последующие дни были заполнены безмятежной идиллией и спокойствием. Планета обладала неким королевским величием, неземной чистотой, в ней крылось нечто трансцендентное, наполняющее Тихолта почти религиозным благоговением. Но вскоре он пришел к выводу, что или должен немедленно покинуть планету, или остаться здесь навечно, слившись с ней в единое целое. Факт этот поверг его в неизбывную печаль, так как он понимал, что никогда больше сюда не вернется.

Все это время, движимый естественным любопытством, он наблюдал за перемещениями дриад в долине, пытаясь разгадать их природу и обычаи. Разумны ли они? Увы, Тихолт так и не смог найти ответа. Они были мудры — факт не вызывал никакого сомнения, Тихолт лично мог убедиться в этом. Их обмен веществ поставил его в тупик, как и сама природа их жизненного цикла, хотя немного погодя ему все-таки удалось кое-что прояснить для себя. Насколько он понял, свою жизненную энергию они черпают из процесса, в чем-то сходного с фотосинтезом.

Как-то утром, когда Тихолт задумчиво наблюдал за небольшой группкой дриад, недвижно стоявших на болотистом лужке, откуда-то с неба свалилось крылатое, ястребоподобное существо и сильным ударом сбilo одну из дриад. Пока та падала, Тихолт успел заметить два белесых отростка, уходящих, подобно корням, в почву из гибких серых ног дриады. Но стоило ей только упасть, как отростки эти тут же втянулись назад. Хищная тварь, не обращая ровно никакого внимания на упавшую дриаду, вонзила когти во влажную почву и принялась яростно разгребать ее, пока не вытащила на поверхность гигантскую белую личинку. Тихолт наблюдал за происходящим со все возрастающим интересом. Должно быть, дриада нашла в земле эту личинку и с помощью своих хоботков мирно употребляла ее в пищу,

когда крылатый разбойник застигнул ее. Тихолт почувствовал зарождающиеся внутри него боль и разочарование. На поверку дриады оказались совсем не теми невинными созданиями, которых он было вообразил себе.

«Ястреб» выбрался из ямы и, хрипло заклекотав, улетел. Тихолт, движимый любопытством, подошел поближе и внимательно рассмотрел разодранную на части личинку. От нее мало что осталось: какие-то обрывки бледной плоти, желтоватая слизь да твердый черный кокон размером с два кулака. Пока он разглядывал останки, дриады медленно двинулись вперед, и Тихолт предпочел ретироваться. Остановившись в десятке метров, Тихолт заметил, что они постепенно сбились в плотную кучку вокруг останков червя, будто бы оплакивая погибшее существо. Немного погодя при помощи нижних конечностей они подняли черный кокон, и одна из дриад куда-то понесла его, высоко подняв в своих ветвях. Тихолт в некотором отдалении последовал за ними и вскоре, к своему изумлению, явился свидетелем тому, как неподалеку от рощицы стройных деревьев с белыми ветвями дриады похоронили кокон.

Впоследствии он немало удивлялся, почему ему не пришло на ум попытаться войти с дриадами в контакт. Пару раз такая мысль возникала у него в голове, но вскоре он забывал о ней — вероятно потому, что был здесь незванным гостем, существом грубым и малопривлекательным. Дриады же, в свою очередь, относились ко всем его действиям с некоторого рода вежливым безразличием.

Три дня минуло с тех пор, как дриады похоронили черный кокон, и Тихолт как-то раз случайно оказался у могилки, где, к своему неизбывному удивлению, обнаружил бледноватый росток, поднимающийся из того самого места, где был зарыт черный шар. На верхушке деревца уже появилась зеленая листва, жадно тянущаяся к солнцу. Тихолт отступил и повнимательнее рассмотрел могилку: неужели каждое такое дерево выросло из какого-то кокона, кроющегося в теле подземной личинки? Он окинул взглядом листву, ветви, кору и не обнаружил ничего такого, что могло бы указать на его происхождение.

Он обернулся к долине, взгляд его обратился к гигантам с темной листвой. Неужели эти две разновидности деревьев родственны по происхождению? Гордые великаны важно несли свои кроны, ветви начинались лишь на высоте шестидесяти, а порой и ста метров. Деревья же, выросшие из коконов, казались хилыми, листва их была по большей части нежно-зеленой, ветви гибкими, и стволы начинали ветвиться у самой земли. Но сходство бросалось в глаза: форма листвы и структура ее были практически одинаковыми. То же самое касалось и коры: мягкая, еще совсем нежная у молодых деревьев, с возрастом она становилась гораздо темнее и жестче. Тихолт не знал, что и думать.

Немного позже, в тот же самый день, он поднялся на одну из окружающих долину гор, где, за гребнем, обнаружил небольшую лошину посреди скалистых пиков. Внутри ее, меж заросших мхом валунов и приземистых папоротников, рыча, перекачивалась с порога на порог стремнина. Приблизившись к краю обрыва, Тихолт оказался на одном уровне с листвой гигантских деревьев, росших прямо рядом с кручей. В кроне он заметил небольшие зеленые мешочки, спрятанные в листве и изрядно смахивающие на плоды. Один из них, извернувшись и едва не свалившись вниз, Тихолт сорвал. Решив отнести его на корабль и там изучить, он спустился с гор и побрел вдоль лужка к своему судну.

На пути ему встретила группа дриад, которые, заметив своими пурпурно-зелеными глазами мешочек, немедленно напряглись и застыли. Тихолт с недоумением поглядел на них. Они медленно стали приближаться к нему, их яркие руки-веера дрожали, словно от волнения, и переливались всеми цветами радуги. Тихолт почувствовал себя виноватым: очевидно, сорвав мешочек, он чем-то обидел своих хозяев. Разбираться с дриадами он не стал, а поспешил скрыться в корабле, где и вскрыл свою находку. Оболочка плода оказалась довольно плотной и сухой, ближе к центру располагался черенок с семенами размером с небольшую горошину, но необычайно сложного строения. Тихолт внимательно изучил семена под микроскопом. Видом они очень напоминали небольших недоразвитых жучков или ос. При помощи

щипчиков и скальпеля он вскрыл одно из них — внутри обнаружились крылышки, грудная клетка и челюсти. Зародыш был каким-то насекомым.

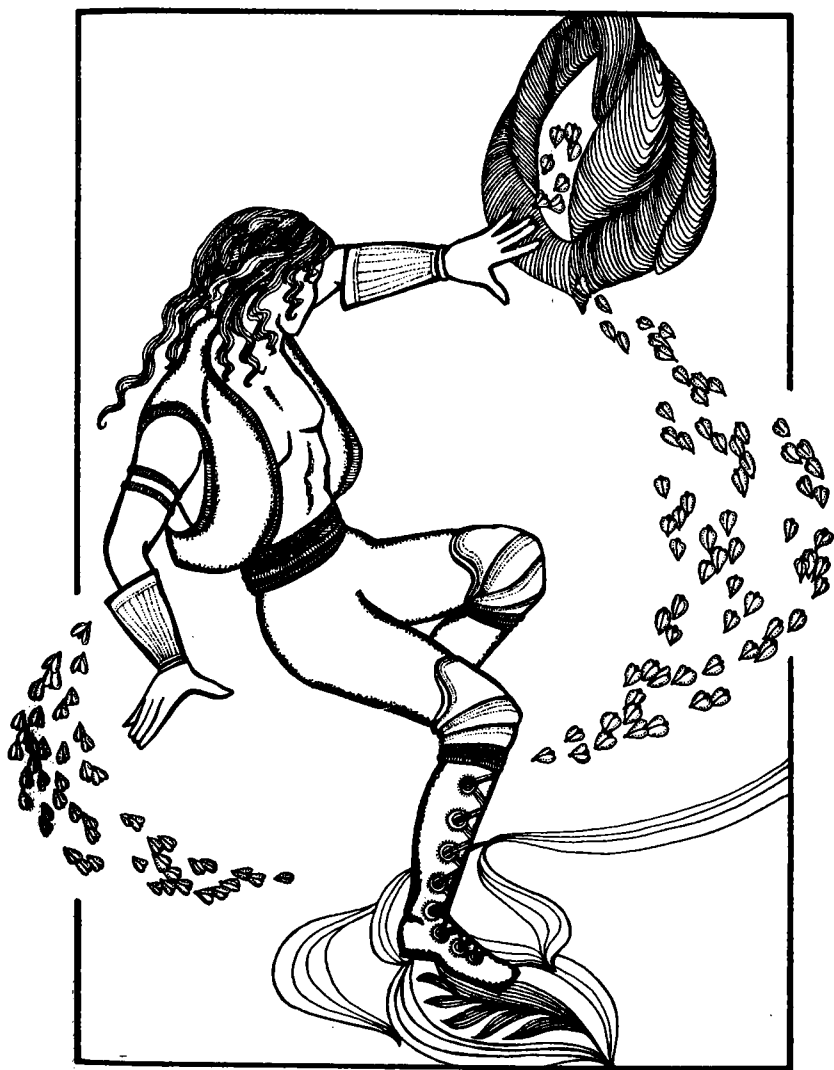
Долгое время у него не выходили из головы эти насекомые, растущие почему-то на деревьях, которые, в свою очередь, появляются из кокона, вынутого из тела личинки.

Закат раскрасил небо; в затаенных уголках долины замечались сумрачные тени. Наконец наступила тьма, и в ночи, словно огромные лампы, горели звезды.

Когда долгая ночь миновала, на рассвете, Тихолт вышел из корабля и тут же понял: близится час его отлета с планеты. Откуда взялась такая уверенность? Почему? Ответов он не находил, но словно какая-то неведомая сила подталкивала его, нашептывала: улетай! И в то же самое время он твердо знал, что не вернется сюда уже никогда. Он еще раз обвел взглядом жемчужное небо, плавные изгибы холмов, рощи и леса, нежную речушку, и глаза его увлажнились. Мир этот был слишком красив, чтобы его вот так просто покинуть, и в то же время планета была чрезмерно прекрасна, чтобы остаться. Внутри него что-то шевельнулось, странное смятение пробудилось где-то в самой глубине его существа. Ему хотелось броситься прочь от корабля, сорвать с себя одежду, уничтожить все оружие и бежать, слиться с этой красотой, утонуть в ней, чтобы она, в свою очередь, поглотила его... Но сегодня он должен будет улететь. «Если я пробуду здесь еще хоть чуть-чуть, — подумал Тихолт, — то и сам обрасту листьями, подобно этим дриадам».

Он побрел вверх по долине, то и дело оборачиваясь к восходящему солнцу, поднялся на гребень холма и устремил взгляд в сторону бесконечных вздымающихся холмов и долин, которые на востоке сливались в одну громадную гору. Повернувшись на запад, где-то вдалеке он увидел блеск волн, то же самое встретило его на юге. К северу простирались зеленые леса с затерявшимися среди них огромными серыми валунами, похожими на руины древнего города.

Вернувшись в долину, Тихолт медленно пошел под кронами деревьев-великанов. Взглянув вверх, он заме-

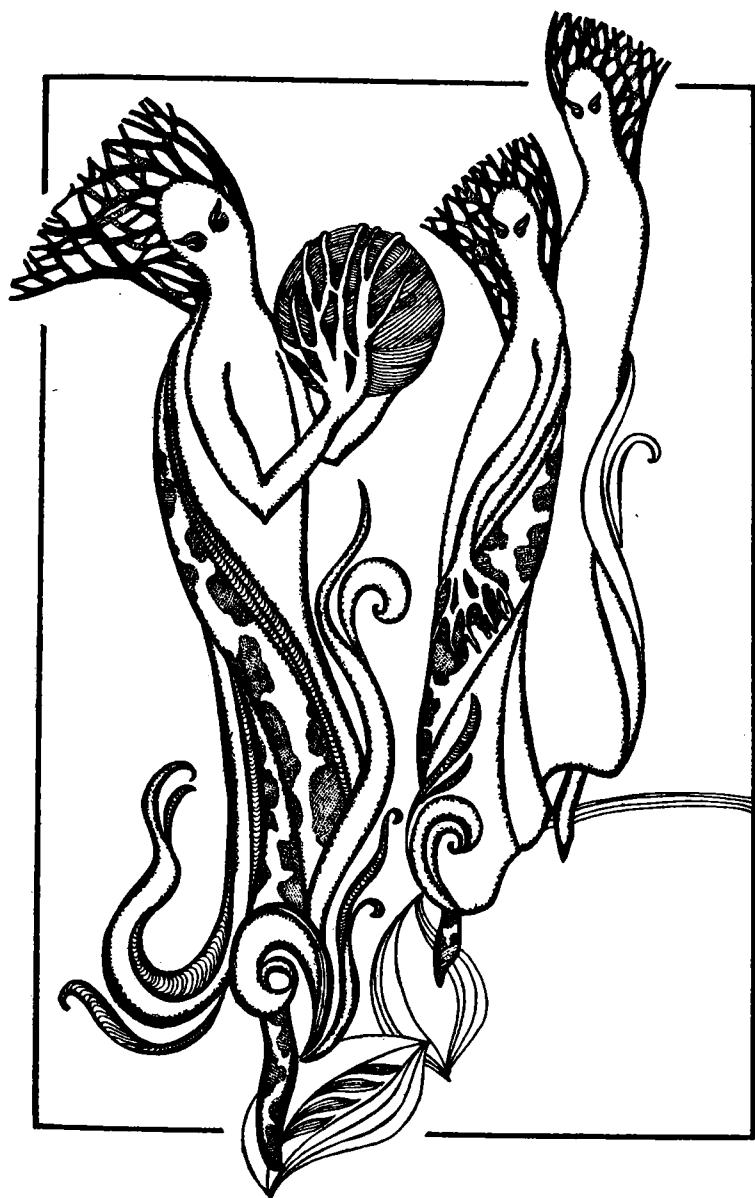
тил, что все плоды-кошельки уже раскрылись и теперь висят сморщенные и увядшие. Внезапно до его слуха донеслось какое-то странное жужжание. Твердый, тяжелый шарик ударил ему в щеку, и Тихолт почувствовал жгучую боль от укуса.

Машинально хлопнув себя по щеке и раздавив насекомое, похожее на осу, Тихолт вдруг заметил, что в кронах роятся целые тучи этих насекомых. Пospешно он вернулся к кораблю и переоделся в комбинезон из плотной ткани, а на голову накинуд прозрачную сетку. В нем закипала необъяснимая злоба. Нападение осы омрачило последний день его пребывания в долине, по сути, сегодня ему впервые причинили боль в этом божественном месте. В каждом раю, горько размышлял он, существует свой собственный змей, и напрасно он ожидал, что на этот раз будет все иначе. С этими мыслями он кинул себе в карман баллончик сжиженного репеллента, так, на всякий случай, ведь на местных насекомых полурастительного происхождения он мог и не подействовать.

Покинув корабль, он двинулся назад, боль, оставшаяся после укуса псевдоосы, до сих пор огнем жгла щеку. Уже почти достигнув деревьев, Тихолт стал свидетелем весьма странного зрелища: небольшую группку дриад окружил огромный жужжащий рой насекомых. Тихолт подобрался поближе: дриады подверглись нападению, но почему-то совсем не защищались. В то время как осы пикировали на их серебристую кожу, дриады лишь хлопали своими ветвями, взмахивали ногами и терлись друг о друга, стараясь избавиться от жалящих ударов.

Тихолт еще приблизился, уже по-настоящему разъяренный. Одна из дриад неподалеку от него, казалось, совсем ослабела, несколько ос сверлами вгрызались в ее кожу, втягивая в себя сукровицу. Внезапно весь рой стремительно обрушился на несчастную жертву. Дриада содрогнулась и повалилась на землю, тогда как остальные спокойно развернулись и пошли прочь с места происшествия.

Охваченный негодованием, Тихолт подбежал к упавшему существу и направил густую струю репеллента

прямо в центр роя насекомых. Эффект был поразительным: осы мигом превращались в белые сморщенные комочки и опадали на землю. Спустя несколько секунд вся трава вокруг была усеяна белесыми трупиками насекомых. Но дриаду это уже не спасло, она была мертва, разъяренные осы превратили ее тело в кровоточащее месиво. Остальные дриады, бежавшие с поля боя, теперь возвращались, всем своим видом, как показалось Тихолту, выражая боль и даже ярость. Ветви их дрожали и метались над головами, вспыхивая в ярком свете солнца, — дриады, всячески выказывая очевидную враждебность, наступали на разведчика. Тихолт поспешно развернулся и опрометью кинулся к кораблю.

Вооружившись биноклем, Тихолт продолжил наблюдение за дриадами. Они обступили тело мертвого товарища и, казалось, пребывали в растерянности, будто не знали, что делать. У Тихолта даже сложилось впечатление, что по погибшим насекомым они скорбят ничуть не меньше, нежели по самой дриаде.

Вскоре они настолько плотно сбились вокруг тела, что стало невозможно разглядеть, чем они там занимаются. Но спустя несколько минут круг разомкнулся, и Тихолт увидел, что руками-ветвями они поддерживают на весу какой-то темный блестящий кокон. С шаром в руках они прошествовали через долину и скрылись в роще деревьев-великанов.

ГЛАВА 2

Я изучил жизненные формы более чем двух тысяч планет, где мною было отмечено множество случаев так называемой конвергентной эволюции. Однако примеров дивергенции было значительно больше.

Анспик, барон Бодиссей. «Жизнь», том 2.

Прежде всего мы должны точно определиться в том, что именно подразумевается под широкоиспользуемым термином «конвергентная эволюция». Ни в коем случае не следует смешивать статистическую вероятность с некоторой трансцендентной, абсолютно непреодолимой силой. Возьмем, к примеру, группу, составленную из всевозможных объектов, число которых будет, само собой разумеется, неизмеримо

велико, по сути дела, бесконечное множество, если только мы не введем верхний и нижний критерии массы и некоторые другие параметры, касающиеся особых физических свойств. Поступив так и задав все необходимые характеристики, мы обнаружим, что лишь бесконечно малая часть всей взятой нами группы может называться жизненными формами... Еще даже не начав нашего исследования, мы уже провели весьма строгий отбор объектов, которые, по определению, обозначают основные сходства и подобия.

Остановимся на этом подробнее. Существует некое ограниченное количество способов передвижения. Если мы обнаруживаем четвероногое существо на планете А и подобное ему четвероногое на планете Б, наличествует ли в данном случае явление конвергентной эволюции? Нет. На данном примере показана самая обыкновенная эволюция, простой факт, не более того, что четвероногое существо способно стоять, не опрокидываясь, и передвигаться, никогда не спотыкаясь. Таким образом, по моему мнению, выражение «конвергентная эволюция» есть не более чем тавтология.

Анспик, барон Бодиссей. Там же.

Что за город, этот Бринктаун! Некогда перевалочный пункт всей Вселенной, последний пост, врата в бесконечность — все это теперь превратилось в заурядный городишко в центре северо-западного района Края Света. Только вот «заурядный» ли? Справедливо ли данное утверждение? Конечно же, нет! Чтобы поверить, что существует что-либо подобное Бринктауну, необходимо своими глазами обозреть все великолепие этого города, и даже тогда факт его существования еще долгое время будет казаться вам невероятным.

Дома в этом городе расположены на большом удалении друг от друга, вдоль тенистых проспектов. Подобно сторожевым башням возносятся они над пальмами, кипарисами и прочими экзотическими деревьями. И жалок тот дом, который не виден из-за вершин деревьев! Первый этаж служит обыкновенной прихожей, местом, где должно сменить одежду, ибо местные обычаи предписывают носить дома бумажные накидки и такие же шлепанцы.

А выше — вот где настоящий взлет архитектурных амбиций! Какие башни и шпили, колокольни и купола! Какое изысканное великолепие, что за изумительная резьба, какое вычурное, изобретательное, смехотворно-нелепое, прекрасное исполнение — к месту и не к месту! А какие невероятные материалы! Где еще можно встретить балюстрады из панцирей черепах, украшенные позолоченными рыбьими головами? Где еще с водосточных труб свисают подвешенные за волосы, вырезанные из слоновой кости нимфы, с лицами, исполненными молитвенного экстаза? Где уровень благосостояния человека измеряется пышностью надгробного памятника, который он еще при жизни заказал и установил перед фасадом своего дома, да еще украсил всяческими хвалебными эпитафиями? И где еще, как не в Бринктауне, успех означает сомнительную репутацию?

И, естественно, далеко не всякий житель этого города осмелится показаться в обжитой части Галактики, ибо должностные лица здесь —

убийцы; полицейские власти — сплошь поджигатели, вымогатели и насильники; старейшины городского совета — владельцы известных борделей. Однако, несмотря на все это, гражданское судопроизводство здесь блюдется и отправляется с точностью и торжественностью, достойными сессий Верховного Суда Бругстоуна или коронации в лондонском Тауэре.

Тюрьма в Бринктауне представляет собой, пожалуй, самую оригинальную из когда-либо возводимых городскими властями сооружений такого рода. Позвольте себе напомнить вам: Бринктаун расположен на поверхности небольшого плато вулканического происхождения, и за стенами города сплошной стеной стоят непроходимые джунгли с трясинами и болотами, поросшими колючками и ползучей травой, острой, словно скальпель. Из города в джунгли ведет одна-единственная дорога, так что заключенных всего-навсего изгоняют из города. Желаящие могут бежать куда вздумается — в их распоряжение предоставлен целый материк. Но ни один из них не осмеливается отойти от ворот более, чем на пару миль, поэтому, если вдруг кто-либо понадобится, охранники просто открывают створку ворот и выкрикивают его имя.

Отрывок из статьи Стриденко «Расплата за грех». Журнал «Космополис», 1404 год, май.

Некоторое время Тихолт сидел, молча глядя на огонь. Джерсен, глубоко тронутый его рассказом, ждал, когда тот продолжит свою историю.

Наконец Тихолт снова заговорил:

— Вот так я покинул этот мир. Я больше не мог оставаться там. Чтобы жить на этой планете, необходимо позабыть о себе самом, всецело отдавшись красоте, раствориться в ней, иначе ты должен будешь подчинить ее, разбить на кусочки, сделать из нее игрушку для собственных вождельний. Ни на то, ни на другое я был не способен, поэтому никогда мне не вернуться назад... Но память об этой красоте будет постоянно преследовать меня.

— Несмотря на всех этих ос?

— Да, — угрюмо кивнул Тихолт. — Я зря вмешался. На планете установился определенный жизненный ритм, равновесие которого я грубо нарушил. Я много дней думал над этим, но так до конца ничего и не понял. Осы рождаются из семян плодов, черви дают собой начало одному из видов деревьев — вот и все, что мне известно. У меня создалось впечатление, что дриады производят семена для деревьев-гигантов. Все жизненные процессы

замыкаются в один большой круг или делятся на несколько циклов перевоплощений, которые, в конце концов, все равно завершаются все теми же гигантскими деревьями.

Похоже, дриады питаются червями, осы же пожирают дриад. А откуда тогда берутся черви? Или их первая ступень перевоплощений — осы? Так называемые летающие личинки? А может, со временем черви превращаются в дриад? Я чувствую, так оно и есть, но до конца не уверен. Если дело обстоит именно так, как я описал, то жизнь на этой планете прекрасна настолько, что я не могу найти слов для выражения своего восхищения. Она есть одно целое, предписанное и нерушимое, существующее с самой зари времен, подобно морским приливам или вращению Галактики. И стоит этому заведенному порядку нарушиться, стоит только выпасть одному-единственному звену, как рушится весь процесс. Это тягчайшее преступление в мире.

— Таким образом, вы не хотите открывать местоположение планеты своему спонсору, ибо думаете, что он не кто иной, как Малагате-Беда?

— Я абсолютно уверен, моим хозяином является сам Малагате,— твердо произнес Тихолт.

— Но откуда вы знаете?

Тихолт недоверчиво взглянул на Джерсена.

— А вас этот человек явно интересует.

Джерсен, сам удивленный столь несвойственной ему откровенностью, пожал плечами.

— Множество слухов бродит по свету.

— Верно. Но я вовсе не собираюсь ни подтверждать, ни опровергать таковые. И знаете почему?

— Нет.

— Мое мнение о вас переменилось. Теперь я подозреваю, что вы просто один из ласок Корпорации.

— Если уж на то пошло,— улыбнулся Джерсен,— вряд ли бы я в этом признался. Здесь, на Краю Света, МПКК не пользуется особой популярностью.

— Меня это мало волнует,— ответил Тихолт.— Мне остается лишь надеяться на лучшие деньки, когда я вернусь домой, если вообще вернусь. И мне совсем

неохота навлекать на себя ярость Малагате, выдавая его агенту Корпорации.

— Вы и так наговорили достаточно, — сказал Джерсен, — так что, будь я лаской, вы бы уже здесь не сидели. Вам, надеюсь, известно о сыворотке правды и гипнотических лучах?

— Да, но я умею успешно противостоять их действию. Да и неважно все это. Вы спросили, откуда я знаю, что мой хозяин именно Малагате? Особой тайны здесь нет. Всему причиной опять-таки моя чрезмерная болтливость, когда я напиваюсь. Дело было в Бринктауне. В таверне Син-Сана я, как всегда, напился, после чего принялся каяться — точь-в-точь, как сегодня перед вами, — перед дюжиной таких же пьяниц, как я. Рассказ мой, судя по всему, им понравился, так что слушали они не отрываясь. — Тихолт горько усмехнулся. — Спустя некоторое время меня позвали к телефону. Звонивший представился Хильдемаром Даски. Вам приходилось слышать это имя?

— Нет.

— Странно, — задумчиво произнес Тихолт. — Вас так интересует Аттель Малагате, что я было подумал... Ну, да ладно. В общем, этот Даски велел мне явиться в таверну Смэйда. Он сказал, что здесь я должен буду встретиться с Малагате.

— Что?! — воскликнул Джерсен, уже не в состоянии контролировать свой голос. — Здесь?!

— Вот именно, в этой самой таверне Смэйда. Я спросил, при чем тут я, ничто меня с Малагате не связывает, да и не стремлюсь я вовсе завязать с ним знакомство. Но Даски доказал мне обратное. И вот я здесь. К смельчакам я не отношусь. — Он беспомощно махнул рукой и, подняв пустой стакан, мрачно заглянул внутрь. — Даже не знаю, что и делать. Если остаться здесь, на Краю... — Тихолт пожал плечами.

Джерсен на мгновение задумался.

— Уничтожьте свой монитор.

Тихолт печально покачал головой.

— Только благодаря ему я еще жив. Разумеется, лучше б мне было... — Он резко оборвал себя. — Вы ничего не слышали?

Джерсен резко обернулся в кресле. Факт, что он нервничает, можно было уже не скрывать, во всяком случае, от себя самого.

— Дождь. Гром.

— Мне было показался шум ракетных двигателей. — Тихолт поднялся со своего кресла и выглянул в окно. — О, кто-то прилетел.

Джерсен тоже подошел к окну.

— Не видно ни зги.

— На посадочное поле опустился еще один корабль, — сказал Тихолт и, подумав немного, добавил: — Раньше там было всего два корабля — ваш и Звездного Короля.

— А где же ваш?

— Я посадил его в долине к северу отсюда. Не хотелось, чтобы кто-нибудь вдруг решил покопаться в памяти моего монитора. — Он снова прислушался, а затем, пристально взглядевшись в глаза Джерсена, вдруг сказал: — Вы не разведчик.

— Да.

Тихолт кивнул.

— Большинство из них всякий сброд. Но вы и не из МПКК.

— Пусть я буду для вас простым изыскателем.

— Вы поможете мне?

Правила, вбитые долгими тренировками, боролись внутри Джерсена с его эмоциями.

— В определенных пределах — да. Но не более, — не слишком вежливо ответил Джерсен.

— И каковы эти пределы? — слабо улыбнулся Тихолт.

— У меня есть одно очень срочное дело. Я не могу себе позволить вмешиваться во что бы то ни было.

Тихолта, казалось, совсем не удивил его ответ — от совершенно незнакомого человека трудно было ожидать большего.

— Странно... — вновь произнес он. — Странно, что вы не слышали о Хильдемаре Даски, его еще называют Красавчик Даски. Ничего, скоро познакомитесь. Он вот-вот будет здесь. Вы хотите знать, с чего это я взял? Страх — страх мне подсказывает.

— Пока вы в таверне, вам ничего не угрожает, — коротко ответил Джерсен. — Не забывайте, у Смэйда свои правила.

Тихолт вежливо кивнул, признавая свою вину в том, что невольно отвлек Джерсена от его планов. Минула долгая минута. Из своего угла показался Звездный Король, его яркие одеяния переливались в свете камина. С величавой медлительностью, не оглядываясь по сторонам, он прошел через зал и стал подниматься по лестнице.

Тихолт проводил его взглядом.

— Вот впечатляющее создание... Насколько я знаю, только самым красивым из них разрешается покидать родную планету.

— Ходят такие слухи.

Тихолт вновь уставился на огонь. Джерсен хотел было заговорить, но тут же одернул себя: Тихолт его раздражал, и причина была одна — Тихолт пробудил в нем сочувствие, Тихолт влез ему в печенку, повесил на него новые заботы. Внезапно Джерсен почувствовал недовольство собой, просто недовольство, без всякой разумной причины. На первом месте, вне всяких сомнений, должны стоять его собственные дела, он не мог позволить, чтобы его втянули в какие-то разборки. Но если какие-то эмоции и сентименты так легко овладели им, что же будет дальше?

Недовольство становилось невыносимым. Но между ним и миром, который описал Тихолт, явно существовала некая незримая связь — чувство потери и тоски, будто чего-то не хватало... Джерсен сердито взмахнул рукой, словно отгоняя от себя надоедливые сомнения и вопросы. В будущем они лишь помешают ему.

Прошло пять минут. Тихолт сунул руку в карман своей куртки и вытащил какой-то конверт.

— Вот, здесь фотографии, посмотрите как-нибудь на досуге.

Джерсен, не говоря ни слова, взял протянутый ему конверт.

Дверь таверны распахнулась. В проеме возникли три темных силуэта.

— Или входите, или закройте дверь! — заорал из-за стойки Смэйд. — Вы что, думаете, я всю эту чертову планету отапливаю?

В зал вошло самое странное из всех человекоподобных созданий, что когда-либо доводилось видеть Джерсену.

— Ну вот, — невесело усмехнувшись, пробормотал Тихолт, — вот вы и познакомились с Красавчиком Даски.

Ростом Даски был примерно метр восемьдесят. Туловище его от колен до плеч представляло собой ровный цилиндр. Длинные руки, тонкие, словно хворостинки, постепенно переходили в плотные запястья и заканчивались огромными жилистыми кистями. Вытянутой формы голова являла собой еще один абсолютно правильный цилиндр, водруженный на плечи и увенчанный наверху копной пламенно-рыжих волос, а внизу заканчивающийся подбородком, упирающимся чуть ли не в ключицы. Лицо и шею покрывала ярко-красная краска, лишь щеки выдавались темно-синими полушариями, напоминая своим видом пару заплесневелых апельсин. Когда-то, давным-давно, нос его расщепили на два хрящеватых выступа, а веки вырезали, так что теперь, чтобы увлажнять роговицу глаз, он прицепил к своему лицу две трубочки, подсоединенные к флакончику с какой-то жидкостью, через которые несколько раз в минуту ему в глаза впрыскивалась влага. Кроме того, на его бровях крепилась пара специальных заслонок, сейчас поднятых, а вообще предназначенных для защиты зрачков от яркого света. С заслонок взирала пара нарисованных глаз, белых с голубым, очень похожих на глаза самого Даски.

Двое мужчин за его спиной, напротив, оказались самыми обычными людьми — оба загорелые, крепкие, на вид достаточно поднаторевшие в своем деле, с быстрыми и умными глазами.

Даски довольно бесцеремонно махнул Смэиду, бесстрастно наблюдающему за вновь прибывшими, облокотившись о стойку бара.

- Три комнаты, хозяин! И обед!
- Ладно.
- Меня зовут Хильдемар Даски.

— Хорошо, мистер Даски.

Даски развернулся и направился к столику, где сидели Тихолт и Джерсен. Глаза его перебегали с одного на другого.

— Что ж, поскольку все мы здесь путники, постояльцы мистера Смэйда, позвольте мне представиться, — вежливо, насколько мог, сказал Красавчик. — Меня зовут Хильдемар Даски. Могу я узнать ваши имена?

— Кирт Джерсен.

— Килен Таннас.

Губы Даски, бледного пурпурно-сероватого цвета, раздвинулись в подобии улыбки.

— Знаете, вы ужасно похожи на некоего Луго Тихолта, с которым я должен здесь встретиться.

— Можете думать, как вам угодно, — пронзительно взвизгнул Тихолт. — Я вам уже представился.

— Жаль, жаль, понимаете, у меня очень важное дело к Луго Тихолту.

— Так что же вы хотите от меня?

— Дело ваше. Просто мне подумалось, что дело это, связанное с Луго Тихолтом, может заинтересовать и Килену Таннаса. Простите, можно вас на минутку, личный разговор, знаете ли?

— Меня это не касается. Мой друг может подтвердить мои слова. Повторяю, меня зовут Килен Таннас.

— Ваш кто, простите? Друг? — Даски наконец обратил внимание на Джерсена. — И вы что, действительно хорошо знаете этого человека?

— Ничуть не хуже любого другого.

— Что, его и в самом деле зовут Килен Таннас?

— Раз он счел необходимым назвать вам свое имя, полагаю, так оно и есть.

Не проронив ни слова, Даски вернулся к своим людям. Они устроились за одним из столиков в углу зала, где их уже ждал готовый обед.

— Он знает меня в лицо, — глухо прошептал Тихолт.

Джерсен снова почувствовал, как где-то внутри заворочалось раздражение. Какого дьявола этот Тихолт ни с того, ни с сего взваливает на совершенно незнакомого человека свои проблемы? Тем более, что его личность довольно хорошо известна.

— Я начал дергаться, и он уже думает, что я попался,— объяснил Тихолт еле слышным голосом.— Он любит издеваться над своими жертвами, это его забавляет.

— А Малагате? Мне казалось, вы приехали повидаться с ним самим.

— Лучше я вернусь на Альфанор и встречусь с ним там. Я верну ему все деньги, что когда-то взял, но планеты ему не видать.

В другом конце зала Даски и его спутникам подавали очередную смену блюд с кухни Смэйда. Джерсен некоторое время внимательно следил за ними.

— Такое впечатление, что им ни до чего нет дела.

— Думают, что я хочу иметь дело только с Малагате, потому и отказался разговаривать с ними... — фыркнул Тихолт.— Попытаюсь удрать. Даски не знает, что мой корабль стоит прямо за холмом. Скорей всего, он подумал, что я прилетел на вашем корабле.

— А кто эти двое?

— Наемные убийцы. Они хорошо меня знают, еще по таверне в Бринктауне. Один Тристано, землянин. Он убивает, лишь прикоснувшись к своей жертве. Второй же с Саркоя. Он может сотворить смертельный яд из одного песка и воды. Эти трое настоящие сумасшедшие, но нет никого хуже Даски. Нет такой пытки, о которой бы он не слышал.

В это мгновение Даски взглянул на свои часы. Вытерев рот тыльной стороной ладони, он поднялся, прошел через комнату и склонился над Тихолтом.

— Аттель Малагате ждет тебя там, снаружи,— хрипло шепнул он.— Он хочет побеседовать с тобой кой о чем.

Сказав это, Даски заковылял обратно к своему столу. Тихолт с отвалившейся челюстью проводил его взглядом.

Немного придя в себя, Тихолт потер лицо дрожащими пальцами и повернулся к Джерсену.

— На улице темно, я еще могу попробовать улизнуть от них. Вы не могли бы, когда я выскочу за дверь, на некоторое время задержать эту троицу?

— И как, по вашему, я это сделаю? — язвительно поинтересовался Джерсен.

Тихолт немного помолчал.

— Не знаю, — наконец ответил он.

— Вот и я тоже, хоть и хочу вам помочь.

Тихолт печально кивнул.

— Что ж, тогда ладно. Буду справляться своими силами. Прощайте, мистер Джерсен.

Он поднялся и направился к бару. Даски покосился на него, но не сделал ни единого движения. Зайдя за выступающую вперед стойку, откуда Даски не мог его видеть, Тихолт помедлил пару секунд, а потом быстро метнулся на кухню, к задней двери. Смэйд удивленно поглядел ему вслед и вновь занялся своим делом.

Даски и двое убийц, как ни в чем не бывало, продолжали поглощать свой обед.

Джерсен украдкой следил за каждым их движением. Почему они так равнодушны с виду? Уловка Тихолта не обманула бы даже младенца. По коже у Джерсена забегали мурашки, он забарабанил пальцами по столу. Несмотря на ранее принятое решение ни во что не вмешиваться, он встал и пошел к двери. Дошатые створки распахнулись, он ступил на веранду.

В ночном небе горели яркие огоньки звезд. Ветер, на удивление, стих, но со стороны океана, бушующего и стонущего во тьме, доносился свирепый гул прибоя... Из-за таверны раздался короткий резкий вскрик, переходящий в хрип. Джерсен, забыв обо всем, бросился туда, но тут же почувствовал, что очутился в стальном захвате — одну руку резко заломили за спину, на горле сомкнулись чьи-то пальцы. Джерсен, освобождаясь от хватки, мягко осел на землю. Все его сомнения разом исчезли, он вновь стал цельным человеком. Кувырнувшись вперед и быстро вскочив на ноги, он немного присел, подавшись в сторону противника. Перед ним, добродушно улыбаясь, стоял Тристано-Землянин.

— Поосторожнее, друг мой, — произнес тот с резким акцентом, сразу выдающим в нем уроженца Земли. — Только посмей тронуть меня пальцем — Смэйд мигом выбросит тебя в море.

Из дверей таверны показался Даски, за ним следовал саркоец. Тристано присоединился к ним, и все трое направились к посадочному полю. Джерсен остался на

веранде, тяжело переводя дыхание и поеживаясь от скопившегося внутри напряжения.

Десять минут спустя в небо поднялись два звездолета: первый — массивный и приземистый, весь в броне, оштетинившийся многочисленными орудиями на корме и в хвостовой части; второй — потрепанный старый разведчик модели 9Б.

Джерсен застыл на месте от изумления. Вторым был его собственный корабль!

Суда исчезли, небо вновь опустело. Джерсен вернулся в таверну и уселся перед камином. Он нащупал в кармане конверт, оставленный ему Луго Тихолтом, вытащил, вскрыл и извлек оттуда три фотографии. Почти час он внимательно изучал их.

Огонь почти потух, Смэйд отправился спать, оставив за стойкой бара одного из своих сыновей. По крыше вновь заколотил ночной ливень. Засверкали молнии, зарокотал океан.

Джерсен долго сидел, погруженный в глубокую задумчивость, потом достал из кармана куртки листок бумаги, на котором было написано пять имен:

Аттель Малагате (Малагате-Беда)

Говард Алан Трисонг

Виоль Фалюш

Кокур Хеккус (Машина Смерти)

Ленс Ларк

Из того же кармана он вынул карандаш, но тут же подумал, что если то и дело пополнять свой список новыми именами, то конца этому не будет. Да и вообще список был ему совсем не нужен, Джерсен знал эти пять имен, как свое собственное. Но все же, пойдя с собой на компромисс, справа и чуть ниже последнего имени дописал шестое: *Хильдемар Даски*. Затем снова внимательно всмотрелся в список, словно два абсолютно разных человека смотрели откуда-то изнутри на написанные карандашом имена, и один человек, такой живой и горячий, частенько изумлял второго, беспристрастного наблюдателя.

В камине догорали уголья, кусочки торфа светились пурпуром, рев прибоя заметно стих, волны уже не так часто накатывались на берег. Джерсен поднялся из-за

столика и по каменной лестнице поднялся в свою комнату.

За свою жизнь Джерсену пришлось сменить немало мест, и ему было не привыкать к новому ночлегу, но в эту ночь сон не шел к нему, и он долго лежал, вглядываясь в темноту. Перед мысленным взором стремительно проносились картины его жизни, начиная с самого раннего детства. Сначала перед ним возник пейзаж далекой планеты — насколько он помнил, планеты удивительно красивой и светлой. Рыжевато-коричневые горы, деревенька в бледно-пастельных тонах, раскинувшаяся вдоль берегов широкой реки с прозрачной рыжей водой.

Но, как всегда, эту картинку сменила другая, более четкая и живая: тот же пейзаж, землю усеивают изрубленные, кровоточащие тела, и вереница мужчин, женщин и детей поднимается в грузовые отсеки пяти высоких космических кораблей. А вокруг стоят странные люди в мрачных костюмах, сжимающие в руках оружие. Маленький Кирт Джерсен, вместе со своим старым дедом спрятавшийся от работорговцев за остовом старой баржи на другом берегу реки, с ужасом наблюдает за всем происходящим.

Когда корабли улетели, старик и мальчик поплыли через реку навстречу мертвой тишине деревни. Тогда-то его дед и обратился к нему со следующими словами:

— У твоего отца было много планов относительно твоего будущего. Учеба, затем работа на благо людей и жизнь в радости и мире. Помнишь его слова?

— Да, дедушка.

— Ты получишь образование. Ты научишься терпению и находчивости, овладеешь искусством рук и гибкостью ума. И работа на благо людей у тебя тоже будет — ты будешь уничтожать злых людей по всей Вселенной. Что может принести большую пользу? Это Край Света, вскоре ты поймешь, что всю работу тебе не переделать, так что не жди мирной жизни. Но вместе с тем я обещаю тебе радость и удовольствие, ибо научу тебя жаждать крови злодеев сильнее, нежели женской любви.

Старик сдержал свое слово. Спустя некоторое время они отправились на Землю — кладезь всевозможных знаний.

Юный Кирт многому научился. Странные преподаватели сменяли друг друга, делясь с ним разнообразными знаниями. В четырнадцать лет он убил свою первую жертву, грабителя, который неудачно для себя напал на них с дедом в одном из переулочков Амстердама. Пока дед его стоял рядом, подобно старому лису, обучающему своего потомка премудростям охотничьего ремесла, Кирт, пытая от напряжения, сначала сломал обалдевшему грабителю лодыжку, а потом и шею.

С Земли они перебрались на Альфанор, планету, являющуюся административным центром Скопления Ригеля, где Кирт Джерсен начал учиться более традиционным наукам. Когда ему исполнилось девятнадцать, дед его умер, завещав ему довольно внушительную сумму денег и письмо, которое гласило:

Мой дорогой Кирт!

Я редко признавался в своей привязанности к тебе или говорил о том, насколько ты мне дорог. Сейчас пользуюсь случаем, чтобы сказать все, о чем раньше умалчивал. Ты стал значить для меня даже больше, чем мой родной сын. Не скажу, однако, будто сожалею, что направил тебя на сей путь, которым ты должен будешь следовать всю свою оставшуюся жизнь и который лишит тебя многих обычных удовольствий и удобств. Не был ли я слишком самоуверен, чтобы так вольно распоряжаться твоей жизнью? Думаю, нет. Вот уже несколько лет ты предоставлен самому себе и пока не проявил никакого желания заняться чем-нибудь другим. Как бы то ни было, трудно придумать для мужчины более полезное нашему обществу занятие, чем то, что я выбрал для тебя. Законы Человечества ограничены размерами Ойкумены. Несмотря на это, Добро и Зло универсальны по своей сути, и, к сожалению, на Краю Света у Добра куда меньше шансов восторжествовать над Злом, нежели наоборот.

На деле понятие торжества включает в себя две составляющие: во-первых, Зло должно быть искоренено полностью, а во-вторых, именно Добро непременно должно заполнить возникшую брешь. Но невозможно, чтобы один человек с успехом осуществлял обе этих функции. Добро и Зло, несмотря на широко распространенное заблуждение, не есть нечто противоположное, не есть

зеркальное отражение друг друга, и отсутствие одного вовсе не означает присутствие другого. В твою задачу, чтобы избавиться от лишней путаницы, входит только уничтожение носителей Зла.

Кто есть носитель Зла? Злой человек тот, кто подчиняет других своим целям в корыстных интересах, кто уничтожает прекрасное, кто причиняет боль и губит жизнь. Но никогда не следует забывать, что убийство носителя Зла вовсе не эквивалентно уничтожению Зла как такового, ведь Зло не больше чем взаимосвязь между отдельно взятым индивидуумом и окружающей его обстановкой. Семя, несущее в себе яд, приживается лишь в той почве, которая содержит нужные ему питательные вещества. В данном случае такой почвой является Край Света, и, поскольку не в человеческих силах изменить здешнее положение (Край как таковой будет существовать вечно), ты должен будешь посвятить всю свою жизнь искоренению ядовитых спор, произрастающих в этой почве. Это задание длиною в жизнь, и конца его тебе не увидеть.

В таком деле нашим первым побуждением, вне всяких сомнений, является примитивная жажда мести. Пятеро капитанов пиратских кораблей уничтожили или забрали в рабство всех, кто был так дорог нам обоим. Месть не несет в себе позора, когда служит благородному делу. Имен этих пятерых я не знаю. Мои самые отчаянные попытки раздобыть эту информацию закончились полной неудачей. Правда, одного из пиратов, мелкую сошку, все же мне удалось найти. Его зовут Парсифаль Панкароу, и он не менее опасен, чем те пятеро главарей, просто у него меньше возможностей творить Зло. Ты должен будешь разыскать его на Краю, и от него ты узнаешь имена пятерки.

А потом ты убьешь их всех, и не бойся, если смерть их будет мучительной, ибо сами они причинили неизмеримо больше страданий и боли остальным людям.

Но тебе предстоит еще многому научиться. Я бы посоветовал тебе присоединиться к Конгрегации, но, боюсь, тебе не по нраву придутся их порядки. В общем, поступай, как сочтешь нужным. В молодости я хотел стать неофитом, но Судьба рассудила по-своему. Будь у

меня хоть один знакомый Брат, я бы отослал тебя за советом к нему, но такого друга у меня нет. Возможно, вне Конгрегации ты будешь чувствовать себя менее связанным. На неофитов первых четырнадцати ступеней налагаются чрезмерно суровые ограничения.

В любом случае я советую тебе большую часть своего времени отвести на изучение саркойских ядов и техник рукопашного боя, и проделать это лучше всего на самом Саркое. В твоём искусстве стрельбы, как и в метании ножа, еще существуют некоторые пробелы, хотя совсем немногие могут достойно противостоять тебе в рукопашной схватке. У тебя прекрасная интуиция, твои самоконтроль, неторопливость и способность постоянно менять тактику заслуживают лишь похвалы. Но многому тебе надо еще учиться и учиться. Следующие десять лет посвети учебе и упорным тренировкам, и будь осторожен. Во Вселенной немало способных людей, так что не растрачивай себя по пустякам до тех пор, пока не будешь готов и душой, и телом. Короче говоря, не стоит возводить во главу угла мужество или героизм. Добрая доля осторожности — назови ее страхом или даже трусостью — никогда не мешает такому человеку, как ты, единственной ошибкой которого может стать безрассудная, почти мистическая вера в успех своего предначертания. Не позволяй себе обмануться этим — все мы смертны, что я и доказал.

Вот так, внук мой, я уже мертв. Я учил тебя отличать Добро от Зла и горжусь, что с честью исполнил свой долг. Надеюсь, ты будешь вспоминать меня с любовью и уважением.

Твой любящий дед, Рольф Марр Джерсен.

В течение одиннадцати лет Кирт Джерсен послушно исполнял предписания своего деда. Одновременно с тем повсюду, в Ойкумене и на Краю Света, он искал Парсифаля Панкароу. Но все было тщетно.

Лишь немногие профессии по своей сложности, азарту и опасным ситуациям, в особенности для новичков, могут сравниться с работой агента МПКК. Джерсен с честью выдержал два задания — на Фароде и на Голубой Планете. Во время исполнения второго из них

Джерсен еще раз запросил любую информацию о Парсифале Панкароу, и на сей раз ему сообщили, что в настоящий момент Парсифаль Панкароу проживает в Бринктауне под именем Айры Баглосса, где работает маклером на одну преуспевающую фирму по импорту и экспорту.

Джерсен разыскал его. Айра Баглосс, он же Панкароу, оказался дородным, энергичным мужчиной, с лысой, как бильярдный шар, головой, выкрашенной в лимонно-желтый цвет кожей и шикарными черными усами.

Город Бринктаун раскинулся на плато, островком возвышающемся посреди черно-оранжевых джунглей. Две недели Джерсен отслеживал все передвижения Панкароу и тщательно изучал его распорядок дня, который, кстати, свидетельствовал о мнимом Айре Баглоссе как об удивительно беззаботном человеке. Затем однажды вечером Джерсен нанял такси, стукнул водителя по голове и, подъехав к клубу с названием «Беседа у Джодиссея при Цветке», стал ждать, пока Панкароу не устанет от общества своих приятелей-собутыльников и не вывалится в душную бринктаунскую ночь. Изрядно довольный самим собой и мыча под нос какую-то модную песенку, которую, видно, только что услышал, Панкароу, покачиваясь, добрался до такси, которое тут же доставило его в положенное место, но не в его роскошный особняк, а на одну из отдаленных полянок в джунглях. Там Джерсен стал задавать Панкароу вопросы, на которые тому отвечать явно не хотелось.

Панкароу пытался отнекиваться, потом долгое время молчал, но тщетно: в конце концов, все пять имен были успешно извлечены из его памяти.

— Но что будет со мной? — прохрипел полумертвый Айра Баглосс.

— Я убью вас, — ответил Джерсен, бледный и немного дрожащий после экзекуции, которая не доставила ему никакого удовольствия. — Вы стали моим врагом. Более того, за свои преступления вы должны были быть казнены еще много лет назад.

— Да, было, все было, — воскликнул вспотевший от страха Панкароу. — Но теперь-то я веду безупречную

жизнь, и чтобы я еще кому-нибудь причинил хоть малейший вред — да никогда!

Джерсен отвернулся. Неужели каждый раз его будет так тошнить? Неужели каждый раз его будет охватывать такое отчаяние? Сделав над собой чудовищное усилие, ровным и жестким голосом он произнес:

— Очень может быть, что сейчас вы говорите правду. Но ваши деньги пахнут кровью. И вы не упустите случая при первой же возможности сообщить о моем существовании кому-нибудь из этой пятерки.

— Нет, клянусь вам. А мои деньги... знаете что, заберите их себе, а?

— Куда вы их спрятали?

Панкароу сделал еще одну попытку выторговать свою жизнь.

— Я отведу вас.

— Прошу прощения, но ничего не получится, — грустно покачал головой Джерсен. — Очень скоро вас уже не будет в живых. Когда-нибудь это происходит с каждым. Вам предоставляется последняя возможность исправить все то зло, что вы сотворили при жизни...

— Они под моим надгробьем! — заорал Панкароу. — Под гранитной плитой, прямо у моего дома!

Джерсен коснулся шеи Панкароу небольшой трубочкой, которая впрыснула ему под кожу один из саркоиских ядов.

— Пойду проверю, — сказал он. — Вы же, пока я буду ходить, поспите.

Джерсен говорил чистую правду. Панкароу с облегчением вздохнул — и спустя несколько секунд... был уже мертв.

Джерсен вернулся в Бринктаун, обманчиво мирный город, огромные, богато украшенные трех-, четырех- и пятиэтажные дома которого возносились над зелеными, пурпурными и черными деревьями. На город спустились сумерки. Джерсен неторопливо зашагал по тихой темной аллейке к владениям Панкароу. Найти каменное надгробие не составило особого труда, оно возвышалось прямо перед фасадом дома: массивный монумент из мраморных полусфер и кубообразных фигур, на вершине которого вздымался Парсифаль Панкароу собствен-

ной персоной — голова запрокинута к небу, руки распростерты, словно в полете. Пока Джерсен разглядывал изваяние, с крыльца спустился мальчик лет тринадцати-четырнадцати и подошел к нему.

— Вы приехали от моего отца? Он все с теми толстухами?

Джерсен усилием воли совладал со своей совестью и отбросил всякие мысли об изъятии из склепа денег Панкароу.

— Я привез вам кое-что от него.

— Может, вы зайдете? — предложил мальчик робким голосом, в котором проскальзывали нотки беспокойства. — Я пойду позову маму.

— Нет, не надо. У меня мало времени. Слушай внимательно. Твоего отца вызвали по очень срочному делу. Он не сказал, когда вернется. Может, вы его больше никогда не увидите.

Мальчик слушал его, вытаращив глаза.

— Он... он сбежал?

Джерсен кивнул.

— Да. Его отыскивали старые враги, и он не смеет показаться здесь. Он велел передать тебе или твоей матери, что деньги спрятаны под надгробной плитой.

Мальчик с недоумением вытаращился на Джерсена.

— Но кто вы?

— Вестник, не более того. Передай матери мои слова. Да, и еще, когда будете поднимать надгробие, соблюдайте осторожность. Там может оказаться специальное устройство, чтобы уберечь деньги от возможных грабителей. Все понял?

— Да, ловушка для дурака.

— Вот именно. Будьте поосторожней там. Пусть кто-нибудь из ваших хороших друзей вам поможет.

Джерсен покинул Бринктаун. Он сразу вспомнил о планете Смэйда, о тишине и покое, царящих в таверне, — как раз то, что надо, чтобы его совесть утомилась. «Где же лежит то самое равновесие?» — то и дело спрашивал он себя, пока корабль тормозил у планеты. Его терзали сомнения. Парсифаль Панкароу, безусловно, заслужил смерть, и приговор был приведен в исполнение. Но как быть с его женой и сыном? Для них это мучительная

боль, но справедливо ли это? Да, было сделано все возможное, чтобы защитить семьи более достойных людей, пытался убедить себя Джерсен. Но испуганный взгляд мальчика навсегда останется в его памяти.

Его вела рука Судьбы. Первый же встреченный им в таверне Смэйда человек заговорил о Малагате-Беде — именно это имя первым выдавил из себя Парсифаль Панкароу. Лежа в своей постели, Джерсен тяжело вздохнул. Панкароу мертв, несчастный Луго Тихолт, скорей всего, тоже. Все люди смертны, и точка. Джерсен ухмыльнулся в темноту, представив себе реакцию Малагате и Красавчика Даски, когда те залезут в его монитор. Во-первых, им не удастся его открыть без специального ключа — неприятный сюрприз, в особенности, если там может оказаться какая-нибудь кислота, ядовитый газ, а то и взрывчатка. Во-вторых, если они, после долгих трудов, все-таки извлекут запоминающее устройство, оно выдаст им абсолютно чистый лист. От монитора Джерсена было не больше проку, чем от занавесок на иллюминаторах, он даже не удосужился подключить устройство к системе бортового питания.

Малагате вопросительно взглянет на Красавчика Даски, а тот начнет лепетать что-то в свое оправдание. Может, только тогда они догадаются сверить серийный номер судна и тут-то и обнаружат, что это вовсе не тот корабль, что когда-то был приписан Луго Тихолту, вслед за чем они немедленно предпримут обратный перелет, на планету Смэйда. Но Джерсена здесь уже не будет.

ГЛАВА 3

Вопрос: Насколько всем известно, квестор Мермат, задачи, стоящие перед вами, поистине грандиозны. И, честно говоря, я никак не могу понять, как же вы намерены справиться со всем этим. Ну, например, как вам удастся отыскать следы какого-то отдельно взятого человека, проследить его прошлое среди биллионов людей различных политических убеждений, обычаев, всевозможных вероисповеданий, расселившихся, кроме того, по девятиности с лишним планетам?

Ответ: Обычно нам это и не удается.

*Из телевизионной дискуссии в Коновере,
Катберт, Вега, состоявшейся 16 мая 993 года,*

*с участием Ила Мермата, главного квестора
полиции Системы трех планет.*

Настоятельным образом прошу вас не одобрять это зловещее мероприятие. Человечество уже неоднократно испытало на себе печальный опыт создания сверхмощных полицейских сил... Как только она (полиция) выскальзывает из твердой хватки подозрительных местных властей, так сразу становится самовольной и безжалостной, олицетворяя закон в себе. Полицейские перестают думать о справедливости, они больше озабочены тем, как стать привилегированным, высшим классом элиты. Они начинают принимать естественное осторожное отношение к себе и нерешительность гражданского населения за признаки восхищения и уважения, а поэтому все больше распускаются и гремят оружием в мегаманиакальной эйфории. Люди же становятся уже не хозяевами, но слугами. Подобные полицейские силы превращаются в скопище заурядных преступников в форме, только еще более губительное, ибо их позиция не только не подвергается никаким сомнениям, но и санкционирована самим законом. Менталитет полицейского не в состоянии осмыслить человека иначе, чем единицу или объект, предназначенный для немедленной переработки. Такие понятия, как работа на пользу общества или достоинство, теряют свое значение, все prerogatives полиции рассматриваются сквозь призму закона наивысшего, почти божественного. Требуются полное подчинение и повиновение. Если полицейский офицер убивает гражданина общества, это расценивается как несчастный случай, достойный всяческого сожаления: сотрудник полиции, возможно, немного переусердствовал. Если же обыкновенный человек убивает офицера полиции, то весь ад обрушивается на голову несчастного. Полиция носится с пеной у рта. Все другие дела откладываются до тех пор, пока не будет найден преступник, совершивший подобное святотатство. Когда его наконец поймут — другого варианта здесь просто быть не может, — то зверски избьют или подвергнут другим мучениям за его непростительную самонадеянность. И при всем при том полиция постоянно жалуется, что не может действовать достаточно эффективно и что преступники без труда ускользают от них. Лучше уж сотня непойманных преступников, нежели деспотизм одного никем не контролируемого отделения полиции. Вновь и вновь я предостерегаю вас: отклоните это предложение. Ежели вы, несмотря ни на что, все-таки допустите, чтобы такое свершилось, я воспользуюсь своим правом вето.

*Из послания Властителя Джайко Джайкок-
са, председателя исполнительного комитета, Ге-
неральному законодательному собранию планеты
Вальгалла, Тау Близнецов, 9 августа 1028 года.*

...Недостаточно просто указать на то, что наши проблемы сами по себе уникальны, они элементарно катастрофичны. Мы несем ответственность за эффективность нашей работы, но в то же время нам отказывают во всех необходимых средствах и ограничивают власть. Преступник может убить и ограбить в любой точке Ойкумены, а потом

прыгнуть в поджидающий его звездолет и оказаться за много световых лет от места преступления. На Край Света наша юрисдикция вообще не распространяется — по крайней мере, официально, хотя каждому из нас известно о некоторых смельчаках, которые ставят справедливость превыше личных выгод и собственной безопасности и которые в одиночку пробираются в эту область, чтобы арестовать преступившего закон. Несомненно, они имеют полное право поступать так, ибо человеческие законы за пределами Ойкумены недействительны, но действующим эти люди целиком на свой страх и риск.

Однако чаще всего преступник, бежавший на Край Света, остается безнаказанным. Когда же он решает вернуться в пределы Ойкумены, ему достаточно лишь изменить свою внешность, документы и отпечатки пальцев. Поступив таким образом, он будет в полной безопасности, если только не совершит новое преступление на той же планете, где уже совершил одно и где был подвергнут генной идентификации.

Как правило, в нашу эпоху приводов Джарнелла любой преступник, предпринявший элементарные меры предосторожности, без труда избегнет ответственности.

Наша ассоциация неоднократно пыталась разработать более действенную систему для розыска преступников и предотвращения преступлений. Основная трудность заключается в многообразии полицейских организаций; в несопоставимости их методов, целей и масштабов деятельности; в постоянном хаосе досье и исправительных систем. Существует одно простое решение всех проблем, и наша ассоциация, как и прежде, выступает за создание единой официальной системы для поддержания законности и правопорядка по всей Ойкумене.

Преимущества подобной системы налицо: стандартизация всех процедур, использование новейшего оборудования и методов, унификация контроля, централизованная служба для накопления и переработки информации и, что более всего важно, создание и поддержание чувства профессиональной гордости в целях привлечения в свои ряды наиболее квалифицированной части населения.

Как широко известно, нам неоднократно отказывали в создании подобного централизованного агентства, несмотря на самые убедительные доводы с нашей стороны. Официальный мотив этого отказа также всем нам хорошо известен, и нет нужды приводить его здесь еще раз. Скажу лишь одно: дух нашей полиции неизменно падает, и, вполне возможно, вскоре слово «полиция» вообще утратит свой смысл, если только не будут приняты какие-нибудь срочные меры.

И сегодня мне хотелось бы представить конвенту некоторые подобные меры. Наша ассоциация является частной организацией, созданной группой отдельных лиц. У нее нет официального статуса; кроме того, мы никоим образом не связаны с правительственными учреждениями. Короче говоря, мы свободны в своих действиях: можем поступать, как заблагорассудится, вступать в любую сферу бизнеса — одним словом, можем делать все, что хотим, пока наша деятельность не противоречит существующим законам.

Я предлагаю организовать частное сыскное агенство, а организацией его должна заняться именно такая ассоциация, как наша. Новая

компания, финансируемая нашей ассоциацией и частными взносами, будет преследовать чисто коммерческие интересы. Штаб-квартира ее разместится где-нибудь в центральных областях Галактики, но на каждой планете будет учреждено свое отделение. Персонал предполагается набирать не только из членов нашей ассоциации, но и среди других лиц, обладающих необходимой подготовкой. Всем работникам агентства будет обеспечена высокая заработная плата, отчисляемая из всевозможных гонораров и прибылей. Откуда возьмутся эти деньги? Прежде всего, от местных органов полиции, которые скорее предпочтут воспользоваться услугами нового межпланетного агентства, нежели тратить огромные суммы на содержание собственных подобных служб. Кроме того, поскольку предлагаемое вашему вниманию агентство как частная деловая организация будет действовать в рамках и местного, и межпланетного законодательства, то критикам наших прошлых проектов на этот раз волей-неволей придется заткнуться.

...Со временем Межпланетная полицейская координационная корпорация, сокращенно МПКК, сможет функционировать с гораздо большей пользой. Когда-нибудь именно на плечи МПКК ляжет вся работа по уголовному розыску и профилактике преступности в общем. В будущем МПКК своими размерами затмит все когда-либо существовавшие полицейские организации. У нас будут свои лаборатории, исследовательские программы, абсолютно полные досье и в высшей степени квалифицированный персонал, который, как уже говорилось, будет набран и из членов ассоциации, и из других слоев населения. Есть какие-нибудь вопросы?

Вопрос из зала: Существуют ли какие-либо причины, по которым офицеры местных органов полиции не могут одновременно с тем быть и членами МПКК?

Ответ: Это очень важный пункт. Нет, таких причин нет. Я не вижу никакого смысла в конфликтах между полицией государственной и нашим агентством. Наоборот, есть все основания надеяться, что местные органы полиции сразу пожелают присоединиться к МПКК, что пойдет только на пользу как МПКК, так и местной полиции, не говоря уж о той неизмеримой выгоде, которую принесет этот альянс обыкновенному человеку. Другими словами, офицер полиции не только ничего не потеряет, но и многое приобретет: он получит возможность передавать свои дела нашему агентству, и, вместе с тем, ему как члену персонала МПКК будет назначена соответствующая зарплата.

Выдержки из обращения Ричарда Парнелла, спецуполномоченного по проблемам общественного благосостояния Северной Территории планеты Ксион из Скопления Ригеля, к Ассоциации служащих полиции, сил гражданской милиции и криминальных детективных агентств. Парилия, Пихэм, Ригель, 1 декабря 1075 года.

...МПКК, номинально будучи организацией, действующей только внутри Ойкумены, в силу расширения масштабов своей деятельности вынуждена была перейти к операциям и за ее пределами, на так

называемом Краю Света. Здесь, где единственными существующими законами являются лишь местные предписания и всякого рода табу, МПКК нашла мало поддержки среди населения, что, в принципе, естественно. Сотрудников МПКК здесь называют ласками и согляд-таями, а жизнь их подвергается множеству опасностей. Центральное управление всячески скрывает точное число своих работников, действующих на Краю, как и процент погибших при выполнении задания агентов. Предполагается лишь, что первая цифра, вследствие трудностей вербовки, весьма низка, а вторая, вследствие трудностей работы и возникновения такого абсолютно невероятного органа, как «Части по уничтожению шпиков», очень и очень высока.

...Вселенная бесконечна — мирам нет конца и края, но вряд ли где столкнешься с подобным парадоксом, с ситуацией столь причудливой и, вместе с тем, печальной, когда единственная хорошо организованная и обученная организация на Краю своей основной целью ставит уничтожение и искоренение сил закона и порядка.

Рауль Паст. «МПКК: люди и методы», глава 3.

Джерсен проснулся. Небо, видневшееся сквозь маленькое квадратное окошечко, лишь едва посерело в ожидании восхода. Он оделся и по каменной лестнице спустился вниз, в зал. У камина сидел один из сыновей Смэйда, загорелый паренек лет двенадцати со строгим не по годам лицом, и ворошил кочергой чуть тлеющие угли. Обернувшись в сторону Джерсена, он хмуро бросил ему: «Доброе утро», но продолжать разговор явно не собирался. Джерсен вышел на веранду. Предрассветный туман клочьями стелился над вересковыми пустошами, затянул океан — все вокруг было унылым и бесцветным. Джерсена внезапно охватило острое чувство покинутости. Он вернулся в таверну и подошел погреться к уже пылающему камину.

Мальчик подметал пол.

— Вчера вечером произошло убийство, — с угрюмым удовлетворением сообщил он Джерсену. — Убили того тощего коротышку. Сразу за навесом для торфа.

— Тело до сих пор там? — поинтересовался Джерсен.

— Нет. Убийцы забрали его с собой. Там их трое было, может, четверо. Отец в ярости: они сделали свое черное дело на территории его таверны.

Джерсен недовольно хмыкнул, озабоченный сложившимся положением. Вскоре ему подали завтрак, и он, не произнося ни слова, принялся за еду. Над горами показалось карликовое солнце — крохотное белое пятныш-

ко, еле-еле видное сквозь завесу тумана. Но налетевший с океана ветер быстро разметал туман, и когда Джерсен вновь выглянул наружу, небо уже очистилось, хотя временами над маслянистой поверхностью воды еще проплывали рваные белые ключья.

Джерсен направился на север, вдоль обрыва, разделяющего океан и горы. Под ногами тихо чавкала подстилка из губчатого серого мха, источающего странный смолистый аромат. Солнечные лучи скользили по равнодушно-черной воде океана. Он подошел к краю обрыва и заглянул в шестидесятиметровую пропасть, на дне которой плескались волны, потом поднял камень и кинул его вниз. Камень мигом поглотила черная масса океана. Интересно, подумал Джерсен, каково было бы выйти в этот океан на корабле? Он представил себе судно, медленно скрывающееся за линией горизонта, и мир, который откроется его глазам: бесплодные побережья, унылые мысы, суровые скалистые острова, и ни единого живого существа в округе, пока не вернешься в таверну Смэйда. Джерсен отвернулся от пропасти и зашагал дальше. Вскоре он миновал долину, где Смэйд держал скот. Здесь, разумеется, Тихолт никак не мог оставить свой корабль. В четверти мили дальше маячили горные отроги, спускающиеся почти к самому океану. Там-то, у одной из гряд, Джерсен и обнаружил суденышко Тихолта.

Он быстро осмотрел корабль. Той же самой модели 9Б, что и его собственный. Привод и машинное отделение в полном порядке. В специальной нише стоял монитор, тот самый, что стоил Тихолту жизни.

Джерсен повернул назад к таверне. Его первоначальные планы — провести здесь еще несколько дней, похоже, слегка изменились: Малагате быстро поймет свою ошибку и тут же вернется, прихватив с собой Хильдемара Даски и тех двоих убийц. Им нужен монитор Тихолта, но вот его-то, твердо решил Джерсен, им не видать никогда, хоть он вовсе и не собирался рисковать жизнью из-за какого-то запоминающего устройства.

По возвращении в таверну он заметил, что посадочное поле опустело. Звездный Король тоже решил покинуть планету Смэйда. Но вот когда? Сегодня утром или

еще прошлой ночью? Джерсен не знал. Он рассчитался с хозяином, после чего, повинаясь какому-то странному импульсу, заплатил и по счету Луго Тихолта. Смэйд принял от него деньги, не сказав ни слова. Чувствовалось, он еле сдерживает себя: ноздри слегка раздувались, нижняя челюсть выдвинута вперед. Джерсен понял, что ярится Смэйд вовсе не на Луго Тихолта, а на его убийцу. Кем бы ни был этот преступник — Даски, во всяком случае, намекал что-то насчет Аттеля Малагате, — он нарушил законы планеты Смэйда, нарушил покой таверны и тем самым нанес огромный ущерб самому Смэйду.

Джерсен печально усмехнулся про себя.

— А когда улетел Звездный Король? — как можно вежливее поинтересовался он.

Ответом ему был только полный тихой ярости взгляд Смэйда.

Джерсен собрал свои вещи и покинул таверну, отрицательно покачав головой в ответ на предложение паренька помочь. Уже второй раз за сегодняшний день он шагал по серой вересковой пустоши. Поднявшись на холм, он обернулся и отыскал глазами таверну Смэйда. Одинокое здание словно бы бросало вызов темному, обдуваемому всеми ветрами океану. Джерсен с сомнением покачал головой и продолжил свой путь.

— Люди все одинаковы, — буркнул он себе под нос. — Сначала спешат, торопятся куда-то, а потом, уезжая, удивляются, и зачем это они приезжали.

Спустя несколько минут при помощи вспомогательных двигателей он поднял корабль Тихолта над поверхностью планеты, выправил курс в сторону Ойкумены и нажал старт. Планета Смэйда осталась где-то далеко за кормой и вместе со своим белым карликом скоро сгинула среди подобных ей бесчисленных искорок. Звезды проносились мимо подобно светлячкам, гонимым ураганным ветром. Все расстояния исчезли, теперь чувствам верить было нельзя: звезды то наслаивались друг на друга, то вдруг почему-то начинали гоняться одна за другой, словно наперегонки. Порой казалось, что до них можно дотянуться рукой, потом они словно отпрыгивали метров на тридцать, но тут же, как во сне, представ-

лялись удаленными на мили. Пришло время оптических иллюзий.

Джерсен ввел в звездискатель координаты Ригеля, включил автопилот и, насколько позволяла спартанская обстановка модели 9Б, устроился поудобнее, чтобы немного поразмыслить.

Визит на планету Смэйда сослужил ему хорошую службу, несмотря даже на то, что дело кончилось смертью Луто Тихолта. Малагате нужен был монитор Тихолта, и это обуславливало весь ход дальнейших событий. Вполне возможно, Малагате пожелает лично участвовать в переговорах, но не исключено также, что он будет действовать через своих агентов. Однако почему он пошел на убийство Луто Тихолта, не расспросив его ни о чем? Здесь крылась какая-то тайна. Зачем ему вообще надо было убивать Тихолта? Злоба? Очень может быть. Но Малагате уже столько убил, что смерть этого жалкого человечка вряд ли могла удовлетворить его ярость.

Более вероятно, что здесь сыграла роль привычка, выработавшаяся за многие годы. Чтобы разорвать все связи с человеком, который тебя не устраивает, проще всего убить его... И третья возможность: Тихолт раскрыл истинную личность Малагате, тайне которой тот, больше чем кто-либо из всех Властителей Зла, придавал огромное значение. Джерсен припомнил свой разговор с Тихолтом. Несмотря на диковатый и мрачный вид Тихолта, в его речи проскальзывали нотки, свойственные только высокообразованному человеку. В его жизни явно бывали деньки и получше. Но почему тогда он обратился к профессии разведчика, репутация которой считалась отнюдь не из лучших? Вот вопрос, на который пока нет никакого ответа. Почему человек вообще обращается к тому или иному роду занятий? И как человек, родителями которого были самые обыкновенные люди, вдруг стал Аттедем Малагате?

Тихолт в беседе упомянул, что Малагате каким-то образом связан с арендой разведкораблей. Сосредоточась на этой мысли, Джерсен тщательно обыскал судно и вскоре обнаружил традиционную медную табличку с указанием места изготовления: «Ливерстоун, Файэйм,

Скопление Ригеля». К монитору была прикреплена еще одна табличка, на этот раз из бронзы, с указанием серийного номера и непосредственного производителя: «Компания точных приборов Ферицци. Сансонтана, Оллифэйн, Скопление Ригеля». Но ни имени владельца, ни регистрационного свидетельства не было.

Придется тогда выяснять владельца косвенным путем. Джерсен задумался. Две трети всех разведкораблей принадлежат крупным фирмам, работающим с недвижимостью. В число их товаров входят миры, обладающие рядом особых характеристик: планеты с высоким содержанием всевозможных минералов; планеты, предназначенные для колонизации; миры специально для миллионеров; планеты, обладающие достаточно интересной флорой и фауной и способные привлечь биологов и зоологов всех сортов. Встречались в продаже даже такие миры, на которых уже развилась разумная или почти разумная жизнь; особый интерес к подобного рода товарам проявляли социологи, этнографы, лингвисты и другие.

Компании по торговле недвижимостью в большинстве своем располагались в космополитических центрах Ойкумены: на трех или четырех планетах Скопления, главной из которых был Альфанор; на Катберте, Бонифасе, Элойзе и Новале в системе Веги; на Копусе и Орто Пи в системе Кассиопеи; на Квантике и на старой Земле. Если Луто Тихолт действительно работал на подобную компанию, то логичней всего начать поиски со Скопления Ригеля. Но только в этом случае, а Джерсену припоминалось, что, вроде бы, Тихолт говорил что-то другое. Если он все-таки не ошибается, то круг его поисков тем самым значительно сужается. После монополий крупнейшими держателями кораблей-разведчиков являлись университеты и научно-исследовательские институты.

Тут в голову Джерсену пришла новая мысль. Ведь если Тихолт был когда-то студентом или сотрудником какого-нибудь подобного лица, колледжа или университета, то в поисках работы он прежде всего обратился бы именно туда. Но такая связь вовсе не обязательна, тут же поправил себя Джерсен. Человек, обладающий чув-

ством собственного достоинства, имеющий друзей и коллег, которые могли еще помнить его, воспользовался бы подобной возможностью лишь в самом крайнем случае. Но обладал ли Луго Тихолт такой гордостью? Как будто бы нет — так показалось Джерсену. Тихолт производил впечатление человека, который, если его прижмет жизнь, без особых раздумий обратится за помощью в свою «альма-матер».

Но у Джерсена оставалась еще одна ниточка — «Компания точных навигационных приборов Ферицци» в Сансонтиане, где непременно должно быть зарегистрировано имя владельца монитора. Была еще одна причина посетить «Точные приборы» — Джерсен хотел вскрыть память монитора. А для этого ему нужен был ключ. Подобные штуки обычно снабжались специальными капсулами, содержащими либо взрывчатые вещества, либо какую-нибудь кислоту, после разрыва которых редко оставалась заслуживающая внимания информация.

Служащие компании Ферицци могли помочь в его затруднениях, а могли и решительно отказать. Сансонтиана принадлежала брайчианам, одной из девятнадцати независимых наций Оллифэйна. Они слыли своевольными, упрямыми и в большинстве своем непредсказуемыми людьми. Однако законами Скопления не разрешались сделки, выходящие за пределы Ойкумены, и, более того, использование взрывчатых ловушек никак не одобрялось. Поэтому в своде правил, касающихся применяемого на борту космического корабля оборудования, указывалось: «Производителям подобных устройств (мониторов) предписывается предоставлять в обязательном порядке ключи, дешифраторы, кодовые комбинации или любые другие устройства, механизмы или сведения, необходимые для безопасного вскрытия данных приборов, по первому же требованию просителя, предъявившего неоспоримые доказательства владения вышеуказанным устройством. Предъявление таблички с серийным номером, ранее прикрепленной изготовителем к своему прибору, считать достаточным и правомочным доказательством владения устройством. В таком случае передача ключа, кодового устройства или

информации просителю должна совершиться без каких-либо отсрочек, жалоб, ошибок, чрезмерных обвинений или других актов или деяний, которые иначе будут расценены как злостное воспрепятствование просителю».

Вот и прекрасно. Джерсен не сомневался, что ключ он получит, но этим законом компании вовсе не предписывалось предоставлять просителю сведения о предыдущей регистрации монитора. В особенности, если Аттель Малагате, заподозрив, что Джерсен может отправиться в Сансонтину с целью получения такой информации, предпримет некоторые шаги для сохранения тайны.

Отсюда вытекает несколько возможностей. Джерсен нахмурился. Не будь он так осторожен и систематичен, все эти варианты могли просто не прийти ему в голову. При этом он был бы избавлен от многих проблем и сложностей, но, вероятно, умер бы гораздо раньше, чем рассчитывает... Он смиренно покивал головой и полез за звездными картами.

Чуть в стороне от курса его корабля находилась звезда Лебедь Т342 с обитаемой планетой Эвилль. Население этой планеты, весьма неприятные, подверженные психозам люди, жило в пяти городах: Они, Ме, Че, Дан и Ве, каждый из которых был построен в форме пятиугольника с такой же пятиугольной цитаделью в самом центре. Космопорт, расположенный на удаленном острове, жители всей Ойкумены называли не иначе как Клоакой. Все, что требовалось Джерсену, можно было найти в пределах Клоаки, особого желания посещать пять городов у него не было, тем более, что каждый желающий въехать в любой из этих городов должен был сделать на лбу татуировку в виде звезды, окрашенной в национальный цвет города. Чтобы побывать во всех пяти городах, турист должен был представить все пять звезд: оранжевую, черную, светло-лиловую, желтую и зеленую.

ГЛАВА 4

...По всей вероятности, свое мировоззрение сэр Джулиан Хоув перенял у исследователей эпохи позднего Ренессанса. По возвращении на Землю члены экипажей его кораблей окружали себя (или их

окружали) атмосферой строгой секретности и тайны. Тем не менее, кое-какие детали все же выплывали. Сэр Джулиан Хоув был, проще говоря, самым что ни на есть педантом, человеком, начисто лишенным чувства юмора. Взгляд его был суровым, говорил он почти не разжимая губ, и даже каждый волос в его прическе лежал на строго отведенном месте. И хотя он не настаивал на том, чтобы члены его экипажа являлись к каждому приему пищи в определенной форме, многие правила, установленные им, требовали от окружающих не меньшего педантизма.

...На его кораблях было категорически запрещено обращаться друг к другу по имени, при сдаче и принятии каждой вахты неизменно следовало отдавать честь, даже несмотря на то, что большинство членов экипажей было набрано из людей гражданских. Механикам и другим специалистам, чья работа непосредственно не касалась научной деятельности, было строго-настрого запрещено ступать на поверхность вновь открытых планет, какими бы они чудесными не были, — приказ этот едва не стал причиной бунта, и только действия первого помощника сэра Джулиана, Говарда Коука, который убедил сэра Джулиана смягчить требования к экипажу, спасли положение.

Самым выдающимся достижением сэра Джулиана стало открытие им Скопления Ригеля — двадцати шести действительно изумительных планет, большинство из которых не только были пригодны для заселения, но и отличались прекрасным климатом, и лишь на двух из них обитали квазиразумные аборигены... Сэр Джулиан, пользуясь всеми правами первооткрывателя, нарек эти планеты именами людей, деяниями которых восхищался еще в раннем детстве: Лорд Китченер, Уильям Гладстон, Архиепископ Ролло Гоур, Эдит Мак-Девотт, Редьярд Киплинг, Томас Карлайл, Уильям Керкадбrait, Сэмюэль Б. Горшэм, Сэр Роберт Пиль и так далее.

Но судьба распорядилась так, что сэру Джулиану не суждено было увидеть эти названия на картах звездного неба. Телеграмму о своем скором возвращении, к которой прилагались описание Скопления и названия всех планет этой поистине замечательной системы, он послал через космическую станцию Модли. Там этот список попал в руки безвестного молодого клерка, некоего Роджера Пилхэма, который с отвращением отверг названия планет, предложенные сэром Джулианом. Не смущаясь и взяв за основу буквы латинского алфавита, каждую из двадцати шести планет он быстренько снабдил новым именем: Альфанор, Барлейкорн, Хризанта, Диоген, Эльфленд, Файэйм, Гоушн, Хардакр, Имидж, Джезабель, Крокиноль, Лайонесса, Мадагаскар, Неизвестность, Оллифэйм, Пилхэм, Хинин, Раратонга, Сам Не Знаю Где, Тантамаунт, Единорог, Валисанда, Вальпургия, Ксион, Ис и Закаранда — частично эти имена были им позаимствованы из разных легенд, мифов и романов, а частично явились продуктом его собственного воображения. Одна из вышеуказанных планет обладала своим спутником, описанным в телеграмме как «причудливой формы странный осколок вулканического происхождения», вот этот спутник Пилхэм и нарек именем сэра Джулиана.

Средства массовой информации получили и распространили этот список, планеты Скопления Ригеля стали известны повсеместно, при-

чем все знакомые сэра Джулиана были крайне удивлены подобной экстравагантностью его воображения. И вообще, кто такой или что такое этот «Пилхэм»? Ответ на этот вопрос мог дать только сам сэр Джулиан после своего возвращения.

Клерк же, тот самый Роджер Пилхэм, на некоторое время вновь канул в безвестность, так же неожиданно, как и появился. Таким образом, никому неизвестно, что же все-таки творилось в его душе по мере того, как близился день возвращения сэра Джулиана. Терзали ли его мрачные предчувствия? Мучило ли его беспокойство? Или он был безразличен к своей судьбе? Несомненно одно — к тому времени он уже окончательно смирился с перспективой своего увольнения с работы.

В положенное время сэр Джулиан с триумфом вернулся. Тогда-то он и произнес свою знаменитую фразу: «Самое большое впечатление, пожалуй, производит хребет Нью-Грэмпиан на Северном материке Лорда Булвер-Литтона». В ответ на это один из встречающих вежливо поинтересовался, где находится этот самый Булвер-Литтон. И подмена открылась.

Узнав о беспрецедентном деянии, сэр Джулиан безмерно расширепел, клерк же благоразумно скрылся. Сэру Джулиану советовали подать петицию с просьбой вернуть планетам их первые названия, но было поздно. Дерзкий поступок Роджера Пилхэма пришлось обществу оставить по душе, и названия, данные планетам сэром Джулианом, со временем совершенно забылись.

Ральф Кворри. «Новые открытия в космосе».

Альфанор. Восьмая планета Скопления Ригеля, административный и культурный центр системы.

Параметры:

Диаметр, миль	9300
Масса, ст. массы	1,02
Продолжительность суток	29 часов 16 минут 29,4 секунды

Общая характеристика:

Альфанор — большая светлая планета океанического типа с мягким климатом. Океан, включая полярную шапку, занимает три четверти всей площади планеты. Сушу составляют семь расположенных рядом друг с другом материков: Фригия, Умбрия, Лузитания, Скифия, Этрурия, Лидия и Ликия, своей формой напоминающих семь лепестков распустившегося цветка. Имеются также многочисленные острова.

Туземная жизнь чрезвычайно разнообразна и сложна. Флора планеты всячески препятствует распространению завезенных с Земли видов растений, которым, вследствие этой причины, требуются особый уход и подкормка. Не менее разнообразен и животный мир, в большинстве своем агрессивный — стоит упомянуть хотя бы коварного большого киркана из верхней Фригии или утя-невидимку Чудотворного океана.

Политической структурой Альфанора является пирамидальная демократия, весьма простая в теории, но чрезвычайно запутанная на практике. Континенты разделены на провинции, те, в свою очередь, на префектуры, округа и районы. Последние представляют собой общины числом не более пяти тысяч человек. Каждый районный комитет посылает своего представителя в окружной совет, который избирает делегата на префектурный сейм. Сейм, в свою очередь, отправляет одного из своих членов в провинциальный конгресс, а оттуда уже один человек направляется непосредственно в континентальный парламент. От каждого парламента семеро ректоров выдвигаются в Верховный Совет, заседающий в Авенте, являющейся Приморской Провинцией материка Умбрия. Высший орган власти Альфанора, Верховный Совет, возглавляет выборный Председатель.

«Краткий планетарный справочник», 303-е издание, 1292 год.

Население Скопления далеко не однородно по своему составу. Во время массовых миграций с Земли расовые группы по возможности старались держаться как можно более обособленно, в новом же окружении, в результате внутрисемейных браков и под влиянием новых стереотипов поведения в обществе, их разрыв стал особенно заметен...

Обитатели Альфанора в большинстве своем светлокожи, с каштановыми волосами, среднего роста, хотя внимательному человеку достаточно пройти по Большому Бульвару в Авенте, чтобы встретить представителей всех рас.

Психологию альфанорцев понять сложнее. Каждая населенная планета отличается в этом отношении чем-то своим, и хотя отличия выражены достаточно четко, их довольно трудно описать, не впадая при этом в крайность. Особые сложности возникают на почве того, что планеты не поддаются общей классификации: слишком велики местные различия, слишком многочисленны противоречия.

Стрик и Черниц. Предисловие к книге «Народы Скопления».

Возникший прямо по курсу Ригель стремительно разгорался ярким бело-голубым пятнышком, которого, казалось, будто бы специально сторонились все остальные звезды. Джерсену, чтобы справиться с растущим нетерпением, ничего не оставалось делать, как рассуждать о своем назначении и вспоминать бесконечные полеты. Время от времени он снова принимался размышлять о возможных намерениях Аттеля Малагате и продумывать свои собственные ответные действия. Проблема первая — где приземлиться? В его распоряжении было сто восемьдесят три космопорта на двадцати двух (из двадцати шести) планетах — это законные варианты. А кроме

того, существовали еще безбрежные пустыни и прочие необжитые земли, но в этом случае он подвергался опасности ареста со стороны властей за нарушение карантинных законов.

Все зависело от того, насколько Малагате действительно хотел получить монитор Тихолта. Сможет ли он поставить своих соглядатаев в каждом из портов? Теоретически это вполне возможно, особенно если подкупить пару работников космопорта. А самый дешевый и, более того, эффективный способ — назначить внушительную награду тому, кто сообщит о прибытии Джерсена. Но и Джерсен может поступить несколько иначе, чем от него ожидают: например, приземлиться в другой звездной системе. Организовать надзор за всеми портами Ойкумены не так-то просто.

Но в намерения Джерсена вовсе не входило скрываться. В следующей части своего плана он должен действовать открыто: ему необходимо увидеть Малагате, запомнить его лицо. Здесь было два способа: или самому начать поиски владельца монитора, или подождать, пока на него не выйдет кто-нибудь из организации Малагате, после чего попытаться проследить того.

Малагате сочтет само собой разумеющимся намерение Джерсена покопаться в памяти монитора и, скорее всего, особое внимание сконцентрирует на космопорте Киндьюна, который обслуживает Сансонтиану.

Тем не менее, действуя большей частью интуитивно, Джерсен решил приземлиться в Центральном межпланетном космопорте Авенты.

Он приблизился к Альфанору, перешел на посадочную орбиту, ввел в автопилот режим официальной посадки и откинулся на спинку кресла. Стукнувшись под рев тормозных двигателей о выжженную багровую землю, корабль неподвижно застыл. Двигатели смолкли, наступила тишина. Немного погодя послышался шум клапанов, выравнивающих давление в кабине до планетарного.

В автомобиле на воздушной подушке подъехали служащие космопорта. Джерсен ответил на их вопросы, успешно прошел краткий медицинский осмотр и получил разрешение на пребывание на Альфаноре. Чинов-

ники быстро уехали, подвижный кран подцепил суденышко и перенес его на стоянку, расположенную сбоку от посадочного поля.

Джерсен, ступив на землю планеты, остро почувствовал свою уязвимость. То и дело оглядываясь по сторонам, он начал снимать монитор.

Вдоль стоянки кораблей неспешно прохаживались двое мужчин — может, действительно забрели сюда случайно, а может, только делали вид. Джерсен еще издали узнал одного из них: это был саркоец, прибывший вместе с Хильдемаром Даски в таверну Смэйда.

Джерсен не подал и виду, что заметил их приближение, но ни одно их движение не ускользнуло от него. На саркойце был темно-серый костюм с эполетами, отделанными блестящими опалами. Его спутник, худощавый мужчина с соломенными волосами и быстрыми серыми глазами, предпочел свободный голубой комбинезон рабочего.

Остановившись в паре метров от Джерсена, эти двое принялись рассматривать его, будто бы с праздным интересом. Джерсен, бросив на них для виду мимолетный взгляд, продолжал заниматься своим делом, хотя внутренне напрягся, и пульс его участился. Саркоец, шепнув что-то своему товарищу, шагнул вперед.

— Кажется, мы уже встречались? — насмешливо обратился он нарочито мягким голосом.

— К сожалению, ваше имя мне неизвестно, — вежливо ответил Джерсен.

— Меня зовут Сутиро. Сивидж Сутиро.

Джерсен окинул его пристальным взглядом. Перед ним стоял мужчина средней комплекции, со странно плоской головой, выдающей жителя степей Саркоя, и широким лицом. Глаза мертвенно-оливкового цвета; нос, вздернутый так, что видны были только черные дырочки ноздрей; широкий и толстогубый рот — на лице Сутиро явственно отпечатались многие века тщательного отбора и межродственных браков.

Большинство ойкуменцев придерживалось невысокого мнения о саркойцах, прежде всего из-за их отвратительной манеры есть и вызывающей сексуальности с большим уклоном в эксгибиционизм. Не меньшее него-

дование вызывал и их любимый вид спорта — хэрбайт, бой хэрикапов, крупных, покрытых жесткой щетиной существ, обладающих зачатками интеллекта и обитающих в северных лесах планеты. Несчастное существо, доведенное до крайности голодом, помещалось в круг мужчин, вооруженных вилами и факелами. Зажав в таком кольце, хэрикапов травили огнем, отбрасывая вилами назад, в центр, при малейшей попытке вырваться из окружения.

Саркой, единственная планета Фи Змееносца, был весьма мрачным миром, сплошь покрытым степями, болотами, черными лесами и страшными трясинами. Все саркойцы жили в высоких деревянных домах за мощными частоколами, но даже самые большие города не были застрахованы от нападений бандитов и бродяг из заброшенных земель.

Вместе с тем за саркойцами укрепились слава непревзойденных отравителей. Говорили, что их лучшие мастера могли убить человека, просто пройдя рядом с ним.

Но сейчас Джерсен не уловил так называемого «дыхания смерти», этого характерного атрибута всех наемных убийц с Саркоя. Подобное искусство убивать не только укорачивало собственную жизнь человека, овладевшего им, но и придавало коже желтый оттенок и делало волосы жесткими, похожими на проволоку. Кожа Сутиро, напротив, была бледно-матовой, цвета слоновой кости, а его волосы лоснились и слегка завивались. Правую щеку его украшала татуировка: небольшой мальтийский крестик саркойских хетменов.

— Примите мои извинения, благородный Сутиро, — произнес Джерсен, — но я что-то не припоминаю, чтобы мы встречались.

— О! — Глаза Сутиро расширились от удивления, что Джерсен сразу определил его положение в саркойском обществе. — Вы посещали Саркой. О дорогой сердцу, цветущий Саркой, безбрежные степи, веселье празднеств!

— Веселье, которое закончится, когда погибнет последний хэрикап. Кого потом вы будете мучить?

Сутиро как представитель расы, привыкшей ко всяческому оскорблению в свой адрес, и глазом не моргнул.

- Кто-нибудь да найдется... соседи, например. Вижу, вы хорошо знакомы с моей родной планетой.
- Да, я бывал там. Может, мы встречались на Саркое?
- О нет, — скривив губы, возразил Сутиро. — В другом месте, и причем совсем недавно.
- Джерсен покачал головой.
- Этого не может быть. Я только что прибыл с Края Света.
- Вот именно. Там-то мы с вами и встречались. В таверне Смэйда.
- Неужели?
- Точно так. Вместе с товарищами я приезжал повидаться с одним моим давним другом — Луго Тихолтом. Луго был так взволнован нашей встречей, что, улетаая с планеты, ненароком перепутал корабли и воспользовался вашим. Вы наверняка уже заметили это?
- Что ж, — рассмеялся Джерсен, — если Тихолт захочет попросить у меня прощения за свой проступок или у него возникнут какие-нибудь жалобы, он, я уверен, всегда сможет разыскать меня.
- Именно, — сказал Сутиро. — Как раз Луго Тихолт и послал меня уладить это недоразумение. Он просит прощения за столь досадную ошибку и хочет лишь одного: чтобы вы вернули принадлежащий ему монитор.
- Вы его не получите, — грустно покачал головой Джерсен.
- Да ну? — удивился Сутиро, подбираясь поближе. — А Луго предлагает вам тысячу севов, стандартных единиц валюты Ойкумены, лишь бы вы простили его промашку.
- Я с благодарностью приму его дар. Давайте деньги.
- А монитор?
- Я верну его Тихолту лично.
- Худошавый мужчина раздраженно фыркнул, но Сутиро лишь улыбнулся.
- Такое вряд ли возможно. Вы, ни с того ни с сего, получаете деньги, а мы уходим с пустыми руками, так, значит?
- А почему я должен его вам отдавать? Знаете ли, в этом деле заинтересованной стороной является сам Луго

Тихолт, так что монитор я отдам только ему одному. Но, в принципе, меня можно назвать другой заинтересованной стороной, так что можете смело вручать мне деньги — закон этому не препятствует. Если, конечно, вы доверяете мне и не считаете, что я потом обману вас.

— Что вы, что вы, мы совсем не собираемся испытывать вашу порядочность! По сути дела, мы предлагаем вам отдать нам монитор именно сейчас.

— Нет, ничего не получится, — ответил Джерсен. — Кроме того, я и сам собирался посмотреть, что там у него в памяти.

— Об этом не может быть и речи! — мягко сказал Сутиро.

— А вы попробуйте остановить меня. — Джерсен вернулся к своей работе и отвинтил последнюю скобу, крепящую монитор к нише.

Сутиро какое-то время невозмутимо наблюдал за его действиями, потом вдруг подал знак художавому. Тот отступил на пару шагов и оглянулся по сторонам.

— Я мог бы остановить вас так внезапно, что вы превратились бы в мраморное изваяние. — Он обернулся через плечо и взглянул на художавого, тот кивнул. Сутиро показал оружие, которое все это время прятал в руке. — Я могу обеспечить вам сердечный приступ, кровоизлияние в мозг или просто спазмы кишечника, на ваш выбор.

Джерсен оторвался от своей работы и тяжело вздохнул.

— Ваши доводы произвели на меня большое впечатление. Выкладывайте пять тысяч севов.

— Я бы вам вообще ничего не платил. Но вот та тысяча, о которой я упоминал.

Он швырнул Джерсену пачку банкнот и сделал знак художавому. Тот подошел, поднял инструменты Джерсена и быстро завершил его работу. Джерсен, пересчитав деньги, отступил в сторону. Сутиро и художавый уложили монитор в сумку и, не произнеся больше ни слова, пошли в сторону здания космопорта. Джерсен тихо усмехнулся. Этот монитор он приобрел и установил на Эвилле, и стоил он ему четыре сотни севов. Монитор же Тихолта в целости и сохранности лежал внутри корабля.

Джерсен вернулся на корабль и задраил люки. Теперь время — деньги. Сутиро потребуется минут десять, чтобы связаться с Даски, а может, и с самим Малагате, и сообщить о своем успехе. Потом во все порты Скопления будет разослан приказ — снять наблюдение. Монитор попадет в руки к Малагате только через несколько часов, а если Джерсену очень повезет, то и через несколько дней — все зависит от того, где Малагате сейчас. Еще немного времени пройдет, пока они его будут вскрывать, а вот затем вся организация Малагате вновь будет приведена в боевую готовность, и тогда уже все внимание будет приковано к «Компании точных навигационных приборов Ферицци» в Сансонтиане на планете Оллифэйн.

К этому времени Джерсен надеялся уже побывать там и все выяснить. Но, естественно, лишнего времени у него не будет. Он запустил двигатели, прорезал голубое небо Альфанора и устремился в сторону Оллифэйна.

ГЛАВА 5

Оллифэйн. Девятнадцатая планета Скопления Ригеля.

Параметры:

Диаметр, миль	6700
Масса, ст. массы	0,9

Общая характеристика:

Среди планет Ригеля Оллифэйн обладает наибольшей плотностью, орбита его пролегает по самой границе Обитаемой Зоны. По одной из гипотез, когда протопланета Третьей группы Скопления распалась, Оллифэйн получил большую часть ее ядра. Как бы то ни было, долгое время на Оллифэйне наблюдалась бурная тектоническая деятельность, и даже сейчас на планете сохранились девяносто два действующих вулкана.

В коре Оллифэйна содержится множество полезных ископаемых. Пересеченный рельеф обеспечивает огромный гидропотенциал, позволяя получать, таким образом, куда более дешевую энергию, чем при использовании других источников. Трудолюбие и высокоразвитая культура населения способствовали тому, что Оллифэйн довольно быстро превратился в наиболее индустриальную планету Скопления, соперничать с которой могли лишь Тантамаунт, славящийся верфями по постройке звездолетов, и Лайонесса с ее гигантскими металлургическими заводами компании «Гном».

Климат на Оллифэйне относительно прохладен и влажен. Население планеты сосредоточено в основном в Экваториальной зоне вокруг озера Клэйр. Здесь располагаются десять самых больших городов планеты, крупнейшими из которых являются Киндьюн, Сансонтиана и Нью-Оссининг.

Оллифэйн способен производить все необходимые продукты питания для собственных нужд, причем большинство продуктов натуральные, так что по потреблению натуральной пищи в расчете на человека Оллифэйн занимает первое место среди планет Скопления и третье среди всех остальных основных миров Ойкумены. В горных долинах, окружающих озеро Клэйр, процветает скотоводство и развита молочная промышленность, там также выращивают несколько основных видов овощей.

Ольфы имеют смешанное происхождение, но в основном предками их можно считать выходцев из колонии Гиперборейских скэйкеров. Для ольфов типичны светлые или каштановые волосы и светлая некрашенная кожа, у них широкая и тяжелая кость, склонны к полноте. Они славятся своей ортодоксальностью и умеренностью в личной жизни, хотя всем известны их празднества и карнавалы, на которых ольфы ведут себя зачастую более чем разнузданно, позволяя себе эмоциональную разгрузку, ибо все остальные дни года очень сдержанны и замкнуты.

Кастовая система, несмотря на то что официально ее как бы не существует, распространяется на все уровни социальной структуры общества. Привилегии тщательнейшим образом соблюдаются, а завистливые тут же ставят на замечку. Язык сложен, и иерархическая система разработана таким образом, чтобы позволить по меньшей мере двенадцать видов вежливого обращения к собеседнику.

«Краткий планетарный справочник».

Очень необычно для постороннего человека или туриста наблюдать, как двое ольфов, абсолютно незнакомых друг с другом, мгновенно определяют кастовую принадлежность при встрече. Вся процедура происходит почти интуитивно, ибо обе стороны могут быть одеты в совершенно обыкновенную, ничем не выделяющуюся одежду.

Я неоднократно расспрашивал многих ольфов о том, как это у них получается, но до сих пор не получил вразумительного ответа. Прежде всего, большинство ольфов вообще отрицает всякое существование подобной кастовой системы, так как считается, что все члены их общества равноправны. Но даже признавая кастовые различия, сами ольфы не могут точно сказать, по каким признакам они определяют касту своего нового знакомого. Либо он более «высок», либо менее, вот и весь разговор.

Предполагаю, что разгадка в распознавании того, насколько «высок» их собеседник; кроется в быстрых, бессознательных и почти неуловимых для глаз движениях век, более быстрые или более медленные указывают на принадлежность к определенной касте. Движения рук также играют при этом какую-то роль.

Как и следовало ожидать, высокопоставленные лица наслаждаются своей значительностью в кастовой иерархии. Однако самыми «высокими» являются лица Гражданской Опекы — так ольфы называют свою полицию.

Фрерб Ханкберт. «К вопросу о межклассовых отношениях». Журнал «Человековедение», том МСХІІІ.

Джерсен приземлился в космопорте Киндьюна и, положив в чемоданчик монитор Тихолта, направился на метро в Сансонтану. Насколько он мог судить, никто на его прибытие внимания не обратил, и слежки, вроде бы, не было.

Однако времени оставалось все меньше и меньше. В любую секунду Малагате мог обнаружить, что его надули, и начать поиски Джерсена, но пока Джерсен чувствовал себя в полной безопасности. Используя пару классических уверток, он убедился, что никакого «хвоста» за ним нет.

В последнее время для слежки все чаще использовали так называемых «прилипал», которых насчитывалось не менее пяти разновидностей. Это могли быть сервооптические устройства — миниатюрные камеры с подвижными крылышками, управляемые оператором, или «автоматы» — такие же камеры, но реагирующие на радиоактивное или монохроматическое вещество, содержащееся в крошечной кнопке, прикрепленной к объекту наблюдения. Существовали и живые разновидности «прилипал», например кульпы — летающие существа, обладающие зачатками разума, которые приучены неотступно следовать за порученным им объектом, очень умные и надежные создания, единственный их недостаток — большие размеры, поэтому кульпа несложно заметить. К таким же средствам слежки относятся птицы-шпионы манксы, они меньше по размерам, а потому не так заметны, правда, менее послушны и сообразительны, но зато отличаются агрессивностью. Симбиозом техники и биологии можно считать пятый вид «прилипал» — модификацию манкса, обладающую всеми вышеперечисленными свойствами птицы-шпиона плюс еще снабженную устройствами управления, что делало ее наиболее опасным из всех пяти видов.

Ничего подозрительного не заметив, Джерсен спря-
тал монитор в автоматической камере хранения на
одной из пересадочных станций, как раз под отелем
«Рапунзель», оставив при себе только медную табличку
с выбитым на ней серийным номером. Через пятнадцать
минут вагон-экспресс доставил его в Сансантиану, что
находилась восьмьюдесятью милями южнее. Там он
проконсультировался в местном справочном бюро,
после чего снова сел в поезд и вскоре очутился в районе
Ферицтаун, в паре сотен метров от здания «Компании
точных навигационных приборов Ферицци».

Ферицтаун являл собой весьма мрачное зрелище —
сплошные индустриальные здания и склады. Время от
времени попадались таверны, небольшие приятные за-
веденья, украшенные орнаментом, с окнами из цвет-
ных стекол, явно соперничающие с большими аркада-
ми, протянувшимися вдоль берегов озера.

Близился полдень, булыжная мостовая потемнела от
недавно прошедшего дождя. По улицам грохотали длинные
шестиколесные фургоны, в воздухе стоял приглушен-
ный гул бесчисленных механизмов и машин. Раздался
короткий резкий вой сирены — сигнал на пересменку, и
мгновенно улицы заполнились рабочими. Как правило,
это были усталые люди с тупыми, ничего не выражаю-
щими лицами, одетые в теплые, хорошо скроенные ком-
бинезоны, перетянутые черными или белыми поясами.
Преобладали три цвета — серый, темно-синий и желтый.
Все было стандартизировано: правительство, придержи-
вающееся сложной системы синдикализма, явственно
выказывало свою бережливость и всякое отсутствие чув-
ства юмора, под стать своему народу.

Прозвучали еще два гудка сирены, и улицы, как по
волшебству, опустели. Люди, словно тараканы, когда
включают свет, бросались на свои рабочие места.

Джерсен подошел к грязному бетонному зданию, на
фасаде которого большими бронзовыми буквами было
выведено «Ферицци», а чуть ниже виднелась выполнен-
ная готическим оллифэйнским шрифтом надпись:
«Точные навигационные приборы». Пришла пора еще
раз показаться своим врагам — перспектива далеко не из
приятных. Что ж, другого выхода не было. Джерсен

через маленькую дверцу шагнул внутрь и оказался в длинном унылом холле, больше похожем на туннель из бетона. Пройдя сотню метров, Джерсен вышел к офисам, где располагалась вся администрация компании. Он направился к одному из столов. Навстречу ему поднялась немолодая женщина приятной наружности. Согласно местным обычаям, на работе она носила мужской темно-синий костюм с черным поясом. Мгновенно различив в Джерсене иномирянина, она с оттенком елейной обходительности поклонилась.

— Чем могу помочь вам, сэр? — почтительным голосом произнесла она.

Джерсен протянул ей медную табличку.

— Я потерял ключ от своего монитора, мне нужен дубликат.

Женщина моргнула. Ее вид мгновенно претерпел разительную перемену. Она нерешительно потянулась к табличке, брезгливо, словно та была заразной, взяла ее двумя пальчиками и оглянулась куда-то через плечо.

— Ну так что? — не сдержавшись, резко спросил Джерсен. — Что, какие-нибудь проблемы?

— Понимаете, недавно пришли новые инструкции, — забормотала женщина. — Я получила указания... Мне надо проконсультироваться у старшего инспектора Масенсена. Прошу прощения, сэр.

Быстрой походкой она прошла к боковой двери и скрылась за ней. Джерсен ждал, подсознательно ощутив, что происходит что-то неладное. Он нервничал, хоть и старался не показать этого, а всякое волнение затмевает мозг, влияет на восприимчивость... Женщина медленно вернулась к своему месту, стараясь не смотреть в глаза Джерсену.

— Одну минуточку, сэр. Подождите немного... Видите ли, надо просмотреть некоторые документы, обычная проверка. Когда человек хочет сделать что-то побыстрее...

— Где табличка от монитора? — спросил Джерсен.

— Старший инспектор Масенсен оставил ее пока у себя.

— В таком случае я сейчас же пойду и переговорю со старшим инспектором Масенсеном.

— Я сообщу...

— Пожалуйста, не утруждайте себя,— сказал Джерсен.

Не обращая никакого внимания на ее протесты, он миновал растерянную женщину, прошел через вращающуюся дверь и оказался во внутреннем помещении офиса. Там за письменным столом восседал тучный мужчина в причудливом голубовато-сером одеянии и что-то говорил в телефонную трубку. В руках он вертел медную табличку с серийным номером монитора. При виде Джерсена брови его недоуменно поползли вверх, а губы раздраженно скривились. Он быстро положил трубку на рычаг и пару секунд внимательно разглядывал Джерсена.

— Кто вы такой, сэр?! Как вы смеее врываться в мой кабинет?! — рявкнул он.

Джерсен перегнулся через стол и взял у него из пальцев табличку.

— Кому вы звонили по телефону?

Масенсен мгновенно рассвирепел.

— Вас это совершенно не касается! Какая наглость! Здесь, в моем кабинете!

— Опекунам будет очень интересно узнать о ваших незаконных действиях,— спокойно проговорил Джерсен.— Я, откровенно говоря, просто поражен тем, как открыто вы игнорируете действующее законодательство.

Масенсен опустился назад в свое кресло, тревожно оглянувшись по сторонам. С Опекунами шутки плохи. Они принадлежали к столь высокой касте, что Масенсен и его подручные по сравнению с ними были мелкими сошками. Кроме того, личность человека они не ставили ни во что, предпочитая верить обвинителю, а не протестам невиновных. Обычно они носили специальные мундиры из роскошной толстой шерсти, переливающейся фиолетовым, темно-зеленым или золотым оттенком в зависимости от освещения. Не столь самоуверенны, сколь сосредоточенно-серьезны, они придерживались строгого кодекса правил, целиком соответствующего их касте. В виде наказания на Оллифэйне широко применялись пытки — куда более дешевый, да и более эффективный способ, нежели штрафы или тюремное заключение.

ние. Угроза вызвать полицию приводила в трепет даже самых невинных.

— Я никогда не преступал законов! — взревел главный инспектор Масенсен. — Я что, отказал в вашей просьбе? Нет, нет и еще раз нет!

— Тогда немедленно предоставьте мне ключ, как того требует закон.

— Тише, тише, — сказал Масенсен. — Мы же не можем работать так быстро. Необходимо посмотреть кое-какие записи. Не забывайте, у нас есть еще и другая работа, кроме обслуживания всяких там бродяг-разведчиков, силой врывающихся в наши кабинеты.

Джерсен внимательно поглядел в одутловатое бледное лицо. Инспектор ответил ему пренебрежительным взглядом, не скрывая враждебности.

— Замечательно, — произнес Джерсен. — В таком случае я иду жаловаться в Совет Опекунов.

— Но прошу вас, взгляните на вещи логично! — с медвежьей любезностью снова заорал Масенсен. — Нельзя же сделать все сразу!

— Где мой ключ? Вы преступаете закон.

— Ни в коем случае, как можно! Я займусь вашим делом. Присаживайтесь, подождите здесь пару минуток.

— Я не хочу ждать.

— Тогда проваливайтесь! — взвыл Масенсен. — Я сделал все, что можно! — Губы его судорожно дергались, лицо побагровело от ярости, он что было сил стукнул по столу кулаком. Секретарша, в ужасе замершая в дверях, судорожно вскрикнула. — Вызовите Опекунов! — ярился Масенсен. — Я обвиняю вас в шантаже и угрозах! Вас высекут!

Джерсен не мог больше терять ни секунды и в бешенстве выскочил из кабинета. Очутившись в бетонном туннеле, он, немного помедлив, быстро оглянулся назад. Секретарша, пребывающая в полном шоке от случившегося, не обращала на него никакого внимания. Злорадно ухмыльнувшись, Джерсен пошел дальше по коридору, прочь от выхода, и вскоре оказался у какого-то сводчатого проема, ведущего в производственные помещения компании.

Прижавшись к стене, совершенно невидимый в тени пилястры, он внимательно наблюдал за работой цеха и изучал производственные линии, расположенные в этой части помещения. Многие операции выполнялись всяческими биомеханизмами, но, очевидно, требовался и ручной труд. Сюда дюжинами свозились те, кто нарушил закон, — несостоятельные должники, развратники, бродяги и пьяницы. Все они были прикованы к скамьям тяжелыми цепями и под надзором пожилого охранника, прогуливающегося с безразличным видом, мастерили свои детали. Главный надзиратель сидел на высокой платформе, откуда хорошо просматривался весь участок.

Джерсен взглядом отыскал место, где собирали мониторы. Немного дальше в стене тянулась невысокая ниша длиной метров в шестьдесят, там в мониторы вставляли замки. Рядом с нишей была установлена стеклянная клетушка, где сидел на высоком стуле какой-то канцелярский работник, скорее всего, нормировщик.

Он еще раз оглядел помещение. Никто не выказывал к нему ровно никакого интереса. Внимание главного надзирателя было направлено в другую сторону. Джерсен быстро прошел вдоль стены к комнатке нормировщика. Им оказался беспокойный мужчина неопределенного возраста, с впалыми щеками, с морщинистой, болезненного вида кожей, с крючковатым носом и циничным изгибом губ — не совсем законченный пессимист, но явно человек, не ждущий от жизни ничего хорошего. Джерсен зашел с задней стороны, где было побольше тени.

Клерк обернулся, с удивлением воззрившись на него.

— Да, сэр? Что вам угодно? Здесь не разрешено находиться посторонним, вам должно быть известно это.

— Как насчет подзаработать? — спросил Джерсен. — Сотня севов, но быстро!

— Конечно, сэр, — грустно улыбнулся табельщик. — Кого я должен убить?

— Этого от вас не потребуется. — Джерсен достал медную пластинку. — Дасте мне ключ вот от этого монитора — и полсотни вам обеспечено. — Он отсчитал пять пурпурного цвета купюр. — А также выясните, на

кого этот номер был зарегистрирован — получите еще пятьдесят. — Он подкрепил свои слова действием.

Клерк равнодушно посмотрел на деньги и оглянулся на цех за спиной.

— Почему бы вам не обратиться к нашей администрации? Такими вещами обычно занимается старший инспектор.

— Мы с ним не сошлись характерами, — объяснил Джерсен. — Он начал чинить мне всяческие препоны, а я спешу.

— Говоря другими словами, старший инспектор Масенсен не одобрил бы мою помощь вам.

— Поэтому-то я и предлагаю вам сотню севов за выполнение моего вполне законного требования.

— Но это может стоить мне места.

— Если я выйду через заднюю дверь, никто ничего не узнает. В том числе и Масенсен.

Клерк засомневался.

— Ладно, — наконец решился он. — Я смогу это сделать. Но мне потребуется еще пятьдесят севов для специалиста по ключам.

Джерсен пожал плечами и вытащил оранжевую пятидесятисевовую купюру.

— Я буду вам очень благодарен, если вы сделаете это как можно быстрее.

Клерк рассмеялся.

— Да мне и самому будет лучше, если вы побыстрее уберетесь отсюда. Но мне придется просмотреть два комплекта документов, не меньше. Мы здесь не очень-то любим быстро работать. А вы пока постарайтесь не попадаться никому на глаза.

Он записал серийный номер монитора, вышел из своей каморки и исчез за перегородкой.

Время шло. Джерсен успел разглядеть, что черная стена перед ним на самом деле представляет собой обыкновенное стекло, выкрашенное черной краской. Наклонившись, он приник к одной из царапин на ней и увидел, хоть и слегка расплывчато, кабинет за перегородкой.

У старомодного шкафа с бумагами стоял клерк, неторопливо перекидывая карточки. Отыскав нужное ему

досье, он сделал на листке бумаги несколько пометок. Но тут через одну из боковых дверей в комнату вошел Масенсен. Клерк закрыл досье, убрал его и направился было к выходу, когда инспектор окликнул его. Клерк с невозмутимым видом что-то ответил. Джерсен мысленно поаплодировал самообладанию служащего. Масенсен проводил его взглядом, развернулся и, в свою очередь, тоже подошел к шкафу с досье.

Одним глазом следя за тучной спиной Масенсена, клерк склонился над специалистом по ключам, прошептал что-то ему на ухо и вышел. Масенсен подозрительно обернулся, но клерка в комнате уже не было.

Оператор вставил в машину заготовку ключа, сверился с бумажкой и нажал несколько кнопок, устанавливая систему выемок, изгибов, электропроводимости и магнитных кодов.

Масенсен порылся в досье, извлек карточку и вышел из комнаты. Тут же через другую дверь вошел клерк. Машинист кинул ему ключ, и клерк вернулся в свою клетушку. Он передал ключ Джерсену и взял со стола пять пурпурных банкнот.

— А сведения о регистрации? — спросил Джерсен.

— Ничего не смог сделать. Масенсен добрался до этих досье раньше меня и изъясил карточку.

Джерсен с мрачным видом изучал ключ. Главной его целью было выяснить настоящего владельца монитора. Хотя, конечно, и ключ лучше, чем совсем ничего: информацию, хранящуюся в памяти, гораздо легче спрятать, чем сам монитор. Но время поджимало, пора было уходить.

— Оставьте себе остальные пятьдесят севов, — сказал он. Деньги-то эти, в конце концов, принадлежали Малагате. — Купите своим детишкам подарок.

Клерк отрицательно покачал головой.

— Я беру только то, что заработал. Мне не нужны подарки.

— Как хотите. — Джерсен спрятал деньги в карман. — Как лучше отсюда выйти, чтобы не вызвать подозрения?

— Идите тем же путем, что пришли, — ответил клерк. — Если вы попытаетесь выйти через заднюю дверь, вас остановит патруль.

— Благодарю вас,— сказал Джерсен.— Вы ведь не ольф?

— Вы правы. Но я прожил здесь столько, что успел забыть, что существуют места и получше.

Джерсен выглянул из конторки. Все было спокойно. Он незаметно выскользнул, прижимаясь к стене, добрался до арки и вновь очутился в бетонном туннеле. Проходя мимо двери, ведущей в административную часть, он заглянул туда и увидел Масенсена, меряющего шагами свой кабинет. Настроение у главного инспектора было явно не из лучших. Джерсен проскочил дверь и поспешил к выходу на улицу.

Неожиданно входная дверь распахнулась, и на пороге возник темный силуэт какого-то мужчины. Джерсен уверенно продолжал шагать вперед, словно его дело было самым законным во всей Ойкумене.

Когда Джерсен поравнялся с вошедшим, их глаза встретились. Мужчина остановился. Это был Тристано-Землянин.

— Какая удача! — воскликнул Тристано голосом искренне обрадовавшегося человека.— Ничего не скажешь, вот это удача!

Джерсен не ответил. Медленно, осторожно он принялся огибать Тристано, слишком напряженный, чтобы ощущать страх. Тристано сделал шаг в сторону и перегородил ему дорогу. Джерсен тоже остановился, смерив противника оценивающим взглядом. Тристано был ниже его на пару сантиметров, в шее и плечах помощнее, с широкими бедрами — все говорило о его ловкости и приличной физической подготовке. Голова маленькая, почти безволосая, лицо маленькое и аккуратное. Уши немного подрезаны опытным скальпелем хирурга, нос приплюснут, на скулах ходили большие желваки. Лицо Тристано выражало невозмутимое спокойствие, лишь слабый намек на улыбку притаился в уголках губ. Он был скорей отважен, нежели просто жесток, этот человек не знал, что такое злоба или жалость, им двигало желание показать окружающим, на что он способен. Очень и очень опасный человек, подумал про себя Джерсен.

— Отойдите с дороги,— спокойно сказал он.

Тристано приветливо протянул к нему левую руку.

— Как бы вас там ни звали, будьте благоразумны. Пойдемте со мной.

Продолжая приглашающе помахивать рукой, Тристано шагнул к нему. Джерсен, не обращая никакого внимания на отвлекающую руку, следил за глазами Тристано, и, когда тот занес для удара правую руку, Джерсен без труда отбил ее, в свою очередь вlepив свой кулак в его физиономию.

Тристано отпрянул назад, скорчившись будто бы от непереносимой боли, и Джерсен сделал вид, что попался на удочку. Он кинулся вперед, отвел было руку, как бы собираясь нанести еще один удар, но сразу остановился — и вовремя: нога Тристано с невероятной ловкостью и силой устремилась вперед, такой удар мог навсегда покалечить или даже убить человека. Но Джерсен был наготове: он схватил ногу Тристано за носок и пятку и резко вывернул. Тристано, мгновенно расслабившись, сделал в воздухе полуоборот, свернулся в клубок и мягко упал, высвобождая ногу из стального захвата. Подобно кошке, он приземлился одновременно на руки и на ноги и хотел было откатиться в сторону, но Джерсен, обхватив его голову, с силой ударил ее о свое колено. Хрустнули хрящи, полетели зубы.

Тристано, теперь пребывая в полном изумлении, обрушился на пол. Несколько секунд он лежал почти без сознания, безвольно раскинув руки и ноги. Джерсен зажал лодыжку Тристано в крепком замке и налег всем телом — раздался громкий хруст кости. Тристано мигом пришел в себя, судорожно задохнувшись от боли. Одной рукой он потянулся за ножом, оставив открытым горло. Джерсен, не медля ни секунды, нанес ему удар по гортани. Тристано снова повалился назад, слабо взмахнув ножом, который тут же был выбит Джерсеном. Выждав несколько секунд, Джерсен осторожно двинулся вперед — Тристано мог быть вооружен еще дюжиной всяческих смертельных ловушек.

— Оставь меня, — прохрипел Тристано. — Оставь меня и убирайся ко всем чертям!

Он пополз к стене. Джерсен подошел еще ближе, предоставляя ему возможность контратаковать. Триста-

но не шевельнулся. Тогда Джерсен обхватил его огромные плечи. Тристано перенес и это. Их взгляды встретились. Внезапно Тристано дернулся, пытаясь разорвать захват, и одновременно с тем взмахнул здоровой ногой. Джерсен уклонился, схватил ногу и приготовился было сломать вторую лодыжку, но тут позади раздались крики, послышался топот ног. К ним с искаженным от ярости лицом, переваливаясь с боку на бок, бежал старший инспектор Масенсен. За его спиной топали еще двое или трое служащих.

— Сейчас же прекратите! — закричал Масенсен. — Что вам надо в этом здании? — Он чуть ли не плевался прямо в лицо Джерсену. — Вы настоящий дьявол, преступник! Вы оскорбили меня, напали на моего клиента! Я передам вас в руки Опекунов!

— Передавайте на здоровье, — тяжело дыша, произнес Джерсен. В нем проснулась жажда мести. — Давайте, зовите сюда Опекунов.

— Что? — Брови Масенсена изумленно приподнялись. — И у вас хватает наглости говорить такое?

— По-моему, никакой наглостью здесь и не пахнет, — ответил Джерсен. — Как всякий добропорядочный гражданин я помог полиции города задержать опасного преступника.

— Что вы имеете в виду?

— Есть одно имя, и стоит мне только произнести его перед Опекунами... Я просто намекну им, что вы и тот человек связаны. Какие у меня есть доказательства? Вот этот джентльмен... — Он поглядел на ошеломленно ухмыляющегося Тристано. — Вы знакомы с ним?

— Нет. Конечно же, нет, я никогда не встречался с ним.

— Но вы сказали, что он ваш клиент.

— Мне показалось.

— А ведь он известный убийца.

— Мимо, проворный мой друг, — прохрипел Тристано. — Я не убийца.

— Да, вот только Луго Тихолт не может опровергнуть ваши слова — он мертв!

Лицо Тристано выразило оскорбленную невинность.

— Но мы беседовали друг с другом, вы и я, когда умер старик.

— Однако ни Даски, ни саркоец тоже не могли убить Тихолта. Кто еще прибыл вместе с вами на планету Смэйда?

— С нами никого не было.

Джерсен в растерянности уставился на него.

— Но это невозможно. Хильдемар Даски сказал Тихолту, что снаружи его ждет Малагате.

В ответ Тристано слегка пожал плечами.

Джерсен несколько секунд молчал, просто глядя на него.

— Я с уважением отношусь к Опекунам и их плетям, поэтому не убью вас. Но я могу сломать вам еще парочку костей, да так, что ходить вы сможете только боком, как краб. А могу растянуть вам глаза, чтобы всю оставшуюся часть жизни вы смотрели в разные стороны.

Складки вокруг рта Тристано проступили еще отчетливее, лицо его стало печальным. Он тяжело оперся о стену, слегка зашипев от боли.

— С каких это пор убийство на Краю стало вдруг преступлением? — пробормотал он себе под нос.

— Кто убил Тихолта?

— Я ничего не видел. Я стоял рядом с вами, у двери.

— Но в таверне вас было трое.

Тристано ничего не ответил. Джерсен склонился над ним и сделал быстрое движение рукой. Масенсен, судорожно всхлипнув, заковылял прочь, но вдруг остановился, будто его задержала какая-то невидимая преграда, и обернулся. Тристано тупо смотрел на свою безвольно повисшую кисть.

— Кто убил Тихолта?

Тристано покачал головой.

— Я больше ничего не скажу. Пусть я лучше буду косоглазым и ходить, как краб, чем подохну от саркоевского клюса.

— Я тоже могу заразить вас клюсом.

— Я больше ничего не скажу.

Джерсен снова наклонился вперед, но тут Масенсен коротко вскрикнул.

— Это возмутительно! — дрожащим голосом воскликнул он. — Я не допущу этого! Мне потом до конца жизни кошмары сниться будут! А я и так плохо сплю.

Джерсен окинул его недружелюбным взглядом.

— Вам лучше не вмешиваться.

— Я вызову Опекунов. Ваши действия выходят за всякие границы, вы нарушаете законы нашей планеты.

— Зовите, зовите, — усмехнулся Джерсен. — А мы посмотрим, кто из нас здесь что нарушил и кого потом накажут.

Масенсен нерешительно потер бледные щеки.

— Тогда уходите. И никогда не возвращайтесь. Так и быть, я ничего не скажу.

— Не так быстро, — сказал Джерсен, постепенно приходя в хорошее расположение духа. — Вы, между прочим, попали в серьезную переделку. Я пришел сюда с законным требованием, вы же по телефону вызвали убийцу, который напал на меня. Такое замять будет не так-то просто.

Масенсен облизнул пересохшие губы.

— Вы наговариваете на меня, я отмечу это в своем заявлении.

Старший инспектор явно не знал, что еще придумать. Джерсен расхохотался. Он подошел к Тристано, перевернул его на живот, стянул на спину куртку, блокируя руки, и закрепил ее поясом. Теперь Тристано никуда не мог деться.

— Давайте пройдем в ваш кабинет, — махнул Джерсен Масенсену и направился к конторе компании.

Масенсен недовольно засеменил следом. Снова очутившись в своем родном кабинете, старший инспектор обессиленно рухнул в кресло за столом.

— А теперь, — разрешил Джерсен, — можете вызывать Опекунов.

Масенсен мотнул головой.

— Может... давайте лучше обойдемся без всех этих сложностей. Иногда Опекунов просто невозможно ни в чем убедить.

— В таком случае вы должны рассказать мне все, о чем я вас попрошу.

Масенсен с готовностью кивнул.

– Спрашивайте.

– Кому вы звонили, когда я вошел к вам в кабинет?

Масенсен заволновался.

– Этого я никак сказать не могу, – торопливо забормotal он. – Неужели вы хотите, чтобы меня убили?

– Опекуны зададут вам тот же самый вопрос плюс еще много других.

Масенсен в отчаянии оглянулся по сторонам и возвел глаза к потолку.

– Одному человеку, – выдавил он. – В «Гранд-Помадор-отель». Его зовут Спок.

– Не пытайтесь меня обмануть, – сказал Джерсен. – Вы лжете. Даю вам последний шанс: так кому вы звонили?

Масенсен судорожно затряс головой.

– Я не лгу.

– Вы лично встречались с этим человеком?

– Да. Он высокого роста. У него короткие волосы, выкрашенные в розовый цвет, и большая вытянутая голова без шеи. Кожа на лице странного красного оттенка, и он носит черные очки, а на переносице у него какое-то устройство – очень необычного вида. У него не больше чувствительности, чем у рыбы.

Джерсен кивнул. Масенсен говорил правду. Это не кто иной, как Хильдемар Даски.

– Ну, а теперь самое главное. Я хочу знать, на чье имя зарегистрирован этот монитор.

Масенсен снова было замotal головой, но потом обреченно пожал плечами и встал.

– Пойду схожу за документами.

– Не стоит, – сказал Джерсен. – Сходим вместе. А если карточки вдруг не обнаружится, клянусь вам, я буду настаивать на самом жестоком наказании.

Масенсен бессильно потер лоб.

– Да, теперь припоминаю... Карточка здесь. – Он вытащил регистрационную карту из ящика своего стола. – Университет Приморской Провинции, Авента, Альфанор. Благотворительное пожертвование номер 291.

– А имя?

— Ничего нет. А от ключа вам не будет никакого прока. В своих мониторах Университет ставит особые кодирующие устройства. Мы продали им пару штук.

— Ну да, разумеется.

Использование кодирующих устройств, чтобы не подвергать соблазну недобросовестных разведчиков, готовых зачастую продать информацию на сторону, было достаточно распространенным явлением.

В голосе Масенсена зазвучали насмешливые нотки:

— Вижу, университет продал вам один из своих закодированных мониторов, «забыв» приложить дешифрующую ленту. На вашем месте я бы пожаловался властям Авенты.

Джерсен обдумывал полученную информацию. За всем этим скрывалось многое... если только сойдется еще один пункт.

— Почему вы звонили Споку? Он предложил вам денег?

Масенсен с жалким видом кивнул.

— Денег. И... он угрожал мне. Один мой проступок в прошлом... — Он сделал рукой неопределенный жест.

— Скажите, а Споку известно о том, что память монитора закодирована?

— Естественно. Я сам ему сказал об этом, но он уже и раньше все знал.

Джерсен кивнул. «Пунктик» сошелся. Значит, Атель Малагате обладает доступом к дешифрующим лентам Университета Приморской Провинции.

Его мысли на какое-то мгновение обратились к прошлому. Информации становилось все больше и больше. Если верить Хильдемару Даски, именно Малагате убил Тихолта. Тристано тоже, хотя и намеками, подтвердил это, он выболтал куда больше, чем сам того хотел. Но это лишь осложняет ситуацию. Если на прилетевшем корабле были только Даски, саркойский отравитель да Тристано, то как тогда объяснить присутствие на планете Малагате? Может, он прибыл на каком-нибудь другом корабле, сразу вслед за ними? Возможно, конечно, но что-то непохоже...

Масенсен с беспокойством наблюдал за его лицом. Вид у него был совсем жалкий.

— Сейчас я уйду, — сказал Джерсен. — Вы, конечно же, намерены сообщить Споку, что я побывал здесь?

Масенсен кивнул, весь его гонор как рукой сняло.

— Я должен.

— Но час вы подождать все-таки сможете.

Масенсен не протестовал. Он мог выполнить это условие, а мог позвонить и сразу. Скорее всего, позвонит, решил Джерсен. Но тут уж ничего не поделаешь. Джерсен встал и вышел из кабинета, оставив старшего инспектора в растрепанных чувствах.

У выхода Джерсен нагнал Тристано. Тому как-то удалось освободиться и подняться на ноги, и теперь он ковылял по коридору, одна из ступней была вывернута почти под прямым углом. Он оглянулся через плечо на Джерсена, на губах его играла прежняя спокойная полуулыбка, правда, теперь мускулы вокруг рта то и дело подергивались судорогой. Джерсен остановился, чтобы еще раз поразмыслить, как быть с ним. Логичнее всего убить его, но тогда уж за дело возьмется полиция. Поэтому, вежливо кивнув Тристано на прощанье, Джерсен обогнал его и вышел на улицу.

ГЛАВА 6

Нашей эпохе свойственна одна очень удручающая черта, которая уже давно замечена и описана современными антропологами, не переставшими, кстати, жаловаться на нее. Речь идет об эксцентричности, ибо никогда ранее человек не обладал таким огромным количеством возможностей формировать свою собственную жизнь. Необходимо поподробнее рассмотреть эту проблему, поскольку в дальнейшем мы не раз с ней столкнемся на страницах настоящей книги.

В нашу эпоху наиболее важным фактором человеческого существования стала безграничность пространства, пределов которого просто невозможно достичь. А сколько миров еще только ждут своего открытия! Их бесчисленное множество, поэтому на самый Край Света никогда не ступит нога человека. По моему искреннему и глубокому убеждению, осознание этих поистине внушающих благоговейный ужас масштабов намертво засело в глубинах человеческого рассудка и, таким образом, практически уничтожило или свело на нет всякую человеческую инициативу.

Здесь необходимо внести некоторое уточнение. Смелчаки, люди инициативные, все еще существуют, но печальная суть в том, что большинство таких индивидуумов предпочитают работать вне пре-

делов Ойкумены, и предприимчивость их и новые начинания не всегда созидательны. (Не стоит рассматривать это утверждение лишь как ироническое замечание, часто даже самые зловредные и губительные жизненные формы дают побочный эффект, оказывающий благотворное воздействие на окружающую среду.)

Но в основном честолюбивые устремления человечества направлены внутрь, а не вовне, то есть на достижение узких целей. Но почему? Неужели бесконечность как объект исследования – заметьте, не математическая абстракция – настолько обескуражила человеческий ум? Неужели мы удовлетворились мыслью, что богатства Вселенной теперь от нас никуда не денутся? Неужели современный человек предпочел богатую сытость диете новизны? Или, может быть, Конгрегация способна воздействовать на психику индивидуума больше, чем мы предполагаем? Или, может быть, все дело в разочаровании? Неужели люди выдохлись, сошедшись на том, что все лавры уже завоеваны, а все воображаемые цели достигнуты?

Вне всяких сомнений, здесь однозначного ответа просто не существует. Однако следует отметить несколько важных моментов. Прежде всего (в первородстве этого замечания можно не сомневаться) это касается своеобразия существующей ситуации, когда самые влиятельные и наиболее действенные структуры наших дней находятся в руках небольшой группки частных лиц и, в лучшем случае, доступны лишь избранному кругу общественности. Примерами тому служат МПМК, Конгрегация, Корпорация Джарнелла.

Второй ярко выраженной особенностью нашей эпохи стало катастрофическое падение общего уровня образования. И здесь не обошлось без крайностей: с одной стороны, мы имеем ученых Конгрегации, а с другой, скажем, рабов Тертуллианской компании. Если же заглянуть на Край Света, то там подобная поляризация обозначилась даже более четко. И такому упадку культуры и образованности есть очевидные причины. Пионеры-первопоселенцы, попав в странную, зачастую открыто враждебную окружающую среду, на первое место ставят вопросы собственного выживания. Возможно, еще более угнетающее воздействие оказывает на современного человека невероятный объем накопленных человечеством знаний. Тенденция к специализации зародилась именно в современные времена, а уж после прорыва в космос, когда на человека обрушился новый поток информации, специализация вообще стала во главе системы образования.

Уместно также рассмотреть общий облик нашего нового специалиста. Он живет в материалистический век, когда духовным ценностям уделяется весьма мало внимания. Он достаточно приятен в общении, умен, искушен в делах житейских, но не очень глубок. Его идеалы ни в коем случае не могут быть отнесены к области абстрактных. Его поле деятельности, если он ученый, – математика или одна из областей физики. Но в сотни раз более вероятно, что его коньком будет одна из тех наук, которые так беспечно называют гуманитарными: история, социология, сравнительные науки, символика, эстетика, антропология, методология, педология, педагогика, коммуникация, администрирование и наука о методах принуждения, не говоря уж о тех дебрях,

в которые превратились по вине целых поколений некомпетентных ученых психология и сравнительно недавно зародившаяся психоника.

Существует также огромное множество людей, которые, подобно автору этих строк, уютно устроились на весьма опасном утесе всеведения и с пышными заверениями в своей скромности (которая либо сильно хромает, либо вообще отсутствует) возлагают на себя бремя похвал, оценок, унижений и обличений своих современников. Ибо, как правило, это все же легче, чем рыть канавы.

Ян Холберк Вэнц LXII. «Люди, населяющие Ойкумену», предисловие.

Каждый мир обладает своей особой, неповторимой психической аурой, это подтверждается всеми десятью исследователями. Исаак Кэнздей готов поспорить, что если ему завяжут глаза и отвезут на любую планету Ойкумены или близлежащего Края Света, то сразу после снятия с него повязки он назовет имя планеты. Как ему удаются такие вещи? На первый взгляд, подобный трюк кажется совершенно непостижимым. Кэнздей признается, что и сам не совсем понимает, откуда в нем берется подобное знание. «Я просто принимаюсь, потом смотрю на небо. Пару раз подпрыгиваю — и моментально понимаю, где нахожусь».

Объяснение Кэнздея, несомненно, очень лукаво и намеренно причудливо. Дело в том, что наши чувства гораздо более остры, нежели всем нам кажется. Химический состав воздуха, цвет солнечных лучей, окраска неба, кривизна горизонта и расстояние до него, сила тяжести — все это фиксируется нашим мозгом, и при должной тренировке мы сможем узнавать планеты точно так же, как по глазам, форме носа и ушей, по прическе и цвету волос, изгибу губ можем воссоздать общую картину лица человека.

И это не говоря о флоре и фауне, изделиях коренных обитателей планеты или человека, характерных отличительных чертах солнца или нескольких солнц...

Оскар Андерсон. «Десять исследователей: наука типологии».

По мере взросления общества борьба его за выживание малопомалу перерождается и одновременно меняет свою направленность, в результате превращаясь в то, что можно назвать погоней за удовольствиями. Это весьма престранное утверждение, хотя, в общем-то, и не такое уж новое. Тем не менее, строго говоря, оно обладает непростым подтекстом. В качестве достаточно интересной темы для исследования автор предлагает изучить различные ситуации, связанные с выживанием в окружающей среде, и те типы удовольствия-удовлетворения, какие могут возникать в подобных условиях существования. С первого же взгляда обнаруживается вероятность того факта, что всякая острая нехватка чего-либо, принуждение или опасность порождают собой некое психическое напряжение, требующее особого вида удовлетворения.

Анспик, барон Бодиссей. «Жизнь», том 3.

Джерсен вернулся на станцию подземки в Сансонти-ане. Он вытащил монитор и сразу попробовал, подходит ли ключ. К его удовлетворению, замок тихо щелкнул, и крышка откинулась.

Как ни странно, внутри не оказалось ни взрывчатки, ни какого-либо другого подарка, например баллончика с кислотой. Он извлек небольшой цилиндр, содержащий банк данных, и взвесил его на руке, потом зашел в будку скорой почты и отправил цилиндр самому себе в отель «Креденца», в Авенту, на Альфанор. Покончив с делами, Джерсен вернулся на метро в Киндьюн, без всяких инцидентов добрался до своего корабля и поднялся в воздух.

Голубой полумесяц Альфанора закрыл собой полнеба, а позади его сиял сам Ригель. Когда из темноты выплыли очертания всех семи континентов, Джерсен ввел в автопилот программу посадки на космодроме Авенты, и корабль послушно устремился к цели.

Кран поднял суденышко и перенес его на стоянку. Джерсен вышел и внимательно огляделся по сторонам. Не обнаружив никаких признаков слежения, он зашагал вдоль рядов кораблей к зданию космопорта, где плотно позавтракал и еще раз обдумал свои планы. Насколько он мог судить, планы были предельно просты и вытекали из ряда логических выводов, в которых, как будто бы, никаких провалов или видимых ошибок не было.

Джерсен еще раз мысленно сформулировал свои заключения.

Первое. Монитор Луго Тихолта зарегистрирован в Университете Приморской Провинции.

Второе. Информация в памяти монитора закодирована, и доступ к ней возможен только при наличии дешифрующей ленты.

Третье. Такой дешифрующей лентой располагает Университет Приморской Провинции в Авенте.

Четвертое. Во-первых, Луго Тихолт утверждал, что его настоящим спонсором является Аттель Малагате (впервые он понял это, лишь оказавшись в Бринктауне. Неосторожное слово, оброненное Хильдемаром Даски? Если принять во внимание все факторы, то, скорее

всего, Малагате до сих пор уверен, что его инкогнито так и не раскрыто).

Во-вторых, Малагате всячески старается завладеть монитором и его памятью, а значит, он обладает доступом к дешифрующей ленте.

Таким образом, его план действий, как окончательно решил Джерсен, должен включать в себя следующие пункты:

Первое. Выделить круг лиц, обладающих доступом к дешифрующему устройству.

Второе. Узнать, кто из этих лиц отвечает всем требованиям, согласующимся с личностью и деятельностью Малагате. Кто, например, отсутствовал достаточно долгое время, чтобы успеть посетить планету Смэйда?

Итак, имеется прямой, логически выстроенный план нападения. Но, исходя из личного опыта, Джерсен знал, что воплощение любых логически выстроенных планов может обернуться совсем не простым делом. Ему ни в коем случае нельзя привлекать к себе внимание Малагате. Правда, до определенной степени его личная безопасность обеспечивается находящимся у него монитором, принадлежащим Тихолту, но если только Малагате почувствует, что появилась угроза раскрытия его собственной личности, он не будет долго думать, а просто убьет Джерсена. Если же Малагате не углядит особых причин бояться разоблачения, то будет откровенной глупостью разуверять его в этом. Сейчас инициатива находится в руках Джерсена, поэтому можно не кидаться сломя голову куда глаза глядят... тут Джерсен на мгновение отвлекся.

В соседней кабинке сидели две хорошенькие девушки, которые, очевидно, пришли в порт, чтобы встретить или проводить в дальний путь какого-нибудь своего друга. Джерсен тоскливо поглядел на них, осознав, отнюдь не в первый раз за свою жизнь, какую-то пустоту внутри, и почувствовал некоторую неудовлетворенность, похожую на ту, что испытывал на планете Смэйда. Легкомыслие... сразу видно, у этих двух красоток мысли направлены только в одну сторону. Волосы одной из них были окрашены в густой зеленый цвет, а

коже она придала нежный салатный оттенок. Другая вообще скрыла свои волосы под париком из бледно-лиловой металлической стружки, а кожу выкрасила мертвенно-бледной краской. Голову ее украшала шляпка, с которой на лоб и щеки свешивались серебряные листочки и бутончики.

Джерсен глубоко вздохнул. Его жизнь представляла собой бесконечную мрачную череду событий. Когда он начинал вспоминать прошлое, одна и та же сцена возникала перед его мысленным взором: ребятишки, безмятежно играющие на детской площадке, и он, худощавый паренек с мрачным лицом, наблюдающий за ними издалека. Он испытывал лишь бескорыстный интерес и порой неподдельное изумление при виде подобного невинного счастья, никогда не представляя себя таким, как они. Его дед позаботился об этом...

Одна из девушек, сидящих в соседней кабинке, заметила, что он смотрит на них, и что-то шепнула на ухо своей подружке. Обе повернулись в его сторону, скользя по нему взглядами, якобы не обращая внимания. Джерсен печально улыбнулся, так как чувствовал себя неловко в женском обществе и близко знал лишь немногих женщин. Внезапно он нахмурился и бросил на девушек быстрый испытующий взгляд: нет ничего невозможного в том, что этих двух красоток подослал к нему Малагате. Но тогда почему их двое?.. Девушки тем временем поднялись из-за своего столика и направились к выходу из ресторана, еще раз украдкой стрельнув в него глазками.

Джерсен проводил их взглядом. На него вдруг нахлынуло внезапное безумное желание броситься вслед за ними, познакомиться, сойтись поближе... Вот ведь глупость, глупость вдвойне. Ну и что бы он им сказал? Он отчетливо представил себе два миленьких личика, на которых первоначальное неподдельное любопытство будет постепенно сменяться явным разочарованием, когда он мучительно попытается выдавить из себя неуклюжие комплименты.

Девушки ушли. Ну, и замечательно, подумал Джерсен, отчасти удивляясь своему странному порыву, отчасти злясь за это на себя. Зачем себя обманывать? Жить

такой жизнью, какую ведет он, совсем не легко, его путь не усеивают розы. Он не создан для светских утех.

Джерсен взял себя в руки и переключился на свои цели, к выполнению которых был прекрасно подготовлен. Он не испытывал ни сомнений, ни колебаний – все давно было расставлено по полочкам. Неожиданно промелькнувшая у него в голове мысль нарушила плавный процесс его самоутверждения: а что бы он делал, если бы у него не было такой ясной и понятной цели, таких строгих, искусственно установленных правил? Он бы сразу выпал из окружения этих уверенных в себе людей с их приятными манерами и небрежными разговорами...

Хорошенько обдумав эту мысль, Джерсен вдруг почувствовал себя духовно неполноценным. Ни разу за свою жизнь он не сделал выбора сам. У него по-прежнему не было ни малейших сомнений в необходимости своего пути, но вопрос сейчас стоял вовсе не о том. Нельзя, подумал он, налагать на человека какие-то обязательства, пока он не познает мир настолько, чтобы сделать свой собственный выбор, вынести свое собственное решение. Но этого ему было не дано. Решение вынесли за него, а он лишь его принял... Ну и что здесь такого? Гораздо насущнее сейчас вопрос: что он будет делать, когда выполнит все поставленные перед ним задачи? Хотя, честно говоря, шансов у него очень мало. Но предположим, он все-таки уберет эту пятерку, а дальше? Он и прежде пару раз задумывался над этим, но, дойдя в своих размышлениях до определенной точки, всякий раз отказывался от дальнейших раздумий, как бы останавливаемый каким-то подсознательным импульсом. Точно так же поступил он и сейчас. Завтрак его был закончен, девушки, подвигнувшие его на такие мрачные мысли, давно ушли. И вряд ли они были агентами Малагате-Беды.

Джерсен посидел еще пару минут, прикидывая, как лучше приступить к выполнению первого звена плана, и, как обычно, в конце концов решил действовать напрямую.

Он вошел в кабинку связи и соединился со справочным отделом Университета Приморской Провинции, находящегося в пригороде Ремо, в десяти милях к югу.

Телеэкран сначала выдал фирменную заставку университета, после чего появилась обычная надпись: «Пожалуйста, говорите отчетливо». Одновременно механический голос произнес:

— Чем мы можем вам помочь?

Джерсен обратился к невидимой секретарше:

— Мне хотелось бы получить некоторую информацию, касающуюся исследовательской программы университета. В какой отдел мне надо обратиться?

На экране, сквозь затейливую сетку, медленно проступил золотистый фон, а потом возникло личико молодой девушки со светлыми волосами, спадающими локонами у каждого ушка.

— Это зависит непосредственно от вида исследования, которое вас интересует.

— Работы, связанные с благотворительным пожертвованием номер 291.

— Минутку, сэр, я сейчас узнаю.

Вновь на экран легла сетка, но спустя несколько секунд девушка снова появилась.

— Соединяю вас с факультетом галактической морфологии, сэр.

Перед Джерсеном появилась другая секретарша. Лицо этой девушки было перламутрово-серебристого оттенка, а поднятые волосы, создавая впечатление темного нимба вокруг головы, ошетинились множеством крошечных лакированных копий.

— Галактическая морфология.

— Мне хотелось бы подробнее разузнать о благотворительном пожертвовании за номером 291.

Девушка на мгновение задумалась.

— Вы имеете в виду информацию непосредственно об этом взносе, сэр?

— О сумме взноса, о том, как он действует, кто им распоряжается.

Губки девушки изогнулись в гримаске сомнения.

— Я не слишком много могу сообщить вам, сэр. Нашу программу исследований финансирует определенный фонд.

— В частности, меня интересует разведчик Луго Тихолт, работа которого оплачивалась из средств данного пожертвования.

Она покачала головой.

— Я ничего о нем не знаю. Всей необходимой информацией обладает мистер Деттерас, но сегодня он не может встретиться с вами.

— Разведчиков нанимает мистер Деттерас?

Девушка вскинула брови и слегка прищурилась. Какое подвижное лицо! А широкий рот с веселыми складочками в уголках прятал в себе улыбку. Джерсен был просто очарован.

— Видите ли, сэр, мне не очень много известно обо всем этом. Разумеется, мы имеем свою долю в главной исследовательской программе университета. Но, по моему, она проходит не под этим номером взноса. Нашим исследовательским отделом руководит мистер Деттерас, он мог бы предоставить вам всю необходимую информацию.

— Мог ли кто-то еще из вашего отдела финансировать разведчика, проходящего по взносу 291?

Девушка смерила Джерсена оценивающим взглядом, как бы прикидывая истинную причину его вопросов.

— Вы из полиции? — робко спросила она.

Джерсен рассмеялся.

— Да нет, я просто друг мистера Тихолта. Он попросил меня завершить кое-какие дела.

— А... Ну, есть еще мистер Келле, начальник планового отдела исследовательского комитета. И мистер Уорвив, Почетный проректор, он вносил пожертвования в фонд под номером 291. Мистера Келле сегодня не будет, у него дочь завтра выходит замуж, поэтому он очень занят.

— А мистер Уорвив? С ним я могу встретиться?

— Ну... — Девушка поджала губки и склонилась над расписанием. — До трех часов он занят, а потом у него «окно», специально для студентов или для тех, кто заранее не смог назначить встречу.

— Это меня устроит.

— Не могли бы вы тогда назвать свое имя? — с некоторой застенчивостью спросила девушка. — Я поставлю

вас первым в списке. Если будет много других посетителей, вам не придется ждать.

Джерсена приятно удивило ее беспокойство. Он взглянул на нее и еще больше удивился, обнаружив, что она мило улыбается ему.

— Очень любезно с вашей стороны. Меня зовут Кирт Джерсен.

Она записала. И, казалось, совсем не спешила прерывать разговор.

— А чем занимается этот ваш Почетный проректор? — спросил Джерсен. — Каковы его обязанности?

Она пожала плечиками.

— Вообще-то, я не знаю. Он то приходит, то уходит. Мне кажется, он занимается только тем, чем хочет. Все, у кого есть деньги, занимаются чем хотят. Вот я разбогатею...

— Да, еще один вопрос, — сказал Джерсен. — Вы хорошо знакомы с порядками вашего факультета?

— Ну да, можно сказать, что так, — рассмеялась девушка. — Если здесь вообще есть какой-нибудь порядок.

— Информация монитора, находившегося в корабле разведчика, зашифрована. Вы когда-нибудь слышали о таких вещах?

— Да, мне как-то рассказывали.

Девушка явно обращалась к Джерсену как к живому человеку, а не как к какому-то лицу на экране. Джерсену пришло в голову, что она очень красива, несмотря на весьма оригинальную прическу. Да, слишком много времени он проводил в космосе. Он постарался, чтобы в голосе не отразилось волнение, охватившее его.

— А кто занимается расшифровкой памяти? Кто ответствен за кодирующие устройства?

Девушка снова нахмурилась.

— Ну, прежде всего, мистер Деттерас. Может быть, мистер Келле.

— А не могли бы вы сказать поточнее?

Девушка заколебалась, изучая лицо Джерсена. Разумнее всего было отказаться отвечать на вопросы человека, которого она совсем не знала... но что в этом плохого? Мужчина, стоявший перед ней, заинтересовал ее. Он

был немного задумчивым и печальным, даже таинственным, и не такой уж урод, просто очень мужественный.

— Я могу спросить у секретаря мистера Деттераса, — живо ответила она. — Вы подождете пару минут?

Экран потускнел, но не прошло и минуты, как он снова загорелся. Девушка приветливо улыбнулась Джерсену.

— Я оказалась права. Мистер Деттерас, мистер Келле и мистер Уорвив — только они имеют доступ к дешифрующим лентам.

— Понятно. Мистер Деттерас — директор исследовательского отдела, мистер Келле — председатель планового комитета, а мистер Уорвив — кто он такой?

— Почетный проректор. Ему был присвоено это звание, когда он сделал нашему факультету то самое пожертвование номер 291. Он очень богатый человек и очень интересуется исследованиями в космосе. Часто бывает на Краю... А вы когда-нибудь бывали на Краю Света?

— Только что оттуда.

Девушка подалась вперед, лицо ее засветилось неподдельным интересом.

— И что, там действительно так опасно и жутко, как говорят?

Джерсен воспользовался моментом и с напускной бравадой, которая удивила даже его самого, предложил:

— Хотите, слетаем вместе? Сами проверите.

Такое неожиданное предложение несколько не смутило девушку, она лишь покачала головой.

— Я бы напугалась до смерти. Меня всю жизнь учили не доверять незнакомцам, прилетевшим с Края. Вдруг вы работороговец и хотите продать меня?

— И такое бывает, — мрачно согласился Джерсен. — Да, здесь вы в большей безопасности.

— Но с другой стороны, — кокетливо добавила девушка, — это так скучно, все эти теплые местечки...

Джерсен открыл было рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрыл его. Девушка, состроив невинное личико, с любопытством наблюдала за его мимикой. А почему бы и нет, размышлял Джерсен. Его дед был уже старым человеком...

— В таком случае, если вы не против рискнуть, может быть, вы согласитесь провести со мной этот вечер?

— Зачем? — Девушка внезапно стала серьезной. — Чтобы стать вашей рабыней?

— Нет, просто, так... Предложите что-нибудь сами.

— Весьма неожиданное предложение. И, кроме того, я даже не знакома с вами, только вот так, через экран.

— Да, вы абсолютно правы, — еще более смутившись, выдал Джерсен. — Я не слишком-то галантный кавалер.

— Но опять-таки, а что в этом может быть плохого? Я сама очень импульсивна, так мне все говорят.

— Думаю, это зависит от обстоятельств.

— Вы только что вернулись с Края Света, — великодушно произнесла девушка. — Так что, думаю, вас можно извинить.

— Значит, договорились?

Она притворилась, будто ею снова овладели сомнения.

— Хорошо. Давайте попробуем. Где мы встретимся?

— В три часа я поеду на встречу с мистером Уорвином, вот тогда и договоримся обо всем.

— Я здесь буду до четырех... А вы точно не работороговец?

— Я даже не пират.

— Довольно невеселая перспективка, я бы сказала... Но мне еще предстоит узнать вас получше.

Широкий песчаный пляж простирался на сотню миль к югу от Авенты и тянулся вдоль всего залива Ард Хук. До самого Ремо и даже несколькими милями дальше песчаные дюны, порой приближающиеся к самому океану, были застроены невысокими виллами из ослепительно-яркого ракушечника.

Джерсен взял напрокат автомобиль, небольшой слайдер на воздушной подушке, и вдоль широкой белой магистрали, поднимая клубы пыли, направился на юг. Пески блестели и переливались под лучами Ригеля, голубые волны в клочьях белой пены накатывались на берег, рождая шум, одинаковый во всех мирах Вселенной, — шум прибоя. Дорога взбиралась все выше, слева

тянулись песчаные дюны, поросшие черными и пурпурными, похожими на железные, кустами, время от времени усеянными точками высоких белых цветков-шаров — наполненных газом шариков, покачивающихся на длинных стеблях. Из прохладно-зеленых зарослей гималайских кедров, пальм и крылатых деревьев выглядывали белые домики.

Впереди дорога пошла еще круче, и песчаные дюны превратились в небольшие холмы, обращенные к океану крутыми склонами. Ремо располагался на плоском плато у подножия одного из таких холмов. Меж двумя выдающимися далеко в море пирсами, на которых кто-то сообразил выстроить казино, вода залива пестрела маленькими щепочками лодок. Университет занимал вершину холма — низенькие, с плоскими крышами здания, соединенные друг с другом аркадами.

Джерсен нашел университетскую стоянку, посадил свой слайдер и вышел. Дорога, нырнув под мемориальную арку, вывела его на широкую лужайку. Он спросил у одного из студентов, как ему найти отдел галактической морфологии.

— Факультет галактической морфологии? Следующая площадь, сэр, здание в дальнем углу.

Грустно размышляя над почтительным обращением «сэр» — и это от человека, который максимум на семь лет моложе его! — Джерсен направился к площади, пробиваясь сквозь многоголосую многоцветную толпу студентов. Очутившись у входа в дальнее здание, он немного помедлил: его охватила странная застенчивость, почти робость, которая то и дело накатывала на него на протяжении всего пути в университет. Он усмехнулся про себя. Прямо как школьник, который дрожит от волнения, пригласив незнакомую девушку провести вечер вдвоем. Но самое удивительное заключалось в том, что эти переживания, казалось, затмили собой основную цель всей его жизни! Он дернул плечами и вошел в фойе.

Сидящая за столом девушка подняла на него глаза, и в них Джерсен увидел ту же нерешительность, которая так мешала ему самому. Девушка оказалась немного меньше ростом и более стройной, чем он себе представ-

лял, но от этого ее привлекательность только выигрывала.

— Мистер Джерсен?

Джерсен изобразил на лице как можно более приветливую улыбку:

— Оказывается, я даже не знаю вашего имени.

Девушка немного расслабилась:

— Паллис Атроуд.

— Ну вот, все формальности соблюдены, — сказал Джерсен. — Надеюсь, наш договор остается в силе?

Она кивнула:

— Если только вы не переменили решения.

— Ни в коем случае.

— Я обычно делаю вид, что очень самоуверенна, но на самом деле это далеко не так, — застенчиво улыбнулась Паллис Атроуд. — Просто на время я решила забыть о своих манерах. Моя мать — настоящий «синий чулок». Похоже, пришло время наверстывать упущенное.

— Вы начинаете пугать меня, — с серьезным видом заметил Джерсен. — Я тоже не так уж и смел, и если вдруг столкнусь с тем, что вы называете «наверстать упущенное», я совсем не уверен...

— О, это не так опасно, как кажется. Я вовсе не собираюсь накачиваться наркотиками, ввязываться в драки или... — Она вдруг запнулась.

— Или что?

— Так, просто «или».

Джерсен взглянул на свои часы.

— Похоже, мистер Уорвив уже ждет меня.

— Его кабинет дальше, прямо по коридору. И, мистер Джерсен...

Джерсен посмотрел на ее слегка смущенное личико.

— Да?

— Сегодня я выболтала вам некоторые вещи, а этого, похоже, вообще нельзя было говорить. Ну, насчет шифров. По идее, это секретная информация. Пожалуйста, не могли бы вы не упоминать о нашем разговоре при мистере Уорвиве? У меня могут быть большие неприятности.

— Я не скажу ни слова.

— Благодарю вас.

Джерсен развернулся и пошел по коридору. Пол, выложенный серыми и черными плитками, упруго пружинил под ногами; стены и потолок, облицованные белым пластиком, сверкали, вокруг не было видно никаких украшений. Картину общей строгости нарушали только двери и таблички на них, они переливались немислимой гаммой цветов: индиго, темно-зеленые, коричневые, розовато-лиловые и многие другие оттенки непрерывно сменяли друг друга.

Миновав три двери, Джерсен подошел к парящей в воздухе надписи, выполненной светящимися голубыми буквами: «Джайл Уорвив», и чуть ниже: «Проректор».

Он немного помедлил — настолько окружение не соотвествовало сложившемуся у него облику Малагате-Беды. Может быть, где-то в цепь его умозаключений вкралась ошибка? Монитор был снабжен кодирующим устройством и зарегистрирован в университете. Хильдемар Даски, один из главных подручных Малагате, всеми правдами и неправдами пытался добыть монитор, а значит, обладал доступом к дешифрующей ленте, без которой тот был просто-напросто бесполезным хламом. Джайл Уорвив, Деттерас и Келле — три человека, имеющие доступ к монитору, а следовательно, одним из этих троих обязательно должен быть Малагате. Итак, кто из них — Уорвив, Деттерас или Келле? Гадать, не имея в распоряжении никаких фактов, бессмысленно, надо опираться только на проверенную информацию. Джерсен шагнул к двери, которая тут же с легким щелчком, словно шторка фотокамеры, скользнула в сторону. На идентификаторе, как испуганные рыбки, заметались буквы, наконец они сложились в определенное сочетание, и его впустили внутрь.

В приемной стояла высокая худая женщина с колючими и бесстрастными серыми глазами. Она молча слушала молодого человека, чем-то по-видимому, озабоченного, и периодически медленно кивала головой.

— Мне очень жаль, — сказала она резким голосом, когда молодой человек закончил свою речь, — но все эти требования не имеют никакого отношения к процессу обучения студентов. Я не могу позволить вам отнимать у проректора время вашими жалобами.

— А зачем же он тогда здесь сидит? — не выдержал юноша. — У него есть специальные приемные часы в расписании, почему бы ему не выслушать мою точку зрения на происшедшее?

Женщина еще раз отрицательно покачала головой.

— Прошу прощения, — сказала она и отвернулась. — Вы мистер Джерсен?

Джерсен шагнул вперед.

— Мистер Уорвив ждет вас. Сюда, пожалуйста.

Джерсен вошел. Джайл Уорвив, сидевший за письменным столом, поднялся навстречу — высокий приятный мужчина, крепкого, спортивного телосложения, неопределенного возраста — похоже, лет на десять — пятнадцать старше Джерсена. Коротко подстриженные волосы уложены аккуратными черными волнами, кожа выкрашена в консервативный бледно-коричневый цвет. Черты лица подчеркивали его мужественный вид: узкие, глубоко копосаженные глаза, темные и задумчивые; строгая линия подбородка и классический нос. Он со сдержанной учтивостью приветствовал Джерсена.

— Прошу вас, мистер Джерсен, присаживайтесь. Рад познакомиться с вами.

— Благодарю вас.

Джерсен огляделся по сторонам. Комната была больше обычного кабинета. Стол располагался сразу слева от двери, отгораживая большую часть комнаты, что было весьма необычно. Высокие окна справа выходили на площадь. На противоположной стене висели сотни карт — меркаторские проекции различных миров. Центр кабинета оставался пустым и из-за этого был похож на зал заседаний, из которого почему-то убрали стол. В дальнем конце помещения на подставке из отполированного дерева стояла странная конструкция, представляющая собой переплетение выполненных из камня и металла спиралей; назначение этой штуки Джерсен так и не смог себе представить. Он опустился в кресло и сосредоточил внимание на сидящем за столом мужчине.

Откровенно говоря, Джайл Уорвив несколько не вписывался в представления Джерсена о типичном университетском администраторе. И это естественно, подумал про себя Джерсен, если Уорвив и есть Малагате.

Если цвет его кожи можно назвать консервативным, то про одежду этого не скажешь: роскошный ярко-голубой костюм с белым поясом, белые кожаные наголенники, бледно-синие сандалии. Такое одеяние больше подошло бы какому-нибудь молодому щеголю из северной части Авенты... Джерсен почувствовал, как внутри шевельнулись какие-то смутные воспоминания: где-то он уже видел подобное буйство красок, но тут же это ощущение бесследно пропало.

Уорвив с таким же откровенным любопытством, хотя и несколько снисходительно, изучал внешний вид Джерсена. Было очевидно, что Джерсен мало внимания уделяет вопросам моды, об этом откровенно свидетельствовала его одежда. Кожу он не красил, она была естественного цвета (на улицах Авенты на Джерсена оглядывались так, словно он шел голышом), густые темные волосы, коротко подстриженные, делали его прическу похожей на плавный гребень волны.

Уорвив вежливо ждал начала разговора.

— Мистер Уорвив, — начал Джерсен, — я приехал сюда в связи с одним довольно запутанным делом. Мои личные мотивы лучше оставить в стороне, поэтому я убедительно прошу вас не задавать мне вопросов относительно того, что именно заставило меня заняться решением этой проблемы.

Уорвив кивнул.

— Это будет нелегкой задачей, но я попробую.

— Прежде всего я хотел бы спросить вас: вы знакомы с неким Луго Тихолтом?

— Нет. К сожалению, нет. — Ответ прозвучал быстро и решительно.

— Могу я узнать, кто именно отвечает за университетскую программу исследований космоса?

Уорвив задумался.

— Вы имеете в виду крупные экспедиции, поисковые партии или еще что-нибудь?

— Меня интересует программа, в ходе которой используются разведчики и специально нанятые разведсуда.

— Хм.— Уорвив с любопытством посмотрел на Джерсена.— Вы, по всей вероятности, разведчик? И, скорее всего, ищите работу? Если так...

Джерсен вежливо улыбнулся в ответ.

— Нет, работа мне не нужна.

Теперь пришла очередь усмехнуться Уорвиву — быстрая, ничего не значащая улыбка.

— Да, да, конечно. Я часто ошибаюсь в своих суждениях о людях. Например, мне ни о чем не говорит ваша манера речи. Несомненно одно: вы родом не из Скопления. Будь у вас немного другой тип лица, я бы сказал, что вы с Мицара-3.

— Большую часть своей юности я провел на Земле.

— Неужели? — Уорвив поднял бровь в хорошо сыгранном удивлении.— Знаете ли, здесь у нас сложился некий определенный стереотип землян: приверженцы всяческих культов, мистики, сверхцивилизованные существа, зловещие старцы в темных одеяниях Конгрегации, аристократы-декаденты...

— Я не отношусь ни к одному из этих типов,— заметил Джерсен.— Так уж случилось, что вы меня занимаете ничуть не меньше, чем я вас.

Уорвив улыбнулся.

— Что ж, мистер Джерсен. Вы хотели знать о нашей политике относительно разведчиков. Прежде всего должен сказать вам, что в Программе космических исследований мы сотрудничаем с рядом других организаций и учреждений. Имеется у нас также и небольшой фонд, из которого периодически изымаются деньги на обеспечение некоторых особых проектов.

— Это тот самый фонд, который является благотворительным пожертвованием номер 291?

Уорвив склонил голову, соглашаясь с Джерсеном.

— Очень странно,— сказал Джерсен.

— Странно? Что именно?

— Луто Тихолт был разведчиком. Монитор, установленный на его корабле, был приписан Университету Приморской Провинции и оплачен из пожертвования 291.

Уорвив поджал губы.

— Вполне возможно, что мистер Тихолт выполнял особое задание кого-то из руководства факультета.

— Монитор снабжен кодирующим устройством. Это значительно сужает круг работодателей Тихолта.

Уорвив пронзил Джерсена твердым взглядом своих черных глаз.

— Если бы я знал, что именно вы хотите узнать, я ответил бы вам более точно.

Джерсен решил, что терять ему нечего, и если он расскажет какую-то часть правды, ничего не изменится. Если Джайл Уорвив и есть Малагате, то он все равно знает, что там произошло. А если нет, это лишь может помочь.

— Вам знакомо имя Аттель Малагате?

— Малагате-Беда? Один из так называемых Властителей Зла?

— Луто Тихолт наткнулся на мир изумительной красоты в буквальном смысле слова. Планете этой нет цены, она больше похожа на Землю, чем сама Земля. Малагате прознал о его открытии, как — я и сам не знаю. Одним словом, четверо людей Малагате обложили Тихолта в таверне Смэйда... Тихолт прибыл туда сразу вслед за мной. Приземлившись в укромной долинке, он пешком добрался до таверны. Вечером туда прилетели подручные Малагате. Тихолт пытался бежать, но в темноте они схватили его и убили. А потом они покинули планету, прихватив с собой мой корабль, приняв его, очевидно, за судно Тихолта, что меня совсем не удивляет: корабли были абсолютно одинаковыми, одной и той же модели — 9Б.

В этом месте рассказа Джерсен слегка усмехнулся.

— Так что, когда они вскрыли мой монитор, их ожидал весьма неприятный сюрприз. На следующий день я улетел с планеты на корабле Тихолта. Естественно, теперь монитор перешел ко мне, и я хочу как можно дороже продать содержимое его памяти.

Уорвив коротко кивнул, играя какой-то бумажкой из тех, что лежали у него на столе. Джерсен внимательно следил за ним, изучая его ухоженные руки, отполированные до блеска ногти. Подняв глаза, он перехватил

устремленный на него взгляд Уорвива, в котором дружелюбия было куда меньше, чем в голосе.

— И кому вы хотите предложить эту информацию?

Джерсен пожал плечами.

— Право первой руки я хочу предоставить спонсору Тихолта. Как я уже упоминал, память закодирована, и здесь потребуется дешифрующая лента.

Уорвив откинулся на спинку кресла.

— Так, сразу, мне трудно сказать, кто мог подписать контракт с этим Тихолтом. Но кто бы это ни был, сомневаюсь, что он станет покупать kota в мешке.

— Конечно, нет.

Джерсен положил на стол фотографию. Уорвив, мельком бросив на нее взгляд, опустил снимок в щель проектора. На экране, висящем поверх карт на стене кабинета, вспыхнули чистые яркие краски. Тихолт сделал этот снимок, стоя на одном из склонов долины. По обе стороны уходили за горизонт плавные изгибы холмов, склоны заросли высокими деревьями с пышными темными кронами, в лугах петляла быстрая речка. Вдали, на лугу, почти скрытый в тени деревьев, рос какой-то странный куст, сплошь покрытый цветами. Самого солнца не было видно, зато сплошным потоком лился золотой теплый свет его лучей. Скорее всего, снимок был сделан в полдень.

Уорвив долгое время изучал снимок, потом что-то неразборчиво буркнул. Джерсен протянул ему еще одну фотографию. На этот раз на экране возник вид, открывающийся снизу, из долины: река, бегущая, извиваясь, куда-то вдаль; деревья, возносящиеся на невиданную высоту по обеим берегам реки. Кроны деревьев, смыкаясь над плавно текущей водой, создавали нечто вроде туннеля, конец которого терялся в туманной дымке.

Уорвив перевел дыхание.

— Прекрасная планета, не буду спорить. Очень гостеприимный мир. А как насчет состава атмосферы и биогенеза?

— Идентичны земным, если верить Тихолту.

— Если эта планета, как вы утверждаете, действительно необитаема и еще никем не открыта, то независимый разведчик может назначить за нее практически

любую цену. Но, понимаете ли, я ведь не вчера на свет родился: а что, если этот снимок сделан в другом месте? На Земле, например, где природа весьма сходна с этой?

Вместо ответа Джерсен кинул на стол третью фотографию. Уорвив опустил ее в проектор. На экране возник какой-то странный объект, снятый с расстояния шести-семи метров, — тот, что на первом снимке напоминал цветущий куст. Им оказалось грациозное существо полугуманоидного типа. Оно стояло на стройных ногах, переливаясь на солнце нежными красками: серой с серебристым оттенком, голубовато-зеленой... Пурпурно-салатные глаза глядели с головы, имеющей совершенную яйцевидную форму; кроме этих глаз, больше на «лице» существа не было ничего. Из плечей тянулись напоминающие руки отростки, разветвляющиеся и переплетающиеся друг с другом, на конце которых пышным веером раскинулись листочки, напоминая павлиний хвост.

— Это существо, как бы оно ни называлось...

— Тихолт назвал их дриадами.

— ...Просто уникально. Такого я никогда не видывал. Если это не фальшивка, в чем я, к сожалению, уверен, то планета действительно прекрасна, как вы, впрочем, и утверждали.

— Я не утверждал ничего. Это слова Тихолта. Он мне говорил, этот мир настолько прекрасен, что он не мог ни остаться там, ни расстаться с ним.

— Значит, теперь памятью монитора Тихолта владеете вы.

— Да. Я хочу продать ее. Но, увы, пока рынок ограничен только теми, кто обладает доступом к дешифрующей ленте. Из всех этих лиц право первого слова будет предоставлено тому, кто являлся спонсором Тихолта.

Уорвив медленно изучал Джерсена.

— Должен сказать, подобное донкихотство меня несколько озадачивает. Вы не слишком-то похожи на следователя этого славного рыцаря.

— А вы судите о человеке по его поступкам, а не по первому впечатлению.

Уорвив пренебрежительно приподнял брови.

— Я, пожалуй, мог бы кое-что предложить вам в обмен на память этого монитора,— сказал он.— Например, две тысячи севов сейчас и еще десять тысяч после осмотра планеты. Может, чуть больше.

— По правде говоря, я постараюсь продать этот мир за самую высокую цену, которую мне предложат,— ответил Джерсен.— Но сначала мне хотелось бы побеседовать с мистером Келле и мистером Деттерасом. Скорее всего, спонсором Тихолта был кто-то из них. А вот если ни один из них не заинтересуется моим предложением, тогда...

— А почему вы собираетесь говорить именно с ними? — резко перебил его Уорвив.

— Кроме вас только они имеют свободный доступ к дешифрующим лентам.

— Могу я поинтересоваться, откуда вам это стало известно?

Мгновенно вспомнив просьбу Палис Атроуд, Джерсен ощутил укол совести.

— Один молодой человек на площади рассказал мне. Должно быть, это всем известно.

— Болтают слишком много,— проворчал Уорвив, губы его сердито сжались в тонкую полоску.

Джерсен все порывался спросить, чем занимался весь прошлый месяц сам Уорвив, но обстоятельства разговора никак не способствовали такому вопросу. А спрашивать прямо в лоб просто глупо: если Уорвив и есть Малагате, он сразу поймет, что здесь что-то кроется.

Уорвив постучал пальцами по крышке стола и поднялся.

— Если хотите, через полчаса я мог бы пригласить сюда мистера Келле и мистера Деттераса, и вы изложите им свои требования. Вас это устроит?

— Нет.

— Нет?! — воскликнул Уорвив.— Но почему?

Джерсен тоже встал.

— Поскольку дело это не касается непосредственно вас, я бы предпочел переговорить с мистером Келле и мистером Деттерасом с глазу на глаз, и на своих условиях.

— Дело ваше, — холодно уронил Уорвив, поджав губы. Но, не удержавшись, продолжил: — И все-таки я никак не могу понять, что вам надо. Мне что-то плохо верится в вашу искренность. Однако давайте попробуем с вами договориться.

Джерсен молча ждал.

— Келле и Деттерас занятые люди, — пояснил Уорвив. — Встретиться с ними гораздо труднее, чем со мной. Я сделаю так, что вы увидите с ними без всяких официальных проволочек. Если хотите, можно даже сегодня. Может быть, кто-то из них признается, что заключил договор с Луго Тихолтом. Но в любом случае после беседы с Келле и Деттерасом вы должны будете сообщить мне о ее результатах, и, если они сделают вам какие-либо предложения, вы дадите мне возможность предложить больше.

— Другими словами, — заключил Джерсен, — вы хотите придержать эту планету для себя?

— А почему бы и нет? Монитор уже не является собственностью университета, теперь его владелец непосредственно вы. И если уж говорить начистоту, то именно на основе моего пожертвования возник фонд 291.

— Вполне резонная просьба.

— Значит, вы согласны на мои условия?

— Да. Но, надеюсь, вы понимаете, что это произойдет только в том случае, если спонсор Тихолта откажется от права первого слова.

Глаза Уорвива превратились в узкие щелочки, губы изогнулись в циничной ухмылке:

— Хотел бы я знать, почему вы так настаиваете на этом?

— Ну, может, где-то в глубине души я все-таки немного Дон-Кихот, мистер Уорвив.

Уорвив развернулся, бросил пару слов в интерком, выслушал ответ и снова повернулся к Джерсену.

— Ну что ж. Сначала вы можете встретиться с мистером Келле, а потом с мистером Деттерасом. После чего сообщите мне о результатах вашей беседы с ними.

— Договорились.

— Вот и прекрасно. Кабинет Келле в противоположном конце здания.

Джерсен, миновав секретаршу Уорвива, вышел в коридор и вернулся в фойе. Паллис Атроуд взглянула на него с очевидным нетерпением, став от этого, как показалось Джерсену, еще более привлекательной.

— Ну, вы узнали, что хотели?

— Нет. Он отослал меня к Келле и Деттерасу.

— Сегодня?

— Прямо сейчас.

Она посмотрела на него с новым интересом.

— Если бы вы знали, с какими людьми Келле и Деттерас отказались сегодня встретиться, вы были бы немало удивлены.

Джерсен усмехнулся.

— Я не знаю, сколько времени займет встреча... Если вы уходите с работы в четыре часа...

— Я подожду, — не дала ему договорить Паллис Атроуд и рассмеялась. — Я хотела сказать, что, если вы не очень задержитесь, я вас подожду, а то бы мне пришлось идти домой пешком, объяснять вам, где я живу... гораздо проще подождать.

— Я постараюсь обернуться как можно быстрее, — пообещал Джерсен.

ГЛАВА 7

Полагая, что не подтвержденный фактографически догмат местного религиозного культа никак не может считаться достойной и универсальной основой для начала летосчисления галактического человека, члены данного конвента постановляют, что теперь время будет отсчитываться от 2000-го года новой эры (согласно старому летосчислению), который, тем самым, становится нулевым годом. Период обращения Земли вокруг Солнца по-прежнему остается стандартной единицей — годом.

Из декларации, вынесенной на Всеоикуненском конвенте по вопросам стандартизации единиц и мер.

Все, что мы осознаем... тем не менее, продолжает скрывать в себе глубинный смысл, некое конечное значение. И единственным возможным средством толкования этого непроявленного познаваемого

должна стать новая метафизика, которая рассматривает «все, что бы то ни было» в качестве обыкновенного символа.

Освальд Шпенглер.

Кто наши основные враги? Это есть тайна, неведомая даже им самим.

*Ответ Ксавьера Сколкэмпа, Брата-Сверх-
ценнениария Конгрегации, данный на слишком
откровенный вопрос одного журналиста.*

Кагге Келле оказался невысоким крепким мужчиной с большой, хорошо посаженной головой. Его кожа, лишь слегка подкрашенная в светло-коричневый цвет воскового оттенка, хорошо гармонировала со строгим коричневато-пурпурным костюмом. Ясные глаза взирали на мир несколько отрешенно, как бы отвлекая внимание зрителя от короткого приплюснутого носа и чопорного, с полными губами рта.

Создавалось впечатление, что Келле всячески пытался придать себе некую загадочность. Он сдержанно приветствовал Джерсена, выслушал, ни разу не прервав, его историю и без особого интереса просмотрел снимки. Затем, тщательно подбирая слова, Келле сказал:

— Премного сожалею, но ничем помочь вам не могу. Деньги на экспедицию мистера Тихолта выделял не я. Я не знаю ничего об этом человеке.

— В таком случае, вы не станете возражать, если я воспользуюсь вашей дешифрующей лентой?

Келле, замерев на мгновение, все тем же ровным голосом ответил:

— К сожалению, это противоречит правилам нашего факультета. Мне придется столкнуться с немалыми возражениями, если я подниму этот вопрос на общем собрании комитета. Но... — Он взял фотографии и еще раз внимательно изучил их. — Да, весьма и весьма интересная планета. Как, вы говорите, она называется?

— Не знаю, мистер Келле.

— Не понимаю, почему вы так упорно ищете спонсора Тихолта. Вы представляете МПКК?

— Я действую из частных побуждений, хотя, естественно, доказать этого не могу.

— Каждый из нас в первую очередь заботится о собственных интересах,— скептически произнес Келле.— Если бы вы объяснили, чего именно так стараетесь добиться, может быть, я бы и смог чем-нибудь помочь вам.

— Примерно то же самое сказал мне и мистер Уорвив,— кивнул Джерсен.

Келле кинул на него пронзительный взгляд.

— Ни Уорвива, ни меня самого нельзя назвать невинными ягнятами.— Он задумался на пару секунд и решительно продолжил: — Говоря от имени нашего факультета, я мог бы сделать вам некое предложение по поводу содержимого этого монитора... хотя, если исходить из ваших слов, информация эта и так принадлежит нам.

Джерсен кивнул, выражая надежду, что дело обстоит именно так.

— Как раз в этом я и хочу убедиться сам. Действительно ли монитор является собственностью университета или я могу распоряжаться им по своему усмотрению? Если бы я нашел спонсора Луго Тихолта или хотя бы выяснил, существует ли такой спонсор вообще, то появилось бы множество других вариантов.

Келле, похоже, совсем не тронула подобная откровенность Джерсена.

— Весьма своеобразная ситуация... Как я уже говорил, за эту информацию я готов предложить вам довольно внушительную сумму — и не только от имени факультета, но как частное лицо, если вам так будет удобнее. Хотя, естественно, я настаиваю на предварительном осмотре планеты.

— Вам известны мои этические нормы, мистер Келле.

Келле, недоверчиво улыбнувшись, снова взял в руки фотоснимки.

— Эти... э-э-э... дриады, должен вам сказать, прелюбопытнейшие существа... Что ж, я помогу вам. Я просмотрю документы в университетских архивах, может быть, удастся откопать там что-нибудь о Луго Тихолте. Но взамен прошу предоставить мне возможность поподробнее обсудить с вами ваши планы относительно этого

мира — в том случае, если вы, конечно, не найдете так называемого «спонсора».

Джерсен не мог сдержать легкой улыбки:

— Но вы же всячески давали мне понять, что вас совсем не интересует мое предложение...

— Свои догадки можете оставить при себе, — спокойно ответил Келле. — И не обижайтесь на меня за эти слова: вы сами начали обращаться со мной как с умственно отсталым, да еще ваша сказочка, которой не поверило бы даже сущее дитя...

Джерсен пожал плечами:

— Насчет «сказочки» вы, не спорю, правы. Естественно, я не стал бы рассказывать все, что мне известно.

Келле снова улыбнулся, на этот раз более великодушно.

— Ну, хорошо, давайте посмотрим, что нам поведают архивы. — Он повернулся к интеркому: — Отдел конфиденциальной информации. Запрашивает Кагте Келле.

— Отдел конфиденциальной информации, прием, — произнес автоответчик.

— Досье Луго Тихолта. — Келле повторил еще раз, произнося имя по буквам.

Послышалась серия непонятных приглушенных шелчков, донеслось тихое посвистывание. Наконец раздался голос автоответчика, считывающего найденную информацию:

— Луго Тихолт: досье. Содержание: заявление о приеме в университет, соответствующие документы. 3 апреля 1480 года.

— Дальше, — сказал Келле.

— Заявление о приеме в аспирантуру, соответствующие документы. 2 июля 1485 года.

— Дальше.

— Диссертация на соискание ученой степени, факультет символистики. Название: «Движения глаз как средство общения между тинкерами с планеты Мицар-6». 20 декабря 1489 года.

— Дальше.

— Заявление о приеме на должность младшего инструктора, соответствующие документы. 15 марта

1490 года. Распоряжение об увольнении Луто Тихолта с должности младшего инструктора за поведение, губительно отражающееся на моральном облике студентов. 19 октября 1492 года.

— Дальше.

— Контракт между Луто Тихолтом и факультетом галактической морфологии. 6 января 1521 года.

Джерсен выдохнул. Все это время он находился в громадном напряжении. Наконец-то появилось что-то определенное: Луто Тихолт был нанят в качестве разведчика кем-то из работников факультета.

— Зачитайте основную часть контракта, — приказал Келле.

— Луто Тихолт и факультет галактической морфологии договариваются и заключают соглашение о нижеследующем. Факультет предоставляет в распоряжение Тихолта снабженное провизией, полностью снаряженное и находящееся в рабочем состоянии космическое судно. Со своей стороны, в качестве сотрудника факультета, Тихолт обязуется обследовать определенные области Галактики. Факультет авансирует Тихолта суммой в пять тысяч севов и гарантирует вознаграждение за каждый выполненный этап исследовательских работ. Тихолт, со своей стороны, обязуется сделать все возможное для успешного хода работ и сохранить результаты исследований в полной тайне от всех лиц, организаций и учреждений, не уполномоченных факультетом. Подписи: Луто Тихолт за Луто Тихолта, Омина Базерман за факультет. Дальнейшей информации в досье не содержится.

— Гм, — заключил Кагге Келле и вновь повернулся к интеркому: — Омина Базерман.

Раздался щелчок, затем послышался голос:

— Омина Базерман, начальник канцелярии.

— Говорит Келле. Два года назад некий Луто Тихолт был принят на работу разведчиком. На контракте ваша подпись. Вы помните обстоятельства этого дела?

В воздухе повисла тишина, спустя пару секунд пришел ответ:

— Нет, мистер Келле, к сожалению, нет. Вероятно, этот контракт попал ко мне на подпись вместе с рядом других документов.

— А вы не помните, кто предложил этот контракт, кто выделил деньги на экспедицию?

— Нет, сэр. Скорее всего, это были либо вы сами, либо мистер Деттерас, либо, может быть, мистер Уорвив. Никто другой не мог разрешить подобную экспедицию.

— Понятно. Благодарю вас.— Келле повернулся к Джерсену, в глазах его отразилась растерянность.— Ну вот вам и ответ на ваш вопрос. И раз это не Уорвив, остается лишь Деттерас. К тому же раньше Деттерас был деканом факультета символистики. Может быть, они с Тихолтом были знакомы...

Рандл Деттерас, директор исследовательского отдела, был, казалось, полностью доволен своей жизнью — самим собой, своей работой, да и всем остальным миром тоже. Когда Джерсен вошел в кабинет, Деттерас приветствовал его небрежным взмахом руки.

Он был крупным мужчиной, удивительно уродливым по меркам своей эпохи, когда такие недостатки, как острый нос или слишком широкий рот, можно было исправить всего за несколько часов. Но он даже не пытался скрывать свое уродство; наоборот, создавалось впечатление, будто бы он гордится им. Его довольно неприятная голубовато-зеленая кожа, почти купоросного оттенка, еще больше подчеркивала грубость черт лица и неуклюжесть движений. Похожая на тыкву голова оканчивалась тяжелым подбородком, почти утопающим в грудной клетке, а сверху ошетиनिвалась волосами, выкрашенными в цвет намокшего мха. Тело его, куда ни глянь, имело одинаковую толщину, наводя на мысль о бревне на ножках. На нем была полувоенная форма барона Ордена Архангелов: черные сапоги, широкие алые бриджи и роскошная блуза в зеленую, голубую и ярко-алую полосу с золотыми эполетами и тончайшей работы нагрудными пластинами. Рандлу Деттерасу с поразительным мастерством удавалось сочетать военный мундир со столь странной внешностью. Любой другой

человек, обладай он хоть каплей застенчивости или стеснительности, в таком наряде выглядел бы, по меньшей мере, дураком.

— А, вот и мистер Джерсен! — радушно воскликнул Деттерас. — Как насчет рюмки арака, или еще рановато?

— Я, во всяком случае, уже встал с постели.

Деттерас уставился было на него в некотором замешательстве, но тут же добродушно расхохотался.

— Замечательно! Если так, то я вывешиваю знамя гостеприимства. Смешанного, особого или белого?

— Белого, пожалуйста.

Деттерас налил из высокой изящной бутылки и поднял свой бокал:

— За Деттераса Великолепного! — провозгласил он и с видимым удовольствием выпил. — Первая порция кружит голову, словно дух родительского дома!

Он налил себе еще, откинулся в кресле и принялся лениво разглядывать Джерсена. Джерсен в который раз спросил себя: «И все-таки, который из них? Уорвив? Келле? Деттерас? За внешностью одного из них прячется жестокая душа Аттеля Малагате, Малагате-Беды. Уорвив, Келле или Деттерас?» Раньше Джерсен склонен был считать, что это Уорвив, но теперь вновь засомневался. В Деттерасе крылась огромная сила, грубая, мощная, почти осязаемая энергия.

Деттерас явно не торопился начинать разговор, несмотря на пресловутую занятость. Вполне возможно, он уже переговорил с Уорвивом, а может, и Келле уже успел ему позвонить.

— Человечество так и не сумело найти решение вечной загадки, — довольно напыщенно провозгласил Деттерас. — Почему все люди так отличаются друг от друга?

«Если Деттерасу торопиться некуда, — подумал Джерсен, — то мне уж и подавно».

— Тут вы правы, — согласился он, — хотя я не совсем понимаю, какое отношение это имеет к нашему разговору.

Деттерас оглушающе расхохотался.

— Иначе и быть не могло! Я бы очень удивился, если бы вы отреагировали по-другому. — Он поднял руку, как бы предупреждая возможные возражения со стороны

Джерсена. — Хотите сказать, что я излишне самоуверен? Нет. Лучше выслушайте. Вы человек замкнутый, целеустремленный. Вы несете в себе тяжкое бремя тайн и непонятных намерений.

Джерсен, внутренне подобравшись, глотнул арака — рисовой водки. Словесное жонглерство могло оказаться отвлекающим маневром, средством, чтобы притупить его бдительность. Он сконцентрировал внимание на бокале арака, а все свои чувства направил на то, чтобы моментально заметить малейшее отличие от привычного вкуса. Деттерас наливал в оба бокала из одной бутылки, предварительно предложив Джерсену на выбор три сорта, бокалы он достал первые попавшиеся. Однако, несмотря на все это, существовало огромное множество всяческих уловок, против которых была бессильна обычная бдительность... Но водка была самой обыкновенной, Джерсен, долгое время практиковавшийся на Саркое, не заметил никаких вкусовых различий. Он снова переключился на Деттераса.

— Вы слишком высокого мнения обо мне.

Деттерас раздвинул в улыбке огромные губы.

— Но, тем не менее, я ведь, по существу, оказался прав?

— Не спорю.

Деттерас самодовольно кивнул, как будто Джерсен полностью подтвердил его предположения.

— Наблюдательность — это настоящее искусство, благодаря годам упорных тренировок постепенно перешедшее в привычку. Раньше я специализировался на символистике, пока не понял, что, насколько мог, уже общипал это пастбище, а дотянуться дальше мне не позволила привязь. Так я оказался здесь, на факультете галактической морфологии. Область не такая запутанная, скорее описательная, нежели аналитическая, и более конкретная, чем гуманитарная. Но время от времени и здесь я нахожу применение своей бывшей специальности. Вот вы, например. Вы входите в мой кабинет, незнакомый человек, друг с другом мы никогда раньше не встречались. Я тут же начинаю оценивать вашу внешность: цвет кожи, прическу, цвет ваших волос, общие приметы, одежду, манеру поведения. Вы

можете сказать, что это общепринято. И я отвечу вам: вы абсолютно правы. Едят тоже все до одного, но искусный дегустатор — большая редкость. Я дотошно считываю вашу внешность и тогда только уже делаю выводы о вашей личности и вашем внутреннем мире. Но, с другой стороны, вы со мной то же проделать просто не в состоянии. Почему? Я, словно елку, украсил свою персону случайными и противоречащими друг другу символами. Я скрылся за маской, из-за которой выглядывает настоящий Рандл Деттерас и хладнокровно наблюдает за вами, словно искусный кукловод за своими куклами.

Джерсен улыбнулся.

— Но ведь и моя суть может быть укрыта за наружностью, столь же обманчивой, как ваша, а скрыть ее я мог захотеть приблизительно по тем же самым причинам, что и вы, — какими бы они ни были. Во-вторых, ваш маскарад, если счесть это маскарадом, свидетельствует о вашей натуре ничуть не хуже упомянутых вами естественных символов. А в-третьих, ну и что с того?

Деттераса, казалось, немало позабавили эти рассуждения Джерсена.

— Ага! Другими словами, вы хотите сказать, что я не кто иной, как обманщик и шарлатан! Но согласитесь: несмотря ни на что, ваша внешность говорит мне больше, чем моя — вам.

Джерсен откинулся в кресле.

— Но пользы от этого не так уж и много.

— Погодите, погодите! — воскликнул Деттерас. — Вы обращаете внимание исключительно на положительную сторону вопроса! А вы попробуйте оценить подобный эффект с негативной позиции. Некоторые люди ужасно раздражаются, когда сталкиваются с непонятным для них поведением, допустим, тех же товарищей по работе. Вы утверждаете, что внешность не говорит вам о человеке ничего существенного. Вы просто-напросто отвергаете этот фактор. А вот тех, других, очень беспокоит, что они не могут справиться со все возрастающим потоком информации. — Джерсен хотел было возразить, но Деттерас предостерегающе поднял руку. — Возьмем, к примеру, тинкеров с планеты Мицар-6. Вы слышали о них? Это религиозная секта.

— Несколько минут назад о них кто-то упоминал.

— Как я уже сказал,— продолжал Деттерас,— тинкеры — религиозная секта, ограничивающая буквально во всем, предъявляющая необычайно суровые требования к своим членам. Мужчины и женщины одинаково одеваются, бреют головы, в одни и те же часы едят одинаковую пищу, разговорный язык их сведен к восьмистам двенадцати словам — и все это лишь для того, чтобы не задумываться о причинах поступков друг друга. Чистая правда, я вас не обманываю. Именно эта причина указана в своде правил тинкеров на первом месте. Недалеко от Мицара ушла и Сирена, где приблизительно по тем же причинам с самого рождения и до смерти люди носят в высокой степени условные маски. Их внешность — самая сокровенная тайна.

Он помахал бутылкой арака. Джерсен подвинул свой бокал, и Деттерас, плеснув водки, продолжил свою речь:

— Здесь, на Альфаноре, все куда сложнее. Мы то нападаем, то обороняемся, порой просто развлекаемся, и многие тысячи условностей играют важную роль в нашей жизни. Сам процесс существования намеренно усложнен: введены искусственные факторы, неуверенность и подозрения возведены в ранг естественных явлений.

— Однако в результате,— предположил Джерсен,— должна развиваться чувствительность, недоступная ни тинкерам, ни сиренитам.

Деттерас вновь вскинул ладонь.

— И опять-таки, не торопитесь с выводами. Я много знаю об этих народах, и чем-чем, а отсутствием чувствительности они никак не страдают. Сирениты мгновенно распознают в человеке малейшую неуверенность, если тот вдруг решит надеть на себя маску, не соответствующую его положению в обществе. То же самое можно сказать и о тинкерах. Правда, с их культурой и обычаями я знаком не так хорошо, но, уверен, их индивидуальные отличия не менее сложны и разнообразны, чем наши,— по меньшей мере. Я позволю себе привести аналогичную аксиому из области эстетики: чем в более жесткие рамки заключен художественный образ, тем более субъективны критерии вкуса. А вот вам другой пример, еще

более поучительный: Звездные Короли. Эти нелюди благодаря складу своей психики достигли таких высот, какие и не снились пресловутому человечеству. В каждую новую для себя область они входят абсолютно очищенными от всякого рода знаний, они отменяют даже подсознательную память, которая могла бы послужить матрицей для восприятия незнакомых факторов и тем самым испортить все дело. Но, возвращаясь к Альфанору, ни в коем случае нельзя забывать, что наши люди обрушивают друг на друга как потоки в высшей степени достоверной информации, так и кучу всевозможных двусмысленностей.

— Досадно бывает, когда вдруг обнаруживаешь, что совершенно запутался, — сухо заметил Джерсен.

Деттерас тихонько рассмеялся, очевидно, весьма довольный собой.

— Вы ведете совсем другую жизнь, нежели я, мистер Джерсен. На Альфаноре круг наших интересов отнюдь не исчерпывается вечным вопросом о жизни и смерти, здесь все обстоит, мягко говоря, несколько сложнее. Поэтому куда легче судить о людях не по их собственным меркам, а по некоторым другим, хотя порой оказывается, что это весьма непрактично. — Он искоса взглянул на Джерсена. — Чему вы улыбаетесь?

— Мне вот только что пришло в голову, что досье на Кирта Джерсена, запрошенное у МПКК, слегка задерживается. Ну, а вы, естественно, находите непрактичным судить обо мне по моим собственным меркам. Или даже по своим.

Деттерас, в свою очередь, тоже рассмеялся.

— Вы несправедливы и ко мне, и к МПКК. Досье пришло секунда в секунду, за несколько минут до вашего прихода. — Он указал на листок фотостата у себя на столе. — Я затребовал это досье сразу, как только услышал о вас, ибо являюсь ответственным работником Конгрегации. Думаю, я имею право на подобную предосторожность.

— Ну, и что же вы оттуда узнали? — спросил Джерсен. — Давненько я не держал в руках своего досье.

— Ваша биография невероятно чиста. — Он взял листок. — Вы родились в 1490 году — но где? Что ни на

одной из основных планет — это точно. Когда вам было десять лет, вы прошли регистрацию в космопорте «Галилео» на Земле, куда приехали вместе со своим дедом, чье прошлое, кстати, тоже не мешало бы проверить. Вы закончили обычные учебные заведения, затем были приняты в Конгрегацию неофитом и в возрасте двадцати четырех лет достигли одиннадцатой ступени (очень и очень внушительный успех), после чего покинули эту организацию. С тех пор о вас не поступало никаких сведений, а значит, либо вы безвыездно проживали на планете Земля, либо незаконно покинули ее, не пройдя соответствующей регистрации. А поскольку вы сидите здесь, передо мной, последнее кажется более вероятным. Поистине удивительно, как человек, достигший вашего возраста и проживающий в столь сложном сообществе, как Ойкумена, умудрился ни разу не пересечься с властями, что непременно отразилось бы в этом досье! И на долгие годы вы канули в безвестность. Где вы были? Чем вы занимались? Почему вы так внезапно скрылись? И к чему это привело? — Он вопросительно посмотрел на Джерсена.

— Если этого нет в досье, — сказал Джерсен, — значит, мне не хотелось, чтобы это там оказалось.

— Естественно. Информации в вашем досье кот наплакал. — Он бросил листок обратно на стол. — Что ж, вы хотите узнать ответы на кое-какие вопросы. Я понимаю вас и готов содействовать в поисках интересующих вас сведений. Я действительно знал Луго Тихолта, но, разумеется, очень давно, еще в студенческие годы. Потом он оказался замешанным в каком-то весьма непривлекательном деле и исчез из виду. Год назад, а может, чуть раньше, он вновь объявился и попросил меня устроить его разведчиком.

Джерсен с изумлением уставился на директора. Так, значит, вот кто Малагате!

— И вы помогли ему?

— Я решил, что не стоит этого делать. Я не хотел, чтобы он всю жизнь потом сидел на моей шее. Мне хотелось помочь ему, но не лично, и я посоветовал ему обратиться либо к Почетному проректору Джайлу Уорвину, либо к председателю комитета по исследованиям

Кагге Келле. Достаточно было упомянуть мое имя, и они тут же посодействовали бы ему, чем могли. Больше я о нем ничего не слышал.

Джерсен глубоко вздохнул. Такое впечатление, что Деттерас говорит совершенно искренне. Но кому тогда верить? По крайней мере, Деттерас доказал, что кто-то из них троих — сам он, Уорвив, Келле — лжет.

Только кто?

Сегодня он встречался с Аттелем Малагате, смотрел ему в глаза, слышал его голос... Внезапно его охватило беспокойство. Почему Деттерас так невозмутим? Судя по всему, он крайне занятый человек, как он может позволить себе тратить столько времени и сил на какого-то рядового разведчика? Джерсен резко выпрямился.

— Мне хотелось бы вкратце рассказать, почему я так настаивал на встрече с вами.

Он изложил ту же самую историю, которую уже поведал Уорвиву и Келле. Деттерас слушал с легкой улыбкой, застывшей в уголках его в высшей степени уродливого рта. Джерсен продемонстрировал фотографии, и Деттерас небрежно просмотрел их.

— Красивый мирок, — сказал наконец Деттерас. — Будь я побогаче, я бы просил вас продать его мне и сделал бы из него частное владение. Но, к сожалению, я не так уж богат, даже напротив. Однако у меня создалось впечатление, что вы не столько хотите продать свои права на эту планету, сколько отыскать спонсора бедняги Тихолта.

Джерсена этот вывод застал врасплох.

— Просто спонсору Тихолта я бы продал ее за более разумную цену.

Деттерас скептически усмехнулся.

— Прошу прощения, если разочаровал вас, но не в моих правилах признаваться в том, чего никогда не делал. Вам нужно обратиться либо к Уорвиву, либо к Келле.

— Но они тоже отрицают свою причастность к финансированию экспедиции Тихолта.

— Странно. И что дальше?

— В своем настоящем состоянии монитор бесполезен. Вы можете предоставить мне дешифрующую ленту?

— Боюсь, об этом не может быть и речи.

— Я так и думал. Значит, мне придется продать монитор либо кому-нибудь из вас, либо непосредственно университету. Либо вообще уничтожить его.

— Хм. — Деттерас задумчиво кивнул. — Это надо хорошенько обдумать. Если ваши требования не будут слишком чрезмерными, я бы, пожалуй, заинтересовался... Или, по крайней мере, мы вдвоем могли бы прийти с вами к какому-нибудь соглашению. Гм... Позвольте мне переговорить с Уорвивом и Келле. И, если сможете, подходите завтра утром, скажем, часиков в десять. Вполне возможно, я уже смогу предложить вам что-нибудь определенное.

Джерсен поднялся из своего кресла.

— Прекрасно. Значит, завтра в десять.

ГЛАВА 8

Да, мы довольно-таки реакционная, закрытая и пессимистически настроенная организация. Наши агенты повсюду. Нам известны тысячи способов, как прекратить исследование, саботировать эксперименты, исказить результат. Даже в собственных лабораториях Конгрегации мы действуем с величайшей осторожностью и осмотрительностью.

А теперь позвольте мне ответить на некоторые вопросы и обвинения, которые мы частенько выслушиваем в свой адрес. Действительно ли члены Конгрегации обладают громадным богатством, множеством привилегий, реальной властью и полной свободой перед лицом закона? Отвечу на этот вопрос предельно искренне: да, но в различной мере. Как правило, это зависит от присвоенной ступени и личных достоинств каждого члена Конгрегации.

Означает ли тогда, что Конгрегация — это полуродственная, закрытая для всех чужаков, замкнутая на себя структура? Ни в коем случае. Разумеется, мы считаем себя интеллектуальной элитой общества. А почему бы и нет? Членство же в нашей организации доступно всякому, хотя мало кто из неофитов доходит даже до пятой ступени.

Наша политика? Все очень просто. Сверхсветовой привод, попав в руки любого мегаманьяка, которых еще порой поражает наша среда, становится страшным оружием. Существует и много других знаний, которые, стань они доступны всем подряд, послужили бы основой тиранической власти. Именно поэтому мы жестко контролируем распространение всех знаний.

Нас пытаются унижить, обзывая «самозванными божествами», обвиняют в мелочности, скрытности, снисходительности, самодовольстве, самоуверенности, упрямстве – вот самые мягкие из упреков, какие нам приходится выслушивать. С одной стороны, нам предъявляют обвинения в том, что мы опутали мир своей навязчивой опекой, а с другой – попрекают тем, что мы якобы отвернулись от мирских, человеческих дел. Почему мы не воспользуемся накопленными знаниями, чтобы облегчить тяжкий труд, смягчить страдания, чтобы продлить жизнь? Почему мы остаемся глухи ко всякого рода просьбам? Почему мы не превратим жизнь человеческого сообщества в утопию – задача, которая нам вполне по плечу?

Ответ прост, обманчиво прост. Мы понимаем, все эти блага обманчивы: мир и пресыщение подобны смерти. Несмотря на всю грубость и жестокость древнего человечества, мы откровенно завидуем его страстной тяге к жизни и познанию. Мы считаем, что добытое тяжким трудом счастье, триумф, увенчавший тернистый путь, достигнутая ценой высочайшего напряжения цель – именно это есть наивысшее благо, а не жалкая милостыня из соски всепрощающего правительства.

*Из телевизионного обращения Медэйзны Кэр-
бьюка, Центеннария (Брата Конгрегации сотой
ступени) от 2 декабря 1502 года.*

– Я бы с удовольствием заглянул к тебе домой поболтать чуть-чуть, вот только кажется мне, что ты и Рэмуса тоже пригласил.

– Ну и что здесь плохого? Чем тебе не нравится Рэмус? Он частенько развлекает меня.

– Он плесень на древе, скопление ядовитых газов, напыщенная старая жаба, и он ужасно меня бесит.

*Разговор меж двумя Центеннариями Конгре-
гации об отсутствующем третьем.*

Один из вопросов, которые от случая к случаю задают Братьям Конгрегации: «Есть ли в вашем Братстве Звездные Короли?».

Обычный ответ: «Искренне надеемся, что нет».

Девиз Конгрегации: «Малое знание – вещь опасная, большое – воистину бедствие».

Завистники Конгрегации обычно перефразируют этот девиз: «Невежество остальных – благословение».

Паллис Атроуд жила вместе с двумя другими девушками в одной из квартир небоскреба, расположенного на самом берегу океана к югу от Ремо. Джерсен ждал в вестибюле, пока она поднималась вверх переодеться и подкрасить кожу.

Он вышел на балкон с видом на океан и облокотился о перила. Огромный сверкающий Ригель завис над

самым горизонтом, и оттуда по воде до самого берега протянулась расплавленная дорожка. Неподалеку, в гавани, меж двух уходящих далеко в океан пирсов показывались сотни судов и суденышек: мощные яхты, парусные катамараны, прозрачные субмарины и разбросанные тут и там реактивные аквапланы, специально предназначенные для того, чтобы с бешеной скоростью мчаться по волнам прибоя.

Джерсенom овладевали странные чувства, удивившие даже его самого. Сердце его судорожно сжималось в предвкушении вечера с красивой девушкой — подобно-го он не испытывал уже многие годы. Закат навевал приятную, щемящую грусть. Необычайно красивое зрелище! По окрашенному в лилово-розовые и зеленовато-голубые тона небу неторопливо плыли темно-оранжевые облака, пронизанные огненно красным свечением. Но, размышлял Джерсен, не сама красота была причиной его грусти, а, скорее, этот безмятежный, медленно угасающий свет... да еще, может быть, вид жизнерадостной толпы вокруг. Юноши и девушки были так изящны и беззаботны! Им неведомы тот тяжелый труд, те боль и ужас, что царят на далеких мирах. Джерсен завидовал их отрешенности, их изысканным манерам. Но поменялся бы он с кем-нибудь из них местами? Вряд ли.

Неслышно подошла Паллис Атроуд и, встав рядом, тоже облокотилась о перила. Она покрыла свою кожу чудесной краской нежного оливково-зеленого оттенка с тонким золотистым налетом, а волосы распустила, и теперь они свободно спадали кудрями на ее плечи. При виде одобрения, отчетливо проступившего на лице Джерсена, девушка весело рассмеялась.

— Рядом с вами я чувствую себя портовой крысой, — сказал Джерсен. — Мне, наверное, следовало бы переодеться.

— Прошу вас, не беспокойтесь, — ответила она. — Это не имеет значения. Ну, какие у нас планы?

— Вам придется выбирать самой.

— Замечательно. Тогда давайте поедem в Авенту и посидим на эспланаде. Мне страшно нравится наблюдать за гуляющими людьми. А там решим, что дальше.

Джерсен не возражал. Они сели в слайдер и отправились на север. Паллис без умолку и с неподдельной искренностью болтала о себе, своей работе, взглядах на жизнь, планах и надеждах. Как вскоре узнал Джерсен, родом она была с острова Сингхал, с планеты Ис. Ее родителям, людям состоятельным, принадлежал единственный холодильный склад на полуострове Лантанго. Когда они отошли от дел и уехали на Пальмовые острова, управление складом и всем домом перешло в руки ее старшего брата. Второй ее брат долгое время хотел жениться на ней и даже сделал предложение — такие брачные союзы поощрялись на Исе, где первопоселенцы принадлежали к группе реформаторов-рационалистов. Этот брат был тучным, краснолицым, самоуверенным мужчиной, не умеющим делать ничего, разве что водить свой холодильный фургон, а подобная перспектива не слишком привлекала Паллис...

Тут Паллис начала запинаться, явно не желая вдаваться в дальнейшие подробности, пока, наконец, совсем не сменила тему разговора. Джерсен догадался, что потом имели место всяческие неприятные столкновения с родственниками, чудовищные взаимные обвинения и так далее. Теперь Паллис вот уже два года живет в Авенте, и хотя временами скучает по пейзажам и шуму Иса, чувствует себя абсолютно счастливой и считает, что ей повезло. Джерсен, который никогда прежде не сталкивался с подобным простодушием, был просто очарован ею.

Оставив слайдер на автостоянке, они немного прошли по эспланаде, а потом заняли столик перед входом в одно из бесчисленных кафе и стали наблюдать за прохожими. Чуть ниже простирался темный океан, небо теперь приобрело темно-фиолетовый оттенок, и лишь краешек его все еще был тронут лимонным светом — прощальный луч Ригеля.

Ночь была теплой, мимо, гуляя, проходили люди — здесь собрались, кажется, обитатели чуть ли не всех миров Ойкумены. Официант принес бокалы, наполненные до краев пуншем. Джерсен сделал глоток и почувствовал, как напряжение минувшего дня постепенно отпускает его. Довольно долго они просто сидели, не

произнося ни слова, потом Паллис неожиданно повернулась к нему.

— Вы такой молчаливый и постоянно настороже — это потому, что долгое время провели на Краю Света?

Вопрос застал Джерсена врасплох. Он, помолчав немного, грустно усмехнулся:

— А я-то надеялся, что вы подумаете, будто я такой же беззаботный и обходительный, как все здесь...

— Разве вы хотите быть на кого-то похожи? — поддразнила его Паллис. — Похожих людей не бывает.

— Бывает, но, правда, лишь для поверхностного взгляда, — возразил Джерсен. — Мне кажется, все зависит от того, насколько внимательно вы приглядитесь к человеку. Даже бактерия обладает какой-то индивидуальностью, если ее рассмотреть поближе.

— Ну вот, теперь я бактерия, — сказала Паллис.

— Да и я тоже, и, похоже, уже надоел вам.

— О, нет, нет! Что вы! Мне так нравится здесь...

— И мне. Даже слишком. Я чувствую себя так... спокойно.

Паллис почуяла, что пахнет комплиментом.

— Что вы хотите сказать?

— Я не могу позволить себе такую роскошь, как эмоции и чувства, — как бы мне этого ни хотелось.

— Вы очень, очень и очень рассудительны для своего возраста.

— Не слишком-то я и молод.

Она весело махнула рукой.

— Так, значит, вы признаете, что слишком рассудительны?!

— Боюсь, что да. Но будьте осторожны, не заходите слишком далеко.

— Какой женщине не хочется побывать хоть раз в жизни в роли искустельницы?

И снова у Джерсена не нашлось ответа. Он, слегка склонившись над столиком, молча изучал ее лицо. Она сделала вид, будто внимательно разглядывает прохожих. Какое веселое, жизнерадостное существо, подумал он, и никакого намека на злобу или жестокость!

Паллис вновь повернулась к нему.

— Вы и в самом деле очень молчаливый и спокойный человек,— призналась она.— Все, кого я знаю, только и делают, что без конца болтают. На меня постоянно обрушиваются потоки всяческой ерунды. Вам же, уверена, известно столько всего интересного, а вы мне ничего не хотите рассказывать!

Джерсен улыбнулся.

— Может, это вовсе не так интересно, как вы думаете.

— Но я хочу сама убедиться. Расскажите что-нибудь о Крае Света. Неужели там действительно опасно жить?

— Когда как. Все зависит от того, с кем вы встречаетесь и зачем.

— Может быть, мне и не следует спрашивать, но... чем вы занимаетесь? Вы ведь не пират и не работорговец?

— А что, похож?

— Вы же прекрасно знаете: я понятия не имею, как выглядит настоящий работорговец или пират! Но мне интересно. А может, вы... ну... преступник? Этого вовсе не надо стыдиться,— тут же поспешно добавила она.— Обычай, которые целиком и полностью приемлемы на одной планете, могут являться табу на другой. Например, когда я рассказала одной моей подружке, что собиралась выйти замуж за своего старшего брата, у нее волосы встали дыбом!

— К сожалению, должен разочаровать вас,— сказал Джерсен.— Я не преступник... я вообще не вписываюсь ни в одну из существующих категорий.— Он замолк. Ничего особенного не случится, если рассказать ей то, что он уже поведал Уорвиву, Келле и Деттерасу.— Я прилетел на Альфанор с определенной целью...

— Давайте пообедаем,— вдруг предложила Паллис,— и за едой вы мне все расскажете.

— Куда пойдем?

— Здесь неподалеку есть один новый ресторанчик, недавно открылся. Все только и делают, что говорят о нем, а я еще ни разу там не была.

Она вскочила со стула, схватила его за руку и потянула за собой. Он резко поднялся, подхватил ее за талию и наклонился было вперед, но тут его смелость мигом улетучилась. Джерсен рассмеялся и отпустил девушку.

— А вы куда более импульсивны, чем скажешь с первого взгляда,— лукаво промолвила Паллис.

Джерсен улыбнулся слегка пристыженно.

— Ну, где же ваш замечательный ресторанчик?

— Тут, рядом. Давайте прогуляемся туда пешком. Цены там немного высоки, но я оплачу свою половину счета.

— Это совершенно ни к чему,— запротестовал Джерсен.— Деньги для пирата не проблема. Если у меня вдруг кончится наличность, я мигом кого-нибудь ограблю. Вас, например...

— Тогда можно не беспокоиться. Идемте быстрее.

Она взяла его за руку, и они пошли по эспланаде, неотличимые от тысяч других парочек, вышедших прогуляться прекрасным альфанорским вечером.

Паллис подвела его к павильону, окруженному огромными фосфоресцирующими буквами, складывающимися в надпись: «Наутилус». Кабина лифта опустила их вниз, на глубину шестьдесят метров. Выйдя из лифта, они оказались в высоком восьмиугольном вестибюле, стены которого были отделаны панелями из пальмы ротанга. Служащий повел их по огромному стеклянному туннелю, проложенному прямо по дну океана. По сторонам виднелись различных размеров кабинки, в одну из которых они и зашли. Их столик располагался сразу у покатой стены стеклянного купола. В паре метров от них жил своей жизнью океан. Специально установленные фонари высвечивали песок, скалы, морские водоросли, кораллы и проплывающих мимо обитателей подводного мира.

— А теперь,— сказала Паллис, склоняясь к нему,— расскажите мне о Крае. И не бойтесь случайно напугать меня, я обожаю всякого рода страшные истории. А еще лучше расскажите мне о себе.

— Лучше всего будет начать с таверны Смэйда, которая находится на планете Смэйда,— сказал Джерсен.— Вы когда-нибудь бывали там?

— Конечно, нет. Но я слышала о ней.

— Это маленькая, почти не пригодная для обитания планетка, затерянная в пустоте: сплошь горы и еще океан, черный как смоль. Добавьте сюда постоянный

ветер да штормы с вспышками молний. Таверна — единственное сооружение на планете. Иногда там бывает уйма народа, а порой, целыми неделями, нет никого, кроме Смэйда и его семейства. Когда я прибыл туда, единственным гостем таверны оказался Звездный Король.

— Звездный Король? Мне казалось, что на людях они всегда носят человеческую личину.

— Это не просто личина, — возразил Джерсен. — Они и есть люди. То есть почти люди.

— Никогда этого не понимала. Но кто же они тогда на самом деле?

Джерсен пожал плечами.

— Каждый раз, задав этот вопрос, вы будете получать разные ответы. Общая теория происхождения Звездных Королей примерно такова. Около миллиона лет назад планету Лямбда-Грас-3, или Ггнарумен — чтобы произвести название этой планеты более или менее правильно, надо буквально прокашливать его через нос, — населяла довольно жуткая компания всевозможных тварей. Среди них было одно небольшое двуногое земноводное, практически лишенное средств к выживанию, кроме, разве что, зачатков разума и хорошей способности прятаться в грязи. Земноводное походило на земную ящерицу или безволосого тюленя... Виду этому неоднократно грозило полное уничтожение, но всякий раз паре «ящериц» каким-то образом удавалось выжить, несмотря на то что окружали их существа куда более свирепые, коварные, умные и проворные, одним словом, куда более приспособленные к жизни, нежели они сами. Эти дальние предки Звездных Королей обладали превосходством лишь в плане психологическом: они, как я уже говорил, обладали зачатками разума и желанием выжить любым доступным способом.

— Наверное, примерно так же возникала жизнь на древней Земле, — заметила Палис.

— Этого никто в точности не знает, во всяком случае, из людей. А Звездные Короли предпочитают молчать... Так вот, двуногие земноводные отличались от предков человека несколькими особенностями. Во-первых, биологически они были более гибкими и обладали способ-

ностью передавать своему потомству необходимые полезные признаки. А во-вторых, они были двуполы. Каждый из них обладал одновременно и мужским, и женским началами, а оплодотворение происходило посредством перекрестного опыления с помощью спор, содержащихся в продуктах дыхания, и молодые особи развивались под мышками взрослых, вызревая там подобно плодам. Возможно, именно из-за отсутствия половых различий Звездные Короли абсолютно лишены чувства физического тщеславия. Их главной движущей силой стало стремление превзойти, преодолеть и пережить всех остальных. Свойственная им биологическая гибкость в сочетании с зачатками интеллекта лишь способствовала претворению в жизнь этой мечты: они сознательно начали преобразовывать себя в такой вид, который мог бы одолеть их менее изобретательных соседей.

Конечно, это все только предположения, но далее придется принять гипотезу, вообще не имеющую под собой практически никакой реальной основы. Давайте просто представим себе, что некая раса, способная передвигаться в космосе, все-таки достигла нашей Земли. Это могли быть те, кто оставил руины на планетах Фомальгаута и на Шестиречье, или те, кто высек Хребет Монументов на Кси Папписа-10.

Итак, предположим, что подобная раса посетила Землю сотни тысяч лет назад. Предположим, что они захватили одно из племен неандертальцев и по непонятным причинам перекинули его на Ггнарумен, то есть на родину Звездных Королей. Постепенно сложилось весьма напряженное положение для обеих рас. Люди стали гораздо более опасными противниками Звездных Королей, чем уже почти уничтоженные естественные враги. Человек оказался разумным, терпеливым, хитрым, безжалостным и агрессивным врагом. Под давлением окружающей среды первобытные люди тоже постепенно несколько переродились: они стали проворнее, ум их обострился, а рефлексy развились. Они теперь уже не были теми неандертальцами, а представляли собой новый тип человека.

Предки Звездных Королей неожиданно были отброшены далеко назад, но не даром им по наследству доста-

лось терпение. Кроме того, у них в распоряжении имелись еще две очень важные способности: заложенный в генах дух соперничества и биологическая гибкость. Человек доказал свое превосходство, и, чтобы одолеть людей, Королям пришлось стать подобием человека.

Война продолжалась, и даже сами Звездные Короли очень осторожно, но признают, что некоторые их мифы довольно подробно описывают действительные эпизоды той давней схватки.

Отсюда вытекает следующая теория. Около пятидесяти тысяч лет назад космические путешественники вернулись и перевезли изрядно изменившихся землян обратно на Землю, может, даже прихватив заодно несколько Звездных Королей – кто знает? Так в Европе объявились кроманьонцы.

Тем временем на своей собственной планете Звездные Короли наконец стали еще более похожими на людей, чем непосредственно оригиналы. Борьба закончилась, естественно, в пользу Королей, настоящий человек полностью уничтожен, и Звездные Короли остаются на планете единственными властителями. Но пятьсот лет назад человечество изобрело сверхсветовой привод. И когда вдруг люди случайно наткнулись на Ггнарумен, то, к своему величайшему изумлению, обнаружили там существ, в точности похожих на них самих, то есть Звездных Королей.

– Все эти доводы кажутся слишком уж неправдоподобными, – с сомнением произнесла Паллис.

– Не более неправдоподобными, чем, например, теория конвергентной эволюции. Что Звездные Короли существуют, это факт. Их расу не назовешь дружелюбной, но они и не враги человечеству. Людям запрещено посещать так называемый Ггнарумен, как бы он там ни произносился. Звездные Короли рассказывают нам о себе ровно столько, сколько сами считают нужным, и вместе с тем рассылают своих наблюдателей – проще говоря, шпионов – по всей Ойкумене. Держу пари, что сейчас в Авенте их наберется не меньше дюжины.

– А как их отличить от обычных людей? – скорчила гримаску Паллис.

— Иногда даже врач не в состоянии сделать этого — после того как они полностью завершат маскировку. Но, конечно, существуют и отличия. У них нет гениталий, и область, где должны, по идее, находиться половые органы, абсолютно чистая — там не растут волосы. Их протоплазма, кровь, гормоны также имеют несколько другое строение, продукты дыхания обладают специфическим запахом. Но их шпионы, кем бы они себя ни считали, настолько видоизменяются, что часто даже рентгеновский снимок не позволяет отличить их от человека.

— Но тогда как вы догадались, что то... то существо в таверне Смэйда на самом деле Звездный Король?

— Смэйд сказал мне об этом.

— А откуда об этом стало известно Смэйду?

Джерсен покачал головой.

— Я как-то не спрашивал его...

Внезапно он замолк, осененный новой мыслью. В таверне Смэйда всего было трое клиентов: он сам, Тихолт и Звездный Король. Но если верить словам Тристано (а почему бы им, собственно, и не верить?), то вместе с ним на корабле прибыли лишь Даски и Сутиро. И если учесть слова, с которыми Даски обратился к Тихолту, то убил беднягу Тихолта сам Аттель Малагате. Джерсен отчетливо слышал крик Тихолта, тогда как и Сутиро, и Даски, и Тристано находились у него на глазах.

Если только Малагате не был сам Смэйд или если тайно не прибыл еще один корабль, а и то, и другое просто невероятно, значит, Малагате и Звездный Король — одно и то же лицо. Вспоминая тот вечер, Джерсен сообразил, что Звездный Король покинул зал как раз вовремя, чтобы перехватить Даски до входа в таверну...

Паллис Атроуд легонько дотронулась до его щеки.

— Вы рассказывали мне про таверну Смэйда.

— Да, — опомнился Джерсен. — Да, верно.

Он задумчиво посмотрел на нее. Она наверняка должна многое знать о всех передвижениях Уорвива, Келле и Деттераса. Паллис, неправильно истолковав его пристальный взгляд, очаровательно вспыхнула. Джерсен слегка натянуто рассмеялся.

— Да, вернемся к таверне Смэйда. — И он описал ей события того вечера.

Паллис с нескрываемым интересом слушала, совсем позабыв о вкусной еде, что стояла на столике.

— Значит, монитор Тихолта сейчас у вас, но расшифровать его содержимое может только университет.

— Верно. Но по отдельности ни то, ни другое не представляет из себя ровно никакой ценности.

Они закончили обед. Джерсен, не имея банковского счета на Альфаноре, расплатился наличными, и они поднялись на поверхность.

— Ну, куда мы двинемся теперь?

— Мне все равно, — ответила Паллис. — Пойдемте пока обратно по эспланаде, к тому столику, где мы раньше сидели.

Безлунная черная бархатная ночь Альфанора уже полностью вступила в свои права. Фасады выходящих на эспланаду зданий тускло мерцали, испуская голубое, зеленоватое или розовое свечение. От тротуаров лился серебристый свет, балюстрада излучала приятное, едва заметное для глаза янтарное сияние... Повсюду царил мягкий рассеянный свет, навеявая мысли о старинных замках с привидениями. По темному небу медленно перемещались звезды, огромные и яркие.

Официант принес кофе и ликер. Джерсен и Паллис, откинувшись на спинки стульев, наблюдали за гуляющими.

— Но вы не все мне рассказали, — задумчиво произнесла Паллис.

— Конечно, нет, — подтвердил Джерсен. — По сути дела... — Он вдруг замолчал, внезапно поняв, что его так мучило все это время. Аттель Малагате может неверно истолковать его интерес к Паллис, особенно если учесть тот факт, что Малагате — Звездный Король, существо бесполое и не способное понять природу взаимоотношений между мужчиной и женщиной. — По сути дела, — заключил Джерсен уже не таким бодрым тоном, — мне не хотелось бы впутывать вас в эту историю.

— А вы меня и не впутываете, — возразила Паллис, лениво потягиваясь. — А даже если бы и впутали, что с того? Это Авента, цивилизованный город на цивилизованной планете.

Джерсен насмешливо хмыкнул.

— Я уже объяснял вам, что в моей планете заинтересованы еще кое-какие люди. Одним словом... этот мир привлек внимание некоторых самых настоящих пиратов и рабовладельцев, испорченных и развращенных настолько, насколько может пожелать ваше равнодушное к романтике сердечко... Вам что-нибудь говорит имя Аттель Малагате?

— Малагате-Беда? Да.

Джерсен поборол овладевшее им искушение рассказать ей, что сегодня она весь день носила почту и выполняла поручения этого самого Малагате.

— Я почти не сомневаюсь, — сказал он, — что за нами неотступно следят прилипалы. Именно сейчас. В данную секунду. И не исключено, что управляет ими сам Малагате.

Паллис беспокойно зашевелилась, оглядывая небо.

— Вы имеете в виду, что сейчас Малагате наблюдает за мной? Неприятное ощущение.

Джерсен взглянул направо, потом налево и весь подобрался. Через два столика от них сидел Сутиро, отравитель с Саркоя. Джерсен почувствовал, как в желудке у него засосало. Повстречавшись с Джерсеном глазами, Сутиро вежливо кивнул и улыбнулся, затем, не спеша, поднялся со своего места и лениво направился к их столику.

— Добрый вечер, мистер Джерсен.

— Добрый вечер, — в свою очередь, поздоровался Джерсен.

— Разрешите присоединиться к вам?

— Не стоит.

Сутиро мягко рассмеялся, присел на стоящий рядом стул и устремил свою лисью мордочку на Паллис.

— Эта молодая леди... вы не представите нас друг другу?

— Вам прекрасно известно, кто она такая.

— Да, но она еще не знает, кто я.

Джерсен повернулся к Паллис.

— Перед вами благородный Сутиро, Мастер-Отравитель с Саркоя. Вы интересовались злодеями — другого такого вам вряд ли удастся встретить.

Сутиро весело рассмеялся.

— Мистер Джерсен льстит мне, говоря, что вряд ли можно встретить другого такого, как я. Некоторые мои друзья куда искуснее меня. Это все равно что сравнивать меня и вас, например. Но, надеюсь, вам не придется познакомиться с ними. Вот Хильдемар Даски, к слову, ужасно гордится своей способностью вызывать паралич у собак одним лишь взглядом.

В голосе Паллис звучало беспокойство.

— Да, не хотелось бы мне с ним повстречаться. — Она с изумлением посмотрела на Сутиро. — Но вы... вы и в самом деле признаетесь в том, что вы злодей?

Сутиро вновь рассмеялся своим сдержанным смехом.

— Я мужчина и, кроме того, саркоец.

— Я как раз описывал мисс Атроуд нашу встречу в таверне Смэйда, — прервал его Джерсен. — И все-таки, кто же убил Луго Тихолта?

Сутиро, казалось, удивился такому вопросу.

— Кто же еще, как не сам Малагате? Мы трое сидели внутри и никуда не выходили. Да и вообще, какая разница? С тем же успехом на месте убийцы Тихолта мог оказаться я, или Красавчик, или Тристано... Кстати, Тристано последнее время очень неважно себя чувствует. Он попал в ужасную аварию, но говорит, что, как только выздоровеет, сразу постарается увидаться с вами.

— Передайте, что ему еще крупно повезло, — сказал Джерсен.

— Ему сейчас стыдно, — продолжал Сутиро. — Он-то считал себя достаточно опытным в подобных делах. А ведь я не раз говорил, что ему еще учиться и учиться, чтобы дорасти до меня, да он все не верил. Может быть, после этого случая он, наконец, примет к сведению мои советы.

— Да, кстати о мастерстве, — сказал Джерсен, — а вы умеете проделывать фокус с бумажкой?

Сутиро склонил голову набок и снова окинул Джерсена оценивающим взглядом.

— Да, разумеется. Но откуда вам известно об этом фокусе?

— Я узнал о нем, когда был в Кальваинге.

— Что привело вас в Кальваинг?

— Я приезжал к Отравителю Кудироу.

Сутиро поджал полные красные губы. Кожа на его лице была выкрашена в бледно-желтый цвет, а тело умаслено маслами, отчего оно переливалось и казалось скользким, как у змеи.

— Кудироу ничуть не лучше остальных, но что касается фокуса с бумажкой...

Джерсен протянул ему салфетку. Сутиро широко раздвинул указательный и большой пальцы левой руки, положил на них салфетку и легонько ударил по ней пальцами правой руки. На стол упали пять полосок.

— Чистая работа, — прокомментировал Джерсен и повернулся к Паллис. — Его ногти очень тверды и остры, как бритвы. На какую-то бумажку он, конечно, не стал расходовать свой яд, но в каждом его пальце яда не меньше, чем в жале ядовитой змеи.

Сутиро самодовольно кивнул.

Джерсен снова развернулся к нему.

— А где ваш приятель Красавчик Даски?

— Здесь, поблизости.

— Все та же красная физиономия?

Сутиро печально покачал головой, как бы признавая плохой вкус Даски.

— Очень способный, но в то же время очень странный человек. Вы когда-нибудь задумывались, почему у него такое лицо?

— Да, иногда, когда, пересиливая себя, все-таки смотрел на него.

— Вы мне не друг, однажды вы меня даже ловко надули, и все же хочу предупредить вас: никогда не становитесь на пути у Великолепного Даски. Как-то раз, лет двадцать назад, ему случайно помешали довести до конца небольшое дельце: надо было получить деньги у одного очень упрямого человека. Так получилось, что Хильдемар оказался в весьма невыгодном положении, его избили и связали по рукам и ногам. А потом его кредитор, человек с довольно-таки дурным вкусом, расщепил бедняге Хильдемару нос и срезал веки... Благодаря все той же случайности Хильдемару удалось бежать, но теперь его повсюду зовут Красавчик Даски или Великолепный Даски.

— Какой ужас! — пробормотала Паллис.

— Вот именно.— В голосе Сутиро прозвучало нескрываемое презрение.— Год спустя Хильдемар изловил этого человека и отвез его в одно укромное местечко, где тот живет и по сей день. А Хильдемар, хорошо помня оскорбление, которое стоило ему лица, время от времени наведывается туда, чтобы «пообщаться» с тем с глазу на глаз.

Паллис округлившимися глазами посмотрела на Джерсена.

— Эти люди — ваши друзья?

— Нет. Нас связывает дело Луго Тихолта.

Сутиро тем временем разглядывал эспланаду. Джерсен решил воспользоваться моментом и как бы невзначай спросил:

— Вы, Даски и Тристано, наверное, работаете в одной команде?

— Приходится, хотя я предпочитаю действовать в одиночку.

— А Луго Тихолту, по-видимому, не повезло, и в Бринктауне он наткнулся прямо на вас.

— Он умер быстро. Когда-нибудь все мы предстанем перед Годогмой. Разве это такое уж несчастье?

— Но обычно люди предпочитают не торопить Годогму.

— Это правда.— Сутиро внимательно изучал свои сильные, подвижные руки.— Здесь я с вами абсолютно согласен.— Он повернулся к Паллис: — У нас на Саркое на этот счет существует множество пословиц.

— А кто такой Годогма?

— Великий Бог Судьбы. Тот, кто держит цветок и цеп и передвигается на колесах.

Джерсен напустил на себя сосредоточенный вид.

— Я хотел бы задать вам один вопрос. Вы можете не отвечать. Вполне вероятно, вы просто не в курсе. Дело в том, что мне страшно интересно, почему вдруг Малагате, Звездный Король, так заинтересовался этой планеткой?

Сутиро пожал плечами.

— Таким вопросом я никогда не задавался. Ну, видимо, этот мир очень дорого стоит. Мне платят. Я убиваю только тогда, когда у меня нет другого выхода или когда

это приносит мне деньги. Так что, как видите, — отеческим тоном обратился он к Паллис, — не такой уж я и негодяй. Скоро я вернусь на Саркой и буду доживать свои дни, кочуя по Горобундурской степи. Вот это жизнь! Когда я думаю о том, что когда-нибудь такое время все-таки наступит, меня начинает терзать один и тот же вопрос: что я делаю здесь, в этой мерзкой сырости? — Он с ненавистью мотнул головой в сторону океана и поднялся со стула. — Конечно, очень самонадеянно с моей стороны пытаться давать вам советы, но такой уж я чувствительный человек. Малагате вам не одолеть никогда в жизни, так что лучше сами отдайте этот монитор.

Джерсен, подумав, сказал:

— Позвольте и мне кое-что посоветовать вам. Смешно, но я, как и вы, тоже исключительно чувствительный человек. И вот вам мой совет: при первой же встрече с Хильдемаром Даски постарайтесь убить его, а еще лучше будет, если вы подготовитесь к этому заранее.

Сутиро в удивлении вскинул густые коричневые брови. На некоторое время им овладела, казалось, полная растерянность.

— Сейчас за нами наблюдает один из прилипал, — продолжал Джерсен. — В этом я уверен на сто процентов, хоть так и не засек его. И наверняка его микрофон зарегистрировал весь наш разговор. Пока вы сами мне не сказали, я даже понятия не имел, что тот Звездный Король в таверне Смэйда и был Малагате. Весьма интересный факт. Не многим он известен.

— Тише! — зашипел Сутиро, в глазах его промелькнула лютая ненависть.

Джерсен понизил голос.

— И именно Хильдемару Даски, скорее всего, прикажут покарать вас. Если вы хотите, упредив Годогму, еще раз проехаться в своей повозке по Горобундурской степи, убейте Даски и немедленно бегите.

Сутиро что-то прошипел про себя, вскинул было руку в броске, но потом отступил, развернулся и растаял в толпе.

Паллис расслабилась и откинулась на своем стуле.

— Видимо, не такая уж я любительница приключений, как казалось мне раньше, — неуверенно проговорила она.

— Прошу прощения, — искренне сказал Джерсен. — Мне не следовало приглашать вас.

— Нет, нет, что вы. Я просто никак не могу привыкнуть к мысли, что подобный разговор мог произойти здесь, на этой эспланаде, в мирной Авенте. Но мне очень интересно. И все-таки, если вы не преступник, так кто же вы?

— Кирт Джерсен.

— Вы, должно быть, работаете на МПКК.

— Нет.

— Ясно. Тогда вы из Спецкомитета Конгрегации.

— Я просто Кирт Джерсен, обыкновенный человек. — Он встал. — Давайте пройдемся еще чуть-чуть.

Они вышли на эспланаду. Слева простиралось темное море, справа мягко светились стены домов, а за ними вздымались небоскребы Авенты — сияющие иглы на фоне черного альфанорского неба.

Паллис взяла Джерсена под руку.

— Скажите, а что, если Малагате действительно Звездный Король? Что это означает?

— Я сам все время об этом думаю.

На самом деле Джерсен пытался вспомнить, как выглядел тот Звездный Король. Кто это был? Уорвив? Келле? Или Деттерас? Антрацитово-черный оттенок кожи отвлекал внимание от черт лица, полосатая шапочка скрывала волосы. Джерсену казалось, что Звездный Король был повыше ростом, чем Келле, но не так высок, как Уорвив. Но какой бы черной ни была кожа, разве она могла скрыть грубое, даже жутковатое лицо Деттераса?

— А они действительно убьют этого человека? — спросила Паллис, отвлекая его от воспоминаний.

Джерсен обшарил небо пристальным взглядом в поисках прилипалы, но так ничего и не обнаружил.

— Не знаю. Он полезен. Дело в том, что...

Джерсен заколебался, снова подумав, как он будет выглядеть, если вовлечет в это грязное дельце Паллис, пусть даже косвенно.

— И в чем же дело?

— Да так, ни в чем.

Опасаясь микрофонов прилипал, Джерсен не осмеливался спросить у девушки о передвижениях Келле, Деттераса и Уорвива: до сих пор у Малагате не было причин заподозрить в Джерсене интерес к собственной персоне.

— Я никак не могу понять, при чем здесь вы? — немного обиженно спросила Паллис.

И снова Джерсен предпочел умолчать об истинных своих целях. Прилипала мог услышать их, да и Паллис Атроуд могла быть одним из агентов Малагате, хотя сам Джерсен считал это маловероятным. Поэтому он сказал:

— Ни при чем, так, сбоку припека.

— Но любой из этих людей, — кивнула она на прохожих, — может оказаться Звездным Королем. Как отличить их от обычных людей?

— Это трудная задача. На своей родной планете — не буду больше пытаться произнести ее название — в большинстве своем они очень похожи на людей. Тех, которые путешествуют по известным мирам, называют наблюдателями или, если хотите, шпионами, хотя я не совсем понимаю, чему они надеются научиться у нас. Так вот, эти Звездные Короли являются почти точной копией настоящих людей.

Внезапно Паллис успокоилась. Она было открыла рот, чтобы задать еще один вопрос, но тут же закрыла его и весело махнула рукой.

— Давайте забудем обо всем этом. Об этих кошмарах. Мне и так уже повсюду мерещатся Звездные Короли. Даже в университете...

Джерсен взглянул на нее.

— Знаете, чего бы мне сейчас больше всего хотелось?

— Нет, — соблазнительно улыбнулась она. — Чего же?

— Сначала мне хотелось бы избавиться от прилипалы, это не составит особой проблемы. А затем...

— Затем?

— Я бы нашел какое-нибудь укромное местечко, где мы бы могли побыть наедине.

Она отвела глаза.

— Я не возражаю. Там, внизу, на побережье, есть одно такое место, его называют Лос-Сиренс. Но я никогда там раньше не была.— Она смущенно засмеялась.— Так, люди говорили.

Джерсен взял ее за руку.

— Итак, сначала избавимся от прилипалы...

Паллис подчинялась его приказам с детской неприужденностью. Глядя на ее веселое личико, Джерсен вновь вспомнил о своем решении всячески избегать эмоциональных привязанностей. Если они пойдут в Лос-Сиренс и станут близки этой ночью, что тогда? Джерсен отбросил прочь все сомнения. Он будет действовать по ситуации.

Прилипала, если таковой вообще имелся, наверняка уже был сбит с толку и давно отстал. Они вернулись на стоянку автомобилей. Вокруг дрожала мягкая полутьма, ряды слайдеров отражали рассеянный свет фонарей.

Подойдя к своей машине, Джерсен замер в нерешительности, потом обнял дрожащую девушку и поцеловал прямо в губы.

Вдруг позади раздались грубые шаги, впереди что-то зашевелилось. Джерсен обернулся и увидел прямо перед собой отвратительное кроваво-красное лицо с голубыми ядовитыми кругами щек. Рука Хильдемара Даски опустилась, и что-то тяжелое обрушилось на голову Джерсена. В глазах у него потемнело, он пошатнулся и упал на колени. Даски склонился над ним. Джерсен попытался увернуться, но мир вокруг потерял устойчивость, в глазах двоилось. Он еще успел увидеть, как ухмыляющийся Сутиро, похожий на гиену, тянется своими лапами к шее девушки, но тут Даски ударил его еще раз, и мир померк. Мысль о девушке пронзила мозг Джерсена и исчезла: новый ужасный удар погасил его сознание.

ГЛАВА 9

...По мере того как люди перелетали с одной звезды на другую, они сталкивались со множеством различных жизненных форм — как обладающих разумом, так и не обладающих (особый интерес, в силу своей консервативности, люди проявляли к поискам антропоморфных

видов). Не более полудюжины таких жизненных форм даже с натяжкой могли быть названы гуманоидными, но из этой дюжины лишь один вид оказался убедительно похожим на человека — Звездные Короли с планеты Ггнарумен.

С первых же дней нашего поразительного контакта с ними человечество мучил вопрос: можно ли их причислить к *homo sapiens*, то есть можно ли назвать существами «полигамными, с двумя парами конечностей, с двумя кругами кровообращения и одним мозгом», согласно комичному определению Талле Шантрона, или нет? Конечно, однозначного ответа здесь быть не может.

Бесспорно одно: Звездные Короли ни в коем случае не *homo sapiens*. Но, в то же время, если иметь в виду существо, способное говорить на человеческих языках, ходить в галантерею, одеваться с иголочки, прекрасно играть в теннис, умеющее хорошо разыграть шахматную партию, посещающее королевский двор в Стокгольме или празднества на лужайках в Стрильвании, не вызывая при этом у самодержцев ни малейшего удивления, — тогда такое существо — человек.

Человек или не человек, типичный Звездный Король представляет собой культурный тип существа с весьма ровным характером, порой немного подозрительного и начисто лишённого чувства юмора. Окажите ему какую-нибудь услугу — и он поблагодарит вас, но никогда не будет считать себя чем-то вам обязанным. Причините ему малейший вред — и он кинется на вас с тигриной яростью, и убьет вас, особенно если человеческий закон не в силах будет помешать ему. Если же подобное действие как-нибудь повредит его отношениям с законом, он немедленно забудет о нанесенном ему оскорблении или боли и не станет держать на вас злобы. Он безжалостен, но не жесток. Звездные Короли никогда не могли понять такие извращенные проявления человеческой натуры, как садизм, мазохизм, религиозный фанатизм, самобичевание, самоубийство. С другой стороны, им присущ целый ряд весьма специфических привычек и стереотипов поведения, с нашей точки зрения не менее загадочных, но являющихся следствием своеобразной психики Звездных Королей.

Сказать, что происхождение этой расы проследить трудно, — все равно что сказать, что у Креза было прилично денег. Существует по меньшей мере дюжина теорий, объясняющих столь удивительное сходство между Звездным Королем и человеком, но ни одна из них, по сути, не убедительна. Если самим Звездным Королям и известно что-нибудь о своем происхождении, они предпочитают молчать. Поскольку они изгнали со своей планеты все наши антропологические и археологические экспедиции, мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть ни одну из этих теорий.

На планетах, принадлежащих человеческой расе, Звездные Короли до мелочей копируют все манеры поведения лучших образчиков человечества, однако их врожденные повадки поистине уникальны и присущи только их расе. Попросту говоря, их главной чертой можно назвать страсть превзойти во всем, переиграть соперника в его же собственной игре. И поскольку именно человек является главенствующим существом в Ойкумене, то на нем-то и сосредоточены все усилия

Звездных Королей. Человек для них чемпион, которого требуется победить во что бы то ни стало, и поэтому они стремятся превзойти человека во всех его проявлениях. Если это устремление (а все устремления Звездных Королей, как правило, заканчивались удачно) и кажется нам нелепым и притянутым за уши, то не менее надуманным считают они наше сексуальное поведение, ибо Звездные Короли размножаются при помощи партеногенеза, но это тема отдельного разговора и выходит за рамки данной статьи.

Не зная такого понятия, как «спешка», не придавая никакого значения красоте или уродству, Звездные Короли всячески стремятся к одной лишь цели — сравнять очки в упорном соревновании с человечеством...

Что можно сказать об их достижениях? Они прекрасные строители, одаренные инженеры, прекрасные техники, но, вследствие своей прагматичности, не особенно тяготеют к математике и к другим теоретическим дисциплинам. Трудно себе представить, чтобы среди них мог появиться такой гений, как Джарнелл, который, пусть даже благодаря чистой случайности, открыл свой знаменитый привод, впоследствии названный его именем. Большое впечатление производят города Звездных Королей, подобно гроздьям металлических кристаллов возвышающиеся над равнинами Гтнарумена. Каждый достигший совершеннолетия Звездный Король должен выстроить для себя шпиль или башню. И чем упорнее он стремится к исполнению своей мечты, чем почетнее его положение в обществе, тем выше и прекраснее его башня (которая, по всей вероятности, всю остальную жизнь служит ему лишь в качестве памятника, не более того). После его кончины башня может быть временно передана для проживания одному из юных индивидуумов — на то время, пока он копит собственное состояние, чтобы возвести свою башню. Однако, хотя издали их города кажутся восхитительными, вблизи оказывается, что они страдают отсутствием элементарных муниципальных служб, и улочки между башнями до отказа забиты грязью и всяческими отбросами. Фабрики, промышленные комплексы и тому подобные производства размещаются под невысокими, утилитарными куполами и обслуживаются наименее агрессивными и развитыми представителями расы, ибо раса Звездных Королей ни в коем случае не однородна. Как и человечество, она прошла разные стадии развития, оставив позади своих проконсулов, мегантропов, питекантропов, синантропов, неандертальцев, кроманьонцев и всех прочих.

Выдержки из статьи Подда Хачински «Когда человек — не человек». Журнал «Космополис», 1500 год, июнь.

Примерно в полночь на стоянку слайдеров забрела веселая и шумная компания юнцов. Они с размахом погуляли в «Холлах», посетили «Лланфелфэйр», «Потерянную Звездную Харчевню», «Хэлус» и казино «Плажель», прилично нагрузившись винами, одурманив себя

дымком, обрызгивателями, сублимированными вихрями, вольтами, песнопениями и другими средствами повышения настроения, которыми изобиловали вышеперечисленные заведения. Парень, споткнувшись о тело Джерсена, сначала весело чертыхнулся, но потом, разглядев под ногами человека, взволнованно вскрикнул. Компания собралась вокруг, один кинулся к своей машине и нажал кнопку вызова «скорой помощи». Спустя две минуты на стоянке приземлился полицейский вертолет, сразу же вслед за ним прибыла и машина «скорой помощи».

Джерсена доставили в больницу, где оказали необходимую медицинскую помощь, сделали рентген, массаж и напичкали укрепляющими лекарствами. Придя в сознание, он некоторое время лежал неподвижно, пытаясь понять, куда попал, и, вспомнив, рванулся с кровати. Присутствующие в палате практиканты пробовали остановить его, но Джерсен, отбиваясь от них, все-таки выпрямился и теперь стоял, слабо покачиваясь на ногах.

— Одежда! — Голос с трудом повиновался ему. — Верните мою одежду!

— Не волнуйтесь, сэр, одежда здесь, в шкафу. Прошу вас, расслабьтесь, лягте поудобнее. Здесь присутствует офицер полиции, он запишет ваши показания.

Джерсен опустился на кровать, снедаемый тревожными опасениями. Подошел инспектор — молодой человек с умными глазами, в желто-коричневой куртке и черных бриджах — форме полиции Приморской Провинции. Он вежливо представился Джерсену, присел на стул рядом с кроватью и включил записывающее устройство.

— Итак, сэр, что с вами произошло?

— Я гулял с одной девушкой. С мисс Паллис Атроуд из Ремо. Когда мы вернулись к слайдеру, меня оглушили ударом сзади. Что случилось с мисс Атроуд, не знаю. Я только успел увидеть, как она вырывалась из рук одного из напавших мужчин.

— Сколько их было?

— Двое. Я узнал их. Одного зовут Хильдемар Даски, а другого я знаю как Сутиро с Саркоя. На Краю Света они довольно известные личности.

— Понятно. Имя и адрес леди?
— Паллис Атроуд, пансион «Мерионет», Ремо.
— Мы немедленно проверим: возможно, она уже вернулась домой. А теперь, мистер Джерсен, давайте еще раз, и поподробнее.

Равнодушным голосом Джерсен во всех деталях описал нападение, дал приметы Хильдемара Даски и Сутиро. Пока он рассказывал, пришло сообщение от службы полицейского контроля: Паллис Атроуд домой не возвращалась. Все дороги, воздушные пути и космопорты были взяты под наблюдение. О происшедшем известили МПКК.

— Прошу прощения, сэр, — бесстрастно произнес инспектор, — могу я узнать, чем вы занимаетесь?

— Я разведчик.

— Что вас связывает с этими двумя людьми?

— Ничего. Один раз я видел их за работой, на планете Смэйда. И теперь они, по-видимому, считают меня своим врагом. У меня есть основания считать, что они входят в организацию Аттеля Малагате.

— Очень странно, что они столь нагло напали на вас. И, по сути дела, почему они вас не убили?

— Не знаю. — Джерсен поднялся на ноги.

Инспектор внимательно наблюдал за его действиями.

— И каковы ваши планы, мистер Джерсен?

— Я хочу разыскать Паллис Атроуд.

— Понятное желание, сэр. Но лучше бы вам не вмешиваться. У полиции куда больше возможностей, чем у одиночки-непрофессионала. Уже сейчас могут поступить какие-нибудь важные для вас новости.

— Не думаю, — вздохнул Джерсен. — Сейчас они уже в космосе.

Инспектор, в свою очередь, тоже поднялся и коротко кивнул, признавая правоту Джерсена.

— Мы будем держать вас в курсе.

Он поклонился и вышел.

Джерсен с помощью санитара немедленно оделся. Колени его дрожали, в голове ныло от постоянной боли, в ушах стоял звон от большой дозы лекарств.

Лифт доставил его прямо на станцию метро. Джерсен стоял на платформе в ожидании поезда и старался соста-

вить план дальнейших действий. Но одна только фраза, подобно червю, буравила его мозг, повторяясь снова и снова: «Бедная Паллис, бедная Паллис».

Так ничего и не придумав, Джерсен сел в поезд, который доставил его на станцию под эспланадой. Выйдя из метро, Джерсен, вместо того чтобы сразу направиться к своему слайдеру, зашел в кафе поблизости и взял чашечку кофе.

«Сейчас Паллис уже в космосе, — размышлял он. — И в этом виноват я. Один лишь я». Он обязан был предвидеть такой поворот событий. Паллис Атроуд была хорошо знакома с Уорвивом, Келле и Деттерасом, каждый день встречалась с ними, слышала университетские сплетни. Малагате-Беда, Звездный Король, был одним из этих троих, и, скорее всего, Паллис Атроуд могла бы сказать, кем именно, то есть, вкупе с неосторожными признаниями Сутиро, она могла раскрыть личность Малагате. А посему ее устранили. Убили? Продали в рабство? Или, может, Даски приберег ее для себя? Бедняжка Паллис!

Джерсен посмотрел на океан. На горизонте возникло бледно-лиловое свечение, предвещающее восход солнца. Звезды с каждой минутой все более тускнели.

«Я должен быть готов ко всему, — сказал себе Джерсен. — Я отвечаю за это дело. Если только ей будет причинен хоть малейший вред... нет. Хильдемара Даски я убью в любом случае...». О Сутиро же, этом вероломном предателе с лисьей мордочкой, он думал уже не иначе как о готовом покойнике. А потом настанет черед Малагате, создателя всей сети зла. Когда Джерсен узнал, что Малагате — Звездный Король, его ненависть несколько поубавилась, теперь тот казался ему просто взбесившимся зверем, которого надо уничтожить без всяких эмоций.

Исполненный ненависти, печали и сострадания, Джерсен направился к своей машине, одиноко торчащей на опустевшей стоянке. Вот здесь стоял Даски. А здесь он, Джерсен, валялся без сознания... Каким безнадёжным глупцом, каким легкомысленным идиотом он оказался! Его дедушка, наверное, сейчас в гробу переворачивается!

Он завел машину и не спеша вернулся в отель. На его имя не приходило никаких сообщений.

Над Авентой занималась заря. Первые лучи Ригеля уже осветили далекие горы Катилина-Хиллз и зажгли утренние облака. Джерсен достал таймер, выпил снотворное и, рухнув в постель, на два часа отключился.

Когда он проснулся, мрачное настроение его лишь усилилось. Время шло, и постепенно догадки относительно местопребывания Паллис Атроуд переходили в уверенность. Джерсен заказал кофе, всякая мысль о еде сейчас претила ему.

В мозгу билась одна мысль: что же теперь делать? Обратиться в МПКК? Но тогда придется рассказать все, что он знает. Да и поможет ли это, даже если он выложит все факты? Ну хорошо, он заявит, что подозревает администратора Университета Приморской Провинции в том, что тот является одним из так называемых Властителей Зла. И что дальше? МПКК, элитной полицейской организации, со всеми присущими ей достоинствами и пороками, можно доверять, а можно и не доверять. Наверняка Звездные Короли проникли в ее круги, и в таком случае Малагате обязательно предупредят. Да и как информация Джерсена поможет спасти Паллис Атроуд? Хильдемар Даски похитил ее, это ясно, и об этом Джерсен уже сообщил.

Другая возможность – попробовать обменять планету Тихолта на Паллис Атроуд... Джерсен с радостью согласился бы, но, увы, пока никаких предложений не поступало. А кто есть настоящий Малагате, он до сих пор так и не выяснил. Можно не сомневаться, у МПКК найдутся способы справиться с этой проблемой, но что потом? Вряд ли потом дело дойдет до какого-либо обмена, просто с ним постараются побыстрее разделаться, не поднимая особого шума, хотя, как правило, МПКК действует только по официальному запросу полномочного правительственного агентства. А что тем временем будет с Паллис Атроуд? Она навсегда исчезнет – крошечная искорка ее жизни погаснет, будет навсегда списана со счетов и забыта.

Вот если бы Джерсен сумел опознать, наконец, Малагате, то у него появилось бы куда больше возможно-

стей, тогда он мог бы, ни секунды не раздумывая, выдвинуть тому свои требования. Если же исходить из реально сложившейся ситуации, Джерсен обязан был действовать так, как планировал прежде. Но это будет тянуться и тянуться! Бедняжка Паллис! Однако Хильдемар Даски сгинул где-то на Краю, перед этим фактом и Джерсен, и МПКК были сейчас бессильны. Только сам Аттель Малагате мог вернуть девушку. Если Паллис Атроуд вообще еще жива.

Таким образом, положение дел, по сути, ничуть не изменилось. Как и раньше, прежде всего следовало установить личность Малагате. А потом либо договориться с ним, либо действовать силой.

Теперь, когда последовательность дальнейших его шагов немного прояснилась, Джерсен несколько воспрянул духом. Он вновь загорелся желанием и решимостью идти до конца и, опьяненный ненавистью, почти поверил, что способен на все. Никто и ничто не сможет устоять перед ним!

Близился час его встречи с Деттерасом, Уорвивом и Келле. Джерсен оделся, спустился в гараж и, выведя слайдер на широкую авеню, направился на юг.

Припарковавшись возле университета, он пересек площадь и подошел к зданию факультета галактической морфологии. Испытывая внезапный прилив надежды и чувствуя, как внутри у него все сжалось, он взглянул на столик секретаря: там сидела неизвестная ему девушка.

— Простите, а мисс Атроуд сегодня не будет? — вежливо обратился к ней Джерсен.

— Не знаю, сэр. Она почему-то не вышла на работу. Может быть, плохо себя почувствовала.

Ну да, подумал Джерсен, в каком-то смысле так оно и есть. Он сообщил секретарше, что ему назначена встреча, и направился в кабинет Рандла Деттераса.

Уорвив и Келле были уже там. Все трое, очевидно, пришли к какому-то решению и выработали курс общих действий. Джерсен оглядел сидящих перед ним мужчин: Деттерас, Уорвив и Келле. Один из них только внешне был человеком. В таверне Смэйда Джерсен лишь мельком видел Звездного Короля и теперь пытался вспомнить, вызвать в памяти черты его лица. Но тщетно:

черная кожа и экзотическое одеяние полностью заслонили внешность. Украдкой он еще раз взглянул на каждого. Кто? Уорвив, самоуверенный, с холодным взглядом? Келле, педантичный, хмурый и строгий? Или Деттерас, чье добродушие теперь казалось насквозь фальшивым?

Джерсен никак не мог решить. Напустив на себя учтиво-почтительный вид, он сделал первый ход.

— Давайте упростим дело, — предложил Джерсен. — Я заплачу вам — я имею в виду факультет — за дешифрующую ленту. Вряд ли вашему факультету помешает лишняя тысяча севов. Так или иначе, вот вам мое предложение.

Его собеседники, каждый в своей манере, казалось, были абсолютно ошеломлены. Уорвив изумленно поднял брови, Келле уставился на него неподвижным взглядом, а Деттерас несколько натянуто улыбнулся.

— Но, насколько мы поняли, — сказал наконец Уорвив, — раньше вы хотели продать всю информацию, которой располагаете.

— Я и не отказываюсь от своих слов, — сказал Джерсен. — Вопрос только в том, сколько вы мне сможете предложить.

— А сколько вы хотите?

— Миллион севов, может, два, а еще лучше три, если вы осилите.

Келле фыркнул, Деттерас покачал большой уродливой головой.

— Столько разведчикам никогда не платили, — заметил Уорвив.

— Вы установили, кто из вас послал Тихолта? — спросил Джерсен, не обращая ни малейшего внимания на его слова.

— Какое это имеет значение? — в ответ спросил Уорвив. — Вас здесь интересует одно — деньги. — Он взглянул на Келле и Деттераса. — Кто бы это ни был, он либо запомнил, либо не хочет открывать себя. И, вне всяких сомнений, подобное положение дел будет сохраняться и дальше.

— Что вы так уперлись в этого спонсора?! — воскликнул Деттерас. — Мистер Джерсен, давайте лучше перей-

дем непосредственно к самой сделке. Мы решили сделать вам совместное предложение... Но, конечно, цифры, фигурирующие в нем, не столь велики, как те, какие вы только что назвали...

— Сколько?

— Ну, допустим, пять тысяч севов.

— Ерунда. Планета исключительна по своим данным.

— Но вы-то этого не знаете, — вмешался Уорвив. — Вы там не были, вы же сами признались.

— Ближе к делу, — сухо сказал Келле. — Не были там и мы.

— Но вы видели фотографии, — возразил Джерсен.

— Вот именно, — подтвердил Келле. — И все. А фотографии без особого труда можно подделать. Я, например, не собираюсь выкладывать большую сумму, полагаясь на какие-то фотографии.

— Вполне резонно, — согласился Джерсен. — Я тоже, со своей стороны, не намерен делать никаких шагов, пока не получу от вас определенных гарантий. Не забывайте, я уже понес убытки и, естественно, хочу вернуть их сторицей.

— Но будьте же благоразумны! — грубовато воскликнул Деттерас. — Без дешифрующей ленты монитор просто грудa металла.

— Не совсем. Иногда шифры поддаются анализу Фурье.

— Да, в теории. Но это долгий и очень дорогостоящий процесс.

— Ничего, во всяком случае, даром я запись не отдам.

Спор продолжался около часа, Джерсен в нетерпении скрипел зубами. Наконец порешили на том, что на счет одной независимой организации предварительно будет переведено сто тысяч севов, а окончательная сумма будет определена после установления точных физических характеристик планеты.

Согласие, таким образом, было достигнуто. Связавшись по телекому с Нотариальным бюро по сделкам и контрактам в Авенте, все четверо назвали себя, офици-

ально удостоверили свои личности и изложили условия сделки. Контракт был занесен в архив бюро.

Затем они вызвали Банк Альфанора и открыли там независимый счет.

Наконец все трое администраторов, облегченно отдуваясь, откинулись в своих креслах и принялись откровенно изучать Джерсена. Тот, в свою очередь, внимательно рассматривал их.

— Итак, — произнес Джерсен, — с формальностями покончено. Кто из вас полетит со мной, чтобы осмотреть планету?

Троица обменялась вопросительными взглядами.

— Я поеду, — откликнулся Уорвив. — Очень интересно побывать там.

— По сути дела, я тоже хотел предложить свои услуги, — сказал Деттерас.

— В таком случае, — подал голос Келле, — и я тоже полечу. Смена обстановки мне совсем не повредит.

Джерсен подавил разочарование. Он ожидал, что Малагате, кто бы им из этой троицы ни оказался, предложит свои услуги, и тогда Джерсен отвел бы его в сторону и выдвинул новые условия: память монитора в обмен на Паллис Атроуд. Что, в конце концов, для него значила эта планета? Ему нужен был сам Малагате и его жизнь.

Но дело приняло иной оборот. Если на планету Тихолта полетят все трое, определение личности Малагате будет зависеть от новых обстоятельств. А судьба Паллис Атроуд останется на время под вопросом.

Джерсен предпринял последнюю попытку.

— Мой корабль слишком маленький, чтобы вместить четверых. Будет лучше, если со мной отправится кто-нибудь один.

— Невелика беда, — заявил Деттерас. — Мы полетим туда на корабле, принадлежащем факультету. На нем всем хватит места.

— И еще одно, — хмуро сказал Джерсен. — У меня осталось незавершенным одно весьма срочное дело. Поэтому прошу вас, даже настаиваю, чтобы мы вылетели сегодня же.

Заявление это вызвало бурные и решительные протесты, все трое дружно начали кричать, что на следую-

шей неделе у них важные встречи, заседания и совещания, на которых надо непременно быть.

Джерсен продолжал настаивать на своем.

— Джентльмены, вы и так отняли у меня много времени. Мы отправляемся сегодня же, или я предлагаю монитор еще кому-нибудь, или вообще уничтожу его.

Он наблюдал за их лицами, надеясь на одном заметить растерянность. Уорвив одарил его взглядом, в котором явно сквозила неприязнь; Келле смотрел на него, словно на непослушного ребенка; Деттерас же горестно покачивал головой. На несколько секунд наступила полная тишина. Кто же первым согласится на эти довольно жесткие условия?

— Мне кажется,— бесцветным голосом произнес Уорвив,— вы себе слишком много позволяете.

— Проклятье! — выругался Деттерас.— Не могу же я все бросить и бежать за вами.

— Ну, один-то из вас может на время отложить дела,— с надеждой предложил Джерсен.— Мы быстренько осмотрим планетку, потом я заберу деньги и займусь своими делами.

— Хм-м,— протянул Деттерас.

— Думаю, я смогу вырваться,— медленно проговорил Келле.

Уорвив согласно кивнул:

— Все это очень обременительно, но, так и быть, я постараюсь перенести встречи на другое время.

Деттерас, потрясая кулаками, повернулся к интеркому и вызвал своего секретаря:

— Отмените все назначенные встречи. Я уезжаю из города по неотложному делу.

— Надолго, сэр?

— Еще не знаю,— ответил Деттерас, бросив на Джерсена неодобрительный взгляд.— Пока неизвестно.

Джерсен продолжал изучать сидящих перед ним мужчин. Один Деттерас не скрывал своего раздражения. Келле, очевидно, относился к предстоящему путешествию как к незапланированному отдыху. Уорвив, как всегда, сохранял полное хладнокровие.

Номер не прошел, подумал Джерсен. Он встал и направился к двери.

— Встречаемся в космопорте, идет? Скажем... ну, в семь. Я привезу с собой монитор, один из вас должен будет захватить дешифрующую ленту.

Никто не возражал. Джерсен вышел из кабинета.

На обратном пути в Авенту Джерсен прикидывал, на что можно рассчитывать в будущем. Чего ожидать от этой троицы, особенно когда один из них — Аттель Малагате? Будет глупостью не подготовиться ко всяческим сюрпризам и не принять определенных мер предосторожности. Этому давно научил его дед, человек в высшей степени методичный, не жалевший никаких сил на то, чтобы привить Джерсену привычку обдумывать каждый свой шаг и ни при каких обстоятельствах не полагаться на волю случая.

Приехав в отель, Джерсен просмотрел свой скромный багаж, отобрал все самое необходимое, упаковался и выписался из отеля. Поездив по городу и убедившись, что за ним нет «хвоста», он отправился в один из магазинов Объединенной службы доставки — огромной полупублической компании, агентства которой были разбросаны по всей Ойкумене. Зайдя в кабинку, Джерсен быстро пролистал каталоги, предлагающие все виды товаров, произведенных во всех концах Вселенной, и, сделав свой выбор, нажал кнопку доставки, потом, вполне довольный, подошел к прилавку.

У прилавка Джерсену пришлось подождать минуты три, пока автоматик проверял бесконечные полки огромного подземного склада в поисках заказанного предмета. Наконец на ленте транспортера появился нужный Джерсену механизм. Он внимательно изучил его, оплатил свой заказ у клерка, вышел из магазина и, спустившись в метро, поехал в космопорт.

В космопорте Джерсен справился о местонахождении университетского корабля у коменданта. Тот вывел Джерсена на террасу и указал вниз, на длинную линию космических судов, больших и маленьких, стоявших на строго отведенных местах.

— Видите, сэр, ту красно-желтую яхту с боковой платформой? Так, а теперь отсчитайте от нее три корабля по направлению к нам. Сначала СД-16, потом старая «Парабола» и, наконец, зеленый с голубым корабль.

видите — с большим смотровым куполом? Он и есть тот, что вам нужен. Вы сегодня вылетаете, да?

— Да. Где-то в семь. А откуда вы знаете?

— Один из членов команды уже поднялся на борт. Мне пришлось пропустить его.

— Понятно.

Джерсен спустился на поле и пошел по дорожке, ведущей мимо выстроившихся рядами кораблей. Спрятавшись в тени соседнего судна, он оглядел корабль, принадлежащий университету. Звездолет имел очень своеобразные очертания и какую-то замысловатую эмблему на носу. Смутные воспоминания зашевелились у него в голове — где-то он уже видел это судно. Но где?.. На планете Смэйда, на посадочном поле, между горами и черным океаном, — вот где. По словам Смэйда, корабль принадлежал Звездному Королю.

В одном из смотровых иллюминаторов мелькнула человеческая фигура. Когда человек скрылся в глубине корабля, Джерсен поспешно пересек расстояние, отделяющее его от цели.

Он осторожно попробовал открыть наружный люк. Люк сразу открылся. Джерсен тихо вошел в шлюзовую камеру и заглянул сквозь прозрачную панель в главный салон корабля. Там над каким-то прибором, прикрепленным к внутренней стороне одной из полок, склонился Сутиро с Саркоя.

Джерсен ощутил скорее неукротимую ярость, нежели радость, что наконец-то получил шанс посчитаться со своим врагом. Она буквально распирала его, физически ощутимая, пронизывающая каждую клеточку его тела. Он взялся за внутренний люк — тот оказался заперт изнутри. Но его можно было открыть с помощью аварийной системы, которая, когда давление снаружи и внутри корабля становилось одинаковым, автоматически отпирала люк. Джерсен коснулся кнопки, активизируя систему. Послышался легкий шелчок. Внутри корабля было все тихо. Не осмеливаясь больше смотреть через панель, Джерсен прижал ухо к люку — бесполезно: сквозь многослойную структуру не проникало ни звука. Он выждал пару минут, а потом осторожно приподнялся и заглянул внутрь корабля еще раз.

Сутиро ничего не услышал. Он уже почти закончил свою работу и теперь маскировал прибор, полностью поглощенный делом: большая плоская голова наклонена вперед, губы сосредоточенно поджаты.

Джерсен тихонько открыл люк и ступил в салон. Лучемер его был устремлен на широкую пряжку степных доспехов Сутиро.

— Благородный Сутиро, — ласково сказал Джерсен. — На такую удачу я даже не рассчитывал.

Карие, почти собачьи глаза Сутиро медленно мигнули. Он широко ухмыльнулся.

— А я ждал вас.

— Ну да, конечно. И зачем?

— Я хотел продолжить нашу вчерашнюю беседу.

— Мы говорили о Годогме, длинноногом путнике с колесами вместо ступней. Теперь он пересек тропу твоей жизни, и тебе уже не суждено прогнать свою повозку по просторам Горобундура.

Сутиро замер, глаза его неотступно следили за Джерсеном.

— Что с девушкой? — мягко спросил Джерсен.

Сутиро подумал пару секунд, видимо, решая, стоит ли изображать из себя оскорбленную невинность.

— Ее забрал с собой Великолепный Даски.

— Да, с твоей помощью. Где она сейчас?

Сутиро пожал плечами.

— У него был приказ убить ее. Не знаю зачем. Мне, как правило, ничего не объясняют. Но Даски не убьет ее. Пока не воспользуется ею. Он — кхет. — Сутиро презрительно сплюнул. Так на Саркое называли мелкого похотливого хищника, похожего на норку.

— Он уже улетел с Альфанора?

— Естественно, — удивился Сутиро наивности Джерсена. — Скорее всего, он направился на свою планетку.

Саркоец неловко переменял позу, якобы разминая затекшие ноги, и, как бы случайно, приблизился к Джерсену на четыре дюйма.

— Где находится его планета?

— Ха! Неужели вы думаете, он стал бы мне об этом рассказывать? Мне или кому-нибудь еще...

— В таком случае... Ну-ка, подайся немного назад.

— Какая разница? — почти по-детски фыркнул Сутиро. — Я и так могу отравить вас в любой момент.

Джерсен позволил себе легонько усмехнуться.

— Но я тебя опередил.

Сутиро недоуменно вскинул брови.

— Когда это? Вы не приближались ко мне.

— Прощлой ночью. Я дотронулся до тебя, когда передавал салфетку. Обрати внимание на тыльную сторону правой ладони.

Сутиро в ужасе уставился на багровый рубец.

— Ключ!

— Ключ, — подтвердил Джерсен.

— Но... За что?

— Ты заслужил это.

Сутиро, словно леопард, метнулся к Джерсену. Луче-мет слегка дрогнул, выплеснув голубовато-белый сноп огня. Сутиро упал, но, глаза его не отрывались от Джерсена.

— Лучше уж плазма, чем ключ, — хрипло вырвалось у него.

— Но умрешь ты от клюса, — сказал Джерсен.

Сутиро покачал головой.

— У меня есть и свои яды.

— Годогма зовет тебя. А теперь говори правду. Ты ненавидишь Хильдемара Даски?

— Конечно. — В глазах Сутиро промелькнуло удивление, будто он не мог представить себе никого, кто бы не ненавидел Даски.

— Я убью его.

— Об этом многие мечтают.

— Где находится его планета?

— На Краю. Больше мне ничего не известно.

— Когда ты должен был встретиться с ним в следующий раз?

— Никогда. Но сейчас я умираю, одно утешение — в аду Даски придется жарче, чем мне.

— А что, если ты останешься в живых?

— Не имеет значения. Я должен был вернуться на Саркой.

— Кто может знать, где эта планета?

— Малагате... может быть...

– И все? А Тристано?

– Нет. Даски вообще мало говорит. На планете его нет воздуха. – Сутиро осторожно согнулся пополам. – Кожа уже начинает чесаться.

– Послушай, Сутиро. Ты ненавидишь Даски. Да? И ты ненавидишь меня, потому что я отравил тебя. Подумать только! Ты саркоец, а я с такой легкостью отравил тебя.

– Ненавижу! – Рот Сутиро исказила судорога.

– Тогда скажи мне, где найти Даски. Один из нас непременно убьет другого. И эта смерть будет делом твоих рук.

Сутиро с отчаянием дернул головой.

– Как я могу сказать, чего не знаю!

– Что он говорил о своей планете? Вспомни что-нибудь!

– Он только хвастался. Он всегда был хвастун. Его мир суров – только он и мог выбрать такую планету! Он живет в кратере потухшего вулкана.

– А солнце?

По телу Сутиро вновь пробежала судорога.

– Оно тусклое, да. И красное. Как-то раз Даски спросили, почему у него такое странное лицо... это было в одной таверне. Почему он все время красит кожу в красный цвет? Чтобы быть похожим на свое солнце, ответил Даски, оно такого же цвета, и лишь немногим больше...

– Красный карлик, – догадался Джерсен.

– Наверное.

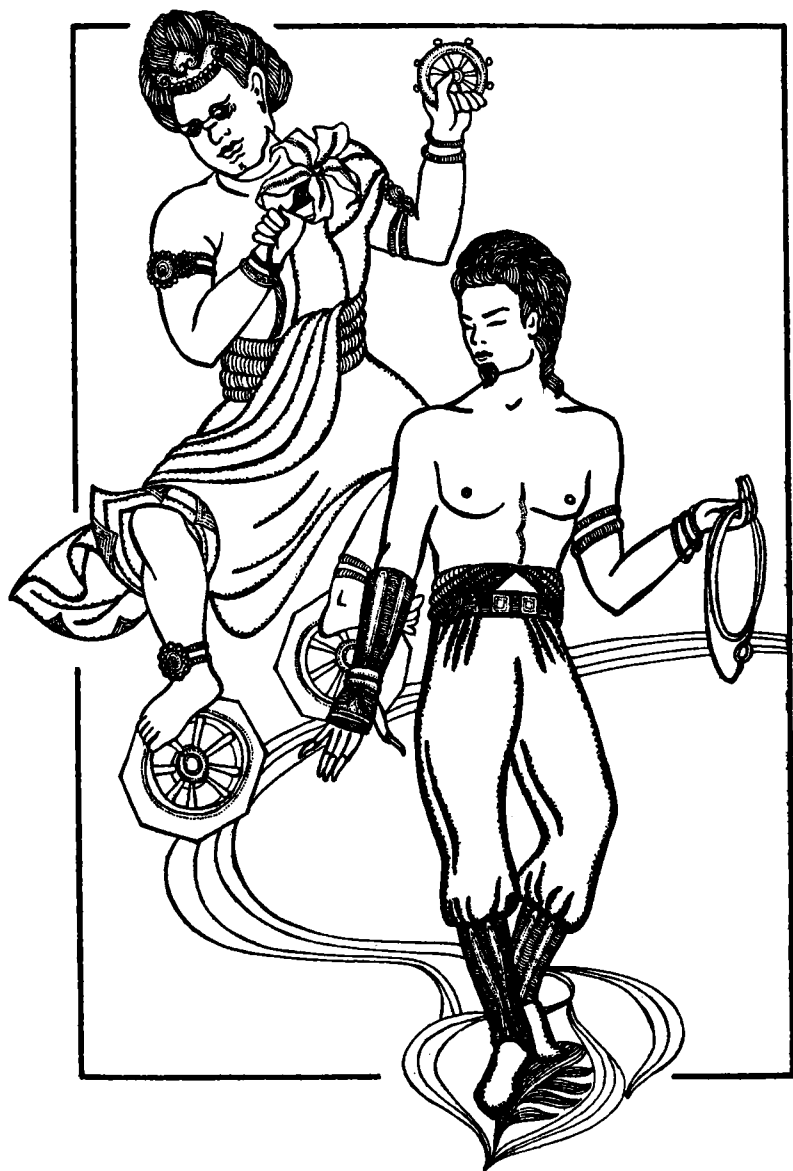
– Думай! Что еще? Направление? Созвездие? Сектор?

– Он ничего не говорил. И... мне уже плевать на все. Я думаю только о своей встрече с Годогмой. Уйди, я хочу достойно встретить смерть.

Джерсен равнодушно смотрел на скорчившееся перед ним тело.

– Что ты делал здесь, на корабле?

Сутиро с любопытством взглянул на свою руку и потер грудь.

— Я чувствую, как яд движется по моему телу.— Он перевел глаза на Джерсена.— Что ж, если хочешь видеть, как я умираю,— смотри!

Он прижал руки к шее и с силой вонзил в кожу ногти. Взгляд его остекленел.

— Осталось немного — тридцать секунд.

— Кто может знать, где находится планета Даски? У него есть какие-нибудь друзья?

— Друзья? — Даже перед лицом смерти Сутиро нашел в себе силы смеяться.

— Где он останавливался в Авенте?

— В северной части... Берега Парусных Мастеров... В старой лачуге на Мелнойских дюнах...

— Кто такой Малагате? Как его настоящее имя?

— У Звездных Королей не бывает имен.— Голос Сутиро упал до шепота.

— Под каким именем он известен на Альфаноре?

Полные губы открылись и вновь закрылись. Слова застревали в гортани Сутиро.

— Ты убил меня. И если Даски не расправится с тобой, пусть до тебя доберется Малагате...

Зрачки его дернулись. Сутиро вздрогнул и замер. Грудь его больше не вздымалась.

Джерсен с опаской посмотрел на неподвижное тело. Потом, стараясь держаться подальше, обошел его и снова внимательно изучил. О коварстве и мстительности саркойцев ходили легенды. Ногой он попробовал перевернуть мертвого лицом вверх. Подобно змее, выставив вперед острые ногти, взметнулась рука. Джерсен отпрыгнул, его лучемер выплеснул еще одну ослепительную порцию огня. На этот раз Сутиро с Саркой был в самом деле мертв.

Джерсен обыскал труп и принялся за лежащую рядом сумку. Обнаружив в кошельке пачку денег, он без малейших колебаний переложил ее в свой бумажник. Находившийся в сумке набор ядов он долго рассматривал, но, так и не сумев разобрать зашифрованные надписи Сутиро, отложил в сторону. Туда же последовал приборчик размером с большой палец взрослого мужчины: при помощи сжатого воздуха он выстреливал хрустальными иглами с ядом или вирусом какой-нибудь смертельной

болезни. При помощи такого устройства можно было убить человека с пятидесяти метров, а тот, кроме легкого укольчика, ничего бы и не почувствовал. Сутиро имел при себе также лучемер, почти такой же, как у Джерсена, три стилета и пакетик фруктовых таблеток, несомненно, отравленных смертельным ядом.

Джерсен осторожно сложил все обратно в сумку, подтащил труп к шлюзу для сброса отходов и скинул туда тело. Когда корабль выйдет в открытый космос, простым нажатием кнопки он навсегда избавится от Сивиджа Сутиро с Саркоя. Потом Джерсен вернулся, чтобы посмотреть, что с таким старанием приделывал Сутиро к нижней части полки, и обнаружил там небольшой тумблер с проводками, ведущими к потайному реле, которое, в свою очередь, управляло четырьмя баллончиками с газом, установленными в разных частях салона. Интересно, какой там газ — смертельный или просто усыпляющий? Джерсен вытащил один из баллончиков, на нем была этикетка с угловатыми саркояскими буквами: «Тиронвирасский наркотик мгновенного действия. Полное отсутствие запаха. Минимальные побочные эффекты». Похоже, Малагате был не менее методичен, чем сам Джерсен, — он тоже решил принять кое-какие меры предосторожности.

Джерсен отнес все четыре баллона в шлюзовую отсек, открыл их там, подождал, пока все содержимое улетучится, и установил на прежние места. Тумблер Сутиро он оставил на месте, правда, кое-что изменив там.

Завершив эту работу, Джерсен вытащил свое собственное устройство — таймер, который он прибрел в Объединенной службе доставки, и гранату из своего военного запаса. Немного подумав, он поместил все это внутрь чехла реактора, то есть туда, где устройство, сработав, причинит наибольший вред и куда, в случае необходимости, нетрудно будет добраться.

Он посмотрел на часы — уже час дня. Времени оставалось в обрез, а дел предстояло проделать много. Он покинул корабль, вернулся в космопорт и, сев там в метро, направился на Берег Парусных Мастеров.

На стоянке возле станции Джерсен выбрал такси-полуавтомат с прозрачным колпаком — одноместный

скуттер с гироскопической системой. Опустив два сева в щель, он получил его в полное пользование на один час. Джерсен сел в кабину и повел машину по шумным улицам Берега Парусных Мастеров на север.

Этот район был уникален сам по себе. Авента, гигантский космополитический город, почти не отличался от пятидесяти других мегаполисов Ойкумены. Но другой такой провинции, как Берег Парусных Мастеров, больше не было нигде во всей освоенной части Вселенной. Невысокие дома с толстыми стенами, построенные по большей части из бетонированного битого ракушечника, окрашенные в белый и другие светлые тона, выглядели очень живописно: в сияющем свете Ригеля даже неброские пастельные краски казались ослепительно яркими. Непонятно почему, но самыми популярными цветами наравне с белым были бледно-лиловый и светло-голубой. В этом районе проживали люди со всех планет Ойкумены, каждая народность жила своей общиной, владея своими продовольственными магазинами, ресторанами и храмами. Несмотря на все различия в происхождении, привычках и внешнем виде, жители района не упускали возможности поболтать с незнакомцем, были одновременно и подозрительными, и очень простодушными, но в равной степени презирали как чужаков, так и друг друга. Основные средства к существованию приносили туристы; кроме того, они работали домашней прислугой или поденщиками, содержали маленькие магазинчики и мастерские, выступали в качестве конференсье и музыкантов в бесчисленных тавернах, бистро, борделях и ресторанчиках.

На севере вздымались Мелнойские дюны. Чем ближе к ним, тем заметнее маленькие домишки уступали место более высоким, дома постепенно все росли и росли, пока не превратились в узкие небоскребы-пансионаты, выстроенные в готическом стиле. Создавалось впечатление, будто они вытягиваются на цыпочки, стараясь заглянуть через головы друг друга на другие, более дорогие и престижные районы.

По словам Сутиро, на Мелнойских дюнах Хильдемар Даски и снимал себе жилье. Джерсен, несмотря на не-

хватку времени и все возрастающее беспокойство, принялся методично опрашивать прохожих о Даски.

В справочном бюро Мелнойских дюн имя Хильдемара Даски ни в одном из списков не значилось, но Джерсен ничего другого и не ожидал: несомненно, Даски предпочитал уединение.

Джерсен переходил от таверны к таверне, описывая высокого мужчину с расщепленным носом, красной кожей и голубыми щеками. Вскоре он наткнулся на парня, который однажды видел Даски неподалеку отсюда, но только в четвертой таверне встретился человек, который непосредственно разговаривал с Даски.

— Вы, должно быть, имеете в виду Красавчика, — сказал бармен, коренастый мужчина с оранжевой кожей и красновато-коричневыми кудрявыми волосами, уложенными в замысловатую прическу. Джерсен с восхищением уставился на цепочку из бирюзы, которая выходила из его левой ноздри и тянулась к мочке левого уха. — Красавчик частенько заходит сюда опрокинуть стопку-другую. Все время говорит, что он астронавт, но я не больно-то ему верю. Я, например, раньше всегда говорил, что лучше меня любовника не найти. Все мы привираем — когда больше, когда меньше. «Что есть истина?» — спрашивал в одной древней сказке некий Понс Пилатус, и если бы он спросил меня, я бы ответил ему: «Истина — это такая штука, которая не стоит ровным счетом ничего, но которую мы прячем от взглядов остальных, словно самый драгоценный камень».

Бармен собрался было развить дальше свою философскую мысль, но Джерсен ловко направил его в нужное русло:

— А где живет этот Красавчик Даски?

— Там, на холме, дальше. — Бармен неопределенно махнул рукой. — Больше ничем помочь не могу, сам не знаю.

Джерсен сел в скуттер и направился вверх по извилистым и крутым улочкам Мелнойских дюн. Справляясь по пути в тавернах, магазинчиках, у прохожих на перекрестках улиц, он наконец нашел того, кто указал ему прямой путь к жилищу Даски. Свернув на небольшую немощеную дорогу, Джерсен вскоре оставил поза-

ди район небоскребов и, обогнув невысокий, но скалистый холм, по которому, как козлята, скакали стайки ребятишек, увидел перед собой стоящий немного в стороне от остальных зданий небольшой прямоугольный коттедж, сложенный из необработанного камня и выглядевший вполне прочным. Отсюда открывалась изумительная панорама океана, Берега Парусных Мастеров и Большой эспланады, теряющейся вдаль, на юге, а еще дальше маячили сквозь морскую дымку высотные шпили Ремо.

Джерсен аккуратно приблизился к коттеджу, хотя тот, по виду, сейчас явно пустовал. Он обошел вокруг, заглядывая в окна, но не увидел ничего интересного. Бросив быстрый взгляд по сторонам, Джерсен взломал раму одного из самых неприметных окошек и очень осторожно — на тот случай, если Даски вдруг установил здесь ловушку, — проник в дом.

Все в коттедже говорило о том, что здесь раньше обитал не кто иной, как сам Даски: едва уловимый едкий запах вместе с аурой, еще менее ощутимой, чем этот аромат, свидетельствовали о жестокой, темной, грубой и необузданной силе. Комнат всего было четыре, и каждая использовалась по-своему. Джерсен быстро осмотрел все и сконцентрировался на гостиной. Бледно-желтый потолок покрывали гипсовые завитушки. На полу лежал зеленовато-желтый ковер. Стены, словно шахматная доска, были выложены темно-вишневой и темной-коричневой плиткой, выполненной из твердых пород дерева. В дальнем конце комнаты Даски разместил письменный стол и тяжелое кресло. Над столом висело множество фотографий: Даски во всех позах на фоне всевозможных пейзажей.

Взгляд Джерсена остановился на одной из фотографий: Даски крупным планом, отчетливо видна каждая пора на лице, расщепленный хрящ носа, голубые глаза без век. Затем следовал Даски в костюме пожарника с планеты Бернал: блестящие черные латы, каска с рогами, сплошные шипы и выступы — одним словом, огромный жук-олень. Был там и Даски на носилках из желтой пальмы ротанга, задрапированных шелками персиковых

тонов. Носилки несли шестеро черноволосых девственников.

Весь угол занимали фотографии какого-то неизвестного человека. Очевидно, сделаны они были в разное время. Первая изображала лицо мужчины лет тридцати — самодовольная, бульдожья физиономия, но безмятежная и даже где-то благодушная. Со второго снимка смотрел словно уже совсем другой человек: щеки ввалились, глаза набрякли, появились синие крупные прожилки вен на висках. На каждой последующей фотографии лицо становилось все изможденнее — человек старел буквально на глазах...

Джерсен отвлекся и просмотрел книги: порнография самого низкого пошиба, справочники по оружию, указатель саркоиских ядов, последнее издание «Краткого планетарного справочника», указатель по микротеке Даски, «Звездный атлас».

Сам письменный стол был настоящей реликвией: боковые панели выполнены из темного дерева и покрыты изображениями грифонов и крылатых змеев в зарослях джунглей; изумительной работы столешница инкрустирована отполированными опалами. Джерсен проверил ящики и отделения стола — ничего, все пусто.

Джерсен поднялся, чувствуя, как в нем нарастает мрачное отчаяние, и посмотрел на часы. Через четыре часа в космопорте состоится встреча с Уорвивом, Келле и Деттерасом. Он стоял в центре комнаты, взгляд его скользил по сторонам, не упуская ни малейшей детали. Где-то здесь должна крыться ниточка, ведущая к тайне планеты Даски. Но где?

Он подошел к книжной полке, вытащил «Звездный атлас» и изучил обрез страниц. Если красный карлик Даски здесь числился, тот обязательно не раз должен был обращаться к этому атласу. Тогда в районе этой страницы непременно осталась бы какая-нибудь отметина: сгиб, жирное пятно, страница могла выцвести. Однако ничего Джерсен не заметил. Он поднял книгу за обложку, раздвинул немного края переплета и осторожно встряхнул. Примерно треть тома отделилась, буквально на волосок. Джерсен аккуратно раскрыл книгу на этом месте и просмотрел содержание страницы. Каждая

звезда — а их на странице было указано около двух сотен — описывалась по одиннадцати параметрам: индекс; созвездие, в которое она входит, если наблюдать с Земли; тип; информация по планетам; масса; вектор скорости; диаметр; плотность; координаты местонахождения; расстояние от центра Ойкумены; общие замечания.

Среди звезд двадцать три относились к красным карликам. Восемь из них принадлежали к системам двойных звезд. Одиннадцать не обладали никакими планетами и горели в пространстве одинокими, едва различимыми искорками. А вокруг оставшихся четырех обращалось несколько планет — всего таких планет было восемь. Эту четверку Джерсен изучил с особым тщанием. Но, к глубочайшему сожалению, вынужден был признать, что ни одна из этих планет не пригодна для жизни человека. Пять планет оказались слишком жаркими, одна прямо-таки купалась в жидком метане, а две оставшиеся были слишком большими, и, следовательно, ни один человек не перенес бы силы тяжести, действующей на них. Рот Джерсена разочарованно скривился. Ничего. Но ведь Даски обращался к этой странице, следовательно, здесь крылась информация, которая была ему необходима. Джерсен вырвал страницу из книги.

Дверь коттеджа распахнулась, Джерсен стремительно развернулся. На пороге стоял мужчина средних лет, но ростом он был не больше десятилетнего мальчика. Круглая голова, в глазах светится любопытство. Черты лица крупные: длинные заостренные уши, большой выдающийся вперед рот. Джерсен сразу узнал в вошедшем импа — горца с планеты Крокиноль, представителя одной из самых неприхотливых рас Скопления.

Имп бесстрашно шагнул в комнату, его пытливые глаза, obeжав помещение, остановились на Джерсене.

— Кто вы такой и почему находитесь в доме мистера Спока? Роетесь в вещах мистера Спока? Взломщик, так мне кажется.

Джерсен поставил книгу на место, а имп тем временем продолжал:

— К этим книгам мистер Спок очень бережно относится. Не думаю, что ему понравится, когда он увидит,

что их кто-то трогал грязными лапами. Пойду-ка лучше схожу за констеблем...

— Минуточку,— сказал Джерсен.— А сами-то вы кто?

— Я, если вам угодно, присматриваю за его вещами, вот кто я! И это моя земля, мой дом, мои владения. Мистер Спок у меня снимает этот коттедж. Неужели я должен спокойно позволить какому-то взломщику с окраин Лебединого моря грабить моего клиента?

— Мистер Спок преступник.

— Если и так, это лишь доказывает, что среди воров понятия чести вообще не существует.

— Я не вор,— спокойно ответил Джерсен.— Вашим постояльцем, мистером Споком, интересуется МПКК. Имп чуть наклонил свою громадную голову:

— Так вы из МПКК? А ну-ка, покажите мне свой знак.

Предположив, что крокинольский имп вряд ли когда-нибудь видел настоящее удостоверение МПКК, Джерсен вытащил свой просвечивающий жетон с фотографией под золотой семиконечной звездой. Он коснулся им своего лба, и звезда вспыхнула. Зрелище явно произвело на импа большое впечатление, и он сразу засуетился, всячески выказывая свое расположение.

— Знаете, мне всегда казалось: с этим мистером Споком что-то нечисто. Он плохо кончит, попомните мои слова! Что он натворил сейчас?

— Похищение. Убийство.

— Ах, какая неприятная история! Надо быть поосторожнее с этим мистером Споком!

— Он опасный человек. Давно он живет здесь?

— О, давно.

— Тогда вы должны хорошо его знать?

— Ну да, разумеется. А кому ж еще с ним пить, когда все остальные дружно отворачиваются, будто от мистера Спока дурно пахнет? Вот я и пил. И довольно-таки часто. Мало удовольствия выглядеть так, как мистер Спок, вот я и жалел его.

— Значит, вы друг мистера Спока.

Крупные черты лица импа мигом пришли в движение, выразив смиренную терпимость, хитрый расчет и праведное негодование.

— Я? Конечно, нет. Неужели я похож на человека, который якшается с преступниками?

— Но... давайте скажем так... вы часто выслушивали исповеди мистера Спока?

— Это было, ну и байки он рассказывал! — Глаза импа смешно закатились. — Верил ли я ему? Нет.

— Он когда-нибудь рассказывал вам о потайном мире, где устроил себе убежище?

— Много раз. Он называет это место Ущельем Ногтя Большого Пальца. Почему? Он всегда начинает трясти головой, когда его о чем-нибудь спрашивают. Он, хоть и любит хвастаться, умеет держать язык за зубами, этот мистер Спок.

— Что он говорил вам об этой планете?

Имп пожал плечами.

— Солнце — кроваво-красного цвета, тепла дает мало...

— Где находится этот мир?

— Ага! Вот тут-то он и затыкался. Ни слова больше не говорил. Много раз я думал: а что, если бедный мистер Спок вдруг тяжело заболит на этой одинокой планете, кто тогда сообщит друзьям, что с ним беда?

Джерсен мрачно ухмыльнулся.

— Но даже этот аргумент не действовал на него?

— Ни капельки. А почему вы об этом спрашиваете?

— Он похитил невинную девушку и увез ее на свою планету.

— Ах, негодяй. Ну, подлая тварь. — Имп расстроенно покачал головой, не сумев скрыть, однако, здоровой доли зависти, которая примешивалась к его якобы искренним сожалениям. — Никогда больше не доверю ему свою землю и дом.

— Вспомните хорошенько. Что Спок говорил о своем мире?

Имп прищурился.

— Ущелье Ногтя Большого Пальца. Сама планета больше, чем солнце. Потрясающе, как вы считаете?

— Ничего удивительного, если солнце — красный карлик.

— Вулканы. На этой планете есть действующие вулканы.

— Вулканы? Странно. На планетах красных карликов обычно не бывает вулканов. Они слишком стары.

— Стары, молоды — только вулканы там работают. Мистер Спок живет в кратере потухшего вулкана, и оттуда до горизонта тянется целая вереница дымящихся и плюющих лавой гор.

— Что еще?

— Все.

— Сколько времени лететь до его планеты?

— Вот уж не знаю.

— Вы когда-нибудь встречались с его друзьями?

— Так, простые собутыльники в тавернах, никого больше... А, нет, вру. Был один. Появился примерно с год назад. — Землянин. Очень большой и злой человек.

— Тристано?

— Имени его я не слышал. Мистер Спок тогда только вернулся из деловой поездки на Край Света, он летал к какой-то планете под названием Новая Надежда. Знаете такую?

— Никогда там не был.

— Вот и я тоже, хотя много где побывал за свою жизнь. Так вот, вернулся мистер Спок, и сидим это мы в салуне Джельперино, тут этот землянин входит. «Где ты был? — спрашивает он мистера Спока. — Я здесь уже десять дней торчу, а улетали мы с Новой Надежды вместе». Мистер Спок в ответ только смеется. «Да так, — говорит, — залетал на денек к себе на планетку. Сам знаешь, у меня там есть кое-какие дела!» И землянин больше его ни о чем не спрашивал.

Джерсен на секунду задумался и опять вспомнил, что надо спешить.

— Что еще вы знаете?

— Больше ничего.

Джерсен снова быстро обыскал дом под подобострастно-испытующим взглядом импа и вышел, не обращая внимания на вопли хозяина о возмещении ущерба — имп обнаружил взломанную раму окна. Джерсен поспешно вывел скуттер по извилистым улочкам к побережью, пересек Берег Парусных Мастеров и вскоре вновь очутился в самом центре Авенты. Там он зашел в

одно из отделений Универсальной технической консультационной службы и обратился к сотруднику.

— У меня вот такая проблема, — объяснил Джерсен. — Два корабля одновременно покидают планету Новая Надежда. Один летит прямо сюда, в Авенту. Другой на своем пути залетает на одну из планет красного карлика, где проводит день, после чего также направляется в Авенту и прибывает десятью днями позже. Мне нужен список красных карликов, которые мог посетить этот второй корабль.

Оператор задумался.

— Задача сводится к рассмотрению некоего эллипсоида с фокусами на Новой Надежде и Альфаноре. Мы должны принять во внимание ускорения, время на торможение, время выхода на орбиту и на приземление. Задача будет иметь два ответа: области максимальной и минимальной вероятности.

— Задайте ее так, чтобы машина перечислила звезды в порядке убывания вероятности.

— Пределы?

— Ну... скажем, одна пятидесятая. И еще — включите в список параметры этих звезд по атласу.

— Хорошо, сэр. Это будет стоить двадцать пять севов.

Джерсен протянул деньги. Оператор задал машине программу и что-то произнес в микрофон. Спустя тридцать секунд компьютер выдал листок бумаги. Оператор мельком проглядел его, поставил свою подпись и, не говоря ни слова, вручил Джерсену.

Список содержал названия сорока трех звезд. Джерсен сравнил его со страницей, выданной из «Атласа» Даски. Только одна звезда упоминалась в обоих списках. Джерсен недоуменно нахмурился. Это была так называемая двойная звезда, то есть система, состоящая из двух звезд, и к тому же ни у одной из них не было планет. Эта парочка... «Вот именно!» — озарила Джерсена внезапная догадка. Откуда же еще могли взяться вулканы на спутнике красного карлика?! Мир Даски был не планетой, а потухшей звездой, поверхность которой еще не совсем остыла. Джерсен и раньше слышал о таком. Обычно подобные миры обладали невероятной плотностью и слишком высокой гравитацией для человека, но могло быть так, что небольшая звезда за два-три миллиарда лет

рассеяла в окружающее пространство огромное количество атомов тяжелых металлов, и тогда образовалась кора из более легких материалов, в таком случае сила тяжести вполне могла снизиться до приемлемого уровня.

Келле, Уорвив и Деттерас появились в космопорте ровно без десяти семь. На всех были комбинезоны космонавтов, кожу свою они выкрасили в голубовато-коричневый цвет, который, по мнению многих суеверных людей, защищал человеческий организм от таинственной радиации привода Джарнелла. Несмотря на очевидную нелепость подобного утверждения, стало традицией, отправляясь в космос, использовать этот цвет, и многие космические путешественники тонировали свою кожу голубовато-коричневым оттенком.

Администраторы остановились посреди зала и, отыскав взглядами Джерсена, двинулись ему навстречу.

Джерсен с суровой улыбкой изучил их обмундирование.

— Что ж, — сказал он, — кажется, все готовы. Благодарю вас, джентльмены, за ваш немедленный отклик на мою просьбу.

— Который дался всем нам ценой больших неудобств, — заявил Келле, поджав губы.

— Со временем вы поймете, почему я так торопил вас, — ответил Джерсен. — Ваш багаж?

— Его доставят прямо к кораблю, — сказал Деттерас.

— Тогда идемте. Разрешение на вылет имеется?

— Все улажено, — сказал свое слово и Уорвив.

Все четверо вышли из здания и направились к кораблю, к которому уже подъезжал кран.

Багаж — четыре больших чемодана и столько же пакетов — был сложен рядом с судном. Уорвив открыл люки, Джерсен и Келле перенесли чемоданы в салон. Деттерас сделал грубую попытку принять командование кораблем на себя:

— Всего на судне четыре каюты. Я займу самую дальнюю по правому борту. Келле, вы будете в соседней, Уорвив — дальняя кормовая, Джерсен — рядом с ним. А сейчас давайте уберем из салона багаж.

— Минуточку, — сказал Джерсен. — Сейчас надо кое-что решить, прежде чем мы взлетим с этой планеты.

На большом лице Деттераса мелькнула гримаса недовольства:

— В чем дело?

— На судне присутствуют две стороны, причем интересы их не всегда совпадают. Одна сторона не верит другой. Мы летим на Край Света, то есть туда, где закон полностью утрачивает силу. Всем нам это, безусловно, известно, поэтому у каждого имеется оружие. Я предлагаю собрать все оружие и запереть его в сейф корабля. Сейчас мы откроем наши чемоданы и, если понадобится, разденемся, чтобы показать друг другу, что больше оружия ни у кого не осталось. В любом случае, поскольку вас здесь трое против меня одного, преимущество будет на вашей стороне.

— В высшей степени недостойная процедура, — проворчал Деттерас.

Келле, проявив большую рассудительность, нежели от него ожидал Джерсен, сказал:

— Да ладно вам, Рандл. Джерсен высказал достаточно трезвую мысль. Короче говоря, я с ним полностью согласен. Тем более, что у меня нет никакого оружия.

Уорвив небрежно махнул рукой.

— Обыскивайте меня, обыскивайте мой багаж, но только давайте побыстрее.

Деттерас покачал головой, открыл свой чемодан, вытащил мощный лучемет и кинул его на стол.

— Не думаю, что это мудро. У меня лично против мистера Джерсена ничего нет, но, представьте себе, вдруг он отвезет нас на какую-нибудь планетку, где уже ждут нас его сообщники, чтобы потребовать выкуп? Бывали и куда более странные преступления.

Джерсен рассмеялся.

— Если вы полагаете, что такое возможно, оставайтесь здесь. Мне все равно, трое из вас полетят со мной или только один.

— А как насчет вашего оружия? — сухо спросил Уорвив.

Джерсен вытащил лучемет, пару стилетов, кинжал и четыре гранаты размером с грецкий орех.

— Вот это да! — удивился Деттерас. — Да вы буквально до зубов вооружены.

— Время от времени возникает некоторая необходимость, — пояснил Джерсен. — А теперь багаж...

Выложенное оружие заперли в сейф под четыре замка. Каждому участнику экспедиции досталось по ключу.

Кран подкатил к судну и подцепил его. Корабль дернулся, оторвался от земли и вскоре был доставлен на взлетное поле.

Деттерас подошел к пульту управления и коснулся кнопки, которая вспыхнула серией зеленых огоньков.

— Все системы готовы к взлету, — объявил он. — Баки полны, машинное отделение в порядке.

Келле прокашлялся и вытащил изящную деревянную шкатулку, обтянутую красной кожей.

— Это один из дешифраторов, принадлежащих факультету. Надеюсь, монитор мистера Тихолта у вас с собой?

— Естественно, — ответил Джерсен. — Монитор у меня. Но спешить нам некуда. Прежде чем ввести данные планеты, надо достигнуть нулевой точки базового отсчета координат, а до нее еще очень далеко.

— Прекрасно, — сказал Деттерас. — Где координаты, которые требуется ввести?

Джерсен протянул ему листок бумаги.

— Если не возражаете, — вежливо произнес он, — я введу их в автопилот.

Деттерас неловко отошел от пульта.

— Мне кажется, уже не осталось никаких причин не доверять друг другу. Мы сдали все оружие, все детали обговорены. Давайте же расслабимся и установим наконец дружеские отношения.

— С удовольствием, — откликнулся Джерсен.

Кран опустил судно на стартовую платформу, отцепил крепления и быстро укатил прочь. Участники экспедиции уселись в стартовые кресла, Деттерас запустил программу автоматического взлета. Судно задрожало, на людей навалилась перегрузка, и Альфанор остался далеко внизу.

ГЛАВА 10

...В нашем беглом обзоре мы уже показали, насколько своеобразен и уникален каждый из Властителей Зла, насколько каждый из них высоко индивидуален и неповторим.

Особо примечательны эти факты в том аспекте, что, в общем-то, типов преступлений насчитывается не так уж и много, их все можно перечислить по пальцам. Существуют преступления ради наживы: вымогательство, грабеж (сюда же относятся пиратство и набеги на поселенческие общины), надувательство во всех его бесконечных проявлениях. Здесь же необходимо упомянуть рабовладительство и его три формы: добычу, продажу и использование рабов. Убийство, насилие и пытка являются не более чем составляющими этих видов преступлений. Личные пороки не менее ограничены и могут быть разбиты на следующие подклассы: разврат, садизм, акты насилия, причиной которых является задетое самолюбие или просто раздражение, мстительность, месть и вандализм.

Несомненно, перечень этот грешит неполнотой, может быть, даже, отчасти нелогичностью, но не об этом сейчас речь. Мне просто хотелось показать вам малочисленность видов существующих преступлений, чтобы яснее выделить тот факт, что каждый из Властителей Зла, творя то или иное злодеяние, накладывает на него отпечаток своей безусловно сильной личности и этим создает абсолютно новый вид преступления.

В предыдущих главах мы изучили маньяка Кокура Хеккуса с его теорией об абсолютном страхе и коварного Виоля Фалюша, сластолюбца, сибарита и приверженца эстетики.

Полностью отличен от них своим стилем жизни и манерами Атель Малагате, Малагате-Беда. Наряду с самовозвеличиванием, изображением своей персоны и своих деяний в наиболее ярких красках, наряду с устрашением жертв и запугиванием врагов своих, Малагате придерживается не менее ужасной, по сути, скрытности, что делает его «невидимым» и помогает сохранять полное инкогнито. Не существует ни одного достоверного описания Малагате. Известно доподлинно лишь то, что Малагате есть прозвище, пришедшее из народного эпоса древней Квантики. Он действует с необычайной жестокостью, хотя в злодействах его нет той отчаянной бессмысленности и экстравагантности, которая присуща остальным Властителям, и если Малагате, как тот же Виоль Фалюш или Говард Алан Трисонг, и владеет дворцом наслаждений, то это строго охраняемая тайна.

Как правило, Малагате специализируется на вымогательстве и торговле рабами. На тайном конклаве, состоявшемся в 1500 году на планете Смэйда, где пятеро Властителей Зла и ряд преступников рангом ниже встретились, чтобы определить и разграничить сферы своего влияния, Малагате достался сектор Края Света с центром в Скоплении Феррье. В него входят около сотни поселений, городков и районов, которые он вправе облаживать данью. С протестами и всякого рода жалобами он сталкивается крайне редко, ибо ему достаточно лишь привести в пример Маунт-Плезент, городок с населением в пять тысяч человек, который отказался подчиниться его требованиям. В 1499 году Малагате пригласил остальных четырех Властителей к себе поразвлечься, и эта банда стерла городок с лица земли, а все население его, до одного человека, было продано в рабство.

На планете Грабхорн Малагате содержит плантацию площадью в десять тысяч квадратных миль, на которой работают около двадцати

тысяч рабов. Помимо сельскохозяйственных ферм там имеются фабрики, производящие изысканную мебель, музыкальные инструменты и электронное оборудование. С рабами там не только дурно обращаются, но и заставляют работать большую часть суток; в бараках, где они спят, царит ужасная грязь, а общественная жизнь сведена до минимума. В виде наказания рабов отправляют в копи, где выживают единицы.

Обычно Малагате не имеет обыкновения отвлекаться на всякие мелочи, но порой его внимание обращается и на отдельных людей. Планета Каро лежит вне сферы влияния Властителей Зла. Мэр города Десда, Янус Параджиглия, обратился за помощью к гражданским силам и силам космического флота с призывом защитить Каро и разыскать и уничтожить Малагате или любого другого Властителя Зла, осмелившегося напасть на планету. В ответ на этот призыв Малагате похитил Януса Параджиглию и в течение тридцати девяти дней подвергал его ужаснейшим пыткам, транслируя зверский процесс по кабельному телевидению всех крупных городов Каро, всех относящихся к его сектору планет и даже планет Скопления Ригеля — бравада, совсем не свойственная Малагате.

Как уже упоминалось, личные его пристрастия неизвестны. Время от времени возникают слухи, что особое наслаждение доставляет Малагате личное участие в гладиаторских турнирах на мечах, где он выступает против самых сильных и умелых противников. Также говорят, что Малагате проявляет при этом невероятную силу и ловкость и испытывает откровенное удовольствие, не спеша разрубая своего противника на мелкие кусочки.

Подобно некоторым другим Властителям Зла, Малагате обладает очень уважаемой и респектабельной личиной в самой Ойкумене и, если верить слухам, занимает весьма высокое положение на одной из основных планет...

Карл Карфен. «Властители Зла», глава «Малагате-Бедя». Издательство «Просвещение», Нью-Вэксфорд, Элойз, Вега.

Альфанор превратился в туманный бледный диск и вскоре совсем затерялся среди остальных звездочек. Четверо мужчин — пассажиры корабля — постепенно начинали приспосабливаться друг к другу. Келле и Уорвив завели тихую беседу, Деттерас устался в иллюминатор, разглядывая усеянное звездами пространство, Джерсен лениво развалился в кресле и разглядывал своих попутчиков.

Один из них — не совсем человек, лучше сказать, притворяющийся человеком, — был Малагате-Бедой. Но кто именно?

Джерсену казалось, что он уже знает.

Однако полной уверенности у него все-таки не было, его выводы строились на косвенных уликах, вероятностях и предположениях. В свою очередь, Малагате пока должен чувствовать себя в безопасности. У него не было причин подозревать Джерсена. Он, скорее всего, все еще считал Джерсена обыкновенным разведчиком, стремящимся извлечь из этого дельца побольше денег.

Что ж, оно и к лучшему, размышлял Джерсен, это поможет ему замаскировать свои цели. А целей перед Джерсеном сейчас стояло две: освободить Паллис Атроуд и расправиться с Малагате. И, естественно, с Хильдемаром Даски. А если Паллис Атроуд мертв... тем хуже для Даски.

Джерсен тайком следил за подозреваемым. Неужели это действительно Малагате? Неужели цель так близка? У Малагате, конечно, имелись свои планы на будущее. Под маской человека работал разум, мыслящий категориями, абсолютно отличными от человеческих, и все его начинания направлены к какой-то своей цели, пока что совершенно непонятной.

В настоящий момент Джерсена больше всего беспокоили три вопроса. Во-первых, имеется ли у Малагате оружие? Или, может быть, на борту замаскирован еще один тайник, о существовании которого Джерсену неизвестно? Вполне вероятно, хотя не исключено, что его противник надеется только на спрятанные баллоны с усыпляющим газом.

Во-вторых, двое остальных — его сообщники или всего лишь обыкновенные администраторы? И снова возможны оба варианта, но, правда, вероятность их сговора очень мала.

И в-третьих, что будет, когда корабль достигнет мертвой звезды Даски? Здесь также вариантов хватало. Знает ли Малагате об убежище Даски? Если да, то узнает ли он планету, когда они подлетят к ней? Ответы на оба вопроса должны быть, скорее всего, утвердительными.

И тогда перед Джерсеном возникнет новая проблема: как застать врасплох Даски и как захватить его в плен или убить, чтобы Малагате не помешал? Джерсен так и сяк ломал себе голову, и, наконец, решение пришло к нему.

Деттерас то и дело призывал к дружеским отношениям, но несомненно было одно: вскоре их так называемая дружба подвергнется тяжелому испытанию.

Время шло. Жизнь превращалась в рутину. Уже давно Джерсен, выбрав подходящий момент, выкинул тело Сутиро в космос. Корабль с ошеломляющей скоростью неся среди сияющих звезд. Даже астронавигаторы, управляющие космическими судами, с трудом разбирались в принципе действия привода Джарнелла.

Вскоре они пересекли Черту Обитания, за которой кончалась человеческая цивилизация, а вместе с ней и всякий закон. Корабль продолжал удаляться от обитаемых миров, они направлялись в один из самых глухих секторов Края Света. Джерсен методично продолжал наблюдать за своими попутчиками, гадая, кто первый из них начнет проявлять беспокойство или подозрения.

Этим человеком оказался Келле.

— Какого черта, куда мы летим? — раздраженно обратился он к Джерсену. — Сюда, по-моему, ни один нормальный разведчик не забредет. Мы забрались в межгалактическое пространство.

Джерсен устроился поудобнее.

— Джентльмены, должен признать, я был не совсем откровенен с вами.

Все трое быстро повернулись к нему, три пары глаз впились в его лицо.

— Что вы имеете в виду? — проскрежетал Деттерас.

— Ничего особенного, пустяк. Мне пришлось сделать небольшой крюк. А потом, после того как я покончу с одним своим дельцем, мы с вами двинемся дальше. — Заметив, что Деттерас набрал побольше воздуха в легкие, чтобы разразиться длинной тирадой, он предупреждающе поднял руку: — Бесплезно упрекать меня, это ничего не изменит.

— Объясните, в чем же все-таки дело? — ледяным тоном произнес Уорвив.

— Я охотно объясню вам все, и, не сомневаюсь, вы поймете меня. Во-первых, хочу сказать, что я, похоже, нажил себе заклятого врага в лице одного хорошо известного преступника. Его кличка Малагате-Беда. — Джерсен переводил взгляд с одного лица на другое. — Несом-

мненно, каждый из вас слышал о нем. Это один из Властителей Зла. За день до нашего вылета один из его помощников, некто Хильдемар Даски, похитил девушку, к которой я проявил внимание, и переправил ее на свою планету. Я чувствую себя виноватым перед этой девушкой: она пострадала не по своей вине, но только из-за того, что Малагате захотелось наказать или запугать меня. Мне, кажется, удалось разыскать планету, где обосновался Даски, и сейчас я намереваюсь освободить девушку и надеюсь на вашу помощь.

— Но почему вы не соизволили рассказать нам о своих планах до вылета с Альфанора?! — яростно взревел Деттерас. — Ведь это вы настояли на необходимости срочного вылета, вы вынудили нас отменить все намеченные дела...

— Я понимаю ваше возмущение, — спокойно продолжил Джерсен, — но поскольку времени у меня было очень мало, я решил, что лучше всего совместить оба эти предприятия. — Шея Деттераса побагровела от нового приступа ярости. Джерсен усмехнулся. — По-моему, дело это не отнимет у нас много времени, и скоро мы прямоком направимся к нашей цели.

— Похититель переправил девушку на один из миров, которые находятся поблизости? — задумчиво спросил Келле.

— Думаю, да. Во всяком случае, надеюсь.

— И вы ожидаете, что мы поможем вам в спасении этой девушки?

— Я имел в виду помощь пассивную. Я просто прошу вас не мешать мне.

— Но предположим, похититель будет сопротивляться вам. Предположим, он вас убьет.

— Такая вероятность не исключена. Однако у меня большое преимущество — внезапность. Он наверняка сейчас чувствует себя в полной безопасности, и, скорее всего, мне не составит большого труда одолеть его.

— Одолеть его? — с язвительной усмешкой переспросил Уорвив.

— Или убить.

В это мгновение привод Джарнелла отключился, и судно резко сбавило ход, перейдя на обычную скорость.

Впереди по курсу мерцала тусклая красная звезда. Если она и была двойной, то сейчас ее спутника пока не было видно.

— Как я уже сказал, — продолжил свою речь Джерсен, — моим главным оружием станет внезапность нападения, поэтому убедительно прошу вас, по недосмотру ли, просто из злого умысла, не пользоваться радио. — Джерсен уже вывел из строя передатчик, но не хотел раньше времени давать Малагате поводов для подозрения. — Сейчас я объясню вам свой план действий, чтобы в дальнейшем между нами не возникло никаких недоумков. Сначала я облечу всю планету, чтобы изучить ее поверхность, но постараюсь держаться от нее как можно дальше, чтобы не попасть под луч радара. Если мои предположения оправдаются и я действительно открыл место обитания Даски, я максимально приближусь к поверхности с другой стороны планеты и, таким образом, подберусь как можно ближе к обителю Даски. Потом, воспользовавшись платформой-флаером, я исполню то, к чему меня обязывает долг. Вам троим надо будет просто подождать, пока я не вернусь, после чего мы отправимся на планету Тихолта. Я знаю, что могу рассчитывать на ваше сотрудничество, поскольку возьму с собой монитор и, прежде чем встретиться с Хильдемаром Даски, спрячу его где-нибудь неподалеку. Если меня убьют, запоминающее устройство будет потеряно для всех вас. И, естественно, мне понадобится оружие, которое сейчас лежит в нашем сейфе, но, надеюсь, вы не будете возражать против этой части моего плана.

Никто не проронил ни слова. Джерсен, переводя взгляд с одного лица на другое, особенно пристально изучил подозреваемого и усмехнулся про себя. Перед Малагате возникла дилемма, которая могла свести с ума кого угодно: если он вмешается и каким-то образом предупредит Даски, тогда, вероятнее всего, Джерсен погибнет, а сам Малагате лишится всякой надежды найти планету Тихолта. Пожертвует ли он Даски ради планеты? Джерсен не сомневался в ответе — бессердечность Малагате давно стала легендой.

Деттерас глубоко вздохнул.

— Джерсен, вы очень хитрый человек. Вы поставили нас в такое положение, когда мы просто из чистого благоразумия вынуждены подчиниться вам.

— Уверяю вас, я вынужден поступить так только из самых благородных побуждений.

— Да, да, девица в большой опасности. Все очень ловко подстроено: мы сами автоматически становимся преступниками, если вдруг захотим помешать вам спасти ее. Моя ярость вызвана вовсе не вашими намерениями, если, конечно, вы говорите правду, а тем, что вы обманули нас.

Поскольку терять было нечего, Джерсен скромно согласился с ним:

— Да, может быть, мне следовало быть с вами более искренним, но я привык обходиться своими силами. Как бы то ни было, положение дел именно таково, как я вам только что описал. Итак, могу я надеяться на вашу помощь?

— Хм-м, — проронил Уорвив. — У нас нет выбора, вы сами это прекрасно знаете.

— Мистер Келле? — спросил Джерсен.

Келле склонил голову.

— Мистер Деттерас?

— Как только что заметил Уорвив, у нас нет выбора.

— В таком случае я начинаю действовать. Планета, на которой мы собираемся совершить посадку, скорее представляет собой потухшую звезду, нежели просто планету.

— Но разве большая сила тяжести не делает ее непригодной для обитания? — спросил Келле.

— Это мы вскоре выясним.

Уорвив отвернулся и подошел к иллюминатору, чтобы повнимательнее осмотреть красный карлик. Теперь в поле зрения показался и его темный спутник — большой коричневато-серый диск, в три раза больше Альфанора, испещренный черными и темно-коричневыми пятнами. С облегчением Джерсен обнаружил, что окружающее пространство заполнено обломками горных пород — экран радара высвечивал дюжины крошечных планетоидов и миниспутников, вращающихся вокруг обеих звезд. Джерсен мог смело лететь прямо к

потухшей звезде, не опасаясь быть замеченным. Привод Джарнелла вновь включился в работу, корабль содрогнулся и спустя пару секунд уже медленно дрейфовал над поверхностью планеты.

Поверхность планеты-звезды казалась тусклой и однообразной, большую ее часть занимали океаны, заполненные чем-то вроде пыли шоколадного цвета. Контурь планеты, резкие и четкие на фоне черноты пространства, указывали на то, что на планете, хотя и сильно разреженная, присутствовала атмосфера.

Джерсен, подойдя к телескопу, занялся изучением поверхности. Перед его глазами возникли многочисленные вулканы, некоторые из них еще действовали, другие либо слегка курились, либо уже давно потухли. Высокие хребты чередовались с глубокими расселинами, и поверхность планеты напоминала собой огромную рыбачью сеть.

Джерсен навел перекрестье телескопа на высокий острый пик, возле которого пролегалла граница между днем и ночью: гора, казалось, не двигалась, не изменялась по отношению к ней и проходящая неподалеку линия тьмы. Значит, этот мир был постоянно повернут к своему солнцу одной стороной. В таком случае наверняка Даски обосновался где-нибудь на светлой части планеты, скорее всего, поближе к экватору, чтобы солнце постоянно находилось высоко в небе. Джерсен внимательно осмотрел подходящую область. Она охватывала довольно большую площадь, усеянную десятками вулканических кратеров, больших и малых.

Джерсен занимался наблюдениями уже около часа. Уорвив, Келле и Деттерас стояли у него за спиной, всячески выказывая нетерпение и отпуская язвительные замечания по поводу столь бессмысленного занятия.

Джерсен еще раз проверил цепь своих рассуждений. Да нет, все вроде бы сходится. Этот красный карлик указан на странице «Звездного атласа», которую наиболее часто открывал Даски. Кроме того, звезда находится в вероятностной сфере, выданной машиной в Универсальной технической консультационной службе. Далее, у нее имеется потухший спутник. Она просто обязана быть тем, что он так искал. И, следуя элементарной

логике, кратер Даски надо искать где-нибудь в теплой зоне, хорошо освещаемой солнечными лучами.

Внезапно внимание Джерсена привлекла странного вида формация – квадратное плато с пятью горными хребтами, напоминающими пальцы руки. В памяти его немедленно всплыла фраза импа с Мелнойских дюн: «Ущелье Ногтя Большого Пальца». Поставив телескоп на режим максимального увеличения, Джерсен внимательно осмотрел область, относящуюся к «ногтю большого пальца», и, к великой радости, обнаружил там небольшой кратер. Не вызывали ни малейших сомнений ни его несколько отличный от окружающего пейзажа цвет, ни иная структура. В том месте, где солнечные лучи попадали внутрь кратера, что-то явно блестело, а чуть ниже виднелся слабый белый свет...

Джерсен убавил увеличение и тщательно изучил окружающий ландшафт. Даже если Даски и не заметит приближающегося к планете судна, то его радар наверняка засечет его, когда оно зайдет на посадку. Но если опуститься где-нибудь подальше, а потом подлететь, следуя вдоль поверхности планеты, к плато, так напоминающему ладонь человеческой руки, у него будут все шансы очень удивить Даски.

Введя необходимую информацию в бортовой компьютер, Джерсен включил автопилот. Корабль сделал разворот и начал медленно снижаться.

Келле, больше, видимо, не в силах сдерживать одолевшее его любопытство, спросил:

– Ну? Вы нашли, что искали?

– Думаю, да, – ответил Джерсен. – Здесь ничего нельзя сказать с полной уверенностью.

– Если вы окажетесь настолько неосмотрительным, что позволите себя убить, – продолжал Келле, – тем самым вы поставите всех нас в крайне затруднительное положение.

Джерсен кивнул.

– Именно это я и пытался довести до вашего сведения некоторое время тому назад. Но я уверен, что вы поможете мне, по крайней мере, своим невмешательством в мои дела.

– Мы уже подтвердили свое согласие.

Поверхность потухшей звезды все приближалась, и вскоре корабль приземлился на небольшой голой площадке из коричневого камня, в четверти мили от гряды низких черных холмов. Камень был похож по структуре на обыкновенный кирпич. Окружающий ландшафт своим видом напоминал высохшее озеро, от которого осталась только рыжеватая грязь.

Высоко над головой висел красный карлик, судно отбрасывало густую черную тень. По равнине легкий ветерок гнал пылевые вихри, наметая песок на длинные барханы.

— Знаете, — задумчиво произнес Деттерас, — я подумал, будет честно, если вы оставите монитор здесь. С какой стати вы хотите сделать жертвами и нас?

— Я вовсе не намерен погибать, мистер Деттерас.

— Но вы можете и ошибаться.

— Если даже и так, то ваши неприятности будут совершенными пустяками по сравнению с моими. Разрешите мне забрать мое оружие.

Сейф открыли, и все трое с беспокойством наблюдали, как Джерсен вооружается. Он еще раз оглядел их лица. В уме одного из них копошились поистине ужасные замыслы. Поступит ли он так, как предполагал Джерсен, то есть ничего не станет предпринимать? Этой возможностью Джерсен просто обязан воспользоваться. Предположим, он ошибается, предположим, на этой планете нет никакого Даски, и Малагате это знает. Предположим, Малагате интуитивно раскусил планы Джерсена. Тогда он может пожертвовать своими мечтами о мире Тихолта и бросить Джерсена на этой потухшей звезде.

Но кое-какие меры предосторожности Джерсен принять все-таки мог, и было бы глупостью с его стороны не поступить так. Он прошел в двигательный отсек и вывернул из реактора одну небольшую, но жизненно важную детальку, которую, в принципе, в случае крайней необходимости при должном терпении и мастерстве можно было изготовить. Вместе с кассетой монитора он засунул ее в свою сумку. Уорвив, стоявший в это время в дверях, видел все его действия, но ничего не сказал.

Джерсен облачился в скафандр и, пройдя шлюзовую камеру, спустил на землю небольшую платформу-флаер, погрузил на борт запасной скафандр и баллоны с кислородом и, не прощаясь, взял курс на Ущелье Ногтя Большого Пальца, стараясь держаться как можно ближе к поверхности. Разреженный воздух, рассекаемый ветровым щитом, надрывно выл.

Ландшафт показался бы весьма мрачным даже тем, кто уже привык к пейзажам странных планет: темная, губчатая поверхность всех оттенков каштанового, коричневого и серого цветов, всюду торчат вулканические конусы или просто низкие рваные холмы. Внешний покров мог иметь как звездное происхождение (шлак, оставшийся после того как все вокруг сгорело), так и быть образован осадочными породами, занесенными сюда из пространства. А скорее всего, были верны обе версии. Джерсен подумал, что, может быть, именно его перемещение по поверхности потухшей звезды придает окружающему пейзажу эффект странности и нереальности? Разреженная атмосфера обеспечивала идеально четкую видимость, горизонт казался бесконечно далеким, холмы — поистине бескрайними. А над его головой тускло светился круг красного карлика, заполняя собой восьмую часть небосвода.

Неровная земля постепенно перешла в плато, напоминающее собой ладонь, — огромный застывший язык лавы. Джерсен свернул вправо. Далеко впереди маячила линия черных холмов, пересекающая поверхность планеты подобно гребню гигантского окаменевшего трицератопса. Это и был тот самый «большой палец», в конце которого возвышался вулкан Даски. Джерсен спустился еще ниже к земле, используя для укрытия все встречающиеся на пути неровности, то и дело сворачивая в сторону. Так, держась у самых стен плато, он наконец достиг изъеденных черных пиков.

Не спеша, с максимальной осторожностью, он поднялся по крутому склону, двигатели в разреженном воздухе еле слышно урчали. Наверняка вдоль всего склона Даски поставил детекторов... но при ближайшем рассмотрении эта мысль показалась Джерсену маловероятной. Даски счел бы это ненужным излишеством. К чему

нападать с земли, если проще ударить по нему торпедой с воздуха?

Джерсен достиг гребня. Впереди, в двух милях от него, виднелся вулкан, в котором, как он надеялся, Даски устроил себе убежище. С другой стороны, внизу, на равнине, скрывающейся за горизонтом, Джерсен увидел то, что заставило его сердце учащенно забиться от почти дикой, неукротимой радости — небольшой космический корабль! Его гипотеза оказалась верной во всем: это, несомненно, было то самое Ущелье Ногтя Большого Пальца, здесь он найдет Хильдемара Даски! Но тут ли Паллис Атроуд?

Джерсен оставил платформу и дальше пошел пешком, прячась за выступающими скалами, всячески избегая мест, где могли быть установлены детекторы, несмотря на то что эти меры предосторожности были обыкновенной формальностью. Судьба не могла завести его так далеко, просто чтобы сыграть с ним одну из своих шуток! Он начал взбираться по склонам вулкана: всюду базальт, вулканическое стекло да туф. Достигнув кромки кратера, Джерсен заглянул вниз. В нескольких метрах от него вздымался купол-сетка, сделанный из тонких кабелей и обтянутый прозрачной пленкой, наддутой под давлением воздуха. Сам кратер был небольших размеров — всего пятьдесят метров в диаметре — и имел почти идеальную цилиндрическую форму, стены его были образованы слоистым вулканическим стеклом.

На дне кратера виднелись следы неудачной попытки Даски оживить окружающий пейзаж: пруд с грязной водичкой, парочка пальм и несколько жалких кустиков. Джерсен, взирая на все это, почувствовал себя неумолимым мстительным божеством.

В центре кратера располагалась клетка, а в ней сидел обнаженный мужчина — высокий, изможденный, с изрезанным морщинами лицом и скрюченным телом, покрытым сотнями шрамов. Сутиро, похоже, не соврал, рассказывая, как Даски лишился своих век. Бросив вниз еще один взгляд, Джерсен вдруг вспомнил фотографии в гостиной Даски — на снимках был изображен этот мужчина!

Джерсен оглядел весь кратер. На дне, прямо под Джерсеном, был разбит большой шатер из черной ткани, сооруженный из трех или больше палаток. Само-го Хильдемара Даски нигде не было видно. Войти в кратер, очевидно, можно было только через туннель, пробитый в склоне вулкана.

Джерсен осторожно обошел кратер, разглядывая склон. С трех сторон от него простиралась безбрежная, пористая, черная с коричневым равнина. Неподалеку стоял корабль, в кристальной атмосфере, на фоне бесконечной равнины, казавшийся просто игрушечным.

Джерсен вернулся к куполу. Ножом он проделал маленькую дырочку в пленке и, устроившись поудобнее, стал ждать.

Прошло десять минут, прежде чем падение давления внутри купола заставило сигнализацию сработать. Из палатки выскочил Хильдемар Даски. Джерсен с заколотившимся от восторга сердцем не спускал с него глаз.

На Даски не было ничего, кроме свободных белых шаровар. Тело, выкрашенное в тусклый пурпурный цвет, переливалось буграми мышц. Даски поднял к небу свои безвекие глаза, на ярко-красном лице ядовито голубели круги щек. Он простоял так некоторое время и пошел через кратер. Пленник в клетке проводил его внимательным взглядом.

Даски скрылся из виду. Джерсен затаился в своей расселине. Спустя несколько минут Даски вышел на равнину уже в скафандре, держа в руке небольшой чемоданчик. Быстрыми упругими прыжками он взобрался по склону кратера, пройдя совсем рядом с Джерсеном.

Поставив чемоданчик, он достал оттуда лучемет и выпустил в сторону купола снап огня. Воздух, выходящий из дыры, мгновенно вспыхнул желтым пламенем: в него, очевидно, была введена какая-то флюоресцирующая добавка. Даски подошел к надрезу и склонился над ним. Джерсен буквально кожей почувствовал, как тот что-то заподозрил. Даски выпрямился и огляделся по сторонам. Джерсен сжался в комок.

Когда он снова выглянул, Даски сосредоточенно заделывал дыру: покрыл ее слоем цементирующего вещества и наложил поверх новый кусок пленки. Вся опера-

ция заняла не больше минуты. Закончив, Даски убрал неиспользованные материалы и лучемер в чемоданчик и снова выпрямился. Еще раз окинув пристальным взглядом склоны вулкана и равнину и, видимо, окончательно уверившись в необоснованности своих подозрений, он зашагал вниз.

Джерсен вылез из своего укрытия и последовал за ним, держась на расстоянии около пятнадцати метров.

Даски, легко прыгая со скалы на скалу, не оглядывался назад — до тех пор, пока мимо него не пролетел камень, неудачно выскочивший из-под ноги Джерсена. Даски остановился и резко обернулся. Но Джерсен к тому времени уже успел спрятаться за огромным валуном, на губах его играла улыбка, которую он, в своем безумном ликовании, не мог удержать.

Даски двинулся дальше. Джерсен теперь следовал за ним по пятам. У самого основания вулкана странный звук и вибрация вновь встревожили Даски. И снова он обернулся — сверху на него неслась странная фигура. Джерсен громко расхохотался, увидев, как огромный бледный рот Красавчика раскрылся в изумлении, и нанес ему сокрушительный удар. Даски обрушился на землю, покатился вниз по склону, но потом вскочил на ноги и устремился к воздушному шлюзу. Джерсен выстрелил, метаясь в одну из мускулистых ног. Даски упал.

Джерсен схватил его за ноги, втащил в шлюз и хлопнул внешнюю дверь. Даски вырывался и пинал противника что было сил, красное лицо его с голубыми кругами щек было чудовищно искажено. Джерсен угрозил ему лучемером, но Даски, вместо того чтобы смириться, попытался выбить оружие. Джерсен снова выстрелил, на этот раз парализовав и вторую ногу Даски. Красавчик теперь лежал неподвижно, сверкая глазами, словно взбешенный боров. Липкой лентой, захваченной с корабля специально для подобных целей, Джерсен стянул лодыжки Даски, потом осторожно схватил его правую руку, вывернул назад и немножко приподнял. Даски вынужден был перекатиться на живот. После недолгой борьбы руки его были надежно связаны за спиной. Шлюз автоматически начал наполняться воздухом,

и Джерсен отбросил прозрачный щиток на гермошлеме Даски.

— Вот мы и встретились, — с нескрываемой радостью произнес Джерсен.

Даски лишь поджал губы.

Джерсен втащил его в кратер. Пленник подскочил в своей клетке, прижался к решеткам и уставился на Джерсена с таким видом, будто тот был настоящим архангелом с крыльями, трубой и нимбом над головой.

Джерсен проверил прочность пут Даски и, выставив лучемет вперед на случай, если в лагере остались вдруг сообщники Красавчика, бросился к палаткам. Мужчина в клетке проводил его ошеломленным, недоверчивым взглядом.

Внутри палатки у самой стены, свернувшись клубочком под какой-то грязной простыней, лежала Паллис Атроуд. Больше никого не было. Джерсен коснулся ее плеча и с изумлением отметил, что она лишь сжалась в комок. Его радость сменилась ужасом, внутри у него все перевернулось — такого отчаяния он никогда раньше не испытывал.

— Паллис, — позвал он. — Паллис, это я, Кирт Джерсен.

Она явно услышала его, хотя он все еще был в гермошлеме, но только теснее прижалась к стене. Джерсен мягко повернул ее, она совсем не сопротивлялась, просто лежала с закрытыми глазами. Ее лицо, когда-то такое веселое, дерзкое и очаровательное, теперь превратилось в безжизненную, безразличную маску.

— Паллис! — окликнул Джерсен. — Посмотри на меня. Это Кирт Джерсен. Ты в безопасности!

Она, не открывая глаз, молча затрясла головой.

Джерсен отвернулся и пошел прочь из палатки. У самого выхода он оглянулся. Она, широко раскрыв глаза, с изумлением смотрела ему вслед, но, заметив, что он смотрит на нее, тут же закрыла лицо ладонями.

Джерсен обследовал весь кратер, уверился, что ничего больше здесь нет, и вернулся к Даски.

— Хорошее местечко ты себе выбрал, Даски, — сказал Джерсен. — А я вот летел мимо, дай, думаю, загляну, так еле нашел тебя здесь.

— Как вы меня нашли? — угрюмо спросил Даски.
Об этой планете не знает никто.

— Кроме твоего босса.

— И он не знает.

— А как, по-твоему, я здесь оказался?

Даски промолчал. Джерсен подошел к клетке, открыл дверь и махнул пленнику рукой, гадая, не повредился ли умом и этот бедняга, пока сидел здесь в заточении.

— Выходите.

Мужчина, прихрамывая, выбрался наружу.

— Кто вы?

— Какая разница? Вы свободны.

— Свободен? — Мужчина словно споткнулся об это слово. Он повернулся и взглянул в сторону Даски. — А что будет с ним?

— Я убью его.

— Это, наверное, какой-то сон... — ошеломленно пробормотал тот.

Джерсен вернулся к Паллис. Она сидела на кровати, обернувшись простыней. Увидев Джерсена, она было приподнялась, но тут же лишилась чувств. Джерсен нежно поднял ее и вынес из палатки. Бывший пленник с почтительного расстояния разглядывал Даски.

— Как вас зовут? — обратился к нему Джерсен.

Мужчина при этом вопросе растерянно наморщил брови, словно пытаясь припомнить свое имя.

— Робин Рэмполд, — наконец ответил он еле слышным голосом. — А вы... вы его враг?

— Я его палач. Бог мщения.

— Это просто чудо! — выдохнул Рэмполд. — Прошло столько лет, я уже не помню, с чего все началось... — По щекам его потекли слезы. Он посмотрел в сторону клетки, подошел к ней поближе, внимательно осмотрел и оглянулся на Джерсена. — Я почти сроднился с ней. Я изучил каждую трещинку, каждую царапинку, каждое пятнышко на ней, каждое зернышко металла. — Он внешне умолк. Пару секунд спустя он встрепенулся и неожиданно спросил: — А какой сейчас год?

— Тысяча пятьсот двадцать четвертый.

Рэмполд, казалось, весь съежился.

— Я даже не подозревал, что прошло столько лет, я все забыл... — Он посмотрел вверх, на купол. — Здесь нет ни дня, ни ночи — ничего, одно лишь красное солнце. Когда он улетает, время останавливается, ничего не происходит... Семнадцать лет я провел в этой клетке. И теперь я на свободе.

Он подошел к Даски, Джерсен присоединился к нему.

— Давным-давно мы были совершенно другими, — сказал Рэмполд. — Я преподавал ему один урок. Я заставил его страдать. Память об этом — единственное, что поддерживало меня все эти годы.

Даски хрипло усмехнулся.

— Я сумел отплатить тебе. — Потом он перевел взгляд на Джерсена. — Лучше убейте меня, пока можете, а то я сделаю это с вами.

Джерсен стоял, раздумывая над его словами. Даски должен умереть. И когда настанет время привести разговор в исполнение, никакие угрызения совести не будут мучить его. Но Красавчик располагал знаниями, которые были нужны Джерсену. Как заставить его говорить? пыткой? Джерсен догадывался, что Даски будет лишь смеяться, даже если его тело будут рвать на части. Обманом? Хитростью? Он оценивающе взглянул на красное с синими щеками лицо Красавчика. Даски сохранял невозмутимое спокойствие.

— Вы сумеете справиться с кораблем Даски? — обратился Джерсен к Рэмполду.

Рэмполд печально покачал головой.

— Тогда, думаю, вам придется отправиться со мной.

— А что будет с ним? — робко спросил Рэмполд.

— Спустя некоторое время я убью его.

— Отдайте лучше его мне, — попросил Рэмполд.

— Нет.

Джерсен обернулся к Даски. Любыми средствами он должен заставить Красавчика раскрыть ему личность Малагате. Придется действовать в обход.

— Даски, — спросил он, — почему ты привез сюда Паллис Атроуд?

— Она слишком красива, чтобы просто так убить ее, — беспечно ответил тот.

- Но зачем вообще ее надо было убивать?
- Мне нравится убивать красивых женщин.

Джерсен усмехнулся. Даски, очевидно, надеялся, что противник потеряет контроль над собой и сделает какую-нибудь глупость.

— Учти, другой возможности покаяться в своих грехах тебе может не представиться.

- Кто вас сюда направил?
- Тот, кто знал.

Даски медленно качнул головой.

— Только один человек знает обо мне все, но он никогда не выдал бы меня.

Не вышло, подумал Джерсен. Поймать Даски на слове будет не так-то просто. Что ж. Тогда он возьмет Даски с собой, на судно. Это может помочь прояснить дело.

Теперь новая проблема. Джерсен не осмеливался оставить Даски и Робина Рэмполда наедине, но каким-то образом надо перегнать сюда платформу. Рэмполд может убить Даски. Или Даски может приказать Рэмполду освободить его. После семнадцати лет, проведенных в клетке, Рэмполд мог совершенно автоматически подчиниться приказу Красавчика. И еще Паллис Атроуд... что делать с ней?

Он обернулся и увидел, что девушка стоит возле палатки, завернувшись в простыню, и тревожным взглядом следит за каждым его движением. Он осторожно приблизился к ней — она отпрянула. Джерсен засомневался, узнает ли она его.

— Паллис, это я, Кирт Джерсен.

Она грустно кивнула.

— Да,— тихо произнесла она и поглядела на Хильдемара Даски.— Вы связали его,— немного обеспокоенно заметила она.

— Это меньшее из зол, ожидающих его.

Она недоверчиво посмотрела на Джерсена, и тот вдруг понял, что не в состоянии понять ход ее мыслей.

— Вы... разве вы не его друг?

— Нет.— На Джерсена накатила очередной приступ слабости.— Я не его друг. Конечно, нет. Это он вам так сказал?

— Он сказал... он говорил, что... — Она растерянно обернулась на Даски.

— Не верьте ничему, что он вам говорил. — Джерсен заглянул ей в лицо, пытаясь определить, насколько глубоко потрясение, перенесенное ею. — Вы... с вами все в порядке?

Она отвела глаза.

— Я отвезу вас обратно в Авенту, — мягко проговорил Джерсен. — Вам теперь ничего не угрожает.

Паллис отрешенно кивнула. Если бы она хоть как-нибудь высказала свои чувства! Облегчение, слезы... пусть даже упреки!

Джерсен вздохнул и отвернулся от нее. Перед ним стояла все та же проблема: как переправить их всех на платформу? Он не осмеливался оставить наедине с Даски ни Паллис, ни Рэмполда: они слишком долго были у него в подчинении.

Джерсен надел на голову Даски шлем и потащил его через туннель на равнину, туда, где оставшиеся в кратере не смогут видеть его.

Турбины ревели на полную мощь, перегруженная платформа еле тащилась по плато, поднимая клубы пыли, которая тут же оседала из-за разреженной атмосферы. Впереди виднелся корабль — небольшая точка на далеком горизонте.

Джерсен посадил платформу у входного люка. Держа наготове оружие, он вскарабкался по приставной лестнице. Изнутри за ним наблюдал Аттель Малагате, видел доставленный груз. Малагате не знал, что мог сказать Джерсену Даски. Он наверняка сейчас нервничал. А Даски, который непременно узнает судно, заподозрит, хотя и не будет до конца уверен, что на борту находится Малагате.

Наружная дверь шлюзовой камеры захлопнулась, зашипели насосы, и вскоре открылась дверь, ведущая внутрь корабля. Джерсен шагнул вперед. Келле, Деттерас и Уорвив сидели в разных концах салона, недружелюбно уставившись на Джерсена. Никто не шевельнулся.

Джерсен снял шлем скафандра.

— Я вернулся.

— Мы видим,— отрезал Деттерас.

— Мне повезло,— продолжал Джерсен.— Я привез с собой пленника, Хильдемара Даски. Предупреждаю, этот человек — беспощадный убийца, и сейчас он доведен до отчаяния. Я намереваюсь держать его под строгим контролем. Поэтому убедительно прошу, чтобы никто из вас не мешал мне и не пытался заговорить с ним. Другие двое — это Робин Рэмполд, которого Даски держал у себя в клетке семнадцать лет, и девушка, которую недавно Даски похитил. Вполне возможно, что в результате этого события ее разум немного помутился. Она будет жить в моей каюте. Даски я посажу в грузовой отсек. А Робин Рэмполд будет бесконечно рад и этому дивану.

— Наше путешествие становится все невероятнее и невероятнее с каждой минутой,— заметил Уорвив.

Деттерас нетерпеливо поднялся.

— Зачем вы притащили Даски сюда? Я очень удивлен тем, что вы сразу не убили его.

— Можете считать меня слишком брезгливым.

Деттерас угрюмо рассмеялся.

— Ну все, значит, можно лететь дальше. Все мы хотим как можно быстрее завершить нашу экспедицию.

Джерсен провел на борт корабля Рэмполда и Палис Атроуд, после чего загнал платформу под лебедку, вместе с Даски поднял ее в грузовой отсек и там снял с головы Красавчика шлем. Даски безмолвно наблюдал за ним.

— Здесь, на корабле, ты, может быть, увидишь одного своего знакомого,— сказал Джерсен.— Он не хочет, чтобы его подлинная личина стала известна двум его коллегам, так как это может помешать его планам. Ты поступишь весьма мудро, если будешь держать язык за зубами.

Даски ничего не ответил. Джерсен решил принять дополнительные меры предосторожности. Он взял длинный кабель, сделал посередине петлю и набросил ее на шею Красавчику. Концы кабеля он хорошо закрепил на противоположных концах отсека, натянув его как можно туже. Теперь Даски мог стоять только в самой середине отсека, не в силах двинуться ни вправо, ни

влево. Узлы находились на расстоянии трех метров от него, так что даже со свободными руками Даски не сумел бы освободиться. Джерсен перерезал ленту, скрепляющую руки и ноги Даски, и тот немедленно рванулся вперед. Джерсен мгновенно уклонился в сторону и хорошенько приложился прикладом своего лучемета к его голове. Даски повис без сознания. Джерсен стащил с него скафандр, обыскал карманы белых штанов, но ничего не нашел. Он еще раз проверил крепление троса и, закрыв за собой дверь на засов, вернулся в салон корабля.

Рэмполд уже снял скафандр и теперь тихонько сидел в уголке. Деттерас и Келле помогли сделать то же самое Паллис Атроуд и дали ей кое-какую одежду. Она сидела у пульта управления и прихлебывала кофе. Лицо ее было бледным и осунувшимся, глаза — печальными. Келле неодобрительно взглянул на Джерсена.

— Это мисс Атроуд, секретарь нашего отделения. Бога ради, какое вы имеете к ней отношение?

— Ответ очень прост, — объяснил Джерсен. — Я познакомился с ней в тот день, когда приехал в университет, и пригласил ее провести вечер вместе. Хильдемар Даски, из мести или просто из злобы, напал на меня и похитил девушку. Я посчитал, что обязан спасти ее, что я и сделал.

— Что ж, — тонко улыбнулся Келле, — думаю, в этом мы вас винить не можем.

— Надеюсь, теперь мы наконец можем продолжить нашу экспедицию? — сухо справился Уорвив.

— Это я и собираюсь сделать.

— Тогда в путь.

— Да, — пробурчал Деттерас. — Чем быстрее мы покончим с этим фантастическим путешествием, тем лучше.

Потухшая звезда и ее красный карлик сгнули в просторах космоса. В грузовом отсеке пришедший в сознание Хильдемар Даски тихо и злобно ругался, с яростью кидаясь из стороны в сторону, пытаясь избавиться от своих оков. Он выкручивался в петле, пока не содрал кожу с рук, он впивался пальцами в металл кабеля, пока не обломал себе все ногти. Потом он попробовал новый

способ: раскачиваясь из стороны в сторону и бросаясь что было сил об пол, он попытался вырвать кабель из скоб, удерживающих его на стене, но добился лишь пары огромных кровоподтеков на шее. Поняв наконец, что, несмотря на свободные руки и ноги, он, по сути, беспомощен, Даски немного успокоился. Теперь его терзал один вопрос: как Джерсен нашел потухшую звезду? Никто из людей, кроме самого Даски, не знал, где она находится. Да еще знал об этом Малагате. Даски перебирал в уме все случаи, когда он надувал, обманывал или подводил Малагате, и гадал, не стал ли один из таких случаев ему известен.

Джерсен сидел на диване в салоне корабля и размышлял. Трое администраторов из университета, один из которых не был человеком, стояли, сбившись в кучку, неподалеку. Келле, такой учтивый, утонченный, тщательно следящий за собой; Уорвив, всегда холодный, мрачный; Деттерас, огромный, неугомонный, легко впадающий во всякие крайности. Джерсен неотступно слезловал взглядом за своим подозреваемым, считывая каждое его движение, подмечая каждое слово, каждый жест, пытаясь увериться в своих догадках, доказать их.

Паллис Атроуд тихонько сидела рядом с ним, погруженная в свои раздумья. Время от времени лицо ее подергивалось, а ногти глубоко впивались в ладони. Хильдемар Даски должен умереть — здесь никаких сомнений быть не может.

Робин Рэмполд стоял у библиотеки микрофильмов, перебирал карточки, поглаживал свой длинный, костлявый подбородок. Он повернулся, посмотрел на Джерсена и, осторожно ступая, подобрался к нему. Вежливо, почти подобострастно Рэмиполд спросил:

- А он... он еще жив?
- Пока да.

Рэмполд, напряженно думая, открыл было рот, чтобы сказать что-то, но потом снова закрыл его и после нескольких минут терзаний робко спросил:

- А что вы намерены сделать с ним?
- Не знаю, — ответил Джерсен. — Я хочу вытянуть из него кое-какие сведения.

Рэмполда вдруг потянуло на откровенность. Тихим голосом, словно опасаясь, что его могут услышать остальные, он спросил:

— Почему бы вам не отдать его мне? Тогда бы вам не нужно было больше охранять его, присматривать за ним.

— Нет, — ответил Джерсен. — Я думаю, этого делать не стоит.

На лице Рэмполда отразилось бесконечное отчаяние, морщины еще глубже прорезали его лоб.

— Но... я должен...

— Должны? Что?

Рэмполд нервничал.

— Вам не понять меня. Семнадцать лет... — Он никак не мог отыскать нужных слов, но наконец продолжил: — Этот человек стал центром моего существования. Он стал мне богом. Он давал мне еду, напитки, причинял страдания. Однажды он привез мне котенка, очаровательного черного котенка, и наблюдал, как я трогаю его, улыбался так, будто испытывал жалость ко мне. Но в тот раз я обманул его. Я убил маленькое создание, сразу, одним ударом. Потому что догадался о замыслах своего тирана: он хотел подождать, пока я не полюблю живой комочек всем сердцем, и вот тогда он бы убил его, пытая бы его у меня на глазах... Конечно, за свой поступок я был жестоко наказан.

Джерсен глубоко вздохнул.

— Он обладает слишком большой властью над вами. Я не могу доверить его вам.

На глаза Рэмполда навернулись слезы. Речь его стала совсем отрывистой и почти бессвязной.

— Странно. Я чувствую грусть. Нельзя передать словами, что я испытываю. Мои чувства вдруг обостряются и переходят почти в нежность. Вы знаете, порой пища бывает настолько сладкой, что начинаешь ощущать горечь, или такой кислой, что вдруг ощущаешь соленый привкус... Да, я бы заботился о нем всю свою оставшуюся жизнь. Я бы посвятил этим заботам всего себя. — Рэмполд с мольбой протянул к Джерсену руки: — Отдай-те его мне. У меня ничего нет, иначе бы я заплатил вам.

Джерсен сумел только покачать головой:

— Вернемся к этому разговору немного позднее.

Рэмполд тяжело кивнул и вернулся в свой угол. Джерсен посмотрел туда, где Деттерас, Келле и Уорвив продолжали разговор. По-видимому, по соображениям вежливости или по каким-либо другим причинам, они решили не проявлять к новым пассажирам особого интереса. Джерсен мрачно улыбнулся. Тому, кто был Малагате, совсем не хотелось столкнуться с Хильдемаром Даски. Настроение у Даски было не особенно миролюбивым, и, увидев Малагате, он не удержался бы от того, чтобы не выкрикнуть в его адрес каких-нибудь ругательств. Конечно, Малагате попытается тайком шепнуть Красавчику пару слов, чтобы тот успокоился, а потом потихоньку постарается избавиться от него.

Ситуация явно накалялась, и, рано или поздно, правда должна была вырваться наружу. Джерсен колебался: стоит ли ему ускорять ход событий или, может быть, еще подождать? Можно привести Даски в салон или отвести Келле, Деттераса и Уорвива в грузовой отсек... Он решил дожидаться благоприятного случая. При нем все еще оставалось его оружие, трое администраторов, очевидно, убедившись в его добрых намерениях, не стали настаивать на том, чтобы он вернул его в сейф. Самое удивительное, подумал Джерсен, что теперь даже Малагате ни в чем не подозревает его. Таким образом, Звездный Король может проявить неосторожность и, под предлогом элементарного любопытства, попытается взглянуть на Даски.

Надо быть настороже, решил Джерсен. В подобном положении Робин Рэмполд мог очень пригодиться ему. Невзирая на некоторое повреждение рассудка и изменения личности, что он претерпел за прошедшие семнадцать лет, Рэмполд во всем, что касается Хильдемара Даски, будет действовать так же решительно и быстро, как действовал бы сам Джерсен.

Джерсен поднялся с дивана и прошел на корму, через машинное отделение, в грузовой отсек. Даски, даже не пытаясь изображать стоическое равнодушие, уставился на него горящими глазами. Джерсен заметил кровоточащие пальцы Даски и, положив лучемер на полку, чтобы не дать Красавчику возможности завладеть им, подошел поближе, чтобы проверить крепления кабеля. Даски,

извернувшись, попытался пнуть его ногой. Джерсену пришлось легонько стукнуть его ребром ладони, и Даски на время потерял сознание. Джерсен проверил скобы, потом петлю на шее Даски и отошел немного назад.

— Создается впечатление, — сказал ему Джерсен, — что неприятностей у тебя становится все больше и больше. Даски плюнул в его сторону. Джерсен отпрыгнул.

— Вот этого делать не стоит, — посоветовал он.

— А что еще ты можешь сделать со мной? Неужели ты думаешь, я боюсь смерти? Я живу только своей ненавистью.

— Рэмполд просил, чтобы я передал тебя в его руки. Даски фыркнул.

— Он так боится меня, что готов пресмыкаться передо мной. Он очень мягок. Его даже мучить неинтересно было.

— Интересно, сколько времени потребуется ему, чтобы сделать то же самое с тобой?

Даски снова сплюнул.

— Расскажи лучше, как ты нашел мою звезду.

— Добыл информацию.

— Где ты ее добыл?

— Какое это имеет значение? — спросил Джерсен, пытаясь раздражить Даски и медленно подталкивая его к срыву. — Тебе, во всяком случае, больше не представится возможности отплатить этому человеку.

Даски раздвинул свои губы в ужасной улыбке.

— Кто находится на борту судна?

Джерсен не ответил ему. Отступив в тень, он пристально следил за Даски. Скорее всего, Красавчик уже заподозрил, что на борту находится сам Малагате. Вот и пусть помучается, как и Малагате.

Джерсен перебирал в голове вопросы, которые могли бы помочь ему вытянуть у Даски имя, которым сейчас прикрывается Малагате. Но даже самые лучшие из этих вопросов были либо слишком наивными, либо слишком туманными. Стоит только Даски понять, что Джерсен хочет вытянуть из него какую-то информацию, как он сразу замолчит.

— Но послушай! — медовым голосом произнес Даски, очевидно, решив подольститься к Джерсену. — Ты же

сам сказал, я полностью беспомощен и нахожусь в твоей власти. Мне просто интересно узнать, кто меня предал.

— А ты как думаешь?

Даски бесхитростно усмехнулся.

— У меня много врагов. Саркоец, например. Что, он?

— Саркоец мертв.

— Мертв?!

— Он помог тебе похитить девушку. Я отравил его.

— Тьфу, — снова сплюнул Даски. — Этих баб всюду навалом. И чего, спрашивается, так волноваться? Отпусти меня. Я очень богат, и я отдам тебе половину всех своих денег, если ты скажешь, кто предал меня.

— Во всяком случае, не Сутиро с Саркоя.

— Тристано? Да нет, не Тристано. Он ничего не знал.

— Когда я встретился с Тристано, тот в основном молчал.

— Но тогда кто?

— Ну хорошо, — отозвался Джерсен. — Я скажу тебе, почему бы и нет? Один из администраторов Университета Приморской Провинции.

Даски вытер рукой рот и с подозрением покосился на Джерсена.

— Но зачем ему это? — пробормотал он. — Ничего не понимаю.

Джерсен, который ожидал услышать возглас удивления, слегка разочарованно спросил:

— Ты, надеюсь, понимаешь, кого я имею в виду?

Даски только тупо посмотрел на него. Джерсен взял свой лучемер и вышел из отсека.

Вернувшись в салон, он обнаружил, что там ничего не изменилось. Он позвал Робина Рэмполда и вышел с ним в машинное отделение.

— Вы просили, чтобы я отдал вам Даски.

— О да! — Глаза Рэмполда заблестели от восторга.

— Я не могу сделать этого... но мне понадобится ваша помощь, чтобы охранять его.

— Да, конечно!

— Даски очень хитер. Вы ни в коем случае не должны заходить в отсек.

Рэмполд сразу поник.

— И, что еще более важно, вы не должны никого допускать туда. Эти люди — враги Даски. Они могут убить его.

— Нет, нет! — воскликнул Рэмполд. — Даски не должен умереть!

Джерсену пришла на ум новая идея. Малагате приказал убить Паллис Атроуд, потому что боялся, что она невольно может выдать его. В своем настоящем состоянии она не представляла никакой для него угрозы, но ведь она могла поправиться. Малагате, если ему представится случай, может снова попытаться избавиться от нее.

— И, кроме того, вы будете охранять Паллис Атроуд, — продолжил Джерсен, — чтобы никто не беспокоил ее. Этот вопрос уже меньше интересовал Рэмполда.

— Я сделаю все, что вы скажете.

ГЛАВА 11

— Интеллект? — спросил Мармадюк в одну из дозволенных пауз, сопровождая Его Святейшество по Парапету. — Что есть интеллект?

— Что ж, — ответил Его Святейшество, — это не более чем одно из занятий человека; вид деятельности, которым люди занимают свой мозг, подобно тому, как лягушка дрыгает своими лапками, чтобы плыть; это стандарт, которым пользуются люди в своем эгоизме, чтобы мерить другие, порой высшие расы, приводя тех в бескрайнее изумление.

— Вы имеете в виду, Ваше Святейшество, что ни одно другое живое существо, кроме человека, не может обладать так называемым интеллектом?

— Ха! Почему бы тогда не задаться вопросом: что есть ж и з н ь, что есть с у щ е е? И ответ очевиден: что это может быть, как не заболевание первобытной слизи, гной на поверхности первоначальной чистой грязи, который, пройдя сквозь многие циклы и этапы, через перегонку и отстой, превратился в настоящего человека?

— Но, Ваше Святейшество, всем известно, что на многих мирах существуют другие формы, в которых проявляется факт разумной жизни. Например, сверкающие камни с Олама или, скажем, народ Хтонической Трясины.

— О молодость! Как легко вы скинули со счета дух, который и есть с у щ н о с т ь!

— Ваше Святейшество, я молю о прощении.

— Путь по Парапету не для тех, кто хочет идти семимильными шагами.

— Ваше Сверхвысокосвятейшество, я молюсь, чтобы мне было указано мое направление.

Прозвучали девять нот гонга.

— Внемлите. И довольствуйтесь тем, чем владеете сегодня: хлебом и молодым вином.

*Из главы «Ученик Воплощения», вошедшей в
«Свиток Девятого Измерения».*

Данные из монитора Луто Тихолта ввели в компьютер. Компьютер выполнил необходимые расчеты с учетом положения судна в пространстве и ввел программу в автопилот. Корабль развернулся и устремился по курсу, почти параллельному линии, соединяющей Альфанор и планету Смэйда. Время шло. Жизнь внутри корабля снова пошла по накатанной колее. Джерсен с помощью Робина Рэмполда охранял грузовой отсек, хотя строго-настрого запретил Рэмполду заходить внутрь. В течение первых нескольких дней Хильдемар Даски изрыгал чудовищные проклятия, перемежая их пылкими угрозами возмездия со стороны одного своего друга, имя которого назвать упорно отказывался.

— Можете спросить у Рэмполда, что он думает по этому поводу,— говорил Даски, злобно взирая на Джерсена яркими безвекиими глазами.— Вы хотите, чтобы то же случилось и с вами?

— Нет,— отвечал Джерсен.— Не думаю, что такое может грозить мне.

Время от времени Даски начинал требовать, чтобы Джерсен отвечал на его вопросы.

— Куда вы меня везете? — спрашивал он.— Назад на Альфанор?

— Нет.

— Тогда куда?

— Скоро увидишь.

— Отвечай мне или, клянусь... — и Даски грозил самыми ужасными и грязными клятвами,— ...я сделаю с тобой такое, что ты жить не захочешь!

— Надо будет нам этим воспользоваться,— говорил Джерсен.

— Нам? — мягко переспрашивал Даски.— Кому это нам?

— А сам ты разве не знаешь?

— Почему тогда он не придет сюда? Скажи ему, что я хочу переговорить с ним.

— Он волен войти сюда, когда захочет.

На этом Даски обычно замолкал, и, как бы ни подшучивал, как бы ни угрожал ему Джерсен, ничто не могло заставить Красавчика назвать имя его повелителя. Не выказывали никакого видимого интереса к Даски и трое администраторов из университета. Что же касается Паллис Атроуд, то поначалу она, казалось, вообще ничего и никого не замечала. Часами она сидела и следила за мелькающими звездами. Ела она медленно, как бы нерешительно, без аппетита, очень много спала, свернувшись клубочком и забившись в самый угол кровати. Но постепенно она начала возвращаться к жизни и временами становилась похожей на прежнюю беззаботную Паллис Атроуд.

Постоянное присутствие кого-нибудь поблизости не давало Джерсену возможности переговорить с ней наедине, но это, по его мнению, было не так уж и плохо. Ситуация с Даски в грузовом отсеке и Аттелем Малагате в носовой части корабля накалилась до предела.

Прошло еще некоторое время. Вскоре корабль достиг областей Галактики, куда еще не ступала нога человека, если не считать, конечно, неизвестно каким ветром занесенного сюда Луго Тихолта. Звезд здесь было битком набито: источающих яркий свет, роящихся, мерцающих, сверкающих, тлеющих, степенно сменяющих друг друга в своем бесконечном хороводе. Вокруг них вращались самые невероятные планеты, населенные неизвестно кем или вовсе не населенные, притягивающие взоры, пробуждающие воображение и любопытство, каждый мир был призывом, искушением, загадкой и каждый обещал невиданные картины, неведомые знания и немислимые красоты.

Вскоре прямо по курсу показалась теплая золотистобелая звезда. На панели монитора попеременно замигали зеленые и красные огоньки. Автопилот прекратил подачу энергии, привод отключился, возник странный звук, корабль затрясло.

Наконец судно тряхнуло последний раз, и корабль плавно заскользил в пространстве, словно лодочка по

поверхности тихого пруда. Совсем рядом висела золотисто-белая звезда, вокруг которой вращалось три планеты. Одна была совсем рядом с солнцем — маленькая, оранжевого цвета, своим видом скорее напоминающая тлеющую головню. Другая, вращающаяся по самой дальней орбите, являла собой мрачный и суровый мир. И третья, сверкающая зеленым, голубым и белым оттенками, оказалась у самого корабля.

Джерсен, Уорвив, Деттерас и Келле, на время совершенно позабыв о своей неприязни друг к другу, столпились у телескопа. Планета поражала своей необычайно чистой красотой: плотная, насыщенная влагой атмосфера, огромные океаны, горы чередовались с безбрежными равнинами.

Джерсен отошел от окуляра. Вот теперь требуется особая бдительность. Первым после Джерсена занял место у окуляра Уорвив. Налюбовавшись планетой, он заявил:

— Я целиком и полностью удовлетворен. Планета бесподобна. Мистер Джерсен не подвел нас.

— Вы хотите сказать, что в посадке нет никакой необходимости? — с изумлением посмотрел на него Келле.

— Вообще говоря, да. Но я все же хотел бы высадиться.

Он пересек кабину и остановился у той самой полки, под которой Сутиро разместил свое устройство. Джерсен напрягся. Неужели он и есть Малагате? Но Уорвив прошел дальше. Джерсен с облегчением выдохнул. Ну, конечно, еще не время. Прежде чем пустить газ, Малагате надо было бы как-то самому защититься от его воздействия.

— Я считаю, что мы непременно должны спуститься на эту планету, — сказал Келле. — Хотя бы для того, чтобы провести биометрические тесты. Несмотря на внешнее очарование, планета может оказаться полностью враждебной человеку.

— Ну, не так-то все просто, — с сомнением проговорил Деттерас. — У нас на борту пленник, больная девушка, пассажир. Чем быстрее мы вернемся на Альфанор, тем лучше.

— Не будьте ослом! — сорвался на визг Келле. — Прodelать такой путь, чтобы тут же развернуться и удрать

домой?! Мы обязаны приземлиться! Пусть хоть пять минут, но мы должны побродить по этой планете.

— Да,— угрюмо согласился Деттерас.— Здесь вы правы.

— Прекрасно,— подвел итог Уорвив.— Мы снижаемся.

Джерсен без комментариев ввел в автопилот программу посадки. Горизонты раздвинулись, постепенно проявились детали ландшафта: зеленые леса, низкие, плавно перекатывающиеся холмы, цепь озер к северу, покрытые снегом остроконечные пики к югу. Судно опустилось на планету, шум двигателей умолк. Теперь под ними была твердая земля. Вокруг царила полнейшая тишина, нарушаемая только медленным тиканьем автоматического анализатора окружающей среды. Вскоре на его табло вспыхнули три зеленых огонька: для человека среда оптимальна.

Еще некоторое время потребовалось на выравнивание давления. Джерсен и трое администраторов надели легкие комбинезоны, втерли в кожу антиаллерген и прикрепили ингаляторы, препятствующие попаданию в организм чужеродных бактерий или спор.

Паллис Атроуд в невинном удивлении осматривала пейзаж через иллюминатор. Робин Рэмполд, чем-то похожий на старую серую крысу, беспокойно вертелся у задней переборки, словно всем сердцем хотел выйти на свет, но не решался покинуть безопасный салон.

Корабль наполнился местным воздухом, который принес с собой запахи чистоты, влаги и свежести. Джерсен подошел к люку, распахнул его и вежливо, чуть насмешливо махнул рукой.

— Джентльмены, ваша планета.

Уорвив вышел первым, сразу за ним шел Деттерас, потом Келле. Джерсен не спеша спустился последним.

Они приземлились метрах в ста от прежней стоянки Луго Тихолта. Джерсен невольно подумал, что пейзажи планеты еще более замечательны, чем представлялись по фотографиям. Воздух был прохладен, напоен свежестью и запахом молодых трав. На другой стороне долины, сразу за высокими темными деревьями, вздымались холмы, огромные, но в то же время очень плавных очертаний, кое-где нарушаемых выходами на поверхность серого камня. В лощинах были разбросаны

небольшие рощицы, радующие глаз нежной зеленью. А по небу плыли облака, похожие на сияющие в ярком дневном свете сказочные замки.

За лугом, на противоположном берегу реки, Джерсен заметил небольшие кустики, усеянные мелкими цветами, и сразу узнал дриады. Они стояли на самом краю леса, покачиваясь на нетвердых серых ножках, движения их были легки и грациозны. Удивительные существа, подумал Джерсен, но, абсолютно непонятно почему, они все-таки не вписывались в окружающий пейзаж. Возможно, это ему только показалось, но, тем не менее, чувство какого-то несоответствия продолжало его беспокоить. На своей собственной планете дриады казались неуместными! Они выглядели ненатурально, как-то слишком экзотически на фоне милой и дорогой... Земли? Джерсен никогда не испытывал особенно трепетных чувств к Земле. Но все-таки планета Тихолта удивительно походила на нее, или, лучше сказать, на те редкие области Земли, которые еще не затронула бурная деятельность людей. Этот мир дышал свежестью и невинностью, его еще не коснулись изменения. Если бы не дриады, вносящие диссонанс в общую картину, эта планета вполне могла сойти за Старую Землю, Землю золотого века, Землю человека естественного...

Тут Джерсена озарила невероятная мысль, он даже вздрогнул от потрясения. Так вот где крылась загадка очарования этой планеты: она почти точь-в-точь походила на тот мир, где воспитывался человек! На древней Земле наверняка было немало подобных внушающих неизбывную радость мест. Эти пейзажи навсегда остались в генах человечества. Другие миры Ойкумены могли быть приятными на взгляд, удобными, но ни один из них и сравниться не мог со Старой Землей, ни один из них не обладал ароматом Дома... Если быть честным, признался себе Джерсен, вот где я построил бы коттедж, окруженный старомодным садиком, со стадом на лужке и лодкой с веслами у берега реки. Мечты, отчаянная тоска по недостижимому... Но подобные мечты и точно такая тоска присущи каждому человеку. Джерсен внезапно вспомнил о своих насущных делах и сосредоточил все внимание на своей троице.

Уорвив стоял на берегу реки и, нахмурившись, взирал на плавно текущую воду. Почувствовав на себе взгляд Джерсена, он обернулся и смерил его подозрительным взглядом.

Келле, подойдя к зарослям папоротника, достающего ему почти до плеча, рассматривал долину. Глаза его скользили по холмам, обрамленным белыми кучевыми облаками, по обширным лесам, сбегаящим к реке с обоих склонов долины и смыкающимся над водой, образуя тенистый полог, тающий в туманной дымке.

Деттерас медленно шел через лужок, заложив руки за спину. Вот он наклонился, поднял горсть земли и растер ее между пальцами, потом повернулся и засмотрелся на дриад. Келле сделал то же самое.

Дриады, плавно скользя на гибких ножках, оставили сень деревьев и неторопливо направились к реке. Их руки, похожие на огромные веера-опахала, переливались голубыми и ярко-красными, медно-желтыми и золотистыми красками... Но разумны ли они?

Джерсен повернулся так, чтобы держать в поле зрения всех троих мужчин. Келле слегка хмурился. Уорвив изучал дриад с откровенным восхищением. Деттерас неожиданно сунул пальцы в рот и пронзительно свистнул. Дриады не обратили на него ровно никакого внимания.

Со стороны корабля послышался какой-то шум. Джерсен, резко обернувшись, увидел, что по трапу спускается Паллис Атроуд. Она подняла руки к солнцу и глубоко вздохнула.

— Какая прекрасная планета, — прошептала она. — Кирт, какая чудесная долина!

Она медленно пошла по траве, то и дело останавливаясь и оглядываясь вокруг.

Джерсен, внезапно вспомнив кое о чем, сорвался с места и бросился по трапу внутрь корабля. Рэмполд... где Рэмполд? Джерсен поспешил к грузовому отсеку. Рэмполд был внутри. Джерсен осторожно подкрался к двери и прислушался.

Голос Даски прозвучал грубо, в нем сквозила неприкрытая радость:

— Рэмполд, делай, что я тебе скажу. Ты слышишь меня?

— Да, Хильдемар.
— Подойди к скобам и отсоедини концы кабеля.
Быстрее.

Джерсен шагнул к щели, через которую мог видеть, что происходит внутри отсека. Рэмполд стоял в метре от Даски, вглядываясь в его красное лицо.

— Слышишь? Быстрее! А то ты у меня пожалеешь, что появился на свет!

Рэмполд тихо, довольно рассмеялся.

— Хильдемар, я просил Кирта Джерсена, чтобы он отдал тебя мне. Я сказал ему, что буду заботиться о тебе, как не заботился бы о своем собственном сыне, что я буду кормить тебя самыми изысканными блюдами, подносить самые необыкновенные напитки... Но не думаю, что он отдаст тебя мне, хотя я ждал этой радости целых семнадцать лет. А сейчас я буду бить тебя, пока ты не умрешь. Это первая возможность...

Джерсен ступил в грузовой отсек.

— Извините, Рэмполд, но я вынужден прервать вашу беседу.

Рэмполд с отчаянием вскрикнул, повернулся и выбежал из отсека. Джерсен последовал за ним. В машинном отделении он взял свой лучемер, проверил его, сунул в кобуру и вернулся в грузовой отсек. Даски улыбался, скаля зубы, словно взбесившийся зверь.

— У Рэмполда не хватает терпения, — сказал ему Джерсен.

Он подошел к скобе и принялся отвязывать кабель.

— Что ты собираешься делать? — спросил Даски.

— Мне поступил приказ покончить с тобой.

— Какой приказ? — в недоумении уставился на него Даски.

— Ты дурак, — спокойно сказал Джерсен. — Неужели ты так и не понял, что произошло? Вскоре я займу при нем твое место. — Один конец кабеля упал на пол. Джерсен направился к другой скобе. — Лучше не двигайся, иначе я сломаю тебе ногу. — Он отвязал другой конец кабеля. — А теперь вставай. Медленно иди вперед и вниз по лестнице. И не делай лишних движений — пристрелю без разговоров.

Даски медленно встал. Джерсен взмахнул лучемером.

- Шагай.
- Где мы? – спросил Даски.
- Не твое дело. Давай, пошел.

Даски, волоча за собой кабель, прошел через двигательный отсек, миновал салон и приблизился к люку. Здесь он остановился и оглянулся через плечо.

- Не задерживайся! – приказал Джерсен.

Даски начал спускаться вниз по лестнице. Но тут нога Джерсена зацепилась за один из концов кабеля, и он, споткнувшись, полетел на землю. Даски, издав дикий и хриплый вопль, прыгнул ему на спину, схватил лучемер и тут же отскочил.

Джерсен медленно выпрямился и слегка попятился.

- Ни с места! – рявкнул Даски. – Вот ты мне и попался!

Он быстро огляделся. В пятнадцати метрах от него стояли Уорвив и Деттерас, чуть позади них – Келле. К корпусу прижимался Рэмполд. Даски взмахнул лучемером.

– Так, ну-ка, вы все, подойдите поближе друг к другу, а я пока решу, что с вами делать. Да, а тебе, старина Рэмполд, похоже, пришел конец. И твоему дружку Джерсену тоже. – Он взглянул в сторону трех администраторов из университета. – И ты... – сказал он, обращаясь к одному из них. – Ты решил подставить меня!

– Ничего не выйдет, Даски, – спокойно обратился к нему Джерсен.

– Да неужели? Оружие пока что у меня. И вы трое сейчас умрете. Ты, старик Рэмполд и Малагате.

– В лучемете только один заряд. Ты сможешь расправиться только с одним, но остальные поймают тебя.

Даски бросил быстрый взгляд на индикатор энергии и жестко рассмеялся.

– Да будет так. Ну, кто хочет умереть? Вернее сказать, кого я захочу убить? – Он переводил глаза с одного на другого. – Рэмполд, с тобой я уже достаточно поразвлекся. Джерсен. Да, я был бы непрочь покончить с тобой. Но не так, а влив тебе в ухо расплавленное железо. И Малагате. Ты, лживый пес, ты предал меня. Я не

знаю, в чем состоит твоя игра. Не знаю, зачем ты привез меня сюда. Но тебя-то я и убью.

Он поднял лучемер, прицелился и нажал на спуск. Из ствола вырвался заряд, но не мощный сверкающий снаряд, а лишь бледный, слабый лучик. Уорвив, сраженный наповал, упал на землю. Джерсен кинулся к Даски, но тот, вместо того чтобы принять бой, швырнул в него лучемером и побежал по долине.

Джерсен, подняв лучемер и снова зарядив его, медленно направился туда, где Уорвив пытался подняться с земли.

— Вы, должно быть, полный идиот, если разрешили такому опасному человеку завладеть вашим оружием! — выкрикнул Деттерас.

— Но зачем ему было стрелять в Уорвива? — растерянно спросил Келле. — Он что, маньяк?

— Предлагаю всем вернуться на корабль, — сказал Джерсен. — Там мистер Уорвив придет в себя. Заряд был крошечный, но сомневаюсь, чтобы он доставил приятные ощущения.

Деттерас, что-то неразборчиво буркнув, зашагал к кораблю. Келле хотел взять Уорвива под руку, но тот брезгливо отмахнулся от него и поплелся самостоятельно. Замыкал строй Джерсен.

— Вы чувствуете себя уже лучше? — спросил Джерсен Уорвива.

— Да, — холодно ответил тот. — Но я совершенно согласен с Деттерасом: вы проявили непростительное легкомыслие.

— Я бы этого не сказал, — возразил Джерсен. — Помоему, все прошло отлично.

— Вы что, все это специально затеяли? — с глупым видом уставился на него Деттерас.

— Я разрядил лучемер. Я подстроил так, чтобы Даски смог схватить его, я же проинформировал его о том, что там остался только один заряд — и все для того, чтобы он подтвердил мои собственные догадки насчет личности Аттеля Малагате.

— Аттеля Малагате?

Келле и Деттерас с недоумением смотрели на Джерсена. Уорвив наблюдал за ним, прищулив один глаз.

— Да, Малагате-Беда. Я довольно долго наблюдал за мистером Уорвивом и уже давно заподозрил, что он самая вероятная кандидатура на личность Аттеля Малагате.

— Бред какой! — задохнулся от возмущения Деттерас. — Вы серьезно?

— Вполне. Им могли быть вы, Уорвив или Келле. Я выбрал Уорвива.

— Ну да, конечно, — отозвался Уорвив. — А могу я поинтересоваться, почему?

— Да, разумеется. Прежде всего я исключил из списка подозреваемых Деттераса. Он довольно уродливый мужчина. Звездные Короли относятся к своей внешности с большим тщанием.

— Звездные Короли? — удивился Деттерас. — Кто? Уорвив? Что за чушь!

— К тому же Деттерас не прочь хорошо поесть, тогда как Звездные Короли относятся к земной пище с отвращением. Что же касается мистера Келле, то, хорошо поразмыслив, я исключил и его. Он невысок и полноват, что также не характерно для Звездных Королей.

Лицо Уорвива исказила ледяная ухмылка.

— Вы намекаете, что приятная внешность всегда сопутствует порочной натуре?

— Нет. Я только подчеркиваю, что Звездные Короли редко покидают свою планету, пока не уверятся в своей способности противостоять настоящему человеку. И еще два пункта. Во-первых, Келле женат и уже воспитал по меньшей мере одну дочь. А во-вторых, Келле и Деттерас сделали в университете официальную карьеру, тогда как вы являетесь там Почетным проректором и, насколько я припоминаю, стали им только благодаря внесенному вами большому пожертвованию в фонд университета.

— Безумие какое-то! — завопил Деттерас. — Уорвив — Малагате-Беда! Да еще к тому же Звездный Король!

— К сожалению, это факт, — заверил его Джерсен.

— И что вы намереваетесь теперь делать с ним?

— Убить.

Несколько секунд Деттерас ошеломленно смотрел на него, потом с воплем рванулся к Джерсену и облапил его

своими ручищами. Джерсен легко вывернулся и ударил его прикладом лучемета. Деттерас, вскрикнув, отшатнулся.

— Я хочу, чтобы вы и мистер Келле помогли мне, — невозмутимо сказал Джерсен.

— Помогать сумасшедшему? Никогда!

— Уорвив часто и подолгу отсутствовал в университете. Верно? И одна из подобных отлучек произошла совсем недавно. Ну что, прав я или нет?

— Не хочу даже говорить об этом, — решительно выдвинув челюсть, заявил Деттерас.

— Да, действительно так, — с беспокойством произнес Келле. Он посмотрел на Уорвива, потом опять на Джерсена. — Насколько я понимаю, для подобного обвинения надо располагать очень вескими доказательствами.

— Разумеется.

— Так приведите их.

— Это длинная история. Достаточно сказать, что я проследил Малагате до Университета Приморской Провинции, и после проверки возможных кандидатов в числе подозреваемых остались только вы трое. Я почти с самого начала заподозрил Уорвива, но окончательно уверился в своей правоте только тогда, когда вы ступили на эту планету.

— Жалкий фарс, — злобно выдохнул Уорвив.

— Эта планета очень напоминает Землю... такую Землю, которую не видел ни один из живущих ныне людей, Землю, которой не существует уже около десяти тысяч лет. Келле и Деттерас были ошеломлены до глубины души. Келле во все глаза уставился на окружающие леса и горы, Деттерас с почтением трогал почву. А Уорвив стоял и смотрел на воду. Звездные Короли произошли от обитавших в водной среде ящеров. Появились дриады. Уорвив восхищался ими как бесспорным украшением планеты. Для Келле и Деттераса, да и для меня, признаться, тоже, они выглядели захватчиками, чужеродными существами. Деттерас даже свистнул на них, а Келле нахмурился. Мы, люди, не умеем терпеть фантастических существ в мире, таком близком и дорогом нам. Но все это лишь теория. После того как мне удалось захватить в плен Хильдемара Даски, я всячески пытался

убедить Красавчика, что предал его именно Малагате. А потом я предоставил Красавчику возможность самому указать мне на Уорвива — дал ему в руки лучемер.

Уорвив покачал головой, глядя на Джерсена как на больного.

— Я отвергаю все эти голословные утверждения. — Он взглянул на Келле. — Вы верите мне?

Келле поджал губы.

— Черт подери, Джайл, с недавних пор я начал относиться к Джерсену как к человеку, который знает, что делает. Не могу поверить, что он просто наговаривает на вас, как не могу поверить и в его ненормальность.

Уорвив повернулся к Деттерасу:

— Рандл, скажите же им!

Деттерас закатил глаза.

— Я рационалист, и я никому не могу слепо верить — ни Джерсену, ни вам, ни еще кому-то... Но Джерсен сделал заявление, и, как это ни удивительно, факты говорят в его пользу. У вас есть что-нибудь сказать в свое оправдание?

Уорвив, подумав несколько секунд, ответил:

— Думаю, да.

Он как бы невзначай подошел к полке, под которой был установлен рычажок, пускающий газ. Ингалятор, который Уорвив надевал снаружи, теперь покачивался у него в руке.

— Да, — сказал Уорвив. — Думаю, я смогу оправдаться.

Он прижал ингалятор к лицу и коснулся рычажка. По всему судну разнесся вой сирены, свидетельствующий о загрязнении воздуха.

— Если вы переключите тумблер назад, — сообщил ему Джерсен, — шум прекратится.

Уорвив тупо потянулся к полке, и сирена тут же смолкла.

Джерсен повернулся к Келле и Деттерасу.

— Уорвив сейчас не менее удивлен, чем вы, джентльмены, — пояснил Джерсен. — Он считал, что этот выключатель контролирует баллоны с газом, которые вы легко обнаружите под нашими диванами, именно поэтому он, кстати, и воспользовался ингалятором. Но я опорожнил баллоны и подсоединил к рычажку аварийную сирену.

Келле заглянул под диван и вытащил оттуда пустой баллон. Его глаза обратились к Уорвиву:

— Ну, Джайл?

Уорвив отшвырнул ингалятор и с отвращением отвернулся.

— Уорвив! — взорвался Деттерас. — Вы скажете нам что-нибудь или нет?!

— Вы все уже слышали, — бросил через плечо Уорвив. — От Джерсена.

— Так вы... вы и есть Малагате? — тихо спросил Деттерас.

— Да. — Уорвив резко развернулся и надменно выпрямился. Черные глаза его метали молнии. — А еще я Звездный Король — существо, которое неизмеримо выше человека!

— Однако человек вас побил, как я понимаю, — сказал Келле.

Глаза Уорвива вспыхнули еще ярче. Он повернулся и окинул Джерсена оценивающим взглядом.

— Мое любопытство задето. Познакомившись с Луто Тихолтом, вы сразу же бросились на поиски Малагате. Почему?

— Малагате — один из Властителей Зла. Я надеюсь уничтожить со временем всех пятерых.

— Вы имеете в виду и меня тоже?

— Вас — первым.

— А вы настойчивый человек, — после некоторого раздумья спокойно произнес Уорвив. — Мне мало таких встречалось.

— Немногим удалось спастись после вашего набега на Маунт-Плезент. Одним из тех, кому это удалось, был мой дед. Вторым был я.

— Вот, значит, что, — протянул Уорвив. — Рейд на Маунт-Плезент. Ну да. Как давно это было...

— В высшей степени странное путешествие, — неожиданно вмешался Келле, возвращая присутствующих к делам насущным. — По крайней мере, мы достигли нашей официальной цели. Планета существует, все в точности так, как описывал мистер Джерсен, и деньги со счета переходят в его собственность.

— Не раньше, чем мы благополучно доберемся до Альфанора,— решительно заявил Деттерас.

— Вы готовы были пойти на все, лишь бы заполучить эту планету, так похожую на Землю,— обратился к Уорвиву Джерсен.— Скажите, зачем она вам?

Уорвив лишь пожал плечами.

— Человек, допустим, захотел бы поселиться здесь, построить себе дом,— продолжал Джерсен.— Но Звездному Королю, насколько мне известно, чужды подобные желания.

— Вы совершаете ту же ошибку, что и все остальные,— немного помолчав, все-таки ответил Уорвив.— Что ни говори, но люди — существа довольно ограниченные. Вы забываете, что другим разумным расам свойственны те же индивидуальные различия, что и вам самим, что они тоже состоят из личностей. А вы порой отказываете им в свободе выбора даже внутри их собственного мира. И они, чтобы приспособиться, становятся так называемыми ренегатами: сохраняя черты, свойственные своей расе, в то же время превращаются в полулюдей. Народ Ггнарумена... — Он без труда выговорил название своей планеты, словно прокашляв его.— Народ Ггнарумена состоит из таких же благонравных существ, как и остальные законопослушные народы Ойкумены. Одним словом, карьера Малагате не относится к числу самых почитаемых на Ггнарумене. Может, они правы, а может, и нет. Это мое личное дело, как я построю свою жизнь. Насколько вам известно, Звездные Короли к числу высших добродетелей относят дух соперничества. Этот мир, по мнению человека, красив. Мне он тоже нравится. Я хотел привезти сюда избранных соплеменников, взрастить их на планете, более прекрасной, чем когда-то была Земля, и сделать из них высшую расу, на зависть как людям, так и народу Ггнарумена. Такой была моя мечта, которую вы, конечно же, не поймете, ибо никогда не будет понимания между моим народом и вашим.

Деттераса, который на протяжении этого монолога стискивал зубы, чтобы сдержаться, наконец прорвало:

— Вы злоупотребили нашим доверием, чтобы уни-
зить нас! Если Джерсен вас не убьет, я сам приведу
приговор в исполнение.

— Никто из вас не в силах убить Малагате, Звездного
Короля.

С этими словами он в два прыжка очутился у выхода.
Деттерас кинулся за ним, помешав, таким образом,
Джерсену пустить в ход лучемер. Уорвив, быстро развер-
нувшись, ударил Деттераса ногой в живот, спрыгнул на
землю и побежал вниз по склону.

Джерсен выскочил из корабля, прицелился и выстре-
лил в бегущую фигуру, но, к своему величайшему сожа-
лению, промахнулся. Одним скачком преодолев трап,
он бросился в погоню.

Уорвив, добежав до зеленой травы на берегу, в нерешительности остановился у самой кромки воды, огля-
нулся на Джерсена и побежал дальше, вниз по долине.
Джерсен, преследующий его по верхней части склона,
где земля была тверже, постепенно начал нагонять Уор-
вива, ноги которого увязали в заболоченной почве. Уор-
вив опять свернул к самой реке, но снова заколебался:
если он бросится в реку, то прежде, чем он успеет до-
стигнуть противоположного берега, Джерсен нагонит
его. Он оглянулся через плечо, и Джерсен заметил, что
лицо Звездного Короля постепенно начинает терять че-
ловеческие очертания. Король развернулся, издал вдруг
какой-то нечленораздельный гортанный клич, бросился
на колени и... исчез.

Джерсен, подбежав к реке, обнаружил на берегу боль-
шую яму — с полметра в диаметре. Он наклонился, за-
глянул внутрь, но ничего не увидел. Задышавшись, подбе-
жали Деттерас и Келле.

— Куда он подевался?

Джерсен показал на отверстие в земле.

— Если верить рассказу Луго Тихолта, то здесь, в
болотной почве, живут большие белые черви-личинки.

— Гм, — прорворчал Деттерас. — Предки Звездных
Королей тоже жили в болотах, точно в таких же норах.
О лучшем убежище он и мечтать не мог.

— Но ему придется вылезти на поверхность... чтобы
поесть, попить, — с сомнением произнес Келле.

— Не уверен. Звездные Короли с отвращением относятся к человеческой пище, так же как и люди видеть не могут, что едят те. Мы выращиваем всякие культуры, разводим домашний скот, они делают примерно то же самое с червями и насекомыми. Уорвив вполне будет доволен тем, что найдет под землей.

Джерсен посмотрел в верхнюю часть долины, туда, где скрылся Хильдемар Даски.

— Я упустил их обоих. Я хотел пожертвовать Даски, лишь бы добраться до Малагате, но... так получилось...

Все трое молча стояли на берегу реки. Налетел ветерок, замутил поверхность воды, зашелестел в ветвях огромных темных деревьев, вздымающихся у самых холмов. Группка дриад, бредущая по противоположному берегу реки, обратила в сторону людей пурпурно-зеленые пятна своих глаз.

— Я думаю, оставить здесь их двоих будет равносильно смертному приговору для планеты, — задумчиво произнес Джерсен.

— Хуже, — от всей души сказал Деттерас. — Куда хуже.

Они медленно вернулись к кораблю. Паллис Атроуд, сидящая неподалеку на траве, поднялась и сделала несколько шагов навстречу Джерсену. Казалось, события последних минут остались для нее незамеченными, она просто не обратила на них внимания. Девушка подошла к Джерсену, взяла его за руку и приветливо улыбнулась, заглянув в глаза. Ее лицо снова дышало жизнью и свежестью.

— Кирт, мне здесь так нравится! А тебе?

— Да, Паллис, очень.

— Ты только представь себе, — тихонько заговорила она. — Маленький приятный домик — вон там, на холме. У старого сэра Мортон Ходенфруу тоже был красивый домик на Блэкстоун Эдже. Разве это не здорово, Кирт? Я хотела спросить, спросить тебя...

— Сначала мы должны вернуться на Альфанор, Паллис. И там уже поговорим обо всем.

— Да, конечно... — Она неуверенно оглянулась по сторонам, потом, наклонившись к Джерсену, заглянула ему в глаза: — А я... я еще что-то значу для тебя? После всего этого?

— Конечно.— Джерсен почувствовал, как к его горлу подступил комок.— Ты ни в чем не виновата.

— Да... Но у меня дома, в Лантанго, все мужчины очень ревнивы.

Джерсен, не находя слов, мягко обнял ее за плечи и поцеловал.

— Ну, Джерсен,— грубовато буркнул Деттерас,— вы неплохо воспользовались мной и Келле. Не могу сказать, что я в восторге от этого, но и не виню вас.

Медленно, держась теневой стороны корабля, к ним подкрался Робин Рэмполд.

— Хильдемар сбежал,— вздохнул он.— Вскоре он перевалит через горы, доберется до какого-нибудь города, и я никогда его больше не увижу.

— Пусть себе на здоровье лазает по горам,— сказал Джерсен,— только городов он здесь не найдет.

— Я обыскал весь склон, углублялся в лес,— продолжал Рэмполд.— Мне кажется, он прячется где-нибудь поблизости.

— Скорее всего,— кивнул Джерсен.

— Это очень грустно. Меня это удручает.

— Вы бы предпочли вернуться обратно в клетку? — рассмеялся Джерсен.

— Нет, конечно, нет. Но тогда у меня была мечта. Я думал о том, что сделаю, когда выйду на свободу. Семнадцать лет надежд. И вот теперь я свободен, а Хильдемар ускользнул от меня.

Рэмполд с безутешным видом отошел в сторону.

— Как ученый я нахожу эту планету просто удивительной,— спустя некоторое время заключил Келле.— Как человек я нахожу ее ошеломляющей. Как Кагге Келле, бывший коллега Джайла Уорвива, я считаю, что она действует очень угнетающе. Я готов покинуть ее в любое время.

— Да,— слегка сдерживая свой темперамент, поддержал Деттерас.— И в самом деле, почему бы нам не отправиться отсюда?

Джерсен посмотрел на склон, где Хильдемар Даски, имея на себе лишь белые штаны, рыщет сейчас, как обезумевший зверь. Потом оглядел долину, окинул взглядом равнину, теряющуюся в туманной дали, и перевел взгляд на болотистый лужок, под которым сейчас

затаился Малагате-Беда. И заглянул в глаза Паллис Атроуд.

Она глубоко вздохнула.

— Поверить не могу, что все это происходит наяву.

— Это реальность, Паллис. Но вместе с тем и сон.

— И все остальное тоже кажется сном. Ужасным, кошмарным сном.

— Теперь все уже позади. Будто ничего и не было.

— Я была... — Она запнулась и нахмурилась. — Я почти ничего не помню.

— Вот и хорошо.

Паллис показала на луг.

— Посмотри, Кирт, что это за прекрасные создания?

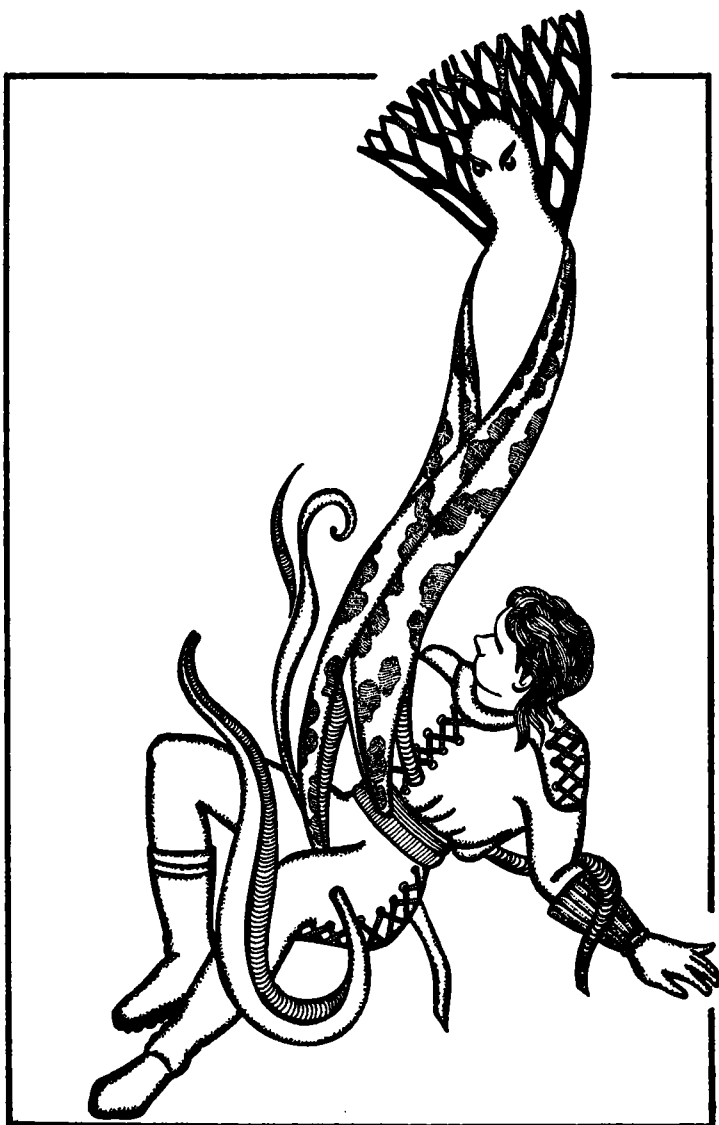
— Дриады.

— А что они там делают?

— Не знаю. Наверное, ищут, что поесть. Луго Тихолт говорил, они питаются большими личинками, которые живут в земле на этом лугу. А может, они откладывают яйца в почву.

Дриады, распустив свои великолепные ветви-руки и медленно покачиваясь на ветру, брели вдоль берега. Достигнув болотистой почвы, они заметно замедлили шаг, иногда застывая на месте. Одна из них совсем остановилась и замерла неподвижно. Под ее ногой мелькнуло что-то белое — скрытые в ступнях щупальца метнулись в мягкую почву. Прошло несколько секунд. Вдруг почва вздыбилась и взорвалась прямо под дриадой, та неожиданно взлетела вверх. Из дыры, шатаясь, вылез Уорвив, из его спины торчали белые корни, лицо покрывала грязь, глаза остекленели, изо рта вырвалась серия нечленораздельных криков. Он содрогнулся, упал на колени и стал кататься по земле, пытаясь освободиться от присосавшихся к нему корней дриады. Потом Уорвив вскочил на ноги и что было сил бросился вверх по склону, но вскоре ноги отказали ему, и он вновь упал. Пальцы его впились в землю, пару раз он ударил по ней кулаком и больше уже не двигался.

Джайла Уорвива похоронили на склоне холма. Все вернулись на корабль. Там к Джерсену с решительным видом подошел Рэмполд.

— Я решил остаться здесь, — заявил он.

С одной стороны, Джерсен был шокирован и немало удивлен таким заявлением, но, с другой стороны, оно лишь подтвердило его догадки.

— Значит, — мрачно спросил Джерсен, — вы намерены вместе с Хильдемаром Даски жить на этой планете?

— Да.

— А вы знаете, что будет после того, как мы улетим? Он сделает вас своим рабом. Или вообще убьет, чтобы завладеть пищей, которую я вам, конечно, оставлю.

Лицо Рэмполда побледнело, но он остался непреклонен в своем решении.

— Может, так оно и будет. Но я не могу бросить Хильдемара Даски.

— Подумайте хорошенько, — настаивал Джерсен. — Вы останетесь здесь совершенно одни. Даски наверняка ожесточится пуше прежнего.

— Я надеюсь, вы поделитесь со мной кое-какими предметами с вашего корабля. Мне потребуется какое-нибудь оружие, лопата, некоторые инструменты, чтобы сделать себе хижину, и немного еды.

— А что вы будете делать, когда оставленные продукты подойдут к концу?

— Перейду на естественную пищу, буду искать семена, ловить рыбу, собирать орехи, корни. Последние могут быть ядовитыми, но я буду осторожно пробовать их. Да и что еще мне осталось в этой жизни?

Джерсен покачал головой.

— Для вас было бы гораздо лучше вернуться с нами на Альфанор. Хильдемар Даски попытается отомстить вам.

— Я должен использовать свой шанс, — ответил Робин Рэмполд.

— Как пожелаете.

Корабль поднялся над долиной. Маленькая фигурка Рэмполда, стоящая возле небольшой кучки снаряжения, осталась далеко внизу.

Постепенно планета превратилась в зеленый с голубым шарик и исчезла за кормой. Джерсен повернулся к Келле и Деттерасу.

— Ну, джентльмены, вот вы и повидали планету Тихолта.

— Да, — равнодушным голосом отозвался Келле. — Хотя вы использовали слегка кружной путь, чтобы продемонстрировать ее нам, но свои обязательства выполнили — деньги ваши.

Джерсен покачал головой.

— Мне не нужны деньги. Я предлагаю сохранить существование этой планеты в тайне, чтобы уберечь ее от осквернения, которому она неминуемо подвергнется, если станет чьим-нибудь достоянием.

— Замечательно, — поддержал Келле. — Я целиком за.

— Я тоже согласен, — сказал Деттерас, — но с одним условием: как-нибудь потом я еще разок вернусь на нее, конечно, не при таких удручающих обстоятельствах.

— И еще один пункт, — продолжал Джерсен. — Треть денег, положенных на счет, была переведена туда Аттелем Малагате. Я предлагаю передать эти деньги мисс Атроуд в качестве некоторой компенсации за тот вред, что был причинен ей по приказу Малагате.

Ни Келле, ни Деттерас не возражали. Паллис начала было отказываться, но потом согласилась и вскоре вновь обрела природные бодрость и веселость.

А золотисто-белая звезда осталась тем временем далеко позади, превратилась в одну из бесконечных искорок, что усеивают весь космос, а вскоре и вовсе исчезла с экранов.

Год спустя Кирт Джерсен вернулся на планету Тихолта, на этот раз один и на своем стареньком разведкорабле модели 9Б.

Зависнув на орбите, он из космоса с помощью телескопа внимательно изучил долину, но не обнаружил там никаких следов жизни. Но теперь на планете был луче-мет, и вполне могло оказаться так, что владеет им Хильдемар Даски. Джерсен подождал до захода солнца и опустился в холмах, что высились над самой долиной.

Долгая тихая ночь подошла к концу. На рассвете, держась деревьев, Джерсен двинулся вниз, в долину.

Стук топора он услышал издалека и осторожно направился на звук.

На опушке леса Робин Рэмполд трудился над упавшим деревом. Джерсен, крадучись, подошел ближе. Лицо Рэмполда сильно изменилось, да и сам он набрался сил, загорел и изрядно поправился. Джерсен окликнул его. Рэмполд, оторвавшись от своей работы, изумленным взглядом обвел рощицу, где прятался Джерсен.

— Кто там?

— Кирт Джерсен.

— Идите, не бойтесь. Совсем ни к чему было так тихо подкрадываться.

Джерсен вышел из-за деревьев и огляделся по сторонам.

— Я боялся, что наткнусь на Хильдемара Даски.

— А, — кивнул Рэмполд. — Не беспокойтесь о нем.

— Он мертв?

— Нет. Жив, прекрасно себя чувствует. Живет в небольшом загончике, что я ему выстроил. Ничего, если я не поведу вас туда? Понимаете, загон этот находится в потайном месте, на случай, если кто-нибудь вдруг наткнется на эту планету.

— Да, понимаю, — сказал Джерсен. — Значит, вы сумели справиться с Даски?

— Конечно. А вы сомневались? У меня было больше возможностей, чем у него. Однажды ночью я вырыл яму и хорошенько замаскировал ее. Утром Даски напал на меня, надеясь отнять мои припасы, и, естественно, провалился в яму. Так я поймал его. Но он с тех пор сильно изменился в хорошую сторону. — Рэмполд всмотрелся в глаза Джерсена. — Вы не одобряете меня?

Джерсен пожал плечами.

— Я прилетел, чтобы забрать вас назад, в Ойкумену.

— Нет, — ответил Рэмполд. — Не бойтесь за меня. Я проведу жизнь здесь, вместе с Хильдемаром Даски. Это и в самом деле прекрасная планета. Я нашел здесь вполне приличную пищу для нас обоих. Каждый день я хожу к загончику и проверяю на Даски действие всех тех шуточек и приемчиков, которым он сам меня научил за долгие семнадцать лет.

Рэмполд повел Джерсена по долине, к месту предыдущей посадки.

— Здесь очень странный жизненный цикл,— заметил Рэмполд.— Одна форма жизни перетекает в другую, и так до бесконечности. Только деревья никогда не меняются.

— Мне рассказывал об этом человек, открывший планету.

— Пойдемте, я покажу вам могилу Уорвива.

Рэмполд начал взбираться вверх по склону, к рощице изящных деревьев с белыми стволами. Немного в стороне росло молодое деревце, заметно отличающееся от всех остальных: ствол его был как бы запятнан пурпуром, а листья, очень плотные, имели темно-зеленый цвет.

— Вот здесь покойся Джайл Уорвив,— показал Рэмполд.

Джерсен взглянул на могилу и отвернулся, устремив взгляд на долину. Она была такой же прекрасной, мирной и тихой, как и раньше.

— Ну что ж,— сказал Джерсен.— Тогда я улетаю. Я могу уже никогда не вернуться. Вы уверены, что хотите остаться здесь?

— Абсолютно.— Рэмполд взглянул на солнце.— Прошу прощения, я опаздываю. Хильдемар уже ждет меня. Не хочу разочаровывать его. Желаю вам удачи.

Он поклонился, пересек долину и исчез в лесу.

Джерсен долго стоял неподвижно. Этот мир уже не был таким невинным, как раньше,— планета познала зло, и след этого зла отравлял панораму, открывающуюся взору Джерсена. Он вздохнул и опустил глаза вниз, на могилу Уорвива. Подумав немного, Джерсен наклонился, обхватил ствол деревца, вырвал его с корнями, сломал и отбросил в сторону. Потом он развернулся и побрел вверх по склону, к своему кораблю.

САГА О ВЛАСТИТЕЛЯХ ЗЛА 2

Машина
СМЕРТИ

В любом коммерческом обществе вопросом первостепенной важности является наличие или отсутствие фальшивых денег, поддельных банкнотов, подложных чеков, короче, существование хотя бы одного из видов лжеценных бумаг. Прецизионные копировальные и печатные машины легко доступны во всей Ойкумене, и только тщательные меры безопасности предотвращают хроническое обесценивание нашей валюты. Эти меры состоят в следующем. Во-первых, единственным расчетным средством являются стандартные единицы валюты (севы), а соответствующие банкноты печатаются только Банком Солнца, Банком Ригеля и Банком Веги. Во-вторых, каждый подлинный банкнот обладает «признаком аутентичности». В-третьих, вышеперечисленные банки ввели в широкое обращение так называемый фальшметр. Это карманный прибор, который издает предупреждающее жужжание, если в его щель вложить фальшивый банкнот. Даже маленьким детям известно, что попытки разобрать фальшметр бесполезны: как только корпус будет поврежден, прибор саморазрушится.

Что же касается «признака аутентичности», то на этот счет высказывалось множество предположений. Очевидно, в некоторые части банкнота внедрены определенные комбинации молекул, вызывающие нужную реакцию прибора, но на что подобные комбинации воздействуют? На электрическую емкость? На магнитную проницаемость? На поглощение или отражение света? На радиоизотопный состав? Радиоактивное излучение? На несколько из перечисленных параметров или на все сразу? Лишь горстка людей знает ответ, но они молчат.

Из статьи Игнаса Водлецки «Как торгуют планеты». «Космополис», 1509 год, сентябрь.

Джерсен впервые столкнулся с Кокуром Хеккусом в девятилетнем возрасте. Скорчившись за старой баржей, мальчик с ужасом наблюдал, как его родных и близких грабят, убивают, уводят в рабство. Это была историческая бойня в Маунт-Плезенте, беспрецедентный случай сотрудничества так называемых Властителей Зла. Кирт Джерсен пережил эту бойню, и пять имен — Аттель Малагате, Виоль Фалюш, Ленс Ларк, Говард Алан Трисонг, Кокур Хеккус — стали теперь для него не менее значимыми, чем собственное. Каждый из них имел свой нрав. Аттель Малагате казался безрассудным и мрачным, Виоль Фалюш был утонченным сибаритом, Ленс Ларк — мегаломаньяком, Говард Алан Трисонг — поклонником хаоса. Кокур Хеккус был самым мобильным и недоступ-

ным, самым отчаянным и изобретательным. Мало кто мог похвастаться знакомством с Хеккусом, но все, знавшие его, отзывались о нем как о вежливом, приветливом, неутомимом, непредсказуемом человеке. Он бы мог прослыть сумасшедшим, если бы не демонстрировал такую силу и самообладание. Что же касается внешности, то все описывали его по-разному. По слухам, он был бессмертным.

Джерсен вновь столкнулся с Кокуром Хеккусом во время исполнения одной заурядной миссии на Краю Света. Встреча оказалась безрезультатной – так он тогда решил. В начале апреля 1525 года Бен Заум, сотрудник МПКК, тайно встретился с Джерсеном и предложил ему поработать на Краю Света «лаской» – тайным агентом МПКК. Собственные дела Джерсена зашли в тупик, он был усталым и беспокойным и поэтому согласился, по крайней мере, выслушать предложение Заума.

Работа, если верить Зауму, была чрезвычайно простой. МПКК подрядилась найти какого-то беглеца.

– Назовем его мистер Хоскинс, – предложил Заум.

При этом мистер Хоскинс так срочно кому-то понадобился, что по меньшей мере тридцать оперативников были отправлены на его поиски в различные районы Края Света. Работа Джерсена должна была состоять в проверке населенных пунктов на некоей планете.

– Назовем ее Паршивой Планетой, – добавил Заум с улыбкой.

Джерсен должен был найти беглеца или точно установить, что его нет на Паршивой Планете.

Джерсен на минуту задумался. Заум, который вообще обожал секретность, в данном случае превзошел самого себя. Джерсен начал терпеливо откалывать кусочки от выступающей над водой части айсберга, надеясь, что всплывут и покажутся новые части.

– Почему только тридцать ласок? Чтобы выполнить эту работу, нужна минимум тысяча.

На лице Заума появилось задумчивое выражение, придавшее ему сходство с большой белой совой.

– Нам удалось ограничить область поисков. Я даже могу сказать вам, что Паршивая Планета – одно из наиболее вероятных мест. Вот почему я предлагаю эту рабо-

ту именно вам. Задание исключительно важное! Поверьте, я не преувеличиваю.

Джерсен решил, что не желает браться за это дело. Заум — вынужденно или нет — многое скрывал от него, а Джерсену совсем не хотелось работать в потемках: неведение будет раздражать и угнетать его, снизит эффективность работы и, следовательно, повысит риск не вернуться с Края Света. Джерсен задумался над тем, как бы отклонить это предложение, не обидев Бена Заума и не испортив отношения с МПКК.

— А что мне делать, когда я найду мистера Хоскинса? — спросил он.

— У вас будут четыре варианта, которые я сейчас перечислю в порядке убывающей желательности. Доставить его на Альфанор живым. Доставить его на Альфанор мертвым. Отравить его одним из ваших жутких саркоиских нервно-паралитических ядов. Пристрелить на месте.

— Я не наемный убийца!

— Однако это вовсе не простое убийство. Поверьте, я не имею права вдаваться в детали, но это действительно необходимо, уверяю вас!

— Не то чтобы я вам не верил, — возразил Джерсен, — но я не стану, просто не смогу, убивать человека неизвестно за что. Вы лучше предложите работу кому-нибудь другому.

При обычных обстоятельствах Заум немедленно прервал бы беседу, но сейчас он продолжал настаивать, давая понять Джерсену, как высоко ценит его услуги.

— Если дело упирается в деньги, — продолжал Заум, — то, думаю, все можно уладить.

— Мне кажется, этот вопрос вообще не стоит обсуждать.

Заум полушутя ударил себя кулаками по лбу:

— Джерсен, вы один из немногих людей, в чьей компетентности я никогда не сомневался. Только вам я могу доверить выполнение столь деликатной операции... если, конечно, Хоскинс посетит Паршивую Планету, что весьма вероятно. Я даже могу сказать вам: в это дело замешан Кокур Хеккус. Если он встретится с Хоскинсом... — Заум воздел руки к небу.

Джерсен постарался сохранить безразличный вид, что было нелегко: дело теперь выглядело совершенно иначе.

— Так, значит, мистер Хоскинс преступник?

Заум поморщился:

— Я не могу вдаваться в детали.

— А как, по-вашему, я его найду?

— У вас будут фотографии и подробное описание внешности и характера. Этого должно хватить. Работа совершенно простая. Найдите человека. Убейте его, одурманьте или привезите на Альфанор.

Джерсен пожал плечами:

— Очень хорошо. Но поскольку я незаменим, то хочу повышенную оплату.

Заум отпустил несколько брюзгливых замечаний и продолжил:

— Теперь к делу. Когда вы можете отправиться в путь?

— Завтра.

— У вас все тот же корабль?

— Если вы называете разведывательное корыто 9Б кораблем.

— Вы прекрасно долетите на нем туда и обратно. Ваш корабль достаточно неприметен. Где он сейчас?

— В космопорте Авенты, сектор В, секция 10.

Заум сделал несколько замечок.

— Завтра же и отправляйтесь. Корабль будет заправлен топливом и загружен продуктами. В мониторе будет код Паршивой Планеты. Пакет с информацией о мистере Хоскинсе вы найдете в «Звездном атласе». Вам нужно взять только личные вещи, оружие и тому подобное.

— Как долго мне обыскивать Паршивую Планету?

Заум глубоко вздохнул:

— Я и сам бы хотел это знать. Если вы не найдете Хоскинса в течение месяца, дальнейшие поиски, пожалуй, будут бесполезны. Хорошо бы знать наверняка, куда он направился, каковы его цели...

— Насколько я понимаю, он не является закоренелым преступником.

— Нет, он прожил долгую и плодотворную жизнь. Потом с ним встретился человек по имени Зеуман Отуал, которого мы считали агентом Кокура Хеккуса.

С тех пор, по свидетельству жены, мистер Хоскинс стал сам не свой.

— Вымогательство? Шантаж?

— В данных обстоятельствах это исключено.

Больше информации Джерсену выжать не удалось.

Прибыв в космопорт Авенты на следующий день около полудня, Джерсен обнаружил, что все обещания Заума выполнены. Поднявшись на борт своего спартански скромного корабля, он сразу взял «Звездный атлас», в котором обнаружил плотный конверт с фотографиями и детальным описанием мистера Хоскинса. Пожилой человек был снят в разных костюмах, шляпах, с различным цветом кожи. Он обладал массивным телом, большими приветливыми глазами, широким ртом с крупными зубами, маленьким хищным носом. Землянина в мистере Хоскинсе выдавали покрой одежды и окраска кожи, которые несколько отличались от предпочитаемых на Альфаноре. Джерсен отложил конверт в сторону, задумался и решил, что не стоит сейчас лететь на Землю, где можно было бы установить личность «мистера Хоскинса». Отклонение от маршрута потребовало бы слишком много времени, и МПКК наверняка занесла бы Джерсена в черный список. Он проверил приборы и запросил у диспетчера разрешение на взлет.

Через полчаса, когда Альфанор на обзорном экране превратился в сверкающий кружок, Джерсен включил монитор и стал наблюдать, как корабль разворачивается и ложится на курс, составляющий с линией Ригель — Солнце угол приблизительно шестьдесят градусов.

Включился привод Джарнелла, который за счет небольшого усилия создает почти мгновенное перемещение.

Время шло. Случайные фотоны, проникая через оболочку поля Джарнелла к кораблю, позволяли наблюдать окружающую Вселенную: сотни и тысячи звезд яркими искрами пронеслись мимо. Джерсен вел тщательные астронавигационные записи, следя за положением Солнца, Канопуса и Ригеля.

Вскоре корабль пересек незримую границу между Ойкуменой и Краем Света, и закон, порядок и цивилизация остались позади. Экстраполируя траекторию полета, Джерсен смог наконец идентифицировать Пар-

шивую Планету, или Карину ЛО-461-IV (по «Звездному атласу»), или Гроб Биссома (на жаргоне обитателей Края Света). Генри Биссом уже семьсот лет как мертв; планета или, по крайней мере, область, окружающая главный город Скузе, принадлежала теперь семейству Уиндлов. Паршивая Планета — неплохое название, подумал Джерсен. Приземлился он сейчас в Скузе без уважительной причины — а пока Джерсен не мог придумать ничего подходящего, — и его немедленно схватит местное отделение Неласковского Корпуса *. Он будет подвергнут суровому допросу и при везении получит десять минут сроку на то, чтобы покинуть планету. Если же его заподозрят в сотрудничестве с МПКК, то убьют немедленно. Джерсен помянул недобрым словом Бена Заума и его манию секретности. Если бы он знал, куда летит, то заранее придумал бы подходящее прикрытие.

Неяркая зеленовато-желтая звезда, висевшая в центре экрана, росла на глазах. Отключился привод Джарнелла, налетел эфирный вихрь и, казалось, встряхнул все атомы корабля и самого Джерсена — ощущение, от которого заныли зубы.

Старенький корабль-разведчик 9Б двигался в нормальном пространстве. Неподалеку виднелся Гроб Биссома — Паршивая Планета. Это была небольшая планета с ледяными шапками на полюсах и цепью низких горных хребтов, опоясывающих экватор и напоминающих сварной шов в месте соединения полушарий. К северу и югу от экватора тянулись пояса морей, на широте около пятидесяти градусов они сменялись болотистыми озерами, джунглями, за которыми до полярных шапок чередовались топи и трясины.

На продуваемом всеми ветрами каменистом плато находился город Скузе — беспорядочное скопище грязных каменных домов. Джерсен был озадачен. За каким чертом прилетел бы сюда Хоскинс? Существовала уйма более приятных убежищ. Например, Бринктаун, веселый и красивый город. Однако не следует принимать все как данное. Мистер Хоскинс, может, вообще не приле-

* Неласковый Корпус — единственная межпланетная организация на Краю Света, созданная специально для того, чтобы разоблачать и ликвидировать «ласок» — оперативных работников МПКК. — *Примеч. авт.*

тит сюда, и все поиски окончатся впустую, как и предупреждал его Заум.

Джерсен осмотрел планету в микроскоп и не обнаружил ничего интересного. Экваториальные горы были оголенными и пыльными, океаны — серыми и неприветливыми. Он стал рассматривать Скузе, городок с тремя или четырьмя тысячами жителей. Поблизости виднелось выжженное поле, окруженное ангарами и складами, — по-видимому, космопорт. В городе не было никаких роскошных особняков или замков, и Джерсен вспомнил, что Уиндлы жили в горных пещерах за городом. В ста милях к востоку и западу от Скузе обитаемая местность по всем признакам заканчивалась. На планете находился еще один городок — порт на берегу Северного океана. Рядом, судя по огромным зданиям и горам шлака, располагался металлургический завод. В остальной части планета выглядела необитаемой.

Если Джерсен не может посетить Скузе открыто, то должен сделать это тайком. Он выбрал обособленное ущелье и вечером довольно удачно приземлился. В течение часа он привыкал к атмосфере, затем вышел из корабля. Воздух был холодный и, как и на большинстве планет, имел свой особый аромат, который быстро становился привычным, а потом и вовсе незаметным. Здесь чувствовались горьковатые запахи химических испарений и жженных пряностей: химические запахи, вероятно, исходили от почвы, а пряные — от местной растительности. Джерсен вытащил необходимое оружие и разведывательное снаряжение, погрузил его на летающую платформу и отправился на запад.

В первую ночь Джерсен обследовал Скузе. Улицы были кривыми и немоощными. Он обнаружил административное здание, несколько складов, гараж, три церкви, два храма и трамвайную линию, зигзагами спускавшуюся к океану. Он нашел и гостиницу — трехэтажное здание из камня, пластика и дерева. Скузе был унылым городком, казалось, пропитанным скукой, убожеством и невежеством. Джерсен решил, что положение жителей немногим лучше рабства.

Джерсен сконцентрировал свое внимание на гостинице, где мистер Хоскинс почти наверняка остановился

бы, будь он на планете. Джерсен не смог найти окошка, чтобы заглянуть внутрь, а каменные стены не позволяли использовать микрофон для подслушивания. И он не осмеливался заговорить ни с одним из посетителей, время от времени выходивших, пошатываясь, из гостиницы и исчезающих в кривых и темных улочках Скузе.

Вторая ночь также не принесла удачи. Правда, напротив гостиницы он обнаружил пустое здание, бывшее когда-то мастерской или магазином, но теперь заброшенное, полное пыли и маленьких белых насекомых, омерзительно похожих на миниатюрных обезьянок. Здесь Джерсен укрылся и в течение всего зеленовато-желтого дня наблюдал за гостиницей.

Перед ним разворачивалась жизнь городка. Мимо проходили суровые мужчины и флегматичные женщины, одетые в темные пиджаки, свободные коричневые или бежевые штаны и черные шляпы с поднятыми полями. Говорили они с неким своеобразным тягучим акцентом, который Джерсену было не симитировать, так что пришлось отказаться от затеи раздобыть местную одежду и спокойно зайти в гостиницу как коренной житель планеты.

Под вечер в городе появились, судя по костюмам, космонавты — видно, их корабль только что приземлился. Джерсен принял стимулирующую таблетку, чтобы отогнать усталость. Как только солнце опустилось и наступили зеленовато-серые сумерки, он покинул свое убежище и направился в космопорт. Там действительно оказался большой грузовой корабль, из которого как раз в это время выгружали тюки и ящики. Пока Джерсен разглядывал корабль, по трапу спустились три космонавта, перешли освещенную часть поля, предъявили пропуска охраннику у ворот и свернули на дорогу в город. Джерсен присоединился к ним. Он поздоровался, космонавты вежливо ответили. Потом Джерсен спросил название их корабля.

- «Айвен Гарфанг», с Халкедона, — ответили ему.
- Халкедон — Земля?
- Именно.

Самый молодой из космонавтов спросил:

— А что из себя представляет этот городок? Есть какие-нибудь развлечения?

— Никаких! — ответил Джерсен. — Тут есть гостиница, и все. Это унылый городишко, и я бы очень хотел убраться отсюда. Ваш корабль берет пассажиров?

— Да, у нас сейчас на борту только один пассажир, и четыре места свободны. Будет пять, если мистер Хози сойдет здесь, как он, по-моему, собирался. Хотя ради чего он приехал сюда?.. — Парень недоуменно покачал головой.

«Вот, — подумал Джерсен, — как все просто. Ясно, что Хози и Хоскинс — одно и то же лицо. Но где и когда появится Кокур Хеккус?»

Джерсен проводил трех космонавтов до гостиницы и вошел с ними внутрь, так как теперь он вполне мог сойти за члена команды и не вызвать подозрений в шпионаже.

Джерсен укрепил знакомство, заказав всем выпивку. Правда, в гостинице не подавали ничего, кроме жидкого и горького пива да белого мутного арака.

Внутри гостиница выглядела довольно уютно, благодаря традиционному бару и горящему камину. Официантка в мятном красном платье и соломенных шлепанцах принесла выпивку. Самый молодой из космонавтов, которого звали Карло, принялся заигрывать с ней, чем лишь сильно смутил ее.

— Оставь девочку в покое, — посоветовал самый старший из космонавтов, который представился как Буда. — У нее не все дома. — Он многозначительно постучал себя по лбу.

— Мы проделали такой путь, забрались на самый Край Света, — пожаловался Карло, — и первая женщина, которую мы встретили, оказалась ненормальной.

— Оставь ее мистеру Хози, — предложил Хелви, третий космонавт. — Если он сойдет здесь, его ждут долгие нудные вечера.

— Он что, ученый? — поинтересовался Джерсен. — Или журналист? Они иногда забираются в странные места.

— Черт его знает, кто он такой! — проворчал Карло. — Мистер Хози не сказал и двух слов с тех пор, как поднялся на борт.

Разговор перешел на другие темы. Джерсен с удовольствием поговорил бы еще о мистере Хози, но не

решался задавать вопросы: на Краю Света это почти всегда приводило к скверным последствиям.

Несколько местных жителей стояли у камина, потягивая мелкими глотками пиво и неторопливо беседуя. Джерсен отозвал бармена в сторону и спросил о комнате. Бармен покачал головой:

— Мы уже так давно не сдавали никому комнат, что у нас и белья-то никакого нет. Вам лучше вернуться на корабль.

Джерсен бросил взгляд на Карло, Буде и Хелви. Они явно пока не собирались уходить.

— Найдется тут кто-нибудь, чтобы сбегать с поручением на корабль?

— На кухне есть мальчишка, который может помочь.

Мальчика позвали. Джерсен дал ему щедрые чаевые и заставил трижды повторить задание: «Я должен вызвать мистера Хози и сказать ему, что его просят немедленно прийти в гостиницу».

— Правильно. Теперь поторопись и заработаешь еще. Помни, не передавай этих слов никому, кроме мистера Хози.

Мальчик убежал. Джерсен подождал пару минут, затем выскользнул из гостиницы и последовал за юным посланником к космопорту, держась на почтительном расстоянии.

Охранник в воротах явно знал мальчика и, после того как они обменялись парой слов, пропустил его на поле. Джерсен подобрался настолько близко, насколько осмелился, затаился в тени высоких кустов и стал ждать.

Прошло несколько минут. Мальчик вышел из корабля — но один. Джерсен выругался от досады. Когда мальчик вышел на дорогу, Джерсен окликнул его. Парнишка от неожиданности вскрикнул и отскочил в сторону.

— Поди сюда, — велел Джерсен. — Ты видел мистера Хози?

— Да, сэр, видел.

Джерсен вытащил фотографию мистера Хоскинса и осветил ее фонариком:

— Вот этого джентльмена?

— Да, да, сэр, именно этого.

— И что он сказал?

Мальчик отвел глаза в сторону, блеснув белками:

— Он спросил, знаю ли я Билли Уиндла.

— Билли Уиндла?

— Да, сэр. И, конечно, я его не знаю. Билли Уиндл же хормагаунт. Он велел сказать вам, что ежели вы Билли Уиндл, то идите к кораблю. Я сказал, что нет, вы космонавт. А он сказал, что будет говорить только с Билли Уиндлом самолично.

— Понятно. А что такое хормагаунт?

— А это мы тут их так зовем. Может, на вашей планете их зовут иначе. Это те, кто высасывают чужие жизни, а потом отправляются жить на Фамбер.

— Билли Уиндл живет на Фамбере?

Мальчик кивнул с серьезным видом:

— Это настоящая планета, не сомневайтесь. Я знаю: потому хормагаунты там и живут.

Джерсен улыбнулся:

— Вместе с драконами, феями, великанами и гномами.

Мальчик грустно заметил:

— Вы мне не верите.

Джерсен протянул ему деньги:

— Вернись к мистеру Хози. Скажи ему, что Билли Уиндл ожидает его на дороге, и приведи его сюда.

Глаза мальчика расширились от удивления:

— Так вы Билли Уиндл?

— Не твое дело. Иди и передай эти слова мистеру Хози.

Мальчик вернулся к кораблю и через пять минут спустился по трапу вместе с мистером Хози, который, несомненно, был мистером Хоскинсом. Они пошли через взлетное поле.

Внезапно на небе появился вращающийся диск из красных и синих огней, который спикировал и мягко приземлился. Им оказался роскошный аэрокар, отделанный по последнему крику моды — украшенный разноцветными огнями, золотыми надписями и трепещущими золотыми и зелеными листьями. Аэрокар пилотировал стройный длинноногий и широкоплечий человек, одетый ярко и вызывающе, под стать своей машине. Черты его крашеного темно-коричневого лица были подвижными, правильными и еще не дряблыми.

На голове у него находился белый тюрбан с парой заливчатских кисточек, свисавших над правым ухом. Незнакомец был переполнен жизненной энергией. Спрыгнув на землю, он подскочил как мячик.

Мальчик и мистер Хоскинс остановились. Новоприбывший человек быстро направился к ним через поле. Он сказал что-то Хоскинсу, который в недоумении показал рукой в сторону дороги. Это, должно быть, Билли Уиндл, подумал Джерсен, скрипнув зубами от досады. Билли Уиндл глянул на дорогу, затем спросил о чем-то мистера Хоскинса, который кивнул головой и хлопнул себя по карману, но неожиданно выхватил оружие и, явно нервничая, направил его на Уиндла, как бы желая показать, что никому не доверяет. Билли Уиндл в ответ просто рассмеялся.

Когда же в игру войдет Кокур Хеккус? Может быть, Уиндл — один из его агентов? Существовал простой и прямой способ проверить это. Все внимание охранника было поглощено людьми на летном поле. Он не услышал, как Джерсен подкрался к нему сзади, и ничего не почувствовал, когда Джерсен одним мастерским ударом вырубил его. Джерсен надел фуражку и накидку охранника и спокойно направился к Уиндлу и Хоскинсу. Они были поглощены обменом: каждый держал в руке конверт. Билли Уиндл глянул на Джерсена и повелительно махнул рукой в сторону ворот, но Джерсен продолжал идти, стараясь выглядеть как можно подобострастнее.

— Вернись на пост, охранник, — резко скомандовал Билли Уиндл. — Не лезь в наши дела. — Было что-то невыразимо жуткое в позе хормагаунта, в посадке головы.

— Простите, сэр, — буркнул Джерсен и, прыгнув вперед, шарая по роскошному тюрбану Билли Уиндла рукоятью лучемета. Уиндл пошатнулся и рухнул, а Джерсен, быстро обернувшись к Хоскинсу, выстрелом из лучемета парализовал его руку. Хоскинс заорал от неожиданной боли и выронил оружие.

Джерсен подхватил конверт Уиндла и потянулся к тому, который держал Хоскинс. Землянин отшатнулся было, но замер, увидев направленный на него лучемет.

Джерсен подтолкнул Хоскинса в сторону аэрокара Билли Уиндла:

— Быстро. Забирайтесь внутрь, или я вас еще разок поджарю.

Шаткой рысцой, спотыкаясь и прихрамывая, с трудом переставляя ставшие ватными ноги, мистер Хоскинс двинулся к аэрокару. Поднимаясь на борт, он попытался запихнуть конверт себе под рубашку. Джерсен протянул руку и схватил конверт; после короткой борьбы Джерсен оказался с половинкой конверта в руке. Вторая половинка валялась где-то на земле. Джерсен больше не мог тратить время.

Приборы управления были стандартными. Джерсен поставил рычаг подъема на максимум. Очнувшийся Билли Уиндл заорал что-то неразборчивое, потом, когда аэрокар взмыл в воздух, выхватил свой лучемет и выстрелил. Разряд пропел над ухом Джерсена и пробил голову Хоскинса. Джерсен выстрелил в ответ, но расстояние было уже слишком большим, и луч просто выбил из поля облачко пыли. Высоко над Скузе Джерсен развернул машину на запад и приземлился возле своего корабля. Он вытащил тело Хоскинса из разукрашенного аэрокара и перенес на свой корабль. Затем поднял корабль в воздух. Включив привод, Джерсен наконец оказался в безопасности: способов перехватить его уже не существовало. Задание было выполнено вполне успешно и довольно быстро. Мистер Хоскинс мертв и будет доставлен на Альфанор согласно инструкциям. Короче говоря, дело сделано. Джерсен должен был бы быть удовлетворен, но ничего подобного он не испытывал. Он ни на шаг не продвинулся в своем деле, не получил никакой информации, только выполнил весьма странное задание, с которым его послали на Гроб Биссома. С этими событиями как-то связан Кокур Хеккус, но теперь, когда Хоскинс мертв, Джерсену уже не узнать, как и почему.

Джерсен подумал, что делать с трупом, потом оттащил его в задний грузовой отсек и запер дверь. Он достал конверт, который отобрал у Билли Уиндла, и открыл его. Внутри был лист розовой бумаги, исписанный ярко-пурпурными чернилами. Текст был озаглавлен:

Как стать хормагаунтом.

Джерсен поднял брови: шутка? Однако почему-то он так не думал. Джерсен стал читать инструкцию, чувствуя, как от ужаса у него мурашки бегают по коже.

Старение – это состояние, когда жизненные соки молодости иссякают. Хормагаунт может получить новые жизненные эликсиры из наиболее доступного источника – людей, которые еще молоды. Это очень дорогостоящее мероприятие: необходимо иметь в своем распоряжении множество молодых людей. При наличии такого материала хормагаунт должен поступить следующим образом.

Дальше в инструкции было написано:

Из тел живых детей требуется извлечь определенные органы и железы, приготовить из них экстракты, из которых получить небольшой восковидный комочек. Если его имплантировать в гипофиз, хормагаунт перестанет стареть.

Джерсен отложил инструкцию в сторону и принялся изучать обрывок, вырванный из рук Хоскинса.

...завитки, или, точнее, полосы разной плотности, на первый взгляд, расположены хаотически. Однако это сделано специально для того, чтобы они стали неощутимыми. Критическим является расстояние между ними, которое должно меняться как корень из первых одиннадцати простых чисел. Наличие шести или более таких полосок в любой определенной области будет подтверждать...

Джерсен решил, что текст непонятный, но крайне интригующий. Какую такую важную информацию знал мистер Хоскинс, что ее можно было обменять на секрет вечной молодости? Он перечитал жуткую инструкцию желающим стать хормагаунтом, размышляя, возможно ли такое. Затем сжег оба письма.

Приземлившись в Авенте, он позвонил Зауму по видеофону:

– Я вернулся.

Заум поднял брови:

– Так быстро?

– Незачем было задерживаться.

Через тридцать минут Джерсен и Заум встретились в вестибюле космопорта.

– Где мистер Хоскинс? – поинтересовался Заум, подозрительно разглядывая Джерсена.

– Вам понадобится гроб. Он мертв уже некоторое время. Со дня вылета с Паршивой Планеты, как вы ее называете.

– Он успел... Как все это произошло?

– Хоскинс заключил какую-то сделку с человеком по имени Билли Уиндл, но они в чем-то не сошлись. Уиндл был очень разочарован и убил мистера Хоскинса. Мне удалось забрать труп.

Заум окинул Джерсена подозрительным взглядом:

– Они обменялись какими-либо бумагами? Другими словами, получил Уиндл от Хоскинса какую-нибудь информацию?

– Нет.

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно.

Заум все еще был обеспокоен.

– Вам больше нечего рассказать?

– А разве этого мало? Вы хотели Хоскинса – вы его получили.

Заум облизал губы и искоса поглядел на Джерсена.

– Вы не нашли при нем никаких бумаг?

– Нет. И я хочу задать вам один вопрос.

Заум глубоко и недовольно вздохнул.

– Ладно, если смогу, отвечу.

– Вы упомянули Кокура Хеккуса. Как он замешан в этом деле?

Заум помедлил с ответом, почесывая подбородок.

– У Кокура Хеккуса много имен. Нам сообщили, что одно из них – Билли Уиндл.

Джерсен грустно кивнул:

– Этого я и боялся... Я упустил свой шанс, а второго может и не быть... Вы знаете, что такое хормагаунт?

– Что-что?

– Хормагаунт. Похоже, это бессмертное существо, живущее на Фамбере.

Заум ответил размеренным голосом:

– Я не знаю, что такое хормагаунт, и все, что я знаю о Фамбере, я знаю из детской считалки. «Если Сириус в путь тебя провожал, тогда по звездному краю лети, и Фамбер засияет тебе впереди».

– Вы забыли вторую строчку: «и к северу ты Ахернар держал».

— Не имеет значения, — отрезал Заум. — Как найти страну Оз, я тоже не знаю. — Он тяжело вздохнул. — Я подозреваю, вы не сказали мне всю правду. Но...

— Но что?

— Будьте откровенны...

— В самом деле?

— И будьте уверены: если вы нарушили планы Кокура Хеккуса, вы встретитесь с ним снова. Он никогда не благодарит за добро и никогда не прощает зло.

ГЛАВА 2

Можно спросить, каким образом из такого множества воров, пиратов, работорговцев и убийц по обе стороны границы можно выделить пять индивидуумов и назвать их Властителями Зла? Автор, хотя и признает в определенной степени произвольность выбора, тем не менее может с чистой совестью назвать критерии, согласно которым именно эту пятерку следует считать злейшими врагами человечества и верховными повелителями сил Зла.

Во-первых: все Властители Зла отмечены знаком величия. Вспомните, каким образом Кокур Хеккус заслужил свое прозвище Машина Смерти, вспомните плантацию Аттеля Малагате на планете Грабхорн (цивилизацию, по его определению), или грандиозный монумент, воздвигнутый Ленсом Ларком самому себе, или Дворец Любви Виоля Фалюша. Разве можно подобное назвать результатом деяний заурядных людей, имеющих заурядные пороки (хотя и говорят, что Фалюш тщеславен, а некоторые поступки Кокура Хеккуса сравнивают с жуткими забавами ребенка, отрывающего лапки у мухи)?!

Во-вторых: эти люди — творческие гении; ими движут не злоба, жадность, извращенность или мизантропия, а некие глубокие внутренние потребности, плохо осознанные даже ими самими. Почему Говард Алан Трисонг прославляет хаос? Каковы цели безжалостного Малагате или поразительно яркого Кокура Хеккуса?

В-третьих: каждый из Властителей Зла окружен тайной; каждый настаивает на анонимности и безличности. Эти люди скрывают свое имя даже от ближайших помощников, у них нет ни друзей ни возлюбленных.

В-четвертых: несмотря на кажущееся безличие, все они обладают непомерной гордыней. Каждый из них считает отношения между своей персоной и остальным человечеством схваткой равных.

В-пятых: в конце концов достаточно вспомнить историческую встречу в 1500 году в таверне Смэйда, где эти пятеро, хотя и неохотно, признали себя равными и разграничили области своих интересов. *Ipsi Dixeunt!*

Карл Карфен. «Властители Зла». «Элойз-пресс», Нью-Вэксфорд, Элойз, Вега.

Такой оказалась вторая встреча Джерсена с Кокуром Хеккусом. После нее наступил долгий период депрессии, и Джерсен все время проводил на эспланаде Авенты, глаза на Чудотворный океан. Он подумывал о возвращении на Гроб Биссома, хотя и не видел в этом вояже никакой пользы: Кокур Хеккус не стал бы там оставаться. Джерсен должен искать другой путь.

Придумать легче, чем выполнить. О Кокуре Хеккусе рассказывали множество историй, от которых волосы вставали дыбом, но конкретной информации в них не найдешь. Упоминание мальчиком-посыльным о Фамбере было новостью, но Джерсен не придавал ему большого значения: это могло быть только детской фантазией.

Время шло... неделя, две недели. Кокур Хеккус упоминался в газетах как возможный похититель бизнесмена с Копуса Пи Кассиопеи-8. Джерсен был слегка удивлен: Властители Зла редко занимались похищениями ради выкупа.

Двумя днями позже появилось сообщение о новом похищении, на этот раз в горах Хаклюз на Орто Пи Кассиопеи-7; жертва – богатый торговец пряностями. И опять, по слухам, был замешан Кокур Хеккус. Выходит, только его предполагаемое участие и делало заурядное преступление достойным упоминания в прессе.

Третья встреча Джерсена с Кокуром Хеккусом явилась непосредственным, хотя и неожиданным результатом этих похищений, а сами похищения явились сложным результатом успеха Джерсена в Скузе.

Цепь событий началась со случайности. Однажды утром Джерсен сидел на эспланаде; рядом с ним присел на скамейку пожилой человек с бледно-голубым цветом кожи, одетый в черный пиджак и бежевые брюки, характерные для представителей среднего класса. Через несколько минут незнакомец вдруг выругался, обронил на скамейку газету и, повернувшись к Джерсену, стал бурно негодовать по поводу воцарившегося беззакония:

– Еще одно похищение! Еще один невинный человек увезен на Обменный Пункт! Почему они не могут это прекратить? Куда смотрит полиция? Они предлагают людям соблюдать меры предосторожности! Какое позорное положение!

Джерсен выразил чистосердечное согласие, но заметил, что он не знает другого эффективного решения этой проблемы, кроме запрета на частные космические корабли.

— А почему бы и нет? — заявил старик. — У меня нет космического корабля, и мне он не нужен. В лучшем случае корабли принадлежат бездельникам и развратникам, в худшем — становятся орудиями преступления, обычно похищения. Посмотрите-ка, — он хлопнул рукой по газете, — десять похищений, и все — с помощью космических кораблей.

— Десять? — удивился Джерсен. — Так много?

— Десять за последние две недели, и все солидные состоятельные люди. Деньги уплывают на Край Света для обогащения мерзавцев, это потери для всех нас.

Мужчина возмущался тем, что моральные ценности устарели, что почтение к закону и порядку упало до самой низкой точки, что только самые бестолковые или невезучие преступники попадают в руки закона. Для примера он указал на человека, которого видел только вчера и которого знал как помощника пресловутого Кокура Хеккуса, ответственного по крайней мере за одно похищение.

Джерсен выразил изумление. Уверен ли его собеседник в этом факте?

— Разумеется, уверен! Тут не может быть и тени сомнения! Я никогда не забываю лиц, даже если прошло восемнадцать лет.

Интерес Джерсена начал ослабевать; старик, однако, продолжал говорить. Джерсен решил, что он наверняка — или почти наверняка — не является подсадной уткой Кокура Хеккуса.

— В Понтифракте, на Элойзе, где я служил старшим регистратором в инквизиции, он предстал перед судом Гульдонерии и вел себя исключительно нагло, несмотря на тяжесть предъявленных ему обвинений.

— А в чем его обвиняли? — спросил Джерсен.

— Подкуп в целях организации ограбления, незаконное владение антикварными ценностями и оскорбительное поведение. Его оправдали, и он не понес никакого наказания, кроме устного порицания. Очевидно, Кокур Хеккус оказал давление на судей.

– И вы вчера видели этого человека?

– Совершенно точно. Он прошел мимо меня, направляясь к Берегу Парусных Мастеров. Если чисто случайно я наткнулся на одного ненаказанного преступника, то представьте, сколько их бродит вокруг.

– Положение серьезное, – заявил Джерсен. – Этого человека следует взять под наблюдение. Вы не помните его имени?

– Нет. А если бы и помнил – что толку. Это наверняка не то имя, которое он носит сейчас.

– У него есть какие-нибудь особые приметы?

Старик нахмурился:

– Пожалуй, нет. У него довольно большие уши и нос. Глаза круглые и близко посаженные. Он моложе меня. Хотя я слышал, что люди на Фомальгауте стареют позднее из-за особой пищи, от которой желчь свертывается.

– Ага. Так он сандускер?

– Он на этом настаивал, причем в довольно экстравагантной манере, которую я могу объяснить только тщеславием.

Джерсен вежливо рассмеялся:

– У вас замечательная память. Вы думаете, этот сандускер-преступник живет в районе Берега Парусных Мастеров?

– А почему бы и нет? Там как раз собираются такие непутевые люди.

– Это верно. – Отпустив еще пару реплик, Джерсен поднялся и откланялся.

Слайдвей был параллелен эспланаде, тянулся далеко к северу, сворачивал в туннель Лосассо и заканчивался на площади Мериш в центре Берега Парусных Мастеров. Джерсен прилично знал этот район. Стоя на площади и глядя на Мелнойские дюны, он мог видеть дом, где некогда обитал Хильдемар Даски. И мысли Джерсена на мгновение стали меланхоличными... Он заставил себя вернуться к сегодняшним делам. Отыскать безымянного сандускера потруднее, чем найти Хильдемара Даски, которого достаточно было увидеть однажды, чтобы запомнить на всю жизнь.

Площадь окружали невысокие строения с толстыми стенами из кораллобетона, окрашенного в белый, лило-

вый, бледно-голубой или розовый цвет. В ярком свете Ригеля стены домиков сверкали и переливались, а окна и двери по контрасту казались совершенно черными провалами. Вдоль одной из сторон площади тянулся ряд магазинов и лавок, явно рассчитанных на туристов. Берег Парусных Мастеров, обжитый переселенцами с самых разных планет, заполненный национальными ресторанами и лавками, был уникален. Другого такого места не сыскать во всей Ойкумене, разве что в одном-двух районах Земли.

В киоске Джерсен купил «Путеводитель по Берегу Парусных Мастеров», но там не упоминался квартал сандускеров. Он вернулся к киоску. Продавщица была маленькой, толстой, почти шарообразной формы, с бледно-зеленой кожей: возможно, она происходила из крокинольских импов.

Джерсен поинтересовался:

— Где тут живут сандускеры?

Женщина задумалась:

— Да их тут не так много. Спуститесь по Ард-стрит, и найдете парочку. Их попросили там поселиться, чтобы ветер относил вонь от их стряпни в сторону моря.

— А где их продуктовый магазин?

— Если это можно назвать продуктами. Я называю это дрянью. Вы сами не сандускер? Я вижу, что нет. Он там же, на Ард-стрит. Свернете вниз вон там — видите парочку в черных плащах? Это и будет Ард-стрит. И берегите нос.

Джерсен вернул путеводитель, который тут же занял прежнее место в витрине. Джерсен пересек площадь, прошел мимо двух бледных людей в черных плащах и свернул на Ард-стрит. Это была скорее аллея, полого спускавшаяся к воде. В первом квартале расположились в основном чайные и игорные дома, распространявшие довольно приятный аромат ладана. Потом тянулся длинный убогий квартал, переполненный ребятишками в красных и зеленых рубашонках до пупа и с длинными золотыми цепочками в ушах. Затем, уже у самой воды, Ард-стрит расширялась и заканчивалась небольшой площадью. Джерсен внезапно оценил мудрость совета, данного продавщицей. Воздух был действительно перенасыщен запахами, тяжелая горько-сладкая органиче-

ская вонь просто разъедала ноздри. Джерсен поморщился и направился к лавке, откуда исходили эти ароматы. Набрав полную грудь воздуха, он нагнулся и вошел внутрь: Справа и слева стояли деревянные бочонки, содержащие пасты и жидкости с погруженными в них предметами. Над головой висели связки каких-то сморщенных сине-зеленых штуквин размером с кулак. За прилавком, заваленным липкими розовыми сосисками, стоял парень лет двадцати с клоунским лицом, одетый в расписную красно-коричневую рубашку, на его голове был повязан черный бархатный платок. Он лениво опирался на прилавок и без особого интереса наблюдал за тем, как Джерсен пробирается мимо бочек.

— Вы сандускер? — спросил Джерсен.

— А то кто же? — Это было сказано с непонятной для Джерсена интонацией, включавшей множество оттенков: грустную гордость, необъяснимую угрозу, показное смирение. — Хотите поесть?

Джерсен покачал головой:

— Я не принадлежу к вашей религии.

— Хо-хо! — воскликнул парень. — Так вы знаете Сандуск?

— Только понаслышке.

Продавец ухмыльнулся:

— Вы не должны верить в дурацкую байку, будто мы, сандускеры, религиозные фанатики, которые едят всякую мерзость, вместо того чтобы бичевать себя. Это настоящее вранье. Послушайте, вы честный человек?

Джерсен задумался.

— Обычно да.

Парень подошел к одной из бочек, нагнулся и достал комок блестящей коричневой пасты.

— Попробуйте! Судите сами! Используйте вкус, а не обоняние!

Джерсен обреченно пожал плечами и попробовал. Во рту сначала зашипало, затем словно что-то взорвалось. Язык прилип к гортани.

— Ну как? — спросил парень.

— Если такое возможно, — с трудом выдавил Джерсен, — то на вкус это еще омерзительнее, чем на запах.

Парень вздохнул:

— Таково общее мнение.

Джерсен вытер губы тыльной стороной ладони:

— Вы знаете всех сандускеров в округе?

— Ага.

— Я ишу высокого человека со слегка косящими глазами, без указательного пальца на левой руке и с волосами, напоминающими хвост кометы.

Продавец ухмыльнулся:

— А как его зовут?

— Я не знаю.

— Смахивает на Пауэлла Дарлингга. Он вернулся на Сандуск.

— Ясно. Впрочем, неважно. Деньги пойдут в провинциальную казну.

— Жаль. А что за деньги?

— Я ишу двух сандускеров, которые оказали услугу эксцентричной богатой старухе. Второго, как мне сообщали, тут тоже нет.

— А кто второй?

— Мне сказали, что он улетел с Альфанора месяц назад.

— В самом деле? Кто бы это мог быть?

— Его имени я тоже не знаю. Человек средних лет, с большим носом, оттопыренными ушами и близко посаженными глазами.

— Это может быть Долвер Каунд, но он пока здесь.

— Что? Вы уверены?

— Угу. Спуститесь к набережной и постучите во вторую дверь слева.

— Спасибо.

— У нас принято платить за деликатесы, которые вы пробуете.

Джерсен расстался с монетой и вышел из лавки. Воздух на Ард-стрит показался ему чистым и свежим.

Набережная была перпендикулярна к Ард-стрит. В шести метрах ниже на берег набегали волны океана, прозрачные и сияющие в лучах Ригеля, как сапфир. Джерсен свернул налево и остановился у входа в небольшой коттедж все из того же кораллобетона.

Джерсен постучал в дверь. Внутри слышались неуверенные шаги, и Долвер Каунд выглянул наружу. Он оказался старше и грузнее, чем думал Джерсен, у него было красное круглое лицо и синюшные губы.

– Да?

– Я войду внутрь, если позволите. – Джерсен шагнул вперед. Каунд невнятно запротестовал, но посторонился. Джерсен оглядел комнату. В ней никого не оказалось. Мебель была убогой, на полу лежал потертый пурпурно-красный ковер, на плитке разогревался обед. Ноздри Джерсена непроизвольно дернулись.

Каунд, опомнившись, сделал глубокий вдох и выпятил грудь:

– Что означает это вторжение? Кого или что вы ищите?

Джерсен окинул его мрачным взглядом:

– Долвер Каунд, в течение восемнадцати лет вы скрываетесь от заслуженного наказания.

– Что-что?

Джерсен вытащил идентификационную пластину, похожую на удостоверение МПКК, с фотографией под прозрачной семилучевой звездой, он приложил ее ко лбу, и звезда вспыхнула. Долвер Каунд следил за ним, разинув рот.

– Я сотрудник Карающей Руки Нового Правосудия в Понтифракте, на Элойзе, система Веги. Восемнадцать лет назад вам удалось обмануть правосудие. Сейчас я объявляю вас арестованным. Вы должны вернуться для нового слушания дела.

Каунд закричал высоким голосом, заикаясь от возбуждения:

– У вас нет никакого права! Здесь не ваша территория! И я вообще не тот человек, которого вы ищите!

– Нет? А кого я должен арестовывать? Кокура Хеккуса?

Каунд облизнул губы и глянул на дверь:

– Уходите. И не возвращайтесь. Я не желаю иметь с вами дело.

– Как насчет Кокура Хеккуса?

– Не называйте при мне таких имен!

– Либо вы, либо он должны предстать перед судом. В данный момент он недоступен. Вам придется пойти со мной. Даю вам десять минут на сборы.

– Чушь! Анекдот! Чистый бред!

Джерсен вытащил оружие и смерил Каунда тяжелым взглядом. Каунд внезапно присмирел и замямлил:

- Подождите! Давайте поговорим, разберемся, где вы ошиблись. Присядьте! Таков наш обычай. Выпьете?
- Варева сандускеров? Спасибо, нет!
- Я могу предложить что-нибудь попроще – арак из Приморской Провинции!
- Отлично, – кивнул Джерсен.

Каунд подошел к полке, достал бутылку, поднос, пару рюмок и налил выпивку. Джерсен потянулся, зевнул, притворяясь невнимательным. Каунд медленно поставил поднос на стол и взял одну из рюмок. Джерсен взял другую и стал разглядывать прозрачную жидкость, ища легкие завихрения, показывающие присутствие другой жидкости, или зерна нерастворившегося порошка. Каунд спокойно следил за его действиями.

«Он ожидал подозрений, – подумал Джерсен, – и думает, что я потребую поменяться рюмками».

– Выпьем! – произнес Каунд и поднял рюмку. Джерсен с интересом следил за ним. Каунд поставил рюмку на стол, не выпив ни капли.

– Вам не хочется выпить? – Джерсен взял его рюмку и дал ему свою. – Пейте первым.

– Я не могу выпить раньше гостя. Мне будет стыдно.

– А я не могу выпить раньше хозяина. Но это не имеет значения – мы выпьем по дороге на Элойз. Поскольку вы не хотите собирать вещи, давайте пойдем.

Лицо Каунда сморщилось от страха:

– Я никуда с вами не пойду. Вы не можете меня заставить. Я старый больной человек. Неужели у вас нет жалости?

– Вы или Кокур Хеккус – таковы мои инструкции.

Каунд посмотрел на дверь.

– Не произносите этого имени! – прохрипел он сдавленным голосом.

– Расскажите, что вы знаете о нем!

– Никогда!

– Тогда пошли. Попрощайтесь с Ригелем. Скоро вашим светилом станет Вега.

– Я ничего не сделал! Почему вы мне не верите?

– Расскажите все, что вы знаете о Кокуре Хеккусе. Мы предпочитаем схватить его, а не вас.

Каунд глубоко вздохнул и закрыл глаза.

— Так тому и быть,— прошептал он наконец.— Если я расскажу все, что знаю, вы оставите меня в покое?

— Я ничего не обещаю.

Каунд вздохнул.

— Я знаю очень мало... — И в течение двух часов сандускер доказывал, что лишь случайно был связан с Кокуром Хеккусом.— ...Меня ложно обвинили, даже суд Гульдонерии меня оправдал.

— Все еще живущие члены этого суда арестованы и будут подвергнуты наказанию, хотя и запоздалому. Теперь говорите правду. Я далеко не удовлетворен.

Каунд рухнул в кресло и заявил, что готов говорить. Однако он пожелал сначала взять записки и бумаги. Сандускер полез за ними в ящик стола, но вытащил оружие. Джерсен, который ждал этого и держал лучемет наготове, парализовал ему руку и выбил оружие. Каунд медленно повернулся, глаза его округлились и наполнились слезами. Осторожно поддерживая левой рукой онемевшую правую, он, пошатываясь, добрался до кресла и начал рассказывать уже без каких-либо уверток. Информация буквально потоком извергалась из него, как будто полностью рухнули все запреты. Да, восемнадцать лет назад он помогал Кокуру Хеккусу в некоторых операциях на Элойзе и в других местах. Кокур Хеккус желал заполучить ряд произведений искусства. Они ограбили замок Крири, аббатство Боделея и музей Хоула. Во время последней операции Каунда захватили Дети Правосудия. Но Кокур Хеккус принял меры, и его отпустили, ограничившись порицанием. С тех пор его сотрудничество с Хеккусом стало менее активным и десять лет назад сошло на нет.

Джерсен потребовал подробностей. Каунд беспомощно развел руками:

— Как он выглядит? Человек как человек. Ничего особо примечательного. Он среднего роста, в хорошей форме, неопределенного возраста. Говорит мягким голосом, хотя, когда он злится, кажется, будто его голос доносится через трубу из иного мира. Кокур Хеккус странный человек: вежливый, когда ему этого хочется, но обычно безразличный. Он обожает произведения искусства, особенно старинные, и сложные машины. Вы знаете, как он получил свое прозвище?

— Никогда не слышал эту историю.

— На языке далекого мира, затерянного на Краю Света, оно означает «машина смерти». Этот мир был заселен давным-давно, потом потерян и забыт, откуда Кокур Хеккус не открыл его вновь. Чтобы наказать жителей одного непокорного города, он построил гигантского механического палача, который топором разрубал людей надвое. Но еще ужаснее топора был вопль, который стальной великан выпускал при каждом ударе. С тех пор Кокура Хеккуса так и зовут... Вот все, что мне известно.

— Жаль, что вы не можете сказать мне, как его найти, — заметил Джерсен. — Один из вас обязан предстать перед судом в Понтифракте.

Каунд откинулся назад, как сломанная кукла.

— Я сказал вам все, — пробормотал он. — Чего вы добьетесь, мстя мне? Ценности ведь не вернуться.

— Справедливость должна восторжествовать. Если вы не в силах отдать Кокура Хеккуса мне в руки, вы должны ответить за ваши совместные преступления.

— Как я могу добыть вам Хеккуса? — проблеял Каунд. — Я и имя-то его произносить боюсь.

— Кто его сообщники?

— Я не знаю. Я не видел его десять лет. Тогда... — Каунд замолк.

— Ну!

Каунд облизнул свои синие губы:

— Это может быть неинтересно властям Понтифракта.

— Судить буду я.

Каунд глубоко вздохнул:

— Я не могу сказать вам это.

— Почему?

Каунд безнадежно махнул рукой:

— Я не желаю, чтобы меня убили каким-нибудь жутким способом.

— А что, по-вашему, ожидает вас в Понтифракте?

— Нет! Больше я ничего не скажу.

— Вы за последний час наговорили уже достаточно.

— Все, что я вам рассказал, общеизвестно, — возразил Каунд.

Джерсен поднялся на ноги и улыбнулся:

— Пошли.

Каунд не пошевелился. Наконец он тихо произнес:

— Я знал трех человек, работавших с Кокуром Хеккусом. Это Эрмин Штранк, Роб Кастиллиган и человек по имени Хомбаро. Штранк родился в Скоплении Ригеля — не знаю, правда, на какой планете. Кастиллиган — уроженец Бонифаса, планеты Веги. Я ничего не знаю о Хомбаро.

— Вы видели их в последнее время?

— Безусловно, нет.

— У вас есть их фотографии?

Каунд заявил, что нет, и с унылым пренебрежением следил за тем, как Джерсен обшаривает его комнату в поисках скрытых тайников. Через пару минут «арестованный» сказал с отвращением:

— Если бы вы знали что-нибудь о сандускерах, то вы не тратили бы время зря. Мы интересуемся будущим, а не прошлым.

Джерсен бросил поиски. Пока Джерсен искал, Каунд, прищурившись, разглядывал непрошеного гостя, и у него было время подумать.

— Могу я поинтересоваться, каков ваш ранг?

— Специальный агент.

— Вы не уроженец Элойза. Где ваша горловая дырка?

— Не ваше дело.

— Если вы будете шнырять вокруг и расспрашивать про Кокура Хеккуса, рано или поздно он об этом узнает.

— Если хотите, сообщите ему сами.

Каунд хрипло хохотнул:

— Нет, нет, друг мой. Даже если бы я знал, куда жаловаться, я бы не стал этого делать. Я не желаю ближе знакомиться с ужасом.

Джерсен задумчиво вымолвил:

— Я бы должен был теперь забрать все ваши деньги и выбросить в море всю вашу мерзкую еду.

— Что? — Лицо Каунда опять приобрело плаксивое выражение.

Джерсен подошел к двери:

— Ты жалкая куча отбросов, ты не стоишь абсолютно ничего, даже усилий, нужных, чтобы наказать тебя. Считай, что тебе повезло.

Джерсен вышел из дома Каунда, поднялся по Ард-стрит до площади и поехал в Авенту. Он никоим образом не был доволен результатами своей работы. У Долвера Каунда явно была еще информация, только Джерсену не хватило умения или жесткости добыть ее. Что же он узнал?

Кокур Хеккус получил свое имя от жителей неизвестной планеты. Десять лет назад Кокуру Хеккусу служили трое людей: Эрмин Штранк, Хомбаро и Роб Кастиллиган. Кокур Хеккус обожает сложные машины, ценит красоту, любит антиквариат.

Джерсен снимал комнату на одном из верхних этажей отеля «Креденца». На следующий день после разговора с Каундом он поднялся до рассвета, подкрасил кожу в модный сероватый цвет, надел скромный темно-зеленый костюм и вышел из отеля через боковой выход. В подземке он пересаживался с поезда на поезд, пока не исключил возможность слежки, потом сошел на станции Корт Тауэр, поднялся на эскалаторе в фойе и сел в маленькую одноместную капсулу. Как только дверца скользнула на место, раздался голос, спрашивающий его имя и цель поездки. Джерсен представился и добавил код своего допуска в МПКК. Больше вопросов не последовало, и капсула поднялась на тридцатый этаж, сместилась горизонтально и высадила его в приемной Бена Заума. Заум занимал две комнаты у прозрачной западной стены здания и мог любоваться панорамой города и берега до самого Ремо. На полках вдоль другой стены стояли разнообразные трофеи, безделушки, оружие и глобусы. Судя по офису, Бен Заум занимал важный пост в МПКК, правда, насколько важный, Джерсен судить не мог: титул мондатора дивизиона Умбрии мог значить очень много или очень мало.

Заум приветствовал Джерсена с осторожной сердечностью:

— Я надеюсь, вы ищете работу? Как вы потратили полученные деньги? На женщин? Всего месяц назад вы получили пятнадцать тысяч севов...

— Мне не нужны деньги. Честно говоря, мне нужна информация.

— Даром? Или вы хотите нас нанять?

— Сколько стоит информация о Кокуре Хеккусе?

Заум слегка сощурил свои голубые глаза:

— Для нас или от нас?

— И так, и этак.

Заум задумался.

— Он все еще в красном списке. Официально мы даже не знаем, жив он или нет. Может, кто-нибудь поручит нам это выяснить?

Джерсен вежливо улыбнулся в ответ на старую шутку.

— Вчера я узнал происхождение его имени.

Заум рассеянно кивнул:

— Я слышал эту историю. Довольно жуткая. Вполне может быть правдой. Кстати, вот еще одна история, которая вас заинтересует. Парни из Неласковского Корпуса захватили в Пало одного из наших оперативников и передали его Кокуру Хеккусу. Злодей вернул его нам в состоянии, которое я описывать не берусь. Он также приложил послание. — Заум стал читать с листа бумаги: — «Агент МПКК совершил непростительный проступок на Скузе. Создание, которое вы видите, — счастливчик по сравнению с вышеупомянутым агентом. Если он смелый человек, пусть отправится на Край Света и назовет себя. Я клянусь, что тогда следующие двадцать пойманных ласок будут отпущены подобру-поздорову».

Джерсен болезненно улыбнулся:

— Он зол.

— Очень зол и очень мстителен. — Заум заколебался. — Интересно, сдержит ли он слово?

Джерсен поднял брови:

— Вы предлагаете мне сдать Кокуру Хеккусу?

— Не совсем так, но, конечно, если подумать, то речь идет об одной жизни за двадцать, а ласок набирать очень трудно...

— Только бездари позволят себя разоблачить, — отрезал Джерсен. — Ваша организация без них только выиграет. — Он ненадолго задумался. — Но в вашем предложении есть рациональное зерно. Почему бы вам не заявить, что это вы планировали операцию в Скузе, и не потребовать отпустить пятьдесят человек за нас двоих?

Заум моргнул:

— Вы не можете говорить серьезно. Почему вы интересуетесь Кокуром Хеккусом?

— Как добропорядочный гражданин.

Заум переставил несколько старинных бронзовых безделушек на столе.

— Я тоже добропорядочный гражданин. Какова ваша информация? — Заум, видно, понял, что увиливать нет смысла.

— Вчера я узнал имена людей, которые работали на Кокура Хеккуса десять лет назад. Их досье могут быть в ваших архивах, а могут и не быть.

— Назовите их.

— Эрмин Штранк, Роб Кастиллиган, Хомбаро.

— Раса? Планета? Национальность?

— Не знаю.

Заум зевнул, потянулся, поглядел на панораму Авенты за прозрачной стеной. День был солнечный, но ветреный, а далеко над Чудотворным океаном собирались кучевые облака. Через пару минут он повернулся к Джерсену:

— Сейчас мне все равно больше нечего делать.

Заум нажал клавиши на консоли рядом со столом. Противоположная стена вспыхнула мириадами искр, затем на ней возникла надпись:

Эрмин Штранк. Досье от № 1 до № 5.

Под надписью был набор кодированных физических характеристик. Слева появилась фотография, справа — краткая биография Эрмина Штранка № 1. Уроженец Квантики, шестой планеты звезды Одинокого Альфарда, специалист по контрабанде наркотиков на острова Ваквана, он никогда не покидал родной планеты.

— Не тот Штранк, — заметил Джерсен.

Появился Эрмин Штранк № 2. Поперек экрана загорелась розовая надпись:

Умер 10 марта 1515 года.

Эрмин Штранк № 3 обитал на другом краю Ойкумены, на Вадилове, единственной планете звезды Сабик, Эти Змееносца. Он и сейчас активно занимался скупкой краденого. Как и № 1, № 3 никогда далеко не уезжал из дома, за исключением поездки на два года на Землю, в Дурбан, в роли складского рабочего.

Эрмин Штранк № 4 оказался тонконогим коротышкой средних лет, с рыжими волосами и шишковатой головой; последние шесть лет был заключенным Килларни, тюремного сателлита в системе Веги.

— Это он, — произнес Джерсен.

Заум кивнул:

— Сообщник Кокура Хеккуса, вы говорите?

— Так мне сказали.

Заум тронул клавиши. Биография Эрмина Штранка № 4 дополнилась надписью:

По слухам, сообщник Кокура Хеккуса.

Заум вопросительно посмотрел на Джерсена:

— Еще что-нибудь о Штранке?

— Пожалуй, нет.

Затем на экране появились различные Хомбаро, наиболее подозрительный из которых исчез из виду восемь лет назад и считался мертвым.

В архивах значилось восемь Робов Кастиллиганов. К счастью, Роб Кастиллиган, который ограбил замок Крири, аббатство Боделея и музей Хоула, оказался номером вторым. Внимание Джерсена привлекла свежая пометка:

Пять дней назад Кастиллиган был арестован в Скифии, в другом полушарии Альфанора, за соучастие в похищении.

— Разносторонний парень этот Кастиллиган, — заметил Заум. — Вы интересуетесь похищениями?

Джерсен кивнул, и Заум вызвал на экран подробную информацию. Похищены двое детей Душана Аудмара, Брата Конгрегации девяносто четвертой ступени, по слухам, очень состоятельного человека. Дети катались по озеру на парусной лодке со своим учителем. Внезапно появился катер на воздушной подушке и остановился у лодки. Дети были схвачены, учитель спасся, нырнув под лодку и уплыв под водой. Он немедленно вызвал полицию, которая действовала очень эффективно. Роб Кастиллиган был арестован почти немедленно, однако двум его сообщникам удалось скрыться вместе с детьми. Отец, Душан Аудмар, не проявил интереса к происшествию. Дети, вероятно, были увезены на Обменный Пункт, где их можно было освободить за «соответствующий гонорар» (если использовать специальный жаргон Обменного Пункта).

Заум теперь был сильно заинтригован. Он откинулся в кресле и с неприкрытым любопытством разглядывал Джерсена.

– Как я понимаю, вы работаете на Аудмара?

Джерсен покачал головой.

– На Брата Конгрегации? Вам следовало бы лучше разбираться в людях.

Заум пожал плечами:

– У него только девяносто четвертая ступень. Ему еще нужно перескочить через несколько ступеней, чтобы стать божественным.

– Если бы он имел шестидесятую или семидесятую, пожалуй. Но девяносто четвертая – очень высокая ступень.

Зауму показалось, что Джерсен уклоняется от разговора.

– Так вас не интересует это похищение?

– Интересует. Но узнал я о нем от вас.

Заум выпятил и втянул губы:

– Конечно, возникает вопрос...

Джерсен понял, что он размышляет о возможном участии Кокура Хеккуса в этом деле. Заум повернулся к консоли:

– Давайте посмотрим, что скажет Кастиллиган.

Пришлось ждать пять минут, пока Заум разговаривал с различными чинами из управления полиции Скифии, затем еще две – пока приводили Кастиллигана и усаживали перед экраном. Это был щегольски одетый, красивый человек с гладким добродушным лицом и прилизанными черными волосами. Краска с кожи была смыта, и лицо сияло мраморной белизной. Кастиллиган вел себя вежливо, даже сердечно, словно он был почетным гостем, а не заключенным в следственной тюрьме провинции Гарро.

Заум представился (Джерсен остался в стороне, за пределами поля зрения объектива). Казалось, Кастиллиган польщен оказанным ему вниманием.

– Заум из МПКК интересуется мною? Чем я могу быть полезен для вас? Разве что обнажить перед вами тайны своей жизни?

– Этого хватит, – сухо бросил Заум. – Как вас поймали?

– По глупости. Мне следовало покинуть Альфанор с остальными. Но я предпочел остаться. Мне надоел Край Света. У меня есть вкус к хорошей жизни.

— Ну что ж, о вас тут хорошо позаботятся.

Кастиллиган покачал головой с иронично-печальным видом:

— Да, это позор. Я мог бы просить о модификации, но я нравлюсь себе таким, какой есть, с пороками и прочим. После модификации я стану очень нудным.

— Право выбора за вами,— заметил Заум.— Однако это не так плохо, особенно если вы любите свежий воздух.

— Нет,— серьезно ответил Кастиллиган.— Я все уже обдумал. Модификация слишком уж напоминает смерть. Добрый старый Роб Кастиллиган исчезает и уносит с собой всю радость жизни, весь свет мира; а вместо него возникает нудный честный Роберт Мичем Кастиллиган, безукоризненный, как дистиллированная вода, неспособный украсть даже кусок мяса для своей голодающей бабушки. При минимальном везении я вернусь с сателлита через пять лет, а то и раньше.

— Очевидно, вы собираетесь сотрудничать с властями?

Кастиллиган подмигнул:

— Так мало, как смогу, но чтобы заработать золотую звезду.

— Кто были ваши сообщники в деле Аудмара?

— Бросьте, сэр. И не ждите, что я заложу своих корешей. Вы никогда не слыхали, что и у воров есть честь?

— Перестаньте болтать о чести,— отрезал Заум.— Вы ничем не лучше нас.

Кастиллиган, улыбаясь, кивнул:

— На деле я уже давно раскрыл душу полиции.

— Имена ваших сообщников?

— Август Вей, Пайгер Симзи.

— Кокур Хеккус сам не участвовал в деле?

Кастиллиган неожиданно оскалился. И решил отделаться от заданного вопроса:

— Бросьте вы, зачем вообще вспоминать такие имена. Мы говорим о реальной жизни.

— Мне казалось, вы говорили о золотых звездах для досрочного освобождения?

— Я говорил о золотой звезде для моего досье, а не для надгробной плиты! — отрезал Кастиллиган.

— Предположим, — небрежно заметил Заум, — что с вашей помощью мы повязали Кокура Хеккуса. Можете представить, какую чудную звезду вы заработаете? Да мы выберем вас почетным директором МПКС.

Кастиллиган моргнул, задумчиво пожевал губу:

— Вас наняли отыскать Кокура Хеккуса?

— Пока нас никто не нанимал, но мы хотим выставить его на аукцион и заработать целое состояние. Не менее пятидесяти пяти планет мечтают узнать, какого цвета у него потроха!

Кастиллиган обнажил ровные белые зубы в неожиданной дерзкой ухмылке:

— Ну, честно говоря, мне нечего скрывать: я не знаю ничего, что могло бы повредить Кокуру Хеккусу. Он такой, какой есть, знаете ли, и я к этому не могу ничего добавить.

— Где он сейчас?

— На Краю Света, я полагаю.

— Он работал с вами в деле Аудмара?

— Нет, разве что под чужим именем. Честно говоря, я никогда не видел его самого. Мне всегда только передавали тем или иным хитрым способом: «Роб, сделай это!» или «Роб, сделай то!». Он очень скрытное создание, этот ваш Хеккус.

— В прежние времена вы грабили музеи и замки. Зачем?

— Затем, что мне за это платили. Он желал редкостей и желал, чтобы храбрый Роб грабил музеи. Давненько это было. В зеленой юности, образно говоря.

— Как насчет похищений? Во скольких вы участвовали?

Кастиллиган скорчил постную мину:

— Я бы не хотел говорить о том, что может испортить мое досье.

— Ладно. О скольких вы знаете?

— В последнее время — о четырнадцати. Я имею в виду последний месяц.

— О четырнадцати?

Кастиллиган радостно улыбнулся:

— Да, дело идет с размахом. Я спрашивал себя: зачем и для чего? Но я не таков, чтобы читать мысли Кокура

Хеккуса. Без сомнения, ему, как и всем нам, нужны деньги.

Заум искоса глянул на Джерсена и выключил микрофон. Джерсен спросил:

— Что он еще знает о Кокуре Хеккусе?

Заум передал вопрос. Заключение раздраженно скривился:

— Вы слишком вольно играете моей жизнью. Предположим, я сообщу вам что-нибудь такое, что повредит Кокуру Хеккусу, — будьте уверены, я ничего такого не знаю, но предположим, — неужели вы думаете, что Кокур Хеккус будет мягок со мной? Он проникнет в тайные уголки моей души и покарает меня теми страхами, болезнями, кошмарами, которых я боюсь больше всего. Человек должен заботиться о своей шкуре, если он этого не сделает сам, на кого ему рассчитывать?

— Нет нужды говорить вам, что все, что вы скажете, останется между нами и никогда не станет известно Кокуру Хеккусу, — ровным голосом заявил Заум.

— Ха! Это вы так считаете. Сейчас рядом с вами сидит человек, я видел, как вы глядели на него. Откуда мне знать, может, он и есть Кокур Хеккус?

— Вы сами не верите в это.

Настроение Кастиллигана вновь изменилось:

— Нет, не верю. Кокур Хеккус сейчас на Краю Света тратит бешеные деньги, которые он получил за последний месяц.

— Как тратит? На что?

— Об этом я ничего не знаю. Кокур Хеккус стар. Одни говорят, ему триста лет, другие — четыреста. Но энергии у него, как у молодого человека. Его энтузиазма на всех хватит.

После короткой паузы Заум спросил:

— Если вы никогда не встречались с Кокуром Хеккусом, откуда вы знаете?

— Я слышал, как он говорит. Я слышал, как он планирует операции. Я слышал, как он ругается. Он изменив, непредсказуем, причудлив, как огненная девушка с Бернала. Он бесконечно великодушен и бесконечно жесток: в обоих случаях потому, что признает только себя. Он ужасный враг и хороший хозяин. Я рассказываю все это, поскольку не могу повредить ему и могу

помочь себе. Но я никогда не рискнул бы обидеть его. Он изобретет новые пытки специально для меня. Однако, если я буду верно служить ему, он построит мне замок и сделает меня Робертом, бароном Кастиллиганским.

— И где же он исполнит эту романтическую фантазию?

— На Краю Света.

— На Краю Света, — проворчал Заум. — Вечно этот Край Света. Когда-нибудь мы перейдем границу и положим ему конец.

— Вы никогда не преуспеете. Край Света будет существовать всегда.

— Ну и ладно. Что вы еще знаете о Кокуре Хеккусе?

— Я знаю, что он будет продолжать похищения сыновей и дочерей богатых людей. Он сам сказал: ему нужна огромная сумма денег, и нужна немедленно.

ГЛАВА 3

Только благодаря Ригелю, его гигантской светимости и обширной зоне обитаемости, стало возможным существование Скопления. Невозможно не восхищаться хотя бы размерами этой системы! Подумайте, двадцать шесть плодородных планет, обращающихся по устойчивым тысячелетним орбитам вокруг ослепительно белого светила на среднем расстоянии тринадцать миллиардов миль. И это не считая шести бесплодных планет Внутреннего Пояса и Голубого Компонента в одной сороковой светового года отсюда!

Но именно те обстоятельства, которые привели к расцвету Скопления, сделали его одной из наиболее волнующих загадок Галактики. Большинство авторитетов считает Ригель молодой звездой, чей возраст не превосходит миллиарда лет. Как же объяснить существование Скопления, на двадцати шести планетах которого к моменту прибытия экспедиции сэра Джулиана Хоува уже существовала высокоразвитая сложная жизнь? По временной шкале земной эволюции возраст такой жизни — несколько миллиардов лет, если считать, что она возникла в Скоплении.

Однако верно ли это предположение? Хотя флора и фауна на каждой планете заметно различаются, существует и множество удивительных совпадений, будто много-много лет назад вся жизнь в Скоплении имела общее происхождение.

На этот счет имеется столько же теорий, сколько теоретиков. Глава современной космологии А. Н. дер Паульсон предполагает, что Ригель, Голубой Компонент и планеты сконденсировались из первичного облака, обогащенного углеводородами, следовательно, местная жизнь, образно говоря, уже имела флору. Другие, более склонные к

фантазии, считают, что планеты Скопления доставили сюда и установили на орбитах ныне вымершие высокоразвитые цивилизации. Определенность расположения планет Скопления на орбитах, их сходство по размерам (чего нельзя сказать о Внутреннем Поясе) придают этим измышлениям некую вероятность. Почему? Когда? Как? Кто? Гексадельты? Кто высек скальный монумент на Кси-10 Малого Пса? Кто оставил непонятный механизм в таинственном гроте на Луне? Волнующие загадки? Но, увы, пока без ответов.

Стрик и Черниц. «Народы Скопления», глава I: «Астрофизические условия».

Человечество старо, цивилизация молода, — и зубчики их взаимодействующих колесиков еще не притерлись. Да так оно и должно быть. Человек всегда будет входить в здание из металла и пластика, в звездолет или подводную лодку, испытывая легкое потрясение, и без небольшого усилия никогда не сможет избежать чувства азарта... Мы, Братья Конгрегации, имеем специальное историческое образование. Мы знаем, каков был человек в прошлом, и мы рассчитали десятки возможных вариантов человека в будущем, которые все, без исключения, отвратительны. Человек, существующий сейчас, со всеми его недостатками, способный к тысяче великолепных иррациональных компромиссов, обладающий двумя тысячами стерильных абсолютов, является оптимальным. Или так нам кажется, потому что мы люди?

Из сумбурного интервью Ксавьера Сколэкмпа, Брата Конгрегации сотой ступени, о деятельности Конгрегации.

Обвиняемый:

— Эти парни ловко устроились. Они развалились в креслах и приговаривают: «Страдай, тебе это понравится. Не ищи легких путей. Попотей!». Они бы не прочь запрячь в плуг и мою жену, как это делалось в старину. Вот и пришлось показать им, что я думаю о так называемом «отстранении».

Судья:

— Отстраненное отношение к чужим проблемам не является незаконным. Суд решил оштрафовать фермера N на семьдесят пять севов.

Из протокола заседания суда. Дело по обвинению фермера N в нападении на Бозе Коггинделла, Брата Конгрегации пятьдесят четвертой ступени.

Из семи континентов Альфанора Скифия была самым большим, самым малонаселенным и, с точки зрения жителей Умбрии, Лузитании и Ликии, самым пасторальным, а провинция Гарро, расположенная между Чудотворным океаном и горами Моргана, была самым изолированным районом Скифии.

Джерсен прибыл в Таубе, пыльное, выжженное солнцем селение на берегу залива Джермин, на самолете,

летавшем сюда раз в две недели из Марквари, центра провинции. Во всем Таубе он нашел только одну машину, которую можно было взять напрокат, — древний глайдер на воздушной подушке, с разболтанным приводом и манерой вихлять на спусках. Джерсен расспросил о дороге, забрался в машину и отправился в путь. Дорога медленно поднималась в гору, и окружающий пейзаж сиял и переливался красками в лучах Ригеля.

Некоторое время дорога вилась между виноградниками, садами с карликовыми деревьями, грядками с голубовато-зелеными артишоками. Тут и там виднелись фермы с поднятыми зонтичными крышами, поглощающими энергию Ригеля. Дорога перевалила через небольшой холм. Джерсен затормозил, чтобы оглядеться. К югу простирался океан, на пологом берегу виднелось скопление белых, розовых и зеленых пятен — так отсюда выглядело селение. В ослепительном свете все краски ландшафта были пастельными и казались нереальными. Впереди дорога сворачивала к ровной площадке, на которой стояла вилла Душана Аудмара, Брата Конгрегации, достигшего девяносто четвертой ступени. Это было обширное здание из камня и выбеленного солнцем дерева, затененное двумя гигантскими дубами и местными гинкго.

Джерсен прошел по дорожке, поднял и отпустил массивный бронзовый дверной молоток в форме львиной лапы. После долгого ожидания дверь открыла симпатичная молодая женщина в крестьянской одежде.

— Я приехал, чтобы поговорить с Душаном Аудмаром, — сказал ей Джерсен.

Женщина задумчиво осмотрела его:

— Могу я спросить, какое у вас к нему дело?

— Я могу говорить о деле только с самим лордом Аудмаром.

Она медленно покачала головой:

— Я не думаю, что он вас примет. В доме неприятности, и Душан Аудмар никого не принимает.

— Мой визит связан с этими неприятностями.

Лицо женщины внезапно изменилось от вспыхнувшей надежды:

— Дети? Нашлись? Скажите мне!

— К сожалению, нет — насколько мне известно.

Джерсен вытащил из кармана записную книжку, вырвал листок и написал:

Кирт Джерсен, одиннадцатая ступень, для разговора о Кокуре Хеккусе.

— Передайте ему записку.

Женщина прочитала записку и молча ушла в дом. Спустя несколько минут она вернулась:

— Входите.

Джерсен последовал за ней через неосвещенный холл в комнату с голыми пластиковыми стенами и высоким сводчатым потолком. За столом сидел Аудмар, перед ним лежала стопка белой бумаги, гусиное перо, резная стеклянная чернильница с темно-красными чернилами. На верхнем листе бумаги краснела одна строчка, написанная закругленным, с сильным нажимом, почерком — обычным для высокопоставленных лиц Конгрегации. Аудмар был довольно небольшого роста, с широкими плечами и крепким телом. Черты лица его показались несколько резковатыми: небольшой прямой нос, узкие черные глаза, блестящие, будто подернутые маслом, небольшой рот с плотно сжатыми губами. Он поздоровался с Джерсеном и отодвинул в сторону перо и бумагу:

— Где вы получили одиннадцатую ступень?

— В Амстердаме, на Земле.

— Значит, это было под руководством Карманда?

— Нет, я защищался до Карманда. Тогда руководил фон Блик.

— Хм-м. Вы очень молоды. Почему вы не продолжили курс? После одиннадцатой нет особых трудностей — вплоть до двадцать седьмой.

— Я не мог подчинить свои личные устремления целям Конгрегации.

— И каковы ваши устремления?

Джерсен пожал плечами:

— Они достаточно примитивны и не могут представлять для вас интерес.

Аудмар скептически поднял брови и сменил тему:

— Почему вы хотите поговорить о Кокуре Хеккусе?

— Думаю, в этом разговоре мы оба заинтересованы.

Аудмар коротко кивнул:

— Действительно, Кокур Хеккус — занимательный человек.

— На прошлой неделе он похитил ваших детей.

Аудмар молчал секунд тридцать. Было очевидно, что лорд не знал личности похитителя.

— Какие у вас есть основания для подобного утверждения?

— Я слышал признание Роба Кастиллигана, арестованного за соучастие в этом преступлении.

— Вы имеете официальный статус?

— Нет. Я лицо неофициальное.

— Продолжайте.

— Предположим, вы хотите безопасного возвращения детей.

— Предположим, — слегка улыбнулся Аудмар.

— Вас известили, как обеспечить их возвращение?

— Внести выкуп. Письмо пришло два дня назад.

— Вы заплатили?

— Нет, — голос Аудмара был мягок и спокоен.

Джерсен и не ожидал другого ответа. Братья Конгрегации, достигшие сотых ступеней, должны сохранять невосприимчивость к любым формам внешнего давления. Стоило Аудмару внести выкуп, и он признался бы в собственной уязвимости, тем самым подвергнув бы опасности и себя, и Конгрегацию. Такое положение было общеизвестно, и в десятый раз Джерсен удивился похищению детей именно Аудмара. Может, он ранее проявлял податливость? Или похитители просто ошиблись?

— Вы знали, что Хеккус замешан в этом деле? — спросил Джерсен.

— Нет.

— Теперь, когда вы знаете, предпримете ли вы шаги против него?

Аудмар слегка пожал плечами, как бы давая понять, что месть — такое же признание уязвимости, как и уплата выкупа.

— Если быть полностью откровенным, — продолжал Джерсен, — я имею причину считать Кокура Хеккуса своим личным врагом. Я не так стеснен в свободе действий, как вы: я могу реализовать свои желания.

В глазах Аудмара блеснуло нечто похожее на зависть, но он только вежливо наклонил голову.

— Я пришел к вам за информацией и за той помощью, которую вы сочтете уместным оказать мне.

— Она может быть очень небольшой или никакой, — ответил Аудмар.

— Тем не менее, вы человек и должны любить своих детей. И вы, конечно, не хотите, чтобы их продали в рабство...

Аудмар горько и нервно улыбнулся:

— Я человек, Кирт Джерсен, и, быть может, в глубине души более жестокий и примитивный, чем вы. Но я посвященный девяносто четвертой ступени, у меня слишком много силы, и я должен применять ее с исключительной осторожностью. Поэтому... — Он сделал неопределенный жест, подразумевающий целый комплекс идей.

— Паралич? — предположил Джерсен.

Аудмар предпочел не отвечать на поддразнивание. Он сказал ровным тоном:

— Я не знаю о Кокуре Хеккусе ничего такого, что не было бы общеизвестно.

— В настоящее время он самый активный из Властителей Зла и творит много бед.

— Он мерзкое создание.

— Вы знаете, почему Кокур Хеккус похитил ваших детей?

— Я думаю, ради выкупа.

— Сколько он потребовал?

— Сто миллионов сёвов.

Джерсен, пораженный суммой, не нашелся, что сказать. Аудмар мрачно улыбнулся:

— Я, правда, считаю что мои Даро и Викс стоят этих денег. И много больше.

— Вы можете столько заплатить?

— Если я решу платить. Проблема не в деньгах. — Аудмар повернулся к бумаге и перу. Джерсен почувствовал, что терпение лорда истощается.

— За последний месяц, — сказал Джерсен, — Кокур Хеккус похитил двадцать человек, может, и больше. Это последние данные МПКК перед тем, как я уехал из Авенты. Все жертвы — богатые и влиятельные люди.

— Кокур Хеккус очень спешит, — заметил Аудмар безразличным тоном.

– Да. Каковы его планы? Почему именно сейчас ему нужна такая куча денег?

Аудмар был заинтригован. Потом, ощутив направление разговора, он бросил на Джерсена резкий взгляд. Джерсен добавил:

– Похоже, у него на уме какой-то гигантский проект. Я не думаю, чтобы он собрался на покой.

– Ему не более двухсот восьмидесяти двух лет.

Джерсену стало ясно, что Аудмар знает о Хеккусе много больше, чем кажется на первый взгляд.

– По-видимому, ему нужны два миллиарда севов – если все выкупы одинаковы. Зачем ему эти деньги? Он строит флот боевых звездолетов? Реконструирует планету? Основывает университет?

Аудмар глубоко и задумчиво вздохнул:

– Вы полагаете, у него есть важная и, вероятно, вредоносная цель?

– А для чего еще ему понадобилось бы столько денег?

Аудмар нахмурился и раздраженно покачал головой:

– Не хотелось бы нарушать великие планы Кокура Хеккуса. Но с моей точки зрения и в соответствии с политикой Конгрегации... – его голос замер.

– Дети на Обменном Пункте?

– Да.

– Вы, вероятно, незнакомы с обычной процедурой выкупа. Вычисляется время на дорогу туда и обратно и добавляется пятнадцать дней. В течение этого времени только так называемая первично заинтересованная сторона вправе внести выкуп. Но по истечении срока это может сделать каждый, кто пожелает. Будь у меня сто миллионов севов, я бы мог помочь вам.

Аудмар пристально вглядывался в Джерсена несколько мгновений.

– А почему вам хочется помочь мне?

– Я хочу выяснить, зачем Кокуру Хеккусу столько денег. Я хочу знать как можно больше о Кокуре Хеккусе.

– Ваши мотивы, я полагаю, далеки от чисто академической любознательности?

– Мои мотивы к делу не относятся. Я могу предпринять следующее. Если я получу сто миллионов севов плюс оплату своих издержек, я отправлюсь на Обмен-

ный Пункт и выкуплю ваших детей. Кстати, сколько им лет?

— Даро — девять лет, Викс — семь.

— В то же время я постараюсь установить цели Кокура Хеккуса и его нынешнее местопребывание.

— А потом?

— Узнав все, что смогу, я доставлю сюда ваших детей и, если вас заинтересует, поделюсь своей информацией.

На лице Аудмара ничего нельзя было прочесть.

— Каков ваш нынешний адрес?

— Я живу в Авенте, в отеле «Креденца».

Аудмар встал из-за стола:

— Очень хорошо. У вас одиннадцатая ступень, значит, вы понимаете, как нужно поступить. Узнайте, зачем Кокуру Хеккусу нужна огромная сумма денег. Он изобретательный человек с богатым воображением и часто удивлял нас. Конгрегация считает Кокура Хеккуса замечательным экземпляром, а некоторые побочные результаты его зловредной деятельности — достойными изучения. Мне больше нечего сказать.

Джерсен без дальнейших церемоний вышел из комнаты. В тихом холле он встретил женщину, которая впустила его в дом. Она посмотрела на гостя испытующим взглядом. Джерсен спросил:

— Вы мать этих детей?

Она не дала прямого ответа.

— С ними... с ними все в порядке?

— Я думаю, да. Вы дадите мне их фотографии?

Она подошла к шкафу и достала снимки. Мальчик улыбался, девочка была серьезной. Женщина не решилась говорить громко и спросила полупрошептом:

— Что с ними будет?

Джерсен внезапно понял, что она приняла его за представителя похитителей. Ну как можно опровергнуть это невысказанное подозрение? Джерсен неловко ответил ей:

— Я знаю об этом деле очень мало... собственно говоря, лично я в нем не замешан, но надеюсь, что как-нибудь... — Слова, которые приходили ему на ум, были либо бессмысленными, либо чересчур откровенными.

Она продолжала:

— Я знаю, мы должны быть отстраненными... Но это же несправедливо по отношению к маленьким... Если я могу что-нибудь сделать...

— Мне не стоило бы вселять напрасные надежды,— пробормотал Джерсен,— но, вероятно, ваши дети вернутся домой.

— Я буду признательна,— просто ответила женщина.

Джерсен вышел из холодного темного дома в сад, освещенный ослепительным солнцем. Стоял тихий день, и, когда он завел старый глайдер, тарахтение двигателя показалось неприлично громким. Джерсен был счастлив покинуть дом Душана Аудмара. При всей своей величавости и архитектурной замысловатости это был дом молчания и подавления эмоций, дом, где гнев и страдание считались запретными чувствами.

«Вот почему я не стал добиваться двенадцатой ступени»,— подумал про себя Джерсен.

Через три дня в отель Джерсену был доставлен пакет. Открыв его, он обнаружил восемнадцать пачек новеньких ригелианских банкнотов, на сумму сто один миллион севов. Джерсен проверил их своим фальшметром — все были подлинными.

Джерсен немедленно оплатил счет в отеле и отправился подземкой в космопорт, где его ждал старенький потрепанный разведчик 9Б. Часом позже он уже был в космосе.

ГЛАВА 4

В определенном смысле стремительное заселение людьми Галактики нужно считать регрессом цивилизации. На Земле, после тысячелетних усилий, люди пришли к общему мнению, что считать добром и злом. Когда люди покинули Землю, они утратили и общность мнений.

Из книги Калвина В. Калверта «Моральная сущность цивилизации».

Обменный Пункт — одно из весьма странных учреждений, созданных для поддержки функционирования так называемого «общего механизма». Известно, что похищение ради выкупа является широко распространенным преступлением благодаря возможности быстрого бегства на звездолете. В прошлом система выплаты выкупа часто давала сбои из-за взаимной ненависти и недоверия, и много мальчиков

и девочек так и не вернулось домой. Отсюда возникла необходимость в Обменном Пункте, который организовали на Сасани, планете на Краю Света, недалеко от границы. Обменный Пункт функционирует как брокерская контора, обслуживающая похитителей и плательщиков выкупа, гарантирующая их безопасность и добросовестность сделки. Похититель получает выкуп минус комиссионные Обменного Пункта, и жертва спокойно возвращается домой. Обменный Пункт официально считается преступным учреждением, но специальные органы смотрят на его деятельность сквозь пальцы: видимо, полагают, что без него дело бы обстояло еще хуже. Время от времени разные силы обсуждают возможность найма МПКС для рейда на Обменный Пункт, однако пока это только разговоры.

Из учебника Прейда «Человеческие учреждения» для достигших десятой и одиннадцатой ступеней.

Обменный Пункт представлял из себя скопление зданий, атаковавшее подножие высокого холма в пустыне Да'ар-Ризм на Сасани, четвертой планете звезды GB-1201 Орла (если использовать геоцентрическую номенклатуру «Звездного атласа»). Когда-то в далеком прошлом разумная раса населяла по крайней мере два северных континента Сасани: там были найдены руины монументальных замков и зданий.

Частным звездолетам было запрещено приземляться в Да'ар-Ризме, и кольцо пушек вокруг Обменного Пункта подкрепляло запрет. Лица, желающие воспользоваться услугами Обменного Пункта, должны были приземляться в Нике, на берегу Калопсидского моря, добираться самолетом до Сул Арсама, пересадочной станции в пустыне, а потом трястись наземным транспортом по пустыне целых двадцать миль.

Когда Джерсен прибыл в Сул Арсам, шел холодный дождик; на немного увлажненной почве пустыни тотчас появлялись лишайники. На полпути от взлетного поля к автобусной стоянке небольшой жужжащий объект прилип к щеке Джерсена и начал немедленно вгрызаться в кожу. Джерсен выругался и смахнул его рукой. Он заметил, что остальные пассажиры тоже отмахивались от насекомых и что местный служащий, у которого явно был ультразвуковой отпугиватель насекомых, слабо, но ехидно улыбался.

Вместе с пятью другими пассажирами Джерсен долго дожидался на станции — длинном сарае без передней и задней стенок. Дождик превратился в отдельные, изред-

ка падавшие капли, потом вовсе перестал, и внезапно светило ярко озарило пустыню. Лужицы испарялись на глазах. Лишайник начал выбрасывать мелкие облачка розовых спор.

Прибыл автобус – раздолбанная конструкция на четырех огромных колесах. Он явно намеренно остановился как можно неудобнее для пассажиров – метрах в шестидесяти от станции. Джерсен и остальные пассажиры кинулись к нему, на бегу хлопая себя руками в желании отделаться от назойливых насекомых.

В течение получаса автобус, дергаясь и подпрыгивая на ухабах, тащился по пустыне; наконец вдали показался Обменный Пункт – группа низких бетонных зданий, окруживших холм из крошащегося красного песчаника. Верхушку холма украшала роща из желтых, коричневых и красных деревьев, посреди которой виднелось несколько коттеджей.

Автобус, грохоча, въехал на огороженную стоянку и остановился. Пассажиры высадились и по желтым стрелкам указателей прошли в приемную. За барьером, делая отметки в журнале, сидел маленький грустный клерк-блондин с аккуратно прилизанными волосами вокруг серой шапочки с эмблемой Обменного Пункта – символическим изображением рукопожатия. Жестом пригласив вошедших присесть, он продолжал работать. Наконец, захлопнув журнал, клерк поднял взгляд и указал пальцем на одного из прибывших:

– Вы, сэр. Подойдите, я займусь вами.

Избранный им индивидуум был черноволосый мужчина, одетый в обычные для жителей Бернала белые брюки и облегающий черный пиджак. Клерк достал бланк:

– Ваше имя?

– Ренк Олгвин девяносто второй, Файл Меттьер шестой.

– Кого вы хотите выкупить?

– Ренк Сетт сорок четвертый, Файл Меттьер седьмой.

– Аннулируемый взнос?

– Двенадцать тысяч пятьсот севов.

– Вы агент, первично заинтересованное лицо или посторонний?

— Я агент.

— Очень хорошо. Пожалуйста, внесите деньги.

Деньги были переданы; клерк тщательно пересчитал их, пропустил через щель своего фальшметра и убедился в их подлинности. Он написал расписку в получении денег и потребовал у бернальца встречную расписку, которую тот отказался писать, пока не приведут выкупаемого. Клерку не понравилось такое своеобразие, он откинулся в кресле и неприязненно поглядел на бернальца:

— Вы не понимаете, сэр. Главное на Обменном Пункте — честность. Сам факт того, что я позволил вам уплатить деньги, является достаточной гарантией присутствия здесь выкупаемой особы, причем в добром здравии. Своими колебаниями и подозрительностью вы не только оскорбляете наше учреждение, но и позорите себя.

Берналец пожал плечами, явно не убежденный этой риторикой. Тем не менее, он написал требуемую расписку. Клерк сухо кивнул головой, нажал кнопку, и появился служащий в красном пиджаке, чтобы отвести бернальца в комнату ожидания.

Клерк осуждающе покачал головой и вновь указал пальцем на одного из посетителей. Им оказался толстый ворчун, с темно-желтым крашеным лицом, одетый в стандартный костюм космонавта, такой же, как у самого Джерсена, что не позволяло догадаться, откуда он пришел. Его недовольный вид не произвел на клерка никакого впечатления.

— Ваше имя?

— Не ваше дело.

Клерк вновь откинулся на спинку кресла:

— Что это значит? Я требую назвать ваше имя, сэр!

— Мистер Неизвестный.

Клерк вспыхнул:

— Наша организация действует без обмана и ценит подобное поведение и у деловых партнеров. Очень хорошо, запишем «мистер Неизвестный». Кто тот гость, чей взнос вы аннулируете?

— Я выкупаю узника! — взревел толстяк. — Вот ваши проклятые деньги! Верните моего племянника!

Клерк неодобрительно поджал губы:

— В соответствии с нашими правилами я упрощу вопрос. Кто ваш племянник?

— Кадер, лорд Саттербас. Доставьте его сюда, и быстро!

Клерк полуприкрыл глаза и вызвал служителя:

— Лорд Саттербас, квартира четырнадцать, для этого джентльмена.

Он помахал перед собой рукой, будто разгоняя дурной запах, и указал пальцем:

— Вы следующий, сэр.

Третий человек, напротив, был стройным и спокойным, с лицом, выкрашенным в шелковисто-зеленый цвет; на нем был вышитый пиджак и кружевные гетры — наряд, модный в Диких горах на Имидже, одной из планет Скопления. Он явно не хотел афишировать свое дело, поскольку попытался перегнуться через барьер и говорить полупшепотом. Клерку не понравился такой способ общения. Он отодвинулся и воскликнул:

— Вы не могли бы говорить громче, сэр? Я ничего не понимаю.

Спокойствие третьего клиента оказалось нестойким. Он вышел из себя и заорал:

— Незачем совершать эти позорные сделки на виду у всех! Вы должны предоставить тем, кто еще не утратил стыд, отдельные кабинки!

— Простите, сэр, но вы нас с кем-то путаете! — оскорбленно заявил клерк. — Вам ни к чему прятаться — вы не в бордель пришли! Наша компания абсолютно респектабельна. Мы действуем как посредническая организация, совершенно беспристрастная, представляющая все интересы. Так что теперь, сэр, изложите толком ваше дело.

Лицо человека вспыхнуло от возмущения, так что цвет его кожи принял грязно-серый оттенок.

— Раз уж вы так откровенны, может, скажете, кому принадлежит эта лавочка? Кто загребает прибыли?

— Этот вопрос совершенно не относится к делу, — ответил клерк.

— Так же, как мое имя и адрес. Ну, выкладывайте, раз уж вы так кичитесь своей открытостью и респектабельностью!

— Достаточно указать, что эта корпорация принадлежит нескольким группам лиц.

— Ха!

Наконец человек заплатил деньги и ушел со служителем. Следующим вызвали Джерсена. Он назвал свое имя и объявил себя посторонним, другими словами, независимым предпринимателем, который хочет «аннулировать взнос» — специфический эвфемизм Обменного Пункта — любого «гостя», за которого не внесли выкуп в течение пятнадцати дней. Обычно это делалось в надежде запросить больший выкуп и немного заработать. Клерк коротко кивнул:

— Вот список «доступных гостей».

Джерсен взял список из нескольких десятков имен с соответствующими суммами «взноса». Почти в самом начале страницы он прочел:

Аудмар Даро, 9, муж., Аудмар Викс, 7, жен. Взнос: 100 000 000 севов.

Несколькими строчками ниже:

Кроматри Белла, 15, жен. Взнос: 100 000 000 севов.

Дарбассин Олег, 4, муж. Взнос: 100 000 000 севов.

И далее:

Энерже-Токай Алюз Ифигения, 20, жен. Взнос: 10 000 000 000 севов.

Джерсен прочел сумму взноса и протер глаза. Типографская ошибка? Десять миллиардов севов. Неслыханный выкуп, немыслимая сумма! Даже сто миллионов были беспрецедентной суммой, хотя в списке значились семь или восемь «гостей» с таким «взносом». Огромная сумма денег — и всего лишь сотая часть десяти миллиардов. Что-то очень странно. Кто мог заплатить десять миллиардов? Эта цифра превосходила бюджеты большинства планет, не говоря уж об отдельных людях. Джерсен стал просматривать список дальше. После «гостей», оцененных по сто миллионов, в нем оказался только один, оцененный выше ста тысяч:

Пэтч, Майрон, 56, муж. Взнос: 427 685 севов.

Клерк, обслуживший еще одного клиента, пока Джерсен изучал список, повернулся и спросил:

— Подходит ли вам кто-нибудь из «доступных гостей»?

— Разумеется, я желаю лично познакомиться с ними, — ответил Джерсен, — но из чистого любопытства: десять миллиардов — это опечатка или правильная сумма?

— Конечно, правильная, сэр. Мы не позволяем себе таких ошибок.

— Могу ли я спросить, кто является спонсором этой юной леди? От чьего имени вы действуете?

Клерк неодобрительно заметил:

— Вы должны бы знать, что подобная информация является закрытой, если только мы не получили прямого разрешения от спонсора.

— Понимаю. Ну, а как насчет Аудмаров, Кроматри, Дарбассина и прочих, у которых по сто миллионов? Кто их спонсор?

— У нас нет разрешения разглашать эту информацию.

Джерсен кивнул:

— Очень хорошо. Я пойду и погляжу.

— Еще одно замечание, сэр. В случае с Эперже-Токай мы не можем разрешить удовлетворения простого любопытства. Прежде чем встретиться с ней, вы должны депонировать десять тысяч севов.

— Я не настолько любопытен, — отрезал Джерсен.

— Как хотите, сэр.

Клерк вызвал служителя, который вывел Джерсена из приемной и прошел с ним по коридору во двор. Там он остановился и поинтересовался:

— Каких именно «гостей» вы хотели бы увидеть?

Джерсен оценивающе оглядел служителя. Судя по манере говорить врасстяжку, он был родом с Земли или с одной из планет Края Света. Парень был ровесником Джерсена или чуть моложе. Крупные черты приятного лица, подкрашенного в бледно-желтый цвет, гармонировали с широкими, чуть сутулыми плечами. Шапочка с эмблемой Обменного Пункта еле держалась на желтой вьющейся гриве, переходящей за ушами в роскошный хвост.

Джерсен задумчиво произнес:

— Как вы знаете, я посторонний.

— Да, сэр.

— У меня есть парочка севов, которые я хотел бы с толком вложить. Вы должны понимать, что я имею в виду.

Служитель неуверенно кивнул головой.

— Вы можете оказать мне большую услугу, — продолжал Джерсен. — Я полагаю, вы знаете много больше того, что сообщено в списке. Если вы посоветуете, как лучше всего заработать, будет только справедливо, если я поделюсь с вами.

Служителю явно понравился ход мыслей Джерсена.

— Все это вполне приемлемо — разумеется, если правила не будут нарушены. Правила очень жестки, а наказания очень суровы.

— И речи быть не может о каких-нибудь подпольных сделках. — Джерсен вытащил пару стосековых банкнотов. — Будет еще несколько, смотря по тому, сколько у вас найдется полезных сведений.

— Я могу рассказывать часами: тут происходит много странных вещей. Но пойдемте. Если я правильно понял, вы хотите посмотреть на всех «гостей», которые сейчас «доступны»?

— Именно.

— Очень хорошо. В этой стороне расположены комнаты класса Е, предназначенные для тех «гостей», чьи друзья и родные не смогли «аннулировать взнос» и которые, честно говоря, просто дожидаются, пока их купят работоторговцы. Уровень комфортабельности повышается вплоть до так называемых Имперских садов, что на вершине холма. «Гости» должны находиться в своих комнатах до обеда, чтобы их смогли осмотреть клиенты, но после обеда им разрешается проводить время по своему усмотрению, а вечером все обычно собираются вместе. Некоторые из «гостей» находят наши условия благотворно влияющими на нервную систему и даже в определенной степени благодарны за это своим спонсорам.

Сопровождаемый словоохотливым служителем, Джерсен посетил жалкие клетушки класса Е, а затем перешел к классам С и D. Перед каждой комнатой висела табличка с именем, статусом и суммой «взноса». Служитель, чье имя было Арманд Кошиль, обсуждал различные варианты выгодных сделок и рискованных спекуляций.

— Совершенно невероятно. Посмотрите, ведь это старший сын Тивальда Фатцбиттика, самого богатого золотоискателя на Бонифасе. Что для него сорок тысяч севов? Он выложит сто тысяч, не моргнув глазом. Если б у меня были деньги, я б его сам выкупил. Это верняк!

— Почему же Тивальд не выкупил сына до сих пор?

Кошиль недоуменно покачал головой:

— Фатцбиттик очень занятый человек. Возможно, ему просто не выкроить время. Но раньше или позже, помяните мое слово, он будет здесь, и денежки польются рекой.

— Вполне возможно.

Кошиль показал еще несколько гостей и выразил удивление, что Джерсен остался глух к его предложениям.

— Я вам точно говорю, слишком долгие раздумья приводят к плачевному результату. Вот, например, в этой самой комнате жила красивая молодая девушка, чей отец долго тянул с выкупом. Спонсор снизил цену до девяти тысяч севов, и вчера ее выкупил посторонний клиент — работороговец с Сарданапала. И, вы не поверите, как только бумаги были подписаны, появился отец с деньгами. Но его постигло жестокое разочарование, поскольку работороговец заявил, что он полностью удовлетворен и не откажется от сделки. Вышла очень неприятная сцена.

Джерсен согласился, что откладывание со дня на день часто приводит к неприятностям.

— По-моему, — заявил Арманд Кошиль, — Совет Ойкумены должен взять на себя оплату всех взносов. Почему бы и нет? Большинство «гостей» — граждане Ойкумены. Это позволило бы упростить процедуру и избавиться от многих неприятных и унижительных моментов.

Джерсен предположил, что такой порядок только поощрял бы похитителей, и Кошиль согласился с ним.

— С другой стороны, некоторые факты меня озадачивают.

— В самом деле?

— Вы знаете Трансгалактическую страховую компанию? У нее есть филиалы почти во всех крупных городах.

— Я слышал это название.

— Компания специализируется на страховке от похищений и контролирует шестьдесят — семьдесят процентов рынка: ее цены намного ниже, чем у конкурентов. Почему у нее низкие цены? Потому что ее клиентов похищают очень редко, в то время как клиенты конкурирующих фирм регулярно оказываются у нас. Я думаю, либо Трансгалактическая владеет Обменным Пунктом, либо Обменный Пункт владеет Трансгалактической. Мысль, конечно, недостойная, но, вероятно, правильная.

— Недостойная — возможно, но интересная... А почему бы и нет? Эти два предприятия прекрасно подходят друг к другу.

— Именно так я и думаю... Да, много странных вещей случается на Обменном Пункте.

Они дошли до квартиры класса В, в которой обитали Даро и Викс Аудмар.

— А вот веселая парочка малышей, — сказал Арманд Кошиль. — Сумма, конечно, слишком велика. Эта парочка стоит тысяч двадцать — тридцать, в зависимости от вкусов. Время выкупа первично заинтересованной стороной истекло, так что они «доступны», но ни один здравомыслящий человек такого выкупа не заплатит.

Джерсен поглядел на детей через поляризованное стекло двери. Они сидели тихо: Даро читал, Викс развязывала узелок на ленточке. Ребята были очень похожи друг на друга: стройные, темноволосые, с такими же яркими серыми глазами, как у отца. Джерсен отвернулся.

— Странно, почему за них назначен такой высокий выкуп? И я заметил, что здесь есть еще несколько гостей с таким же выкупом. Что за этим кроется?

Кошиль нервно облизнул губы, моргнул, опасливо огляделся вокруг:

— Я не должен разглашать сведения, касающиеся личности спонсора. Но я уверен, этому спонсору наплевать на тайну. Его зовут Кокур Хеккус.

Джерсен изобразил удивление:

— Что? Кокур Хеккус? Машина Смерти?

— Он самый. Этот спонсор всегда давал нам неплохо подзаработать, но в настоящий момент он просто наш

основной клиент. За последние два месяца Кокур Хеккус доставил сюда двадцать шесть человек и всех — за одним исключением — оценил по сто миллионов севов. И в большинстве случаев получил их. Этих детей тоже привез Кокур Хеккус.

— Но зачем? — удивился Джерсен. — У него на уме какой-нибудь грандиозный проект?

Кошиль таинственно улыбнулся.

— Да, да, именно так. Но это целая история. — Он вновь огляделся по сторонам. — Вы, наверное, знаете кое-что о Кокуре Хеккусе?

— А кто же не знает?

— Среди его характерных черт — приверженность к эстетическому идеалу. Похоже, он безумно влюбился в девушку — самую красивую девушку во Вселенной! Она просто несравненна!

— Откуда вы знаете?

— Потерпите. Эта девушка вовсе не разделяла чувств Кокура Хеккуса, от одной мысли о нем ее кидало в дрожь и мутило. Куда ей было бежать? Где она могла укрыться? Галактика слишком мала. Ведь Кокур Хеккус неутомимо искал бы ее. Для этого прелестного существа не нашлось убежища, кроме Обменного Пункта. Даже Кокур Хеккус не осмеливается нарушать наши правила. Во-первых, ему бы больше не позволили пользоваться нашими услугами; во-вторых, администрация не пожалела бы никаких расходов, чтобы крепко наказать его. Возможно, Кокур Хеккус и презирует опасность, но он не сумасшедший. Вот девушка и выступила в роли своего собственного спонсора. И сама установила взнос — десять миллиардов севов. Вообще-то она хотела назначить тысячу миллиардов, но ей не разрешили. Так что теперь у нас довольно забавная ситуация: девушка наслаждается покоем и одиночеством в безопасных Имперских садах Обменного Пункта, а Кокур Хеккус рвет и мечет, сгорая от страсти. Но не стоит его недооценивать. Ему не хватает денег — надо где-то добыть десять миллиардов севов.

— Я начинаю понимать, — пробормотал Джерсен.

— Кокур Хеккус несколько не смутился, — увлеченно продолжал Кошиль. — Он решил вышибать клин клином. Девушка использовала Обменный Пункт, чтобы

укрыться от него? Отлично! Он использует Обменный Пункт, чтобы добиться своего. Десять миллиардов – огромная сумма, но это всего лишь сто раз по сто миллионов. Так что теперь Кокур Хеккус прочесывает Ойкумену, похищая родственников богатейших людей мира. И когда сотая жертва заплатит сто миллионов, Кокур Хеккус предъявит свои права на Алюз Ифигению Эперже-Токай.

– Похоже, Кокур Хеккус – крайне романтичный индивидум, в полном смысле слова, – произнес Джерсен.

Кошиль не заметил иронии в реплике Джерсена.

– Конечно! Только подумайте! Красавица должна ждать здесь, день за днем, глядя, как уменьшается недостающая Хеккусу сумма. Он уже получил взносы за двадцать «гостей», а каждый день прибывают новые и новые. А девушка не в состоянии сделать ничего – она попала в собственную ловушку.

– Хм. Прискорбная ситуация, особенно с точки зрения юной леди? Откуда она родом?

Кошиль покачал головой:

По слухам – а слухи вообще являются основным моим источником информации, – красавица заявила нечто совершенно невероятное: будто родом она из сказочной страны – с планеты Фамбер!

– С Фамбера? – Джерсен действительно удивился: Фамбер, мифическая планета ведьм и морских змеев, доблестных рыцарей и заколдованных замков, была излюбленным местом действия в сказках для детей. Правда, вспомнил он вдруг, и местом обитания хормагаунов!

– Именно с Фамбера! – рассмеялся Кошиль. – Мне пришло в голову, что, будь у вас десять миллиардов и достаточно отваги, это была бы отличная сделка! Кокур Хеккус, безусловно, заплатил бы любую назначенную цену, даже если б ему пришлось похитить еще сто человек!

– С моим везением, стоит мне выкупить эту несравненную красавицу, как она заболит и умрет у меня на руках. И мы с Кокуром Хеккусом понесем тяжелую утрату.

Разговаривая, они продолжали идти вдоль ряда апартаментов классов В и А. Кошиль приостановился и показал рукой на мужчину средних лет, чертившего диаграмму в блокноте.

— А вот Майрон Пэтч, еще один «гость», доставленный Кокуром Хеккусом. Со взносом в 427 685 севов. По-моему, он этого не стоит. Не то что девушка с Фамбера! — Служитель игриво подмигнул Джерсену и ткнул его в бок локтем.

Джерсен, нахмурясь, разглядывал Майрона Пэтча, непримечательного мужчину среднего роста, полного, с добродушным лицом. Его заинтересовала сумма взноса. Почему именно 427 685 севов? За этим явно что-то крылось.

Он спросил у Кошиля:

— Могу я поговорить с этим человеком?

— Разумеется. Он в «доступном» списке. Если вы думаете, что можете помочь Кокуру Хеккусу собрать десять миллиардов, выплатив эту забавную сумму — 427 685 севов, то, пожалуйста, действуйте.

— Помещения здесь, естественно, оснащены микрофонами и телекамерами?

— Естественно, нет, и по очень веской причине: нам абсолютно незачем подслушивать.

— Тем не менее, — заметил Джерсен, — мы примем меры предосторожности. Давайте я с ним поговорю.

Кошиль нажал кнопку, зазвенел звонок, указывающий «гостю», что он нужен. Майрон Пэтч поднялся и медленно подошел к двери. Кошиль вставил ключ в гнездо, дверная панель отъехала в сторону. Пэтч взглянул на Джерсена — сперва с надеждой, потом с недоумением. Джерсен взял Кошиля за плечи и подвел к дверному проему:

— А теперь пойте. И пойте громко.

Кошиль глуповато улыбнулся:

— Я помню только колыбельные, которые мне пели в детстве.

— Тогда пойте колыбельные, но громко и с чувством.

Кошиль начал громко и фальшиво петь. Джерсен повернулся к озадаченному Пэтчу:

— Подойдите поближе и расскажите, почему вы тут оказались.

Пэтч печально улыбнулся:

— Это длинная история.

— Расскажите ее настолько кратко, насколько возможно.

Пэтч грустно вздохнул:

— Я инженер и владелец фабрики. Я взялся сделать сложную работу для одного человека, который оказался преступником. Мы поспорили. Он похитил меня и доставил сюда. Выкуп — это те деньги, о которых мы спорили.

Кошиль затащил новую песню. Джерсен спросил:

— Этот преступник — Кокур Хеккус?

Майрон Пэтч скорбно опустил голову.

— Вы встречались с ним лично?

Пэтч пробормотал несколько слов, которых Джерсен не смог разобрать из-за завываний Кошиля. Пэтч чуть повысил голос:

— Я сказал, что встречался с его агентом, который часто бывал на Крокиноле.

— Вы могли бы связаться с ним?

— На Крокиноле — да, здесь — нет.

— Очень хорошо. Я «аннулирую» ваш «взнос». — Джерсен хлопнул Кошиля по плечу: — Вы можете замолчать. Мы возвращаемся в приемную.

— Вы уже закончили? Но там же еще есть столько возможностей для сделок, выгоднейших сделок!

Джерсен заколебался:

— Могу я взглянуть на леди, которую преследует Кокур Хеккус?

Кошиль покачал головой:

— Нет, пока вы не заплатите десять тысяч. Строго говоря, она вообще не хочет никого видеть, даже служащих вроде меня, которые с удовольствием помогли бы ей развеять скуку и снять вполне понятное напряжение.

— Ладно. — Джерсен вытащил еще три сотни, которые Кошиль, несколько ошавевший от разговоров о миллионах и миллиардах, принял без большого энтузиазма. — Мы возвращаемся в приемную.

ГЛАВА 5

Крокиволь. Третья по величине планета Скопления Ригеля, четырнадцатая по орбитальному номеру.

Параметры планеты:

Диаметр, миль	9450
Масса, ст. массы	1,23
Период обращения	22 часа 16 минут 48,9 секунд

Общая характеристика:

Крокиноль некоторые считают самой красивой планетой Скопления. Несомненно, по этнографическому и географическому разнообразию ей нет равных. Планета имеет два больших континента (Боркленд и Сенкленд) и шесть малых (Кумберленд, Лейленд, Гардена, Мергенталер, Хопленд и Скакерленд). Каждый из них гордится десятками своих чудес природы. Для примера можно назвать находящиеся на Кумберленде хрустальные башни в округе Байз или водопад Кард-Ривер в округе Динкер, «дыру» сквозь мир в Северном Сенкленде, подводный лес вдоль южного побережья Скакерленда, гору Айова в Гардене – самую высокую (12 758 м над уровнем моря) во всем Скоплении Ригеля.

Флора и фауна разнообразны и высокоразвиты. Почти полностью истребленные сверхзвери, некогда хозяева планеты, демонстрируют более чем зачатки разума. Достаточно обратить внимание на их сложную систему общения жестами (мы не назовем ее речью, чтобы избежать семантической путаницы), организацию общины, взглянуть на их лодки, корзины, орнаментальные узоры на одежде.

Человеческое население Крокиноля так же разнообразно, как и его топография. Скакерленд заселен представителями секты скакунов, когда-то прибывших с Оллифэйна; в горах Гардены обитают удивительные карлики – импы. В Кумберленде живут талантливые и трудолюбивые белые локоны, в тундре Северного Хопленда кочуют друиды-банкеры. Кроме того, здесь живут аркадийцы, баталезы, сингалы, янсенисты, древние аланы и многие другие народности.

«Краткий планетарный справочник», 303-е издание, 1292 год.

Возвращаясь с Сасани на борту корабля Джерсена, Майрон Пэтч подробно рассказал историю своих отношений с Кокуром Хеккусом и даже всю историю своей жизни. Выяснилось, что инженер родился и жил на Земле; во время Тексахомских мятежей ему повезло, и он сумел унести ноги. Пэтч прибыл на Крокиноль без копейки денег, устроился на верфи компании «Кард Естуари» чернорабочим. Потом открыл маленькую механическую мастерскую в Патрисе, столице белых локонов. Дело крепло, и через восемнадцать лет он стал владельцем и управляющим компании «Пэтч» – крупнейшего предприятия в Кумберленде. У него была репутация гибкого дельца и изобретательного инженера, так что, когда Зеуман Отуал принес ему заказ с совершенно необычными спецификациями, он был заинтригован, но не удивлен.

По описанию Пэтча, Зеуман Отуал был чуть моложе его, с поразительно уродливым лицом: длинный, загну-

тый вниз нос почти смыкался с острым выступающим подбородком.

Зеуман Отуал был откровенен. Он сразу представился как агент Кокура Хеккуса и был очень доволен, когда Пэтч заявил о своей готовности выполнять заказы хоть самого дьявола, если его деньги спокойно пройдут через фальшметр.

Когда взаимопонимание было достигнуто, Зеуман Отуал изложил свое дело. Он хотел, чтобы Пэтч сконструировал и изготовил шагающую крепость в виде гигантской многоножки двадцати пяти метров в длину и четырех – в высоту. Механизм должен состоять из восемнадцати сегментов, каждый со своей парой ног. Необходимо, чтобы форт мог перемещаться по пересеченной местности со скоростью не менее шестидесяти километров в час, извергать зажигательную смесь, испускать ядовитый газ и выделять лучистую энергию. Пэтч заявил, что может его сконструировать и, естественно, поинтересовался, зачем это чудовище нужно. Зеуман Отуал сначала выразил неудовольствие неуместным любопытством, но потом пояснил, что Кокур Хеккус увлекается сложными и жуткими машинами. Кроме того, добавил Отуал, Кокур Хеккус недавно был оскорблен кучкой нахальных дикарей, и эта игрушка «будет говорить на языке, который они поймут». Явно увлекшись этой темой, Отуал прочитал Пэтчу целую лекцию о природе ужаса. По его мнению, ужас бывает двух типов: инстинктивный и внушенный. Для того чтобы добиться максимального эффекта, нужно использовать оба типа одновременно, поскольку каждый из них в отдельности человек способен контролировать и подавить. Метод Кокура Хеккуса состоял в тщательном анализе всех факторов и выборе наиболее действенных из них. «Рыбу не испугаешь угрозами утопить ее!» – так заявил Отуал.

Лекция продолжалась более получаса, причем Пэтч чувствовал себя все неудобнее и неудобнее. После ухода Отуала он долго боролся со своей совестью, спрашивал себя: морально ли создавать механический ужас для Кокура Хеккуса?

В этом месте рассказа Джерсен прервал инженера:

— Скажите, а вы не подозревали, что Зеуман Отуал и есть Кокур Хеккус?

— Подозревал, конечно, пока Кокур Хеккус не прибыл на завод лично. Он совершенно не похож на Отуала.

— Опишите его, пожалуйста.

Пэтч нахмурился:

— Это очень трудно. У него нет особых отличительных черт. Он примерно вашего телосложения, подвижный и нервный, голова ни мала, ни велика, черты лица правильные. Окраска кожи и цвет одежды достаточно скромные, обычные для взрослых белых локонов. У него мягкие, даже куртуазные манеры, которые, однако, не убеждают, да и не могут убедить. Когда Кокур Хеккус тихо говорит или внимательно слушает, глаза его как-то странно блестят, будто он вспоминает жуткие зрелища, виденные им, или ужасные вещи, сделанные им.

К ним подбежали дети и попросили показать Ригель. Джерсен показал им сияющую белую звезду прямо по курсу корабля, затем повернулся к Пэтчу, который тотчас продолжил описание своих моральных страданий. Его мучили раскаяние, угрызения совести и дурные предчувствия, но, в конце концов, бедняга решил руководствоваться двумя положениями: во-первых, он уже скомпрометировал себя, получив аванс — 427 685 севов; во-вторых, если он не построит это чудовище, найдутся десятки других мастерских, готовых сделать это. Работа пошла полным ходом, хотя Пэтч и сознавал, что создает орудие зла.

Джерсен слушал его молча и действительно не очень осуждал. Пэтч казался безобидным человеком, имеющим несчастье быть лишенным морали.

Работа продолжалась. Самоход был почти готов, когда прибыл Кокур Хеккус, чтобы лично проверить его. К жестокому разочарованию Пэтча, он заявил, что полностью не удовлетворен. Он высмеял действие ног, охарактеризовав его как неуклюжее и очевидно механическое. По мнению Кокура Хеккуса, механизм не обманет и ребенка. Пэтч, сперва потрясенный, постепенно пришел в себя. Он вытаскивал техническое задание и доказал, что не отступил от него ни на йоту. Нигде и никогда ему не давали никакой информации о характере движения ног. На Кокура Хеккуса это не произвело

впечатления. Он заявил, что самоход совершенно непригоден и что Пэтч обязан внести необходимые изменения. Пэтч сердито ответил, что он не принимает никаких претензий и что изменения внести можно, но за дополнительную плату. Кокур Хеккус пришел в ярость. Он сделал рубящий жест, показывая, что Пэтч зашел слишком далеко, и резким тоном заявил, что контракт не выполнен и поэтому Пэтч обязан вернуть аванс – 427 685 севов. Пэтч наотрез отказался, после чего Кокур Хеккус откланялся и удалился.

Пэтч запасся оружием, но без толку: через четыре дня три человека схватили его, тщательно, хотя и без особого азарта избили, сунули в звездолет, привезли на Обменный Пункт и установили «взнос» в сумме 427 685 севов. У Пэтча не было ни близких друзей, ни родственников, ни деловых партнеров. Из-за нескольких долгов, сделанных ради расширения предприятия, экстренная продажа компании не могла принести больше двухсот тысяч севов. Он потерял всякую надежду на освобождение и ждал, что его продадут в рабство. Затем появился Джерсен. Пэтч нерешительно поинтересовался его мотивами. Разумеется, он чувствует бесконечную благодарность, он восхищен великодушием, но убежден, что здесь кроется что-то еще.

Джерсен не испытывал ни малейшего желания откровенничать с Пэтчем.

– Вы можете полагать, что я знаком с инженерной компанией «Пэтч» и считаю пятьдесят один процент ее акций достаточной компенсацией за мои расходы.

Пэтч довольно печальным тоном заявил, что удовлетворен такими условиями.

– Вы желаете формального установления партнерства?

– Будет лучше, если вы подготовите соответствующие бумаги. Собственно говоря, меня интересует полный контроль над деятельностью компании в течение неопределенного срока, не превышающего пяти лет. Что же касается прибылей, то я сейчас не нуждаюсь в деньгах, и вы можете их использовать для выплаты предоставленной суммы.

Пэтч был явно не в восторге от этой схемы, но не имел оснований для возражений. Внезапно ему в голову пришла новая мысль, и он нервно потер лицо рукой:

— Скажите, вы случайно не собираетесь продолжать дела с Кокуром Хеккусом?

— Раз уж вы спросили — да, собираюсь.

Пэтч нервно облизнул губы:

— Позвольте мне сразу использовать мои сорок девять процентов голосов решительно против. И если у вас в душе есть хоть два процента сомнений, голоса против должны перевесить безрассудные амбиции.

Джерсен улыбнулся:

— Имея пятьдесят один процент акций, я попытаюсь вернуть деньги, незаконно изъятые Кокуром Хеккусом из фондов компании.

Пэтч опустил голову:

— Так тому и быть.

На темном небе ярко сиял Ригель. Джерсен нашел Альфанор и показал его детям, которые тут же словно закипели от возбуждения. Джерсен с грустью наблюдал за ними. Он понимал, что, как только дети вернутся в прохладный старый дом на выжженных солнцем холмах Таубе, они сразу кинутся к матери и отцу... похищение, заточение, путешествие станут смутными воспоминаниями, и Джерсен будет забыт.

Джерсен задумался над причудами судьбы, превратившей его — горько признавать — в мономаньяка. Что, если по какому-то фантастическому стечению обстоятельств ему удастся отомстить всем пятерым Властителям Зла за бойню в Маунт-Плезенте? Что ему делать дальше? Сможет ли он уйти от дел, осесть на земле, жениться, растить детей? Или роль Немезиды настолько вошла в его плоть и кровь, что он никогда не сможет слушать о злодеях, не испытывая потребности немедленно покарать их? И самое печальное, что эта потребность будет вызвана не негодованием или моральным осуждением, а простым рефлексом, бесстрастной реакцией организма, и радость мести будет сродни чисто физиологическому удовольствию почесать там, где чешется.

Как всегда, подобные рассуждения повергли Джерсена в меланхолию, и в течение всего оставшегося путе-

шестивия он был резче и неприветливее, чем обычно. Дети смотрели на него с удивлением, но без страха, так как научились, по крайней мере, доверять ему.

Они опустились на Альфаноре, в древнем космопорте Марквари, центре провинции Гарро. Отсюда Джерсен позвонил Душану Аудмару. Лицо Брата на экране видефона выглядело немного изможденным. Джерсен подумал, что Аудмар был гораздо более обеспокоен похищением детей, чем признавал открыто. Он поинтересовался здоровьем детей и ответил на приветствие Джерсена коротким кивком головы.

Поскольку между Марквари и Таубе не было воздушного сообщения, а звездолетам разрешалось приземляться только в космопортах, Джерсен с детьми сел на грузопассажирский корабль, курсировавший вдоль побережья. За сутки они прошли пятьсот миль и прибыли в Таубе. Там Джерсен вновь нанял древний аэрокар и направился вдоль длинного склона к дому Душана Аудмара. Дети выпрыгнули из аэрокара и кинулись сломя голову к матери, которая ожидала их на пороге дома. Лицо ее было искажено от усилий сдержать слезы. Джерсен внезапно ощутил пустоту, так как уже успел привязаться к детям. Он вошел в дом, и тут Даро и Викс подбежали, обняли и расцеловали его.

Аудмар встретил Джерсена и проводил в тот же кабинет, где они беседовали в первый раз. Джерсен начал отчет:

— Кокуру Хеккусу нужны десять миллиардов севов. Он надеется добыть эту сумму, вымогая по сто миллионов у ста самых богатых людей Ойкумены. Он собрал уже примерно треть суммы, и деньги все прибывают. Ему нужны эти деньги, чтобы выкупить девушку, которая, спасаясь от него, укрылась в Обменном Пункте, назначив выкуп в десять миллиардов севов.

— Хм,— произнес Аудмар в раздумье.— Эта девушка, вероятно, исключительно красива, если Кокур Хеккус оценивает ее в такую сумму.

— Мне тоже так кажется... любой объект, оцененный в такую сумму, должен быть привлекательным. Я хотел познакомиться с девушкой, но она, действуя как свой собственный спонсор, назначила за любую встречу цену

в десять тысяч севов, вероятно, чтобы отшить любопытных вроде меня.

Душан Аудмар кивнул:

— Эта информация может стоить, а может и не стоить ста миллионов, затраченных Конгрегацией. Мои дети вновь со мной — я, конечно, рад этому, но боюсь, что позволил своим эмоциям взять верх над рассудком и скомпрометировал себя.

Джерсен ничего не ответил. Он и сам так считал. Однако Конгрегации некого винить, кроме себя: при желании Братя, безусловно, могли бы уничтожить Кокура Хеккуса.

— Еще один интересный момент. Молодую леди зовут Алюз Ифигения Эперже-Токай, и, по ее словам, она родом с Фамбера.

— С Фамбера? — Аудмар наконец заинтересовался. — Это серьезное заявление или так, для маскировки?

— Я думаю, она говорит правду.

— Интересно. Даже если это неправда. — Он искоса взглянул на Джерсена. — Вы хотите сообщить мне еще что-нибудь?

— Вы дали мне определенную сумму на расходы. Я использовал часть ее для целей, которые счел подходящими, — приобрел контрольный пакет акций инженерной компании «Пэтч».

Аудмар грациозно кивнул:

— Конечно, это нужно было сделать.

— Возможность представилась на Обменном Пункте. Майрон Пэтч был доставлен туда Кокуром Хеккусом и оценен в 427 685 севов. Цифра заинтересовала меня, я провел расследование, и, когда Пэтч заявил, что может вступить в контакт с Кокуром Хеккусом, я выкупил его, надеясь использовать партнерство как обеспечение долга.

Аудмар поднялся, подошел к двери и вернулся с подносом, уставленным бокалами со стимулирующими напитками.

— Я узнал, — продолжал Джерсен, — что Майрон Пэтч строил механическое чудище для Кокура Хеккуса — самоходную машину в форме многоножки двадцати пяти метров длиной.

Аудмар пригубил напиток, затем поднял бокал, любясь розовыми и фиолетовыми отблесками:

— Вам не следует отчитываться, на что вы потратили деньги. Мы вам заплатили за несколько единиц интересной информации, добытой в трудной поездке, случайным побочным эффектом которой явилось возвращение двух ребятишек домой.

Аудмар допил свой напиток и со стуком поставил бокал на поднос. Джерсен, поняв больше из того, что осталось недосказанным, чем из того, что он услышал, встал и удалился.

Патрис, столица Объединенных Приходов Кумберленда, беспорядочно раскинулся между рукавами дельты Кард-Ривер. Пригороды его тянулись на мили — до берегов озера Ок. В Старом Городе сохранилось множество строений, чей возраст перевалил за тысячу лет. Это были трех- или четырехэтажные дома из грубого черного кирпича, с узкими высокими окнами и высокими наклонными фронтонами. Выше по реке, в семисотлетнем Новом Городе, высились знаменитые Речные Арки — одиннадцать монументальных строений в форме трапеций, опирающихся на оба берега реки. В основании была вырезана арка — шестьдесят метров в длину и двести пятьдесят метров в высоту. Во всей Ойкумене не найдешь ничего похожего. Все одиннадцать строений были одинаковыми, различаясь только цветом облицовки. В нижней, опорной части этих строений располагались магазины, студии, рестораны, в верхней части были квартиры городской элиты.

Между Речными Арками Нового Города и черными кирпичными домами Старого разместились грязная промышленная зона, где находился завод Майрона Пэтча. С лицом, выражающим сложную смесь различных чувств: нерешительности, гордости, обеспокоенности и уязвленного самолюбия, — инженер услужливо подвел Джерсена к главному входу в заводское здание. Оно было больше, чем ожидал Джерсен: метров шестьдесят в длину и около тридцати — в ширину. Пэтч ужасно расстроился тем, что в здании никого не оказалось.

— В самые тяжелые минуты я все равно почему-то надеялся, что мои служащие будут стараться поддержи-

вать дело на ходу, даже попытаются выкупить меня. Больше сотни мужчин и женщин зарабатывали здесь на жизнь — и хоть бы один поинтересовался моей судьбой!

— Вероятно, они были слишком заняты поисками новой работы,— предположил Джерсен.

— Может, и так, но на мою благодарность они пусть не рассчитывают,— отрезал Пэтч, распахивая тяжелую дверь. Они вошли в огромный зал, и Пэтч, показывая на отгороженную часть помещения, начал рассказ: — Зеуман Отуал настаивал на абсолютной секретности. Я использовал только самых доверенных людей, которых даже подверг, по настоянию Отуала, гипнотической обработке, приказав им забывать все увиденное в цехе Б, как только они выходят за дверь. Кроме того,— добавил он с заметным удовольствием,— я внушил им, чтобы они работали с большим энтузиазмом и не чувствовали ни голода, ни жажды, ни усталости во время работы. И, должен сказать, никогда у меня не было таких замечательных рабочих. Я уже подумал подвергнуть обработке гипнозом остальных рабочих, но меня похитили. Честно говоря, я тогда решил, что столкнулся с громилами, нанятыми Гильдией промышленных рабочих.— Пэтч провел Джерсена мимо ряда прессов, станков, печей к высоким дверям, помеченным специальным знаком — красным изображением ладони, обозначающим, что «вход воспрещен», и набрал код на цифровом замке.— Поскольку вы мой партнер, то от вас у меня нет секретов.

— Именно так,— согласился Джерсен.

Дверь скользнула в сторону, и они вошли в цех Б, в котором затаилось огромное чудовище. Джерсен был поражен. Пэтч со своей любовью к обтекаемым выражениям не сумел подготовить компаньона к жуткому виду конструкции. Из головы торчали шесть щупалец, а шею прикрывал воротник из длинных острых шипов. Глаза заменила фасеточная полоса. На вершухе головы было устроено коническое заправочное отверстие в виде пасти. По бокам головы располагались две суставчатые руки. Туловище состояло из восемнадцати сегментов, каждый из которых был снабжен парой суставчатых ног, обтянутых желтоватой морщинистой кожей. Заканчивалось туловище вздутием, похожим на вторую голову, с

одним фасеточным глазом и набором шипов. Туловище, видно, еще не было доделано и отливалось металлическим блеском.

— Ну, что вы об этом думаете? — озабоченно спросил Пэтч.

— Весьма впечатляюще. Хотел бы я знать, зачем оно ему понадобилось?

— Поглядите. — Пэтч взобрался на голову чудища, используя шипы в качестве лестницы, и исчез в открытой пасти. Джерсен остался один на один с двадцатипятиметровой машиной. Она могла выплевывать яд из шипов, метать огонь из глаз, взмахом щупальца перерубить ствол дерева. Джерсен поглядел по сторонам, затем ретировался в прихожую. Пэтч выглядел неплохим парнем, искренне признательным за освобождение, но зачем вводить его в искушение?

Он спрятался так, чтобы с головы чудища его не было видно, и стал ждать. Пэтч включил питание, и чудище начало оживать. Голова слегка вздрогнула, шипы поднялись, щупальца шелкнули. Из боковых отверстий головы раздался жуткий воющий рев. Джерсен вздрогнул. Чудище прекратило вопить и тронулось с места, поднимая и переставляя ноги чередующихся сегментов. Оно двигалось вперед и назад, легко, хотя и несколько неуклюже. Затем металлическая многоножка остановилась и шагнула вбок... один шаг, два, три. Вдруг ноги с одной стороны подломились, и чудище рухнуло на бок, с грохотом ударившись о стену. Если бы Джерсен остался стоять в цехе, он был бы уже размазан на полу. Несчастный случай, разумеется: непредвиденный сбой в работе машины, ошибка оператора... Из пасти выкарабкался бледный и вспотевший Пэтч. Джерсен мог бы поклясться, что Пэтч искренне озабочен случившимся и страшно боится увидеть то, что он может увидеть. Пэтч прыгнул на пол и стал заглядывать под корпус:

— Джерсен! Джерсен!

— Я здесь, — тихо сказал Джерсен.

Пэтч подпрыгнул, круто обернулся. Джерсен подумал, что если облегчение, написанное на его лице, не было искренним, значит, мир лишился великого актера.

Пэтч возблагодарил бога, что Джерсен уцелел. Фазирующий механизм левых ног отказал, хотя раньше с ним

такого не случалось. Впрочем, это уже не имеет большого значения: все равно конструкцию придется пустить на лом.

Они вышли из цеха Б, и Пэтч запер дверь:

— Завтра возьмусь за работу, — заявил Пэтч. — Не знаю, что случилось с моими прежними клиентами, но в прошлом они всегда были довольны мной, и я надеюсь возобновить с ними контракты.

Джерсен остановился, глядя на запертую дверь цеха Б:

— Скажите, что именно Кокур Хеккус счел абсолютно неприемлемым в конструкции?

Пэтч сухо ответил:

— Действие ног. По его словам, оно не производит желаемого впечатления. Движение слишком жесткое и механическое, а ему нужно плавное и мягкое. Я указал на сложность и дороговизну требуемой системы. Я вообще сомневаюсь в возможности создания такого механизма, учитывая массу самохода и неровность местности, на которой ему предстоит действовать.

— Я считаю, что Кокур Хеккус ограбил нас на полмиллиона севов. Я хочу получить эти деньги обратно.

На лице Пэтча появилась печальная неуверенная улыбка:

— Будет умнее с ним не связываться. Кто старое помянет — тому глаз вон. Народная мудрость, знаете ли... Нам не нужны такие клиенты. Идемте в мой кабинет — нужно просмотреть счета.

— Нет, — отрезал Джерсен. — Текущие дела я оставляю всецело на ваше усмотрение. Что же касается самохода, то я твердо решил вернуть наши деньги. И мы можем это сделать безопасным и законным путем.

— Как? — недоверчиво спросил Пэтч.

— Мы должны модифицировать самоход так, чтобы он удовлетворял требованиям Кокура Хеккуса. Потом мы продадим ему машину — за полную цену.

— Допустим. Но существуют трудности. Ему, может быть, больше не нужен самоход. Или у него нет денег. Или, что скорее всего, мы не сумеем модифицировать машину так, чтобы он остался доволен.

Джерсен задумался:

— Где-то я видел нечто подобное... На другом краю Ойкумены есть планета Ванелио — что-то вроде курорта для всего созвездия Скорпиона. Однажды на тамошнем религиозном празднестве я увидел две платформы, державшиеся на длинных гибких стеблях; на одной из них стояла жрица в наряде из цветочных лепестков, на другой — возвышался столб с набором ритуальных предметов. Насколько я помню, там были книга, кубок, человеческий череп. Жрица выполняла ритуальный танец, в то время как стебли медленно сплетались. Я выяснил, что стебли состояли из нескольких десятков тонких трубок, наполненных магнитной жидкостью — железными опилками в машинном масле. Под действием магнитных полей эти трубки изгибались и сокращались с большой силой. Мне кажется, такая система может обеспечить необходимую плавность шага нашего монстра.

Пэтч поскреб свой небольшой круглый подбородок:

— Если вы точно все описали, я склонен согласиться.

— Сперва мы должны найти Зеумана Отуала и узнать, нужен ли еще Кокуру Хеккусу этот самоход.

Пэтч глубоко вздохнул, воздел было руки, но потом опустил их:

— Так тому и быть. Хотя лично я предпочел бы иметь дело с гремучей змеей.

Но, когда Пэтч позвонил в отель, где имел обыкновение останавливаться Зеуман Отуал, ему сообщили, что мистера Отуала сейчас нет и дата его возвращения неизвестна. Пэтч воспринял эту новость с огромным облегчением. Только по настоянию Джерсена он сообщил клерку свое имя и велел передать Зеуману Отуалу просьбу позвонить сразу же, как приедет.

Лицо клерка исчезло с экрана, и Пэтч опять повеселел:

— В конце концов, нам не нужны их грязные деньги, добытые самыми жуткими из мыслимых преступлений. Может, мы сумеем продать этого монстра как забавную диковину или смонтируем на его спине сиденье и будем катать на нем любителей острых ощущений. Не бойтесь, Кирт Джерсен! Ваши деньги в безопасности!

— Мне не нужны деньги, — буркнул Джерсен, — мне нужен Кокур Хеккус.

Пэтч явно счел эти слова признаком странных или извращенных наклонностей.

— Для чего он вам нужен?

— Я хочу убить его, — ответил Джерсен и тут же пожалел об опасной откровенности.

ГЛАВА 6

Если Малагате-Беда может быть охарактеризован одним словом — «мрачный», а Говард Алан Трисонг — «непостижимый», то Ленса Ларка, Виоля Фалюша и Кокура Хеккуса точнее всего называть «фантазерами». Кто из них превосходит в «фантазии»? На этот интересный вопрос нет и не может быть ответа. Вспомните Дворец Любви Виоля Фалюша, монумент, возжвигнутый Ленсом Ларком, невероятные и чудовищные преступления Кокура Хеккуса против человечества. Несомненно, подобные вещи нельзя сравнивать. Однако Кокур Хеккус не раз потрясал воображение общества своим гротескным черным юмором. Давайте воспроизведем в памяти, что он говорил в своем знаменитом телефонном обращении к студентам Университета Сервантеса на тему «Теория и практика террора»:

«...Чтобы добиться максимального эффекта, необходимо идентифицировать и усилить основные страхи, уже существующие в душе человека. Будет ошибкой полагать, что страх смерти — самый сильный из них. Я обнаружил дюжину других, сильнее разбедающих душу, например: боязнь оказаться не в состоянии защитить своих близких; боязнь утратить уважение окружающих; боязнь нежелательных контактов; боязнь быть напуганным.

Моей целью является создание кошмарного ужаса и поддержание его в течение необходимого времени. Как известно, кошмары — результат деятельности подсознания, точнее — наиболее чувствительных его областей. Таким образом, эти области служат оператору в качестве указателей. Когда чувствительная область будет обнаружена, оператор должен использовать всю свою изобретательность и создать такую драматическую ситуацию, которая усилила бы страх человека в десятки раз. Если человек боится высоты, оператор доставит его к подножию крутого обрыва, обвяжет тонкой и явно непрочной веревкой и начнет медленно поднимать вверх спиной к скале, не слишком далеко и не слишком близко от скалы. Расстояние до скалы тщательно подбирать — оно должно вызывать тщетные, но мучительные попытки добраться до ее поверхности. Подъемный механизм должен работать с рывками и сбоями.

Чтобы усилить клаустрофобию, оператор поместит человека в глубокую яму и впихнет его головой вперед в узкий, спускающийся вниз и извивающийся «серпантином» туннель и затем засыплет яму. Тогда человек будет вынужден ползти по туннелю вниз».

*Карл Карфен. «Властители Зла», глава IV
«Кокур Хеккус — Машина Смерти». «Элойз-пресс»,
Нью-Вэксфорд, Элойз, Вега.*

Зеуман Отуал не появлялся в течение двух месяцев. За это время Пэтч вновь собрал своих служащих, возобновил контракты и развернул деятельность инженерной компании «Пэтч» с прежним размахом.

Джерсен взялся за модификацию самохода. Он связался с местным отделением УТКС*, рассказал об ежегодном празднике цветения на Ванелио, описал гибкие стебли, поддерживающие платформы, и через пару минут получил целую кипу таблиц, графиков, чертежей и спецификаций. Он отнес все материалы к Пэтчу, который немедленно погрузился в их изучение, механически покачивая головой и приговаривая: «Ага... ага... угу». Затем инженер жалобно вздохнул:

— Ну хорошо, мы потратим кучу денег, улучшим это нелепое чудо-юдо и выясним, что оно не нужно ни Зеуману Отуалу, ни Кокуру Хеккусу — вообще никому. Что тогда?

— Подадим на них в суд, — ответил Джерсен.

Пэтч фыркнул и вновь погрузился в чтение чертежей. Наконец он ворчливо сказал:

— Ясно, эту систему можно построить, и она будет определенно более гибкой, чем прежняя. Однако разработка фазирующих узлов, сопряжение модуляторов да и конструирование самих модуляторов мне не под силу... Метрах в ста от нас работает группа очень компетентных инженеров-кибернетиков, и я предлагаю нанять их для решения всех этих проблем.

— Вам виднее.

Прошло еще два месяца, а Зеуман Отуал так и не появился. Джерсен заставил яростно протестовавшего Пэтча еще раз позвонить в отель, но Отуал не появлялся и там. Джерсен начал ощущать беспокойство и стал искать другие возможные пути связаться с Кокуром Хеккусом. Подумав, он решил, что самоход обязательно должен содержать полезную информацию. Джерсен отправился в архив, вытащил полный комплект спецификаций, чертежи форта и переписку и разложил их перед собой.

* Универсальная техническая консультационная служба. — *Примеч. авт.*

Нигде не оказалось никаких сведений о планете, для которой строился механический монстр.

Джерсен начал снова просматривать бумаги, на этот раз пытаясь найти косвенную информацию о загадочной планете, спрятавшуюся за цифрами и характеристиками технического задания. Так, в нем не упоминалось оборудование для кондиционирования воздуха. Следовательно, атмосфера была стандартной или почти стандартной. В спецификациях был пункт, гласивший:

Машина при полной нагрузке должна: преодолевать склоны крутизной до сорока градусов со скоростью не меньше двадцати километров в час; легко и уверенно двигаться по пересеченной местности, например по полю, покрытому камнями диаметром до двух метров; преодолевать овраги и расщелины до шести метров шириной.

В другом пункте было записано:

Энергетические характеристики рассчитаны с термодинамическим КПД не менее семидесяти пяти процентов и запасом по мощности в сто процентов.

Джерсен принялся за расчеты. Он знал массу самохода и мощность, необходимую для движения такой машины по сорокаградусному уклону со скоростью двадцать километров в час. Исходя из этого, он рассчитал силу тяжести на планете «икс», равную 0,84 стандартной, и ее диаметр: от четырех до пяти тысяч километров.

Это была полезная, но не очень определенная информация. Джерсен снова принялся изучать спецификации. Они были малоинформативными: содержали только четырнадцать цветных рисунков самохода с разных сторон. Монстр требовалось окрасить в различные оттенки черного, темно-коричневого, розового и бело-голубого, причем для красок были даны подробнейшие характеристики, содержащие спектральные зависимости коэффициента отражения. Не оговаривались только характеристики падающего света. Джерсен вызвал инженера, занимавшегося покраской машины, и запросил образцы покрасочных покрытий.

Пока он ждал их, ему пришла в голову еще одна идея. Спецификации были настолько подробны, что, вероятно, их составляли с целью добиться сходства с реально существующим животным. Такая тварь, действительно, ужасала бы, но как раз это-то и согласуется прекрасно с

философией Кокура Хеккуса. Джерсен подготовил запрос детального описания чудища и отправил его в УТКС. Через двенадцать минут он получил ответ, в котором указывалось, что в стандартных справочниках, энциклопедиях и монографиях нет животного, обладающего полным набором указанных признаков. На многих планетах обитали существа, имеющие отдельные сходные черты, но об этом и так было известно. Например, на планете Идора водится членистый водяной червь десятиметровой длины, на Земле ползает множество мелких многоножек, в горах Крокиноля живет мерзкий крышеед. Как ни странно, отмечалось в ответе, удивительно похожее описание можно прочесть в старой детской книжке «Легенды старого Фамбера». Джерсен вздрогнул и впился глазами в бумагу. Легенда гласила:

«Сжимаясь и разжимаясь, сгибаясь и разгибаясь, растягиваясь и подтягиваясь, оно спускалось с горы! Кроважeadное кошмарное чудище на тридцати шести гибких ногах, длинее, чем дюжина тел его бездыханных жертв!

— Теперь мы пропали! — вскричала принцесса Сезанелла. — Либо нас сожрет чудовище, либо схватят мерзкие таддо-тролли!

— Не теряй надежды! — прошептал Дантинет. — Ибо чудище — исконный враг троллей! Гляди, оно отвращает свой черный лик от нас, дабы взглянуть на таддо! Оно поворачивается, показывая нам свое брюхо цвета голубой гнили! Тролли визжат и верещат, но слишком поздно! Чудище хватает их и запихивает себе в пасть. Теперь мы должны поспешить прочь через пещеры и пустыни, ибо ныне Ужас послужил во благо!»

Джерсен медленно отложил текст. Фамбер! Новое упоминание о мифической планете. Ксавьер Манкинелло, инженер, руководящий покраской самохода, принес образцы покрасочных покрытий. Джерсен нетерпеливо разложил их перед собой, рядом с набросками машины. Они сильно различались. Манкинелло с озабоченным видом склонился над столом:

— Тут не может быть никакой ошибки! Я строго следовал спецификациям!

Джерсен внимательно рассмотрел образцы:

— Если это действительно так, то при каком освещении образцы красок будут выглядеть точно, как на рисунке?

Манкинелло задумался:

— Цвета образцов выглядят явно холоднее, чем на рисунке. Давайте пройдем в лабораторию.

В лаборатории Манкинелло установил образцы в колориметр:

— Вас интересует стандартная освещенность?

— Меня интересует тип звезды. Это не то же самое?

— Не совсем... из-за различий в звездных атмосферах. Но я могу легко пересчитать результат с учетом стандартной звездной последовательности. Давайте начнем с четырех тысяч градусов.— Манкинелло покрутил верньер, щелкнул переключателем и поглядел в компаратор.— Неплохо.— Он подкрутил верньер.— Вот оно: четыре тысячи триста пятьдесят градусов. Можете сами убедиться.

Джерсен взглянул в окошко компаратора. Образцы красок теперь выглядели в точности так же, как цвета на рисунке.

— Цветовая температура четыре тысячи триста пятьдесят градусов. Соответствует звезде класса К?

— Сейчас уточню.— Манкинелло заглянул в справочник.— Класс G8.

Джерсен собрал наброски и образцы и вернулся к себе в комнату. Факты понемногу накапливались. Незвестная планета вращалась вокруг звезды класса G8, и сила тяжести на ней составляла 0,84 стандартной. И подозрительно часто упоминается о мифической планете Фамбер... Джерсен связался с УТКС и затребовал перечень всевозможных предположений — исторических, гипотетических, фантастических, маразматических — о местонахождении потерянной планеты Фамбер. Через полчаса он получил папку с несколькими десятками выдержек. Интересных среди них почти не было, наиболее подробные сведения содержались в общеизвестной детской считалке:

Если Сириус в путь тебя провожал
И к северу ты Ахернар держал,
Прямо по звездному краю лети,
И Фамбер засияет тебе впереди.

Информация, содержащаяся в первых двух строчках, могла быть использована, но от третьей и четвертой не было никакого прока. Изучение самохода тоже ничего больше не принесет. Джерсен решил, что зашел в тупик. Где-то в пространстве затерялся мир, на котором Кокур Хеккус хотел использовать металлического монстра. Этот мир мог быть родиной Алюз Ифигении Эперже-Токай, оценившей себя в десять миллиардов севов. Этот мир мог быть мифическим Фамбером. Но способов установить истину пока не имелось.

В дверях появился Майрон Пэтч. На его круглом лице застыло напряженное и обвиняющее выражение. Пэтч минуту глядел на Джерсена, потом похоронным голосом объявил:

— Зеуман Отуал здесь.

ГЛАВА 7

Эволюция человечества никогда не протекала гладко и равномерно. Она всегда была циклическим процессом, который при детальном историческом рассмотрении кажется почти конвульсивным. Племена смешивались и сливались, образуя нации и расы, а затем приходили времена миграции, изоляции и образования новых племен.

В течение тысячелетия расселения человека в космосе наблюдались именно последние явления. Изоляция, адаптация к специфическим условиям, инбридинг способствовали созданию десятков новых рас. В настоящее время Ойкумена находится в стационарном состоянии: оживились связи и обмен между планетами, но, похоже, маятник собирается качнуться в обратную сторону.

И не только в Ойкумене! Везде есть люди, рвущиеся вперед, в неизведанную даль. Никогда изоляции не добивались так легко, и никогда личная свобода не доставалась так дешево!

Хорошо ли это? Все полагают, что да. Ойкумена, скорее всего, будет расширяться. Возникнут другие Ойкумены. Тогда человечество может наткнуться на владения другой расы, поскольку в избытке имеются факты того, что иные существа странствовали по Вселенной задолго до нас, но никто не знает, куда и почему они исчезли.

*Из введения к книге Альберта Б. Холла
«Краткая история Ойкумены».*

— Где здесь? — спросил Джерсен. — В мастерских?

— Нет, в Патрисе. Он интересовался, почему я оставил ему записку. — Выражение лица Пэтча стало еще более недовольным. — Я не знал, что сказать ему... Уни-

зительно разговаривать вежливо с человеком, который тебя ограбил...

— Что вы ему сказали?

Пэтч беспомощно развел руками:

— А что я мог сказать, кроме правды? Что мы нашли способ усовершенствовать самоход.

— Мы?

— Разумеется, я имел в виду инженерную компанию Пэтча.

— Он заинтересовался?

Пэтч мрачно кивнул:

— Да, заявив, что у него есть новые указания от хозяина. Скоро он будет здесь.

Джерсен задумался. Наружность Зеумана Отуала могла быть, а могла и не быть одной из многочисленных личин Кокура Хеккуса, который мог знать, а мог и не знать, что именно Джерсен побывал в Скузе. Он поднялся на ноги:

— Когда появится Зеуман Отуал, примите его в своем офисе. Меня представьте как Говарда Уолла, начальника цеха или главного инженера — на ваше усмотрение. Не удивляйтесь ничему, что я скажу, и никаким изменениям в моей внешности.

Пэтч напряженно кивнул, повернулся и ушел. Джерсен отправился в главную душевую комнату, где был богатый выбор красок для кожи. Он выбрал экзотическую двойную комбинацию — пурпурно-каштановый цвет с зеленоватым оттенком, — расчесал волосы на прямой пробор и опустил их на щеки, как было принято у белых локонов. Он не имел другой одежды, чтобы завершить маскировку, поэтому надел белый лабораторный халат. Подумав, он решил, что этого мало, и добавил еще пару филигранных золотых сережек и золотую пластинку для носа, которые забыл в душевой один из самых крутых заводских модников. Теперь он был так разряжен, что сам не узнал бы себя, взглянув в зеркало.

Джерсен прошел по коридору к офису Пэтча; секретарша изумленно взглянула на него, но Джерсен молча прошел мимо девушки в кабинет. Увидев его, Пэтч быстро спрятал оружие, которое только что рассматривал, встал и важно спросил:

— Слушаю вас, сэр. Что вам угодно?

— Меня зовут Говард Уолл, — ответил Джерсен.

— Говард Уолл? — Пэтч задумчиво нахмурился. — Я вас знаю? Ваше имя мне кажется знакомым.

— Естественно, — раздраженно заметил Джерсен. — Я называл его вам десять минут назад.

— Ох, Джерсен, это вы? Ну и ну! — Пэтч откашлялся и уселся на место. — Здорово вы меня провели, но к чему все эти регалии?

— Для Зеумана Отуала. Он меня не знает, и я хочу, чтобы и не знал.

Лицо Пэтча помрачнело:

— Мне неприятно иметь дело с преступниками, это бросит тень на доброе имя моей фирмы — самое дорогое, что у меня есть.

Джерсен еле сдержался, чтобы не нагрубить.

— Не забудьте, меня зовут Говард Уолл, главный инженер.

— Как вам будет угодно, — с достоинством ответил Пэтч.

Через пять минут секретарша сообщила, что пришел Зеуман Отуал. Джерсен подошел к двери, открыл ее, и Зеуман Отуал быстро вошел в кабинет. У него была поразительная двухцветная — черная и темно-коричневая — окраска лица, на котором выделялись длинный крючковатый нос и вытянутая нижняя челюсть с острым подбородком; он носил продолговатые заостренные ушные футляры из агата и перламутра, некоторым образом напоминавшие выступающие кости. Джерсен попытался сравнить его с человеком, которого он видел в Скузе. Имелось ли между ними сходство? Определенно. Отуал был так же сложен, но лицо... Джерсен слышал рассказы о пластической плоти, но здесь было нечто большее, чем набитые щеки и удлиненный нос.

Зеуман Отуал испытующе поглядел на Джерсена, а затем на Пэтча, который неуверенно поднялся на ноги и пробормотал:

— Знакомьтесь. Говард Уолл, мой главный инженер.

Отуал вежливо кивнул:

— Похоже, ваше предприятие расширяется.

— Я был вынужден нанять его, — проворчал Пэтч. — Кто-то же должен руководить делом, пока я отсутствую... из-за вас!

Отуал небрежно махнул рукой:

— Вам следует забыть об этом инциденте. У моего нанимателя есть свои причуды: его никоим образом нельзя назвать скупым: он лишь хочет получить товар, соответствующий щедрому вознаграждению. Мистер Уолл знает, кого я представляю?

— Безусловно. И он понимает необходимость секретности.

Джерсен кивнул, подтверждая слова Пэтча.

Зеуман Отуал слегка пожал плечами:

— Очень хорошо, мистер Пэтч. Я согласен с вами. Что теперь?

Пэтч ткнул пальцем в сторону Джерсена и заявил с мрачной усмешкой:

— Мистер Уолл понимает природу наших прежних трудностей и имеет несколько новых идей.

Казалось, Отуал не заметил угрюмого тона Пэтча.

— Я с удовольствием их выслушаю.

— Сначала я хотел бы выяснить, заинтересовано ли по-прежнему лицо, которое вы представляете, в устройстве, описанном в первоначальном контракте? — поинтересовался Джерсен.

Отуал пожал плечами:

— Вероятно, да, если наши требования будут выполнены. Мой хозяин остался недоволен неуклюжими движениями первой модели. Ноги двигались скованно и угловато, как ножницы.

— Это была единственная претензия? — спросил Джерсен.

— Безусловно, это была главная претензия. Мы предполагаем, что в остальном объект построен в соответствии с высокими стандартами качества, свойственными инженерной компании «Пэтч».

— Разумеется! — заявил Пэтч.

— Тогда осложнений больше не будет, — сказал Джерсен. — Мы с мистером Пэтчем сконструировали систему, с помощью которой может быть запрограммировано и исполнено любое мыслимое движение ног.

— Если это действительно так и если ваша система отвечает нашим требованиям к надежности, то вы сообщили хорошую новость.

— Давайте лучше обсудим вопрос о сумме компенсации,— предложил Джерсен.— Я, разумеется, говорю от имени мистера Пэтча. Он хотел бы получить полную сумму по первоначальному контракту плюс стоимость модификации с учетом нормальной прибыли.

Отуал на минуту задумался:

— Минус уже выплаченные суммы, конечно... 427 685 севов, если я не ошибаюсь.

Пэтч что-то возмущенно провизжал, брызгая слюной. Отуал брезгливо усмехнулся.

— Ожидаются дополнительные расходы,— сухо добавил Джерсен.— На сумму 427 685 севов. Они должны быть включены в общую сумму контракта.— Отуал начал протестовать, но Джерсен остановил его, подняв руку.— Мы не собираемся это обсуждать. Мы готовы достроить механизм, но настаиваем на оплате согласно нашим условиям. Разумеется, если ваш хозяин пожелает лично провести переговоры, мы будем рады его выслушать.

Отуал холодно рассмеялся:

— В этом нет необходимости. Я согласен. Мой хозяин заинтересован в скорейшем выполнении заказа.

— Тем не менее, не в обиду вам будет сказано, мы предпочли бы иметь дело с вашим хозяином во избежание возможных недоразумений.

— Это исключено. Он чрезвычайно занят в другом месте. Но к чему волноваться? Я обладаю всеми полномочиями для подписания контракта.

Пэтч беспокойно задвигался; его прерогативы были беззастенчиво узурпированы так называемым партнером, единственный вклад которого в инженерную компанию «Пэтч» заключался в выкупе, внесенном на Обменном Пункте.

Джерсен пытался одновременно следить за Пэтчем и Отуалом, поскольку от обоих можно было ждать неприятностей.

— Хорошо, мы согласны,— сказал он Отуалу.— Сейчас мы надеемся на очередной платеж — примерно на полмиллиона севов.

— Исключено,— отрезал Отуал.— Мой хозяин сейчас вовлечен в предприятие, требующее полной концентрации всех его ресурсов.

Пэтч начал закипать:

— Вы мне заплатите, вы...

Джерсен торопливо заговорил:

— Допустим, механизм закончен и готов к отправке. Как мы можем быть уверены в том, что получим свои деньги?

— Я даю вам свое слово, — заявил Отуал.

— Ха! — злобно усмехнулся Пэтч. — Этого мало. Вы уже раз обманули меня, обманете и еще раз, если представится случай.

Отуал с видом оскорбленной невинности повернулся к Джерсену:

— Если мы, смешно сказать, не выполним своих обязательств, то вам следует лишь задержать отправку. Все очень просто.

— И что мы, по-вашему, будем делать с чудищем на тридцати шести ногах? — язвительно осведомился Джерсен. — Нет. Мы настаиваем на выплате одной трети немедленно, одной трети — после испытаний и последней трети — после доставки.

— Они должны оплатить простой и убытки, — не унимался Пэтч. — Десяти тысяч мало. Я требую сто, нет, двести тысяч. Мои неудобства, мое похищение...

Пререкания продолжались. Отуал стал настаивать, чтобы ему детально описали новый привод для ног многоножки; Джерсен отвечал уклончиво, тщательно подбирая слова:

— Мы использовали гибкие сочленения, строго соответствующие спецификациям. Они приводятся в действие гидравлическим приводом специальной конструкции с электронным управлением.

Отуал наконец сдался.

— Мы бы передали заказ другой фирме, но жаль потерянного времени. Когда вы можете гарантировать доставку? В контракте следует обязательно предусмотреть штраф за срыв сроков.

Вновь разгорелся спор. Пэтч вскочил, перегнулся через стол и стал трясти кулаком перед носом Отуала, который брезгливо откинулся в кресле.

В конце концов сделка была заключена. Отуал пожелал осмотреть еще не законченную машину, и Пэтч, ворча, повел его в цех. Джерсен шел сзади, изучая фигуру Отуала. Широкие плечи, узкие бедра, легкая уверен-

ная поступь пантеры — все очень напоминало Билли Уиндла, но в равной степени напоминало и великое множество других мускулистых и энергичных людей.

Отуал был удивлен, увидев, что техники уже приступили к работе. Мрачно улыбаясь, он обернулся к Джерсену:

— Вы ожидали, что я соглашусь?

— Конечно, только после того, как выторгуете все, что можно.

Отуал рассмеялся:

— Верная оценка ситуации. Вы умный человек, мистер Уолл. Вы когда-нибудь бывали на Краю Света?

— Никогда. Я ортодоксален и не люблю приключений.

— Странно, — задумчиво заметил Зеуман Отуал. — Тех, кто работал на Краю Света, окружает некая, почти неосязаемая атмосфера. Мне казалось, я чувствую ее вокруг вас. По-видимому, я ошибся. — Он обернулся к самоходу. — Ну что же, все выглядит неплохо, осталось только наружное покрытие.

— Не могли бы вы удовлетворить наше любопытство и объяснить, какова его конечная цель?

— С удовольствием. Мой хозяин проводит много времени на отдаленной планете, населенной дикарями. Путешествуя по планете, он подвергся грубым оскорблениям. Ему хочется безопасности, которую и должен обеспечить самоход.

— Значит, самоход — чисто оборонительное сооружение?

— Разумеется. О моем хозяине распространяют много несправедливых слухов. Лично я нахожу его вполне благоразумным. Он предприимчив, любит риск, порой бывает излишне беззаботен, из всех ныне живущих людей наделен самым живым воображением — но он, безусловно, благоразумен.

Джерсен задумчиво кивнул:

— Насколько я понимаю, он использует воображение для измышления новых ужасов.

— Внушение страха перед поступком, — нравоучительно заметил Зеуман Отуал, — намного лучше и эффективнее жестокого поступка. Вы так не думаете?

— Возможно, вы правы. Но мне кажется, что человек, настолько одержимый абстрактной идеей ужаса, должен сам страдать от множества необычных страхов.

Отуал выглядел пораженным.

— Я не задумывался над этим, — пробормотал он. — Пожалуй, я согласен с вами. Эмоциональный человек проживает сотни жизней: он чувствует радости, горести, восторги и разочарования и, разумеется, страхи, далеко превосходящие силу ощущений обычного человека. Он сильно радуется, сильно горюет, сильно боится — но ни за что на свете не откажется ни от каких страстей.

— И чего же ваш хозяин боится больше всего?

— Это не секрет — смерти. Он не боится ничего другого. И уже предпринял ряд экстравагантных шагов, чтобы избежать ее.

— Вы говорите очень уверенно, — заметил Джерсен. — Вы хорошо знаете Кокура Хеккуса?

— Не хуже любого. И учтите, я тоже человек с развитым воображением.

— И я тоже! — влез в разговор Пэтч. — Но я не веду свои финансовые дела через Обменный Пункт.

Зеуман Отуал спокойно рассмеялся:

— Печальный эпизод, который я предложил бы считать законченным и забыть навсегда.

— Вам легко говорить, — усмехнулся Пэтч. — Вас не отрывали на два месяца от вашего дела.

Они вернулись в офис, и Отуал с довольно мрачным видом выписал чек на полмиллиона севов, затем очень грациозно отбыл. Джерсен немедленно отвез чек в местное отделение Банка Ригеля, где его проверили и перевели деньги на счет компании «Пэтч».

Вернувшись на завод, он обнаружил Пэтча в воинственном настроении. Пэтч предложил Джерсену забрать выданный Отуалом аванс и расторгнуть партнерство, но получил решительный отказ. Тогда он начал лепетать о сделках, совершенных под угрозой насилия, и угрожать закрыть завод, пока суд не разберется, что к чему. Джерсен высмеял его:

— Вы не можете закрыть завод. Контрольный пакет акций у меня.

— Я не понимал, что имею дело с мошенниками и бандитами! — взвыл Пэтч. — Я не понимал, что доброе

имя компании «Пэтч» будет замарано навсегда! Монстры! Бандиты! Убийцы! Террористы! Боже мой, во что я впутался?

— В конце концов, вы получили свой завод обратно,— утешил его Джерсен.— И с немалой прибылью, не забываете.

— Если меня снова не упекут на Обменный Пункт,— вяло вздохнул Пэтч,— ничего лучшего я и не жду.

Внезапно Джерсен пробормотал тихое сдержанное проклятие. Пэтч был изумлен первым открытым проявлением эмоций со стороны Джерсена:

— Что стряслось?

— Я упустил одну вещь, просто забыл о ней.

— А именно?

— Я мог бы приставить к Зеуману Отуалу птицу-шпиона. Или просто проследить за ним.

— К чему беспокоиться? Наш заказчик остановился в Халькшир-отеле. Позвоните ему, если он вам нужен.

— Ну, конечно.— Джерсен подошел к видеофону и позвонил портье Халькшир-отеля. Ему сообщили, что в настоящее время Зеуман Отуал в отеле не проживает, но любое послание для него будет рано или поздно доставлено адресату. Джерсен вернулся к Пэтчу.— Подозрительный мошенник. Он бы наверняка провел и птицу-шпиона.

Пэтч разглядывал Джерсена с новым и напряженным интересом:

— Я так и думал с самого начала.

— Что-что?

— Вы ласка!

Джерсен рассмеялся и покачал головой:

— Я просто самый обычный Кирт Джерсен.

— Как же,— начал Пэтч с хитрой улыбкой,— вы добудете птицу-шпиона, если вы не из полиции или МПКК?

— Это довольно просто, если знаешь нужных людей. Давайте-ка лучше займемся нашим монстром.

На следующий день Зеуман Отуал позвонил по видеофону и сообщил, что покидает планету, но вернется через два месяца и рассчитывает на завершение строительства самохода к тому времени.

А еще через день в газетах появились сенсационные новости. В течение одной ночи пять самых богатых

семейств Кумберленда лишились по одному или нескольким членам.

— Вот зачем Зеуман Отуал прилетал на Крокиноль, — сказал Джерсен Пэтчу.

Работа над фортом близилась к концу, что очень радовало Пэтча, но беспокоило Джерсена.

Зеуман Отуал либо был Кокуром Хеккусом, либо нет. И если нет, то как вынудить его раскрыть местопребывание Кокура Хеккуса? Джерсен надеялся, что Кокур Хеккус явится собственной персоной, чтобы принять работу. Если же нет... Джерсен некоторое время думал устроить в самоходе секретную капсулу и спрятаться в ней, но потом отбросил нелепую затею: самоход был слишком мал для этого. Быть может, он сможет сопровождать машину в качестве инструктора или эксперта? Но если самоход действительно доставят на Фамбер, то Джерсен рискует остаток жизни провести в ссылке или в рабстве.

Затем ему пришла в голову новая идея, и он потратил несколько дней, претворяя ее в жизнь. Управляющие импульсы от контрольного механизма машины проходили по электронному «спинному мозгу», разветвляясь в каждом сегменте. В месте соединения «спинного мозга» с головой Джерсен установил выключатель, связанный с ячейками по обе стороны головы. Если газ в этих ячейках ионизировать, например, выстрелом из малоомощного лучемета, то через ячейки потечет ток, выключатель сработает и самоход станет неподвижным минут на десять.

Тем временем продолжалось внешнее оформление. Двигатели и привод были проверены и отрегулированы, действие ног испытано при различных скоростях, наконец самоход был готов.

На рассвете его закрыли брезентом, вывели на улицу, погрузили в грузовой вертолет и доставили в безлюдную местность на юге для полевых испытаний. Пэтч гордо восседал за пультом управления. Машина плавно двигалась через канавы и кустарники, уверенно поднималась на холмы. Несколько мелких неполадок было замечено и устранено. За пару минут до полудня самоход перевалил через низкий скалистый гребень и на полном ходу вломился в лагерь Ассоциации любителей естественной

жизни. Сотня любителей природы подняла глаза от своей полуденной трапезы, одновременно завопила от ужаса и с визгом бросилась врассыпную.

— Еще один успех, — заметил Джерсен. — Мы теперь можем с чистой совестью гарантировать способность чудища наводить на людей ужас.

Пэтч остановил самоход, развернул его и вновь перешагнул через хребет. В сумерках монстра вновь закутали в брезент и доставили обратно на завод.

Зеуман Отуал позвонил на следующий день, словно обладал даром ясновидения. Пэтч заверил его, что все в полном порядке и что он может хоть завтра лично испытать самоход. Отуал согласился, и самоход вновь был закутан в брезент, выведен на улицу и доставлен на заброшенные земли за хрустальными башнями. Отуал прилетел следом на небольшом скромном аэрокаре.

Джерсен, вновь в коричневой двухцветной раскраске и с золотыми побрякушками, сел за пульт управления, и самоход вновь плавно взбегал на холмы и спускался в ложины.

Оружие, согласно условиям контракта, не устанавливалось; однако «газовые мешки» и «пахучие железы» самохода были заряжены дымовыми шашками и подкрашенной водой; они продемонстрировали способность распылять, выпускать газ и опрыскивать точно и аккуратно. Отуал сошел на землю, постоял, наблюдая, как машина движется туда-сюда, затем снова забрался в кабину и сам сел за пульт управления. Говорил он очень мало, но весь вид его выражал удовлетворение. Пэтч, тоже молчаливый сегодня, явно поздравлял себя с тем, что это дурно пахнущее приключение, похоже, идет к концу.

На закате, когда самоход был доставлен обратно в Патрис, Джерсен, Пэтч и Отуал собрались в офисе Пэтча. Отуал, глубоко задумавшись, прохаживался туда и обратно.

— Машина вроде бы функционирует неплохо, — заявил он наконец, — но, честно говоря, я считаю цену несколько завышенной. Я посоветую своему хозяину осмотреть механизм лишь в том случае, если цена будет снижена до разумной и приемлемой цифры.

Пэтч побагровел, откинулся в кресле и взревел:

– Что? И вы осмеливаетесь стоять здесь и говорить такое? После всех наших хлопот, после всего, что нам пришлось пережить, пока мы сооружали эту проклятую штуковину?

Зеуман Отуал холодно взглянул на Пэтча:

– Криком делу не поможешь. Я уже объяснил...

– Мы отвечаем: нет! Вон отсюда! И не возвращайтесь, пока не отдадите все, что вы нам должны, все до последней монетки! – Пэтч двинулся вперед. – Убирайтесь вон или я вышвырну вас отсюда! Ничто не доставит мне большего удовольствия...

Он схватил Отуала за плечо и стал подталкивать к двери. Отуал легко вывернулся и рассеянно улыбнулся Джерсену – он как будто забавлялся яростным нападением «котеночка». Пэтч вновь схватил его. Отуал сделал легкое движение, и Пэтч перелетел через всю комнату, ударился головой о свой письменный стол и рухнул на пол. Отуал повернул к Джерсену:

– Может, вы тоже хотите попробовать?

Джерсен покачал головой:

– Я хочу только строго исполнить контракт. Пригласите своего хозяина для окончательной проверки, затем, если он останется доволен, примите товар. Ни при каких обстоятельствах цена не будет снижена; более того, мы начнем начислять проценты за просроченные платежи.

Отуал рассмеялся и взглянул на Пэтча, который с трудом приподнялся и сел.

– У вас довольно выгодное положение. При подобных обстоятельствах я поступил бы так же. Очень хорошо. Я вынужден согласиться. Когда вы можете обеспечить доставку?

– Согласно условиям контракта, мы должны запаковать товар в пенопласт, загрузить в контейнер и доставить в космопорт. Это займет три дня – после окончательной приемки и расчета.

Зеуман Отуал кивнул:

– Очень хорошо. Я попробую связаться с хозяином, после чего пришлю вам письменное подтверждение.

– Я полагаю, что теперь пришло время второго платежа, – заметил Джерсен. Пэтч тер руками голову, с ненавистью глядя на Отуала.

- К чему беспокоиться? — беззаботно бросил Отуал. — Давайте отложим эти утомительные финансовые дела.
- Джерсен выразил решительное несогласие.
- К чему же было подписывать контракт, если вы не собирались выполнять его?
- Пэтч поднялся на ноги и с целенаправленным видом двинулся вокруг стола. Джерсен быстро шагнул назад и вытащил лучемет из полуоткрытого ящика стола. Отуал пренебрежительно рассмеялся:
- Вы только что спасли ему жизнь.
- Я спас второй платеж, — ответил Джерсен, — поскольку мне тогда пришлось бы убить вас.
- Ладно, ладно. Давайте не будем говорить о смерти: несуществование — слишком ужасная тема. Вы хотите получить свои деньги? Удивительно утомительные люди. Еще полмиллиона, я полагаю?
- Именно. И последний платеж на сумму 681 490 севов завершит ваши расчеты с инженерной компанией «Пэтч».
- Отуал медленно прошелся по кабинету:
- Мне придется сделать некоторые приготовления... Три дня на упаковку, вы говорили?
- Это разумный срок.
- Слишком долго. Мы можем все упростить. Накройте самоход брезентом и в полночь выведите его на улицу. Там машину подцепит вертолет и доставит к нашему грузовому космолету.
- Тут есть одна трудность, — заметил Джерсен. — В полночь банки закрыты, и некому будет подтвердить ваш чек.
- Я привезу деньги наличными, второй и третий платежи вместе.
- Строго говоря, Джерсену было наплевать на деньги, но вдруг ему показалось очень важным не допустить, чтобы Пэтча второй раз обвели вокруг пальца. Он заставил себя рассмотреть ситуацию в более широкой перспективе и осторожно спросил:
- А что скажет ваш хозяин?
- Зеуман Отуал нетерпеливо взмахнул рукой:
- Я беру всю ответственность на себя. Он занят в другом месте и предоставил мне необходимые полномочия. Ну, что вы скажете?

Джерсен горько улыбнулся. Был ли этот человек с ястребиным лицом Кокуром Хеккусом или не был? Иногда Джерсену казалось, что, безусловно, был, в следующую минуту он так же твердо верил в обратное. Джерсен решил потянуть время.

— Сначала решим еще один вопрос — о техническом обслуживании. Не нужно ли предоставить вам эксперта?

— Если нам понадобится эксперт, мы вам сообщим. Но у нас есть свой технический персонал, который, собственно, и разработал эту конструкцию. Я не думаю, что эксперт нам понадобится.

Пэтч с трудом приподнялся в кресле.

— Убирайтесь вон! — прохрипел он. — Оба убирайтесь вон! Убийцы, бандиты! И вы, Уолл, или Джерсен, или как вас там еще! Я не знаю, какую игру вы ведете, но убирайтесь отсюда!

Джерсен мельком взглянул на него и равнодушно отвернулся. Зеуман Отуал выглядел довольным. Джерсен предложил:

— Если вы хотите забрать самоход в полночь, внесите заранее в банк полную сумму. Мы не желаем возиться с наличными, проверять их фальшметром и таскать с собой до открытия банков. Вы и ваш хозяин, разумеется, исключительно порядочные и благородные люди, но ведь в мире существует много других мошенников. Как только банк подтвердит получение денег, можете забрать самоход.

Зеуман Отуал мрачно взглянул на него и резко сказал:

— Пусть будет так, как вы хотите. — Он бросил быстрый взгляд на часы. — Время еще есть. В каком банке у вас счет?

— В Банке Ригеля, главное отделение в Старом Городе.

— Через полчаса вы можете навести справки. В полночь я заберу машину.

Джерсен повернулся к Пэтчу, с некоторым опозданием вспомнив о своей роли служащего:

— Одобряете ли вы такую договоренность, мистер Пэтч?

Пэтч проворчал нечто нечленораздельное, но Джерсен и Отуал предпочли счесть это согласием. Зеуман Отуал откланялся и отбыл. Джерсен повернулся и взгля-

нул на Пэтча, который с ненавистью уставился на своего компаньона. Джерсену захотелось поджарить Пэтча на медленном огне, но он только сел в кресло:

— Мы должны обсудить наши планы на будущее.

— Какие еще планы? Как только деньги окажутся в банке, я намерен выкупить вашу долю в компании «Пэтч». Я готов истратить все до последнего цента, чтобы избавиться от вас.

— Вы удивительно неблагодарны, — заметил Джерсен. — Если бы не я, вы бы сидели еще в Обменном Пункте.

Пэтч горестно кивнул:

— Вы внесли за меня выкуп ради собственных целей. Я не имею ни малейшего представления, в чем они состоят, но твердо знаю одно: со мной они не имеют ничего общего. Как только деньги будут в банке, я выкуплю вашу долю, я заплачу любую дополнительную сумму — в пределах разумного — и распрошаюсь с вами с величайшим облегчением.

— Дело ваше, — сказал Джерсен. — Я не намерен оставаться там, где меня не хотят видеть. Что касается дополнительного вознаграждения, округлите сумму до полумиллиона севов.

Пэтч важно надул щеки:

— Ваша просьба будет удовлетворена.

Через полчаса Пэтч позвонил в местное отделение Банка Ригеля, вставил свою кредитную карточку в приемную щель видеофона и получил подтверждение перевода 1 181 490 севов на его текущий счет.

— В таком случае, — распорядился Пэтч, — откройте счет на имя Кирта Джерсена и переведите на него полмиллиона севов.

Перевод был оформлен и подтвержден подписями и отпечатками пальцев Пэтча и Джерсена. Когда все было завершено, Пэтч обратился к Джерсену:

— Дайте мне теперь расписку и уничтожьте договор о партнерстве.

Джерсен так и сделал.

— А теперь, — заявил Пэтч, — будьте так добры, уходите отсюда и больше не возвращайтесь.

— Как вам будет угодно, — вежливо ответил Джерсен. — Сотрудничество с вами было исключительно по-

лезным. Я желаю вашей компании всяческого процветания и хочу дать вам последний совет: после отправки самохода постарайтесь снова не попасться похитителям.

— На этот счет не беспокойтесь.— Пэтч оскалил зубы в волчьей усмешке.— Я не зря называюсь инженером-изобретателем. Я сконструировал защитную систему, которая вышибет дух из любого, кто дотронется до меня! Пусть похитители поберегутся!

ГЛАВА 8

Деньги потерял — ничего не потерял,
Честь потерял — кое-что потерял,
Смелость потерял — все потерял.

Излюбленная поговорка раффов — взломщиков-любителей.

Ночь на планетах Скопления Ригеля редко бывает по-настоящему темной. Для некоторых миров (занимающих определенное положение на орбите), как маленькая яркая луна, сияет Голубой Компонент, а для некоторых — ночное небо освещают несколько других планет Скопления.

На Крокиноле Голубой Компонент был виден лишь как вечерняя звезда. Такое положение будет продолжаться еще около сотни лет, благодаря гигантской протяженности орбит в Скоплении и, следовательно, длительному периоду обращения. Так, период обращения Крокиноля составляет 1642 года.

Полночь на Крокиноле была не темнее и не светлее, чем на любой другой планете Скопления. В Патрисе не многое могут предложить по части ночной жизни, да и эти скромные ночные развлечения сосредоточены в прибрежных ресторанах Нового Города. В Старом Городе, погруженном во мрак и речной туман, выделялся только один освещенный островок — завод Пэтча.

За полчаса до полуночи Джерсен тихо брел по пустынным улицам. Голубой Компонент давно зашел, уличное освещение состояло из размещенных с большими интервалами тускло светящихся шаров, окруженных из-за тумана золотистыми гало. Воздух был насыщен запахами мокрого кирпича, прибрежных доков, речного

ила. Эта своеобразная ароматическая смесь составляла главную особенность Старого Города. Напротив завода Пэтча высился ряд зданий с высокими фронтонами и глубоко врезанными затененными арками. Перебегая от одной арки к другой, Джерсен подобрался к освещенным воротам цеха Б настолько близко, насколько счел возможным и благоразумным, прислонился спиной к сырым кирпичам, ослабил застёжки и ремни, поддерживающие его оружие, и приготовился ждать. Одетый весь в черное, с черным выкрашенным лицом и в темных очках, скрывающих блеск глаз, он полностью слился с ночным мраком.

Время шло. Через открытые ворота цеха была видна передняя часть самохода, укрытая брезентом. Время от времени пробегал кто-то из техников. Один раз появилась массивная фигура Пэтча, — он подошел к воротам и озабоченно посмотрел на небо.

Джерсен взглянул на часы: без пяти двенадцать. Он надел инфракрасные очки, и улица тотчас стала ярко освещенной, хотя и окрашенной в нереальные тона. Распределение светотени тоже было частично искаженным: яркий свет, падавший из открытых дверей цеха, был скомпенсирован управляемым фильтром и казался темным пятном. Джерсен поглядел на небо, но ничего не увидел.

За минуту до полуночи Пэтч опять вышел на улицу. На поясе у него вызывающе висели два тяжелых лучемета, а на шее — микрофон, явно предназначенный для вызова полиции. Джерсен усмехнулся: Пэтч хорошо подготовился. Обеспокоенно взглянув на небо, Пэтч вернулся в здание. Минута прошла. Издалека, от Мерианы, колоссальной статуи женщины, стоящей по колено в море, донесся гнетущий протяжный гудок, отмечавший полночь. Высоко в небе послышался шум грузового вертолета. Он снизился и завис над улицей. Джерсен прищурился и нерешительно поднял гранатомет. Вертолетом, разумеется, управляли сообщники Кокура Хеккуса, и, если их прикончить, Галактика только выиграла бы... Но где сам Кокур Хеккус? И Джерсен вновь проклял неопределенность, не дававшую ему спустить курок. Появился маленький аэрокар. Он описал вираж и опустился на улицу метрах в тридцати от

Джерсена. Джерсен отступил дальше в тень и сдвинул на лоб инфракрасные очки, которые теперь ему только мешали.

Из аэрокара вышли два человека, одетые в облегающие темные костюмы с капюшонами. Джерсен застонал от разочарования: ни один из них не был Зеуманом Отуалом, ни один из них не мог быть Кокуром Хеккусом. Оба невысокие, плотные, темнокожие. Они быстро подошли к воротам, заглянули внутрь, толстяк, что поменьше, сделал нетерпеливый жест рукой. Джерсен опустил инфраочки и посмотрел на грузовой вертолет. Тот по-прежнему висел над улицей. Джерсен поднял инфраочки и вновь перенес внимание на людей, вышедших из аэрокара. Из ворот цеха, напустив на себя воинственный вид, вышел Пэтч, остановился и заговорил. Оба толстяка коротко кивнули, и один из них бросил несколько слов в микрофон.

Пэтч повернулся и махнул рукой, окутанный брезентом самоход вышел на улицу. Вертолет опустился и завис над ним. Джерсен внимательно наблюдал за происходящим, и в нем росла уверенность, что цепь событий, начавшихся на эспланаде Авенты, готова вот-вот оборваться.

Пэтч шагнул назад в цех, держа обе руки на рукоятках лучеметов. Люди в черном не обращали на него никакого внимания. Они взобрались на самоход и принялись прикреплять к болтам, торчавшим вдоль спинного гребня машины, десяток тросов, сброшенных с вертолета. Затем они спрыгнули на землю, и один из них махнул рукой. Тросы натянулись, чудовищная многоножка поднялась и исчезла в темноте. Люди в черном быстро направились к аэрокару, даже не оглянувшись на Пэтча, который, напыжившись, стоял в дверях и неприязненно глядел им вслед. Аэрокар взлетел и скрылся в темноте.

Двери цеха Б закрылись, и на улице вновь стало темно и пусто. Джерсен немного расслабился. Он чувствовал себя проигравшим. Почему он не сбил вертолет с самоходом? Кокур Хеккус вполне мог быть на борту. А даже если и нет, то уничтожение самохода разъярило бы его и вынудило к каким-нибудь ответным действиям.

Джерсен хорошо понимал, почему он не уничтожил многоножку, почему его палец на спусковом крючке

сковала нерешительность. Он жаждал открытой схватки. Кокур Хеккус обязательно должен знать, кто его убивает и почему. Просто подстрелить его из засады было бы хорошо, но мало.

Где и когда может представиться следующая возможность? Пожалуй, стоит заняться Зеуманом Отуалом. Джерсен шагнул на улицу. Три темные фигуры изумленно шарахнулись от него. Кто-то хрипло выкрикнул приказ, и в глаза Джерсену ударил яркий луч света, на мгновение ослепив его. Он на ошупь потянулся к оружию. Одна из фигур скользнула к нему, и резкий удар отбросил его руку. Другой человек взмахнул длинным гибким кабелем, который, как змея, обвился вокруг Джерсена, приковав руку к туловищу. Второй конец кабеля охватил его ноги. Джерсен покачнулся и упал. Кто-то пинком отбросил в сторону его гранатомет и, нагнувшись, вытащил его лучемет и нож. Человек с фонарем подошел поближе, направил свет на лицо Джерсена и хмыкнул.

— Неплохо. Этот парень — партнер человека, у которого деньги, — послышался холодный спокойный голос Зеумана Отуала.

Джерсен возразил:

— Вы ошибаетесь. Пэтч уже выкупил мою долю акций.

— Чудесно... Значит, у вас есть деньги. Обыщите его хорошенько. Он может оказаться опасным.

Ловкие руки тщательно ощупали Джерсена, обнаружили и вытащили метательный нож, газовый баллончик с анодином и несколько других устройств, которые явно озадачили нападавших. Кто-то из них сказал с почти-тельным удивлением:

— Этот парень — просто ходячий арсенал. Я бы не хотел столкнуться с ним один на один.

— Да, — задумчиво заметил Отуал. — Необычный набор инструментов для инженера. Станный тип... Впрочем, это не важно. Вселенная полна странных людей. Теперь он наш гость, и незачем дожидаться Пэтча.

Рядом с ними приземлился аэрокар. Джерсена запихнули в грузовой отсек, и аэрокар взмыл вверх.

Через некоторое время Зеуман Отуал заглянул в грузовой отсек:

— Вы странный человек, мистер Уолл. Вы были оснащены разнообразным оружием, с которым, наверное, умеете обращаться, и вы умудрились так ловко притаться, что даже мы, народ недоверчивый и наблюдательный, и не подозревали о вашем присутствии, а потом вы, даже не оглядевшись, вдруг вышли на середину улицы.

— Это был глупый шаг, — согласился Джерсен.

— Глупостью было ваше партнерство с Пэтчем. Вам должно было быть с самого начала ясно, что этот надутый умник никогда не получит от нас ни гроша. Однажды мы обчистили его через Обменный Пункт. Теперь ваша очередь. Если вы согласны вернуть нам 1 681 490 севов немедленно, то мы тут же покончим с этим делом. Если же вы не заплатите — боюсь, вам придется совершить космическое путешествие.

— У меня нет такой суммы денег, — запротестовал Джерсен. — Позвольте мне объяснить некоторые обстоятельства...

— Мне некогда спорить с вами: я далеко лечу и должен много сделать. Если у вас нет денег, все пойдет обычным путем.

— Обменный Пункт? — спросил Джерсен, неприветливо улыбнувшись.

— Именно. Я желаю вам удачи, мистер Уолл, каково бы ни было ваше настоящее имя. Было очень приятно иметь с вами дело.

Зеуман Отуал вышел, и больше Джерсен его не видел. Джерсена перевели на космолет, где он оказался в компании трех детей, двух молодых девушек, трех женщин постарше и одного мужчины средних лет. Очевидно, все они были из состоятельных семей Крокиноля, и их похитили ради выкупа. Время шло. Джерсен несколько раз ел и спал. Наконец корабль замер. Последовало привычное, но раздражающее ожидание выравнивания давления внутри корабля, затем пассажиров вывели на поверхность Сасани, затолкнули в автобус и повезли через пустыню в Обменный Пункт.

Там их собрали в маленькой аудитории, и один из служащих провел брифинг.

— Леди и джентльмены! Мы рады приветствовать вас и надеемся, что во время вашего пребывания здесь вы постараетесь отдохнуть и насладиться жизнью. Наши

условия не уступают первоклассному санаторию. Мы поощряем общение между «гостями» — в рамках, конечно, общепринятых правил. Мы одобряем занятия по душе: плавание, шахматы, теннис, музицирование, хроматил. Правда, у нас нет возможностей для альпинизма, планерного спорта, марафонского бега или походов по пустыням Сасани. Мы предлагаем шесть классов обслуживания: от сверхроскошного класса АА до стандартного Е, не слишком шикарного, но, безусловно, комфортабельного. Существует восемь разновидностей меню, соответствующих основным гастрономическим вкусам народов Ойкумены. Для лиц, привыкших к более экзотическим блюдам, возможно специальное обслуживание за дополнительную плату. Мы льстим себя надеждой, что все наши «гости» будут питаться если не с наслаждением, то с аппетитом.

Наши правила несколько строже, чем на обычном курорте, и я должен предупредить вас, что любые прогулки по пустыне могут привести только к неприятностям. Во-первых, там полно хищных насекомых. Во-вторых, там нет ни еды, ни воды. В-третьих, среди туземцев, которые по ночам вылезают из своих берлог, есть людоеды. В-четвертых, мы считаем своим долгом охранять интересы клиентов. Таким образом, чрезмерно любознательный индивидуум может лишиться всех привилегий.

Сейчас я раздам вам бланки. Пожалуйста, укажите желательный класс обслуживания и меню. Внимательно прочтите список наших правил. Обслуживающий персонал должен обращаться с вами вежливо, но соблюдать определенную дистанцию. Им хорошо платят, так что не пытайтесь совать им чаевые. Мы с неодобрением относимся к подобным поступкам и проводим тщательное расследование мотивов, побуждающих прибегать к таким средствам.

Завтра вам будет предоставлена возможность связаться с лицами, которые могут «аннулировать ваш взнос». Вот все, что я хотел сообщить. Благодарю за внимание.

Джерсен внимательно ознакомился с бланком и выбрал класс Б, который гарантировал доступ ко всем развлечениям и определенное уединение. Ему случилось есть пищу почти всех народов Ойкумены, даже сандус-

керов, и он с неудовольствием вспомнил лавочника с Ард-стрит. Джерсен выбрал «классическое меню» — меню Альфанора, Новой Земли и доброй трети населения Ойкумены.

Он просмотрел «Правила поведения» и не обнаружил ничего особенно интересного, кроме параграфа 19: Лица, проживающие в Обменном Пункте, по истечении первичного периода переходят в категорию «доступных гостей» и потому в первой половине дня должны оставаться в своих номерах, чтобы посторонние посетители могли ознакомиться с ними.

Спустя некоторое время Джерсена отвели в его номер, который оказался достаточно комфортабельным. В гостиной стоял письменный стол, несколько кресел, журнальный столик, этажерка с журналами. Стены были цвета бордо с оранжевыми пятнами, потолок красновато-коричневый. Ванная комната содержала набор стандартных удобств. Кровать была узкая и довольно жесткая, инфрарadiator свисал с потолка, как в старомодной сельской гостинице.

Джерсен принял ванну, переоделся в чистое белье, которое нашел в шкафу, улегся на кровать и стал обдумывать планы на будущее. Сначала необходимо избавиться от депрессии и чувства неудовлетворенности собой, сопровождавшего его с того момента, когда фонарик Зеумана Отуала вспыхнул ему в лицо. Он чересчур долго считал себя неуязвимым, защищенным самой судьбой исключительно из-за возвышенности своих устремлений. Вероятно, мысль, что пятеро негодяев, уничтоживших Маунт-Плезент, неизбежно падут один за другим от его руки, была единственным его суеверным убеждением. Одержимость этой идеей помешала ему совершить простейший акт, диктуемый здравым смыслом, — убить Зеумана Отуала, и теперь он расплачивается за свою самонадеянность. Ему необходимо пересмотреть свое отношение к себе. Он был самодовольным, негибким, якобы всезнающим. Он вел себя так, будто успех его миссии уже предопределен свыше, будто он одарен сверхъестественными силами. Все это, с горечью признал Джерсен, было глубоким заблуждением. Зеуман Отуал пленил его до смешного легко, он даже не удосужился допросить Джерсена, а просто сунул его в мешок

с остальной добычей. Самолюбие Джерсена было жестоко уязвлено. Раньше он никогда не задумывался над размерами собственного тщеславия. Ну что ж, сказал себе Джерсен, если изобретательность и неукротимость действительно являются базисными элементами его натур, настало время доказать это на деле.

Полностью успокоившись, Джерсен принялся оценивать свое нынешнее положение. Завтра он может, если захочет, известить Пэтча о своем похищении. Но проку от этого не будет никакого. У самого Джерсена были полмиллиона севов, выплаченные ему Пэтчем, и, может быть, семьдесят-восемьдесят тысяч, оставшиеся ему от деда. Назначенный за него выкуп на миллион севов больше. Столько ему ни за что не собрать.

Если бы удалось убедить Кокура Хеккуса или Зеумана Отуала, что у Пэтча осталась вторая половина требуемой суммы, они бы могли снова похитить Пэтча и снизить выкуп Джерсена до полумиллиона. Но Пэтч достаточно умен и наверняка сейчас находится вне пределов досягаемости. Джерсен может застрять в Обменном Пункте на месяцы, если не на годы. Постепенно расходы Обменного Пункта начнут съедать прибыль спонсора. Тогда выкуп будет уменьшен. Как только он достигнет полумиллиона, Джерсен сможет выкупить себя. Разумеется, независимый покупатель может выкупить его раньше, что, правда, маловероятно. Таким образом, Джерсену неопределенное время предстоит быть заключенным Обменного Пункта.

Попытаться бежать? Джерсен никогда не слышал об удачных побегах с Обменного Пункта. Даже если человеку удастся обмануть бдительность стражей и миновать хитроумную систему контрольных лучей и электронных устройств, куда ему бежать? Пустыня была смертельно опасна и днем, и ночью. Батареи автоматических пушек делали весь район недоступным для космических кораблей. Было всего два пути на свободу: смерть или выкуп. Неожиданно Джерсен вспомнил Алюз Ифигению Эперже-Токай, девушку с Фамбера. Выкуп за нее составлял фантастическую сумму — десять миллиардов севов. Интересно, насколько близок Кокур Хеккус к тому, чтобы собрать ее? Как было бы здорово выкупить Ифигению прямо перед носом Кокура Хеккуса! Безнадежная мечта:

он не может внести даже свой сравнительно скромный выкуп.

Прозвучал гонг, возвещавший начало ужина. Джерсен прошел в столовую по коридору, стены которого были абсолютно голыми, а потолок украшался переплетенными стеклянными лентами. Такие потолки он видел во всех коридорах и переходах Обменного Пункта, где ему приходилось бывать. Столовая оказалась просторным залом с высоким потолком и серыми стенами. «Гости» сидели за небольшими индивидуальными столиками, еду им подвозили на беспрестанно менявшихся тележках. В столовой отчетливо ощущалась атмосфера тюрьмы, почему-то не так заметная в других помещениях. Джерсен решил, что, вероятно, такие ощущения вызваны изолированностью людей, отсутствием общения между ними. Еда была синтетической, не слишком приятной на вид, неважно приготовленной и довольно скудной. Даже Джерсен, не очень разборчивый в пище, счел ее неаппетитной. Если таким было обслуживание по классу Б, подумал он, то что же подают по классу Е? Вероятно, почти то же самое.

После ужина наступил так называемый «час общения», который проходил в огромном зале с прозрачным куполом, позволявшим любоваться вечерним небом Сасани. Все «гости» Обменного Пункта собирались здесь, побуждаемые скукой и любопытством: кто прибыл, кто отбыл? Джерсен подписал чек, взял в центральном киоске бумажный пакет с пивом и уселся на скамью. В зале было около двухсот человек, старых и молодых, со всех концов Ойкумены. Некоторые играли в шахматы, некоторые прогуливались, остальные, подобно Джерсену, сидели на скамьях и что-нибудь пили. Большого оживления не было. Почти все лица выражали явное отвращение к Обменному Пункту, даже к товарищам по несчастью. Дети, казалось, тоже были заражены общей тоской, хотя и проявляли большую склонность собираться группами. Среди «гостей» было около двадцати молодых женщин, которые выглядели еще более одинокими, недовольными и обиженными, чем остальные. Джерсен с интересом рассматривал их, пытаясь угадать Ифигению. Если Кокур Хеккус так отчаянно жаждал обладать ею, она должна быть необычайно красива. Но

ни одна из присутствующих девушек, на взгляд Джерсена, не отвечала этим требованиям. Невдалеке высокая девушка с ослепительно рыжими волосами задумчиво разглядывала свои длинные пальцы, каждый сустав которых был охвачен металлической лентой, что ясно указывало на ее принадлежность к эгимандам с Канопуса. Чуть подальше, лениво прихлебывая вино, сидела невысокая темнокожая девушка. Она выглядела веселой и привлекательной, но была явно не из тех, кто оценит себя в десять миллиардов севов. Там находились и другие девушки, но все они казались слишком молодыми или слишком старыми либо не очень привлекательными, как и молодая женщина, сидевшая на другом конце скамьи, на которой устроился Джерсен. У нее была бледная кожа, цвета слоновой кости, чистые серые глаза, правильные черты лица и золотистые волосы. Короче говоря, ее не назовешь некрасивой, но вряд ли эта «гостья» стоила десять миллиардов. Джерсен не стал бы так долго рассматривать девушку, если бы не ее надменный поворот головы и холодный решительный блеск глаз... В комнату, ни на кого не глядя, вошел служащий, с которым Джерсен имел дело во время предыдущего визита. Как бишь его звали? Ах да, Арманд Кошиль. И Джерсену стало еще грустнее. «Час общения» заканчивался, и гости стали расходиться по своим комнатам, номерам и апартаментам.

Утренний завтрак – чай, кофе, сдобные булочки и компот – подали прямо в номер. Потом Джерсена вызвали в центральное административное здание. Там уже находилось несколько человек, с которыми он прибыл в Обменный Пункт. Когда назвали его имя, он прошел в офис, где измученный клерк, механически кивнув ему, оттарабанил заученный текст:

– Мистер Уолл, садитесь, если хотите. С вашей точки зрения, ваше присутствие здесь – несчастье. С нашей точки зрения, вы гость, к которому нужно относиться с заботой и уважением. Мы чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы улучшить мнение общества о нас и прилагаем к этому все усилия. Вашим спонсором является Кокур Хеккус. Он требует 1 681 490 севов, и я предлагаю вам внести эту сумму.

— Я бы очень хотел,— ответил Джерсен,— но это совершенно нереальное требование.

Клерк кивнул:

— Многие из наших «гостей» находят назначенные суммы чрезмерными. Как вы знаете, мы не контролируем размер «взноса», мы можем лишь призвать спонсора к умеренности, а гостя — к сотрудничеству. Итак, в состоянии ли вы выплатить эту сумму?

— Нет.

— А ваша семья?

— У меня нет семьи.

— Друзья?

— У меня нет друзей.

— Деловые партнеры?

— Их нет.

Клерк вздохнул:

— Тогда вам придется оставаться тут, пока не произойдет одно из следующих событий. Спонсор может уменьшить свои требования до приемлемой суммы. Через пятнадцать дней после извещения ваших друзей или знакомых вы перейдете в «доступный» статус, и ваш «взнос» может быть «аннулирован» любым желающим, после чего вы поступите в его распоряжение. Через некоторое время, если счета за стол и проживание не будут регулярно оплачиваться, мы будем вынуждены предложить вас одному из независимых посетителей, чтобы покрыть свои расходы. Итак, что вы решили?

— Я не могу уплатить эту сумму. Мне некого извещать.

— Мы сообщим ваш ответ спонсору. Вы не могли бы назвать сумму, которую готовы заплатить?

— Около полумиллиона,— нерешительно ответил Джерсен.

— Я назову ее спонсору. Тем временем, мистер Уолл, я надеюсь, вы найдете пребывание здесь не слишком неприятным.

— Благодарю вас.

Джерсен вернулся к себе в номер, а затем отправился на ленч в столовую.

В течение дня ему были доступны все разновидности отдыха, имеющиеся в Обменном Пункте. Тут были небольшие спортзалы, мастерские, комнаты для игр, он

мог заняться гимнастикой в спортзале, или поплавать в бассейне, или остаться у себя в номере. Посещать чужие номера категорически запрещалось.

Прошло несколько дней. Джерсен чувствовал растущее напряжение и жажду активной деятельности. Но единственным способом разрядки был гимнастический зал. Он вновь начал думать о побеге, однако так и не нашел способа его осуществить.

На третий день во время «часа общения» Джерсен, отходя от киоска с пакетом пива, лицом к лицу столкнулся с Армандом Кошилем. Служитель пробормотал извинения и шагнул в сторону, затем повернулся и удивленно воззрился на Джерсена. Тот принужденно улыбнулся:

— Условия несколько изменились после нашей последней встречи.

— Да, я вижу, — кивнул Кошиль. — Я хорошо вас помню. Вы мистер Джассун? Или Джриссон?

— Уолл, Говард Уолл, — сказал Джерсен.

— Да, да, конечно, мистер Уолл. — Кошиль изумленно покачал головой. — Судьба порой выделяет странные штуки. Простите, мне пора идти. Нам не разрешают разговаривать с «гостями».

— Скажите мне только одну вещь. Насколько близок Кокур Хеккус к тому, чтобы собрать десять миллиардов?

— Он делает большие успехи, как я знаю. Мы все здесь очень заинтересованы: это самая крупная сумма за всю историю Обменного Пункта.

Джерсен ощутил прилив иррациональной злобы — или зависти?

— Эта женщина выходит в общий зал?

— Я видел ее здесь несколько раз. — Кошиль делал ощутимые попытки ускользнуть.

— Как она выглядит?

Кошиль нахмурил брови и оглянулся через плечо:

— Девушка не такая, какой вы себе ее представляете. Она не принадлежит к числу хорошеньких умниц... Вы понимаете, что я имею в виду? Пожалуйста, извините, мистер Уолл, но я должен идти, или меня накажут.

Джерсен сел на свою обычную скамью, чувствуя новый прилив неудовлетворенности. Эта неизвестная женщина по всем законам логики не должна для него

ничего значить... Однако в действительности все было иначе. Джерсен удивлялся собственным чувствам. Почему эта история его так затронула? Потому что Алюз Ифигения оценила себя в десять миллиардов севов? Или потому что чудовишно эгоистичный и надменный Кокур Хеккус был близок к обладанию ею? Такая мысль привела его в ярость. Может, из-за предполагаемого места рождения девушки — мифической планеты Фамбер? Или девушка просто возбуждала в нем тщательно подавляемые романтические чувства? Какова бы ни была причина, Джерсен вновь оглядел зал в поисках прекрасного создания, которое могло быть Ифигенией с Фамбера. Ею, определенно, не могли быть ни маленькая темнокожая девушка, ни огненно-рыжая девица с Канопуса. Девушки с золотистыми волосами и гордыми манерами он не увидел, но и она вряд ли подходила. Хотя, подумал Джерсен, ее глаза были серыми и лучистыми, а фигура безупречной — хрупкой, нежной, но идеально пропорциональной. Позвучал гонг. Джерсен вернулся в свою комнату разочарованный и раздраженный.

Прошел еще один день. Джерсен нетерпеливо дожидался «часа общения». Он наконец наступил. В зале появилась незнакомка. У нее была пышная, но изящная фигура, длинные красивые ноги, удлиненное патрицианское лицо и ошеломляющий овал сложно зачесанных ярко-белых волос. Джерсен внимательно оглядел ее. Нет, решил он с облегчением, «новенькая» не может быть Ифигенией с Фамбера. В ней слишком много утонченно-искусственного. Такая женщина вполне могла оценить себя в десять миллиардов севов, и Джерсену почти хотелось, чтобы Кокур Хеккус добился своего. Девушка со светло-золотистыми волосами не появлялась. Джерсен вернулся в свою комнату с отвращением. Пока он сидит тут взаперти, Кокур Хеккус успешно приближается к своей цели. Чтобы отвлечься, Джерсен до полуночи читал старые журналы.

Следующий день был в точности похож на предыдущий. Правда, за ленчем появились два новых «гостя». Слухи донесли, что это были: Тихус Хассельберг, президент корпорации «Джарнелл», и Скерде Вореk, директор «Форестленда», оба с Земли, и оба почти миллиардеры. Еще на два шага ближе к цели, горько подумал Джерсен.

Днем он упражнялся в гимнастическом зале. За обедом еда показалась совсем невкусной. Джерсен вышел в общий зал в мрачном настроении. Он взял стакан затхлого сасанийского вина и уселся на скамью, готовясь провести очередной унылый вечер. Через полчаса дверь открылась, и в зал вошла девушка с золотистыми волосами. Сегодня она выглядела еще более задумчивой, чем обычно. Джерсен внимательно посмотрел на нее и решил, что девушка далеко не так проста, как кажется на первый взгляд. Несмотря на правильные и вроде ничем не примечательные черты лица, она, безусловно, была необычной девушкой. Взяв в центральном киоске чашку чая, она присела на скамью недалеко от Джерсена, он пристально глядел на нее, чувствуя, как учащенно бьется его сердце.

«Почему? — раздраженно спросил он себя. — Почему эта молодая женщина, которую с натяжкой можно назвать привлекательной, так сильно действует на меня?»

Джерсен поднялся, подошел к ней и спросил:

— Могу ли я присоединиться к вам?

— Если хотите, — ответила она после некоторого колебания, дающего понять, что лучше ей остаться в одиночестве. В ее голосе слышался странный архаичный акцент, который Джерсен тщетно пытался идентифицировать.

— Простите меня за неуместное любопытство, — спросил Джерсен, — но не вы ли Алюз Ифигения Эперже-Токай?

— Я Алюз Ифигения Эперже-Токай, — произнесла она, поправляя его произношение.

Джерсен глубоко вздохнул. Интуиция не подвела! Глядя на ее приятное лицо, Джерсен подумал, что оно не такое уж спокойное, как казалось издали. Пожалуй, девушку можно было назвать хорошенькой. Он решил, что именно глаза делают лицо прелестным. Но назвать ее красавицей? Да еще такой, которая могла вызвать у Кокура Хеккуса столь пламенную страсть? Это казалось неправдоподобным.

— Вы родом с планеты Фамбер?

Она вновь окинула его безразличным взглядом:

— Да.

— Знаете ли вы, что большинство людей считает Фамбер воображаемым миром из легенд и баллад?

— Да, я узнала об этом, к своему большому удивлению. Уверяю вас, Фамбер вполне реален.

Она отпила немного чаю и вновь скользнула взглядом по Джерсену. Ее глаза, большие, чистые, искренние, были, безусловно, прекрасны. Но легкое изменение позы дало понять Джерсену, что разговор окончен.

— Я не стал бы больше беспокоить вас, — напряженно вымолвил Джерсен, — если бы не тот факт, что именно ваш жених Кокур Хеккус доставил меня сюда и что я считаю его своим смертельным врагом.

Ифигения на мгновение задумалась:

— Вы поступаете неразумно, считая его своим врагом.

— Предположим, он внесет назначенную вами сумму, что тогда?

Девушка пожала плечами:

— Этот вопрос я не желаю обсуждать.

Джерсен решил, что она, без сомнения, хорошенькая, даже более, чем хорошенькая. Когда она говорила и даже когда задумывалась, ее лицо становилось таким одухотворенным, наполнялось такой жизненной энергией, что черты ее лица, довольно заурядные, поразительно преображались. Джерсен не знал, как поддержать разговор. Наконец он спросил:

— Вы хорошо знаете Кокура Хеккуса?

— Не слишком хорошо. Большую часть времени он проводит в стране Миск за горами. Мой город — Драззан в Жантилье.

— Как вам удалось добраться сюда? На Фамбер часто прилетают корабли?

— Нет. — Она вдруг повернулась и пристально взглянула на него. — Кто вы такой? Один из его шпионов?

Джерсен покачал головой. Глядя ей в лицо, он изумленно подумал: «Неужели я когда-нибудь мог считать ее обычной девушкой? Она прекрасна, невыразимо прекрасна». Вслух Джерсен произнес:

— Если бы я был свободен, то постарался бы помочь вам.

Она рассмеялась довольно жестким смехом:

— Как бы вы помогли мне, если вы даже себе не в силах помочь?

Джерсен ощутил, что краснеет — впервые в жизни. Он неловко поднялся:

— Доброй ночи.

Ифигения не ответила. Джерсен побрел к себе в номер, принял душ и бросился ничком на кровать. Предположим, он свяжется с Душаном Аудмаром. Нет, бесполезно. Аудмар даже не побеспокоится сообщить ему об отказе. Майрон Пэтч? Более чем бесполезно. Бен Заум? Он может предложить тысяч десять, не больше. Джерсен взял один из старых журналов и стал машинально перелистывать его. Ему попалась фотография человека, лицо которого показалось очень знакомым. Джерсен взглянул на подпись к снимку, но имя — Даниэль Трембат — ничего ему не говорило. Странно. Джерсен вновь взглянул на фотографию. Лицо точно кого-то напоминало — но кого? Он знал этого человека как «мистера Хоскинса», он привез его труп с Паршивой Планеты. Джерсен прочитал заметку:

Даниэль Трембат, генеральный директор Банка Ригеля, ныне в отставке. Пятьдесят один год Его Превосходительство служил Банку и людям Скопления Ригеля. На прошлой неделе он заявил о своей отставке. Каковы его планы на будущее? «Я буду отдыхать. Я работал долго и слишком напряженно. Теперь я намерен получать от жизни удовольствие, которое прежде мне было недоступно из-за лежавшей на мне ответственности».

Джерсен закрыл журнал и взглянул на обложку. Это был «Космополис» от 25 января 1525 года. Через три месяца Трембат исчезнет, а еще через неделю будет убит Билли Уиндлом на неприметной планете Края Света. Джерсен, полностью проснувшись, стал обдумывать происшедшее. Что могло заставить бывшего генерального директора гигантского Банка Ригеля путешествовать в одиночестве, под покровом полной секретности, чтобы встретиться с человеком, именующим себя Билли Уиндл? Трембат жаждал вечной молодости. Что он мог предложить взамен? По характеру его деятельности это не могло быть ничем иным, кроме денег. Встреча в Скузе произошла сразу же после того, как Ифигения укрылась в Обменном Пункте. Такое совпадение собы-

тий и действующих лиц наверняка было не случайным. Кокур Хеккус нуждался в деньгах — в десяти миллиардах севов. Даниэль Трембат, генеральный директор (в отставке) Банка Ригеля, символизировал своей особой деньги, но также и консервативную респектабельность. Почему МПКК жаждало заполучить его живым или мертвым? Не мог же Трембат украсть десять миллиардов севов? Джерсен попытался припомнить обрывок письма, отнятый у мистера Хоскинса в Скузе. Он напряг память, стараясь поточнее воспроизвести слова, которые могут пролить свет на весьма темное дело:

...Завитки, или, точнее, полосы разной плотности, на первый взгляд, расположены хаотически. Однако это сделано специально для того, чтобы они стали неощутимыми. Критическим является расстояние между ними, которое должно меняться как корень из первых одиннадцати простых чисел. Наличие шести или более таких полосок в любой определенной области будет подтверждать...

Единственный вывод, который можно было сделать на основе всех этих фактов, казался ошеломляющим. К тому же ситуация складывалась явно трагикомическая. Джерсен вскочил и зашагал из угла в угол. Если его догадка верна, какую пользу можно извлечь из всего этого? Он размышлял больше часа, составляя и отвергая разные планы. Если воспользоваться мастерскими и «комнатами для хобби»... Официально поощрялись простые и легко контролируемые занятия: резьба по дереву, шитье мягких игрушек, вышивание, ваение, акварельная живопись. Возможно, и фотография.

Утро тянулось с раздражающей медлительностью. Джерсен сидел, развалившись в самом удобном кресле. Ему пришло в голову прелестное дополнение к его плану, и он громко рассмеялся. Сразу после ленча Джерсен отправился в «комнату для хобби». Он увидел приблизительно то, что и ожидал увидеть: большую комнату, уставленную шкафами с красками, кистями, емкостями с глиной для ваения и множеством прочих причиндалов. Дежурным в комнате был плотный лысый мужчина с кукольным лицом. Звали его Фаниан Лабби. Он довольно терпеливо отвечал на расспросы Джерсена. Нет, здесь нет условий для занятий фотографией. Несколько лет

назад пытались организовать фотолабораторию, но потом все забросили. За оборудованием надо было хорошенько присматривать, а это отнимало у служащих слишком много времени. Джерсен сделал деликатно сформулированное предложение. Он почти уверен, что пробудет здесь месяц, а то и два. Перед похищением он экспериментировал с новыми формами искусства, связанными с фотографией, и хотел бы продолжить свои занятия, причем готов даже оплатить стоимость необходимого оборудования.

Дежурный долго думал над предложением. Ясно, в этом мероприятии слишком много мороки для Джерсена, для самого служащего и для всех, кто будет в нем участвовать. Теоретически такое, конечно, возможно, но практически... Он неуверенно пожал плечами. Джерсен негромко рассмеялся и заявил, что всякие дополнительные хлопоты будут щедро вознаграждены. Лабби тяжело вздохнул. Политика Обменного Пункта требует максимального внимания к желаниям «гостей». Если мистер Уолл настаивает, ему остается только согласиться. Что же касается вознаграждения, то это против правил, но мистеру Уоллу виднее, как поступить.

— Как скоро может быть доставлено оборудование? — спросил Джерсен.

— Если мистер Уолл сегодня представит список и необходимые средства, заказ будет сразу же отослан в Сагбад, ближайший торговый центр. Оборудование прибудет завтра или послезавтра.

— Превосходно! — заявил Джерсен и уселся составлять список, который получился очень длинным, так как содержал массу предметов, нужных лишь для маскировки истинной цели.

Лабби неодобрительно поджал губы. Джерсен торопливо добавил:

— Я понимаю, что создаю для вас огромные неудобства. Смогут ли сто севов компенсировать это?

— Как вы знаете, — решительно заявил Лабби, — правила категорически запрещают передачу денег персоналу. Однако в данном случае деньги служат лишь для снабжения мастерских необходимым оборудованием. Ведь, я полагаю, уезжая, вы все это оставите здесь?

Джерсен не хотел показаться слишком уж заинтересованным:

— Вероятно, да. Во всяком случае, часть оборудования у меня есть дома.

Он был очень воодушевлен тем, как свободно Лабби беседовал на эти скользкие темы. Значит, мастерские не находились под постоянным наблюдением.

— Как вы думаете, сколько мой заказ будет стоить? — спросил Джерсен.

Лабби просмотрел список.

— Мегафотокамера, увеличитель «Чаго» и принтер, дубликатор «Танглемат», микроскоп... Дорогие игрушки. Для чего они вам?

— Я изготавливаю калейдоскопические пермутации природных объектов, — пояснил Джерсен. — Иногда требуется двадцать — тридцать копий одного и того же снимка, что удобнее сделать на дубликаторе.

— Это будет стоить целое состояние, — проворчал Лабби. — Но если вы готовы платить...

— Готов, раз надо, — ответил Джерсен. — Мне не очень нравится зря тратить деньги, но отказаться от своего хобби на два месяца мне нравится еще меньше.

— Понятно. — Лабби проглядел список до конца. — У вас тут впечатляющий набор разной химии. Надеюсь, вы не намерены взорвать Обменный Пункт и оставить меня без работы?

Джерсен рассмеялся:

— Я уверен, вы достаточно опытны, чтобы предотвратить любую подобную попытку. В этом списке нет взрывчатых или ядовитых веществ — только красители, фотосенсибилизаторы, проявители и все такое прочее.

— Да, я вижу. Не думайте, что я не разбираюсь в подобных вещах. Я был полноправным членом академического бумаравского колледжа на Лоргане и занимался исследованиями плоских рыб Нойстерского океана, пока не кончилось финансирование — еще один подлый регрессивный акт Конгрегации, уверяю вас.

— Да, печальная ситуация, — поддакнул Джерсен. — Интересно бы знать, когда это кончится? Они что, хотят вновь сделать нас пещерными людьми?

— Кто может сказать, чего хотят полоумные? Я слышал, Братя потихоньку прибирают к рукам корпора-

цию «Джарнелл». А когда они получают пятьдесят один процент акций, все, больше никаких космолетов! Что тогда с нами будет? И что будет со мной? Останусь без работы, если мне, конечно, не повезет и я доживу до этого времени. Нет, я не доверяю таким людишкам!

Джерсен внимательно рассматривал мастерскую.

— Где бы я мог устроиться, никому не помешав? Лучше бы в углу, чтобы можно было повесить шторы от света. Разумеется, я готов оплатить любую вашу помощь. Если, например, есть неиспользуемая подсобка...

Фаниан Лабби поднялся:

— Пойдемте посмотрим. Старая студия для скульпторов всегда пустует. Нынешние «гости» не желают утруждать себя серьезной работой.

Студия была восьмиугольной, стены сделаны из коричневого местного дерева, пол — из желтого кирпича, потолок — из стекла.

— Потолок придется чем-нибудь закрыть, — заявил Джерсен. — В остальном помещение мне вполне подходит. — Он решил проверить, нет ли здесь подслушивающих устройств и добавил: — Я понимаю, правила запрещают передачу денег от «гостей» персоналу, но ведь правила для того и существуют, чтобы их нарушать. Несправедливо, если вам придется совершать дополнительные усилия без дополнительного вознаграждения. Вы согласны?

— Я думаю, вы точно выразили мою точку зрения.

— Отлично. То, что происходит здесь, касается только вас и меня. Я не очень богат, но не скуп и готов платить за доставленное мне развлечение. — Он вытащил чековую книжку и выписал чек на три тысячи севов на Банк Ригеля. — Этого должно хватить на покупку всего оборудования и компенсацию затраченного вами времени.

Лабби надул щеки:

— Вполне достаточно. Я сам прослежу за вашим заказом, и оборудование, возможно, будет здесь уже завтра.

Джерсен, полностью удовлетворенный, попрощался и ушел. Его надежды, конечно, могли покоиться на ошибочных предпосылках, но, постоянно проверяя и перепроверяя себя, он чувствовал, что пришел к един-

ственно возможному выводу. Но ему нужен был еще один предмет, за которым он не рискнул обратиться к Лабби. Джерсен выписал чек на двадцать тысяч севов и сунул его в карман.

Этим вечером Ифигения не появилась в общем зале. Джерсен особо не расстроился. Он медленно прогуливался туда и обратно, наблюдая и выжидая, и почти уже потерял надежду, когда в зале наконец появился Арманд Кошиль. Джерсен направился к нему, стараясь держаться как можно непринужденнее.

— Я собираюсь подойти к корзинке для бумаг, — негромко сказал он, — и бросить около нее скомканную бумажку. Идите за мной и подберите ее. Это чек на двадцать тысяч севов. Достаньте мне десяти тысячный банкнот, остальные десять тысяч оставьте себе.

Не дожидаясь ответа, Джерсен повернулся и направился к киоску. Краем глаза он заметил, что Кошиль слегка пожал плечами и продолжал идти, куда шел. В киоске Джерсен купил пакет печенья, снял обертку, сунул в нее чек, бросил ее рядом с корзинкой для бумаг, пересек зал и уселся на скамью. Бумажный ком возле корзинки казался большим, белым и подозрительным. В зале опять появился Кошиль. Он подошел к киоску, перебрался парой шуток с продавцом, выбрал себе пакет сладостей, содрал обертку и бросил ее в сторону корзины, но не попал. Хмыкнув, Кошиль нагнулся за ней, поднял заодно бумажку Джерсена и, казалось, выбросил обе бумажки в корзину. Затем ушел.

Джерсен вернулся в номер. Нервы его напряглись до предела. Чрезмерный оптимизм был бы глупостью, но пока все шло по плану. Конечно, скрытый телеглаз мог засечь, как Кошиль подбирал чек, Фаниан Лабби мог организовать слишком строгий надзор, кто-то мог обратить внимание на длинный список заказанного оборудования. Но пока все шло хорошо.

На следующий день Джерсен заглянул в «комнату хобби». Лабби возился с двумя подростками, которые от скуки мастерили маски. Лабби сообщил, что до завтра оборудование еще не прибудет, и Джерсен отправился в номер.

«Вечерний час» общения прошел скучно: ни Кошиль, ни Ифигения не появлялись. На следующий день Джер-

сен, вернувшийся в номер после завтрака, нашел на столе конверт, в котором лежал зелено-розовый банкнот в десять тысяч севов. Джерсен проверил его своим фальшметром — он оказался подлинным. Все идет как по маслу. Но оборудование так и не прибыло, Фаниан Лабби был в плохом настроении. Джерсен вернулся к себе, изнывая от нетерпения. Никогда еще сутки не тянулись так медленно, хотя, к счастью, на Сасани в сутках был всего двадцать один час.

На следующий день Фаниан Лабби широким взмахом своей толстой руки указал на внушительную грудку картонных коробок:

— Вот ваш заказ, мистер Уолл. Целый набор прекрасного оборудования. Теперь вы можете развлекаться со своими призмами и калейдоскопами как вашей душе угодно.

— Спасибо, мистер Лабби. Я очень доволен.

Джерсен перетащил ящики в студию и с помощью Лабби распаковал их.

— Я горю желанием увидеть вашу работу,— заявил Лабби.— Учиться никогда не поздно, а я никогда не слышал о таком виде творчества, которым вы занимаетесь.

— Это очень детализированный процесс,— ответил Джерсен.— Некоторые даже находят его скучным, но я обожаю медленную скрупулезную работу. Первым делом, я полагаю, надо устроить затемнение комнаты.

С помощью Лабби, который держал лестницу, Джерсен задрапировал черной тканью стеклянный потолок и дверь. Потом прибил на дверь табличку:

Фотокомната. Без стука не входить.

— Теперь можно приступить к работе. Пожалуй, я начну с простых итераций в розовом и зеленом.

Под пристальным взглядом Лабби Джерсен сфотографировал булавку, увеличил снимок в десять раз и отпечатал тридцать зеленых копий и тридцать розовых.

— А что теперь? — поинтересовался Лабби.

— Теперь мы подходим к довольно монотонной части работы. Каждую из этих булавок нужно аккуратно вырезать из фона. Затем с помощью булавок и булабочных дыр я организую реитерацию. Если хотите, можете

заняться вырезанием, пока я подбираю нужный краситель.

Лабби с сомнением посмотрел на гору снимков.

— И все это нужно вырезать?

— Да, и очень тщательно.

Лабби без всякого энтузиазма принялся за работу. Джерсен внимательно наблюдал за ним, давал советы, напоминал о необходимости соблюдать аккуратность. Затем, взяв у Лабби калькулятор, он нашел квадратные корни из первых одиннадцати простых чисел. Результаты были в диапазоне от 1 до 4,79. Лабби тем временем уже вырезал три булавки, сделал одну небольшую ошибку. Джерсен укоризненно вздохнул. Лабби отложил ножницы:

— Это очень интересно, но мне нужно заняться другими делами.

Как только он ушел, Джерсен сравнил десяти тысячный банкнот с розовыми и зелеными булавками, ввел соответствующую коррекцию и отпечатал еще кучу снимков, затем выглянул в большую мастерскую. Лабби был занят с детьми. Джерсен положил банкнот под микроскоп и, как тысячи других людей до него, стал разглядывать кредитку в поисках секрета аутентичности. Как и эти тысячи людей, он не увидел ничего. Теперь — решающий эксперимент, от которого все зависит. Он выбрал бумагу подходящей толщины и плотности, вырезал прямоугольник размером с банкнот, который сунул в щель фальшметра. Немедленно зажегся тревожный сигнал. Тогда Джерсен отметил на бумаге точки, соответствующие найденным значениям квадратных корней. Приложив к бумаге угольник, он ногтем провел крестики через каждую пару точек, надеясь таким образом создать нужное сжатие волокон. Дрожащими руками Джерсен поднял фальшметр...

Внезапно открылась дверь, и вошел Лабби. Одним движением руки Джерсен убрал банкнот и фальшметр в карман и схватил ножницы и снимки, имитируя интенсивную деятельность. Лабби был разочарован, увидев, что такое множество оборудования дало такие жалкие плоды. Это мнение он высказал вслух. Джерсен стал объяснять, что он перевычисляет некоторые эстетические соотношения и что это длинный и нудный процесс.

Если Лабби хочет, он может его ускорить, вырезая булавки, но только на этот раз аккуратно. Лабби заявил, что больше не сможет помочь. Джерсен вырезал еще несколько булавок и разложил их на столе. Лабби взглянул на набор розовых и зеленых фильтров, лежащий под лампой.

— Вы что, употребляете только два цвета?

— По крайней мере, для этой композиции, — отрезал Джерсен. — Зеленый и розовый, хотя и кажутся некоторым профанам наивными цветами, мне здесь очень необходимы.

Лабби хмыкнул:

— Они довольно блеклые.

— Точно, — кивнул Джерсен. — Я добавил кое-что в красители, и, похоже, они на свету выпцвечают.

Лабби вскоре удалился. Джерсен вытащил фальшметр и сунул обработанный бумажный прямоугольник в щель. Никакого тревожного красного сигнала! Только ласкающее слух тихое жужжание — «признак аутентичности»! Самый приятный звук за всю жизнь Джерсена.

Он взглянул на часы — время для хобби почти вышло, пора было закругляться.

Во время «часа общения» он увидел Ифигению, одиноко стоявшую в конце зала. Джерсен не подходил к ней, а девушка, казалось, его не замечала... И он считал ее обычной девушкой! Он находил ее лицо неинтересным! Оно было совершенным. Десять миллиардов сегов? Мелочь... Джерсен с трудом боролся с желанием немедленно вернуться в мастерскую.

Назавтра занудство Лабби проявилось в полном объеме. В мастерской не было ни одного «гостя», и Лабби два часа проторчал в студии, восхищенно глядя на Джерсена, который вырезал булавки, раскладывая и перекладывая их с напряженной сосредоточенностью, моля про себя бога, чтобы Лабби наконец убрался.

День пропал. Джерсен покинул мастерскую, кипя от еле сдерживаемой ярости.

На следующий день он продвинулся больше. Лабби был занят. Джерсен прикрыл серию и номер банкнота, сфотографировал его и отпечатал двести копий с тщательно подобранными красителями. Через день Джерсен запер дверь, сославшись на необходимость длитель-

ных экспозиций. На отпечатанных копиях он провел нужные линии и, использовав игрушечный печатный пресс, впечатал номера. Банкноты выглядели почти как настоящие. Они слегка отличались на ощупь, но кому какое до этого дело, раз они проходят через фальшметр?

За обедом Джерсен обдумывал последнюю проблему: как внести деньги, не вызвав подозрений. Если же просто отнести их в офис, его тотчас спросят, где он их взял. Джерсен никак не мог придумать практически реализуемый способ организовать свой выкуп. Ясно, что доверить такую сумму Кошилю было невозможно. Он решил, что нуждается в дополнительной информации.

Во время «общего часа» Джерсен зашел в офис к помощнику администратора, человеку с типичным лицом хорька, носившему темно-синюю униформу Обменного Пункта с таким видом, будто это была особая привилегия. Джерсен соорудил озабоченную мину.

— У меня возникла одна проблема, — обратился он к администратору. — Мне сообщили, что мой старый друг прибывает завтра, чтобы погасить «взнос» одного из «гостей». Можно ли устроить так, чтобы я был в бюро, когда прибудет автобус с посетителями?

Администратор нахмурился:

— Это несколько необычная просьба.

— Я понимаю, — скромно согласился Джерсен, — однако политика Обменного Пункта — всемерно облегчать погашение «взносов», а я именно этого и хочу.

— Ладно, — кивнул администратор, — приходите в офис сразу после завтрака, и я все устрою.

Джерсен вернулся в общий зал, погулял немного и порядочно выпил, чтобы успокоить нервы. Прошла ночь. Он, давась, проглотил несколько кусков за завтраком и поторопился в офис администратора, который сделал вид, что все позабыл.

Джерсен терпеливо повторил свою просьбу.

— Ладно, — сказал администратор. — Я полагаю, мы не можем требовать, чтобы каждый «взнос» аннулировался по общей процедуре.

Он провел Джерсена в приемную и попросил подождать. Прибыл архаичный автобус с восемью пассажирами. Они зашли в офис.

— Ну, — спросил клерк, — есть среди них ваш друг?

— Да, конечно,— ответил Джерсен.— Вон тот невысокий человек с синей кожей. Я только спрошу его о своем «взносе».

Прежде чем администратор успел возразить, Джерсен подошел к человеку, на которого указал.

— Простите, пожалуйста. Вы случайно не Майрон Пэтч?

— Нет, сэр. Я не являюсь этим индивидуумом.

— Извините, я обознался.— Джерсен вернулся к администратору, держа в руке конверт.— Все в порядке. Он привез мои деньги. Я опять свободный человек!

Администратор хмыкнул. Происшедшее выглядело довольно странно, но разве жизнь не состоит из странных событий?

— Ваш друг прибыл выкупить вас и кого-то еще?

— Да. Он Брат Конгрегации и не слишком заботится о том, чтобы выказывать сердечность.

Администратор вновь хмыкнул. Все объяснилось... по крайней мере, все казалось объяснимым.

— Ладно,— заявил он,— если ваши деньги у вас, ступайте и «аннулируйте взнос». Я дам распоряжение клерку, поскольку ваш случай несколько необычен.

Когда автобус покидал Обменный Пункт, Джерсен уже сидел в нем. В Нике он нанял аэрокар и отправился в город Сагбад.

Пятью днями позже, надев черную с коричневым рубашку, черные брюки и подкрасив кожу в черный цвет, Джерсен вернулся в Обменный Пункт. Он прошел в уже хорошо знакомый ему офис и без возражений подчинился рутинной процедуре регистрации.

— Итак, чей «взнос» вы хотите «аннулировать»?

— Алюз Ифигении Эперже-Токай.

Клерк изумленно поднял брови.

— Простите, сэр, вы Кокур Хеккус? — спросил он с почтением.

— Нет.

Клерк нервно дернулся:

— Взнос большой. Десять миллиардов севов.

Джерсен открыл плоский черный чемодан, который принес с собой. Он был набит пачками сотысячных кредиток — самых крупных из имеющих хождение.

— Вот деньги.

— Да, да... но я обязан сообщить вам, что Кокур Хеккус уже депонировал у нас более девяти миллиардов севов.

— А тут — десять миллиардов. Можете пересчитать. Клерк издал приглушенный звук.

— У вас есть право, сэр. «Гость», безусловно, относится к «доступной» категории. Но мне понадобится помощь, чтобы сосчитать деньги.

Пересчитывание и проверка денег заняли шестерых человек на четыре часа. Клерк, нервно улыбаясь, выдал Джерсену расписку.

— Очень хорошо, сэр. Я послал за «гостьей», чей «взнос» вы «аннулировали». Через пару минут она будет здесь. — И про себя пробормотал: — Кокуру Хеккусу это совсем не понравится. Кто-нибудь за это заплатится.

Через десять минут Ифигения вошла в офис. На лице ее застыло напряженное и дикое выражение. Глаза ярко блестели от страха. Она взглянула на Джерсена, но не узнала его, затем направилась к двери, словно собираясь бежать в пустыню. Джерсен удержал ее.

— Успокойтесь, — мягко сказал он. — Я не Кокур Хеккус, у меня нет никаких замыслов на ваш счет. Считайте себя в безопасности.

Девушка задержала на Джерсене недоверчивый взгляд, и ему показалось, что она узнала его.

— Есть еще одно обстоятельство, — заявил клерк, обращаясь к Ифигении. — Поскольку вы выступали в странной роли собственного спонсора, то деньги, за вычетом двенадцати с половиной процентов, принадлежат вам.

Ифигения явно непонимающе смотрела на него.

— Я предлагаю вам выдать банковский чек, — сказал Джерсен, — чтобы не заставлять леди таскать такой тяжелый «груз».

Последовал небольшой переполох, пожимание плечами, дрожание рук. Наконец банковский чек на сумму 8 749 993 581 сев на Планетарный Банк в Сагдаде был выписан. Это как раз составляло сумму в десять миллиардов минус двенадцать с половиной процентов, минус шесть тысяч четыреста девятнадцать севов за спецобслуживание по классу АА.

Джерсен подозрительно разглядывал документ.

— Я полагаю, чек действителен? У вас на счету есть необходимая сумма?

— Естественно, — заявил администратор. — Кокур Хеккус депонировал на наш счет около девяти миллиардов.

— Отлично, — бросил Джерсен, — тогда я его принимаю. — Он повернулся к Ифигении: — Пошли. Автобус ждет.

Девушка все еще колебалась и нерешительно поглядывала по сторонам. Но тут одно из летающих насекомых впилося ей в руку. С криком ужаса она стряхнула мелкую тварь.

— Пошли! — повторил Джерсен. — Вы можете выбирать: Кокур Хеккус, насекомое или я. Я не собираюсь ни обидеть вас, ни съесть живьем.

Не говоря больше ни слова, она пошла за Джерсеном. Автобус рычал, раскачивался, дребезжал. Постепенно Обменный Пункт превратился в желтовато-белое пятно у самого горизонта, еле заметное сквозь шлейф пыли. Они сидели рядом в дергавшемся автобусе. Ифигения обеспокоенно взглянула на Джерсена:

— Кто вы такой?

— Я не друг Кокура Хеккуса.

— Что вы... что вы собираетесь сделать со мной?

— Ничего предосудительного.

— Куда мы направляемся? Вы не знаете Кокура Хеккуса — он отыщет нас хоть на краю Галактики.

Джерсен не ответил, и разговор закончился. Честно говоря, Джерсен вовсе не чувствовал себя в безопасности. Они все еще были в пределах досягаемости. Но путешествие через пустыню прошло без приключений.

Автобус наконец доплелся до Сул Арсама. Они пересели в аэрокар и вскоре приземлились в космопорте Нике. Чуть поодаль стоял новенький обтекаемый корабль-арминтор «Старскип», который Джерсен купил в Сагдаде. Ифигения на мгновение заколебалась у входа, затем безысходно пожала плечами.

В Сагдаде — в Планетарном Банке — произошла еще одна задержка. Обменный Пункт дал осторожное подтверждение подлинности чека. Они явно чувствовали, что тут что-то не так, но не понимали, что именно.

Президент Планетарного Банка нерешительно заявил Джерсену:

— Благодаря стечению обстоятельств мы располагаем необходимой суммой. Но она в купюрах различного достоинства.

— Не имеет значения. Мы доверяем вам,— отрезал Джерсен.

Деньги, так кропотливо собранные Кокуром Хеккусом, были упакованы в четыре больших чемодана и погружены в ожидавший аэрокар.

Внезапно на площадь выбежал главный кассир.

— Сообщение из Обменного Пункта для мистера Уолла!

Джерсен преодолел сильное желание немедленно бежать и неторопливо вернулся в банк. На экране видефона появился директор Обменного Пункта. Рядом с ним стоял незнакомый Джерсену человек.

— Мистер Уолл,— нерешительно промямлил директор.— Тут возникли некоторые затруднения. Это — мистер Ахилл Гоган, представитель Кокура Хеккуса. Он очень просит вас задержаться в Сагдаде и встретиться с ним.

— Разумеется,— вежливо откликнулся Джерсен.— Мы остановимся в отеле «Аламут».

Джерсен покинул банк, сел в аэрокар и бросил пилоту:

— В космопорт.

Спустя двадцать минут Сасани осталась далеко позади. Включив привод Джарнелла, Джерсен наконец почувствовал себя в безопасности. Он сел на диван и начал смеяться. Ифигения, сидевшая напротив, настороженно следила за ним.

— Чему вы смеетесь?

— Тому, как мы были выкуплены.

— Мы?

Значит, она не узнала его в автобусе. Джерсен поднялся и медленно подошел к ней. Девушка недоверчиво отодвинулась.

— Как-то вечером я беседовал с вами в общем зале,— пояснил Джерсен.

Она внимательно всматривалась в его лицо.

— Теперь я припоминаю вас. Тихий человек, обычно сидевший в тени. Где вы взяли столько денег?

— Я их сам напечатал. Вот это меня и веселит.

Ифигения изумленно воззрилась на него:

— Но ведь они их проверили! Они их приняли!

— Вот именно. В том-то и фокус. В краситель подмешан отбеливатель. Через неделю на банкнотах ничего не останется. Деньги, которые я отдал Кокуру Хеккусу, станут чистой бумагой. Я провел Кокура Хеккуса! Я провел Обменный Пункт! Поглядите: вот денежки Кокура Хеккуса!

Несколько минут Ифигения бесстрастно разглядывала его. Затем повернулась, чтобы посмотреть на Сасани, и грустно улыбнулась:

— Кокур Хеккус будет очень зол. Ни у кого из живущих нет таких экстравагантных эмоций, как у него.

Она окинула Джерсена тревожным взглядом.

— Он собирался потратить десять миллиардов, чтобы получить меня — ведь это я назначила такую цену. Если бы он добился своего, — девушка содрогнулась, — он бы получил с меня все до последнего сева — тем или иным способом. Когда он схватит вас, то сделает нечто невозможное.

— Если я не убью его раньше.

— Вы увидите, что это довольно трудно. Сион Трамбле — самый умный воин на Фамбере, и тот потерпел поражение.

Джерсен сходил в камбуз и принес бутылку вина и два бокала. Ифигения сперва отрицательно качнула головой, потом подумала и взяла бокал. Джерсен спросил:

— Вы догадываетесь, почему я выкупил вас?

— Нет.

Она, волнуясь, изменила позу, и нежный розовый румянец медленно покрыл ее лицо. Джерсен подумал, что никогда еще не видел ее такой прекрасной.

— Вы можете указать мне путь на Фамбер, где я найду и убью Кокура Хеккуса.

Румянец начал покидать ее лицо. Девушка попробовала вино и задумчиво заглянула в бокал.

— Я не хочу возвращаться на Фамбер. Я безумно боюсь Кокура Хеккуса.

Джерсен раздраженно процедил:

— Тем не менее, мы должны отправиться туда.
Она виновато покачала головой:
— Я не могу помочь вам. Я не знаю, где находится Фамбер.

ГЛАВА 9

Не позволяйте ничего! Не уступайте ни на йоту! Ешьте то, что вам дают, но не просите добавки! Ведь они просто негодяи. Высмеивайте их! Игнорируйте их! Малейшее колебание — это трещина в стали. Разве вы хотите, чтобы они согнули вас пополам, а затем разорвали на части? Ничего не отдавайте! Ни в чем не уступайте! Если комендант говорит сесть, стойте! Если вам дают линованную бумагу, пишите поперек линий!

Из обращения революционера Тедоро к товарищам по заключению.

Джерсен усталился на Ифигению, не веря своим ушам. Затем кинулся к пульту управления и отключил привод. Корпус корабля испустил почти человеческий вздох боли, по коже пассажиров пробежала дрожь.

Арминтор «Старскип» свободно дрейфовал в космосе с выключенным двигателем. Далеко впереди сияла GB-1202 Орла, по свечению напоминавшая солнце.

Джерсен прошел в носовую каюту, смыл с кожи черную краску и переоделся в свою обычную дорожную одежду: шорты, легкую безрукавку, сандалии. Вернувшись в салон, он обнаружил, что Ифигения сидит на том же месте и смотрит в пол.

Джерсен молча сел на диван напротив нее и отпил немного вина. Наконец она заговорила:

— Почему вы отключили двигатель?
— Бессмысленно лететь наугад. Поскольку мы не знаем, куда лететь, с тем же успехом можно оставаться на месте.

Ифигения пожала плечами и тяжело вздохнула:

— Оставьте деньги себе, доставьте меня на Землю. У меня нет никакого желания болтаться в космосе.

Джерсен покачал головой:

— Я выкупил вас, сильно рискуя собой, чтобы узнать положение Фамбера. Кроме того, я считаю вас привлекательной женщиной и согласен с Кокуром Хеккусом: вы стоите десяти миллиардов севов.

Ифигения сердито возразила:

— Вы не верите мне! Но это правда! Я не смогу вернуться на Фамбер, даже если горячо захочу!

— А как вы улетели с Фамбера?

— Сион Трамбле захватил маленький космический корабль во время набега на остров Омад, космопорт Кокура Хеккуса. Я прочитала «Инструкцию для пилотов» — она оказалась достаточно простой. Когда Кокур Хеккус пригрозил напасть на Жантилью, если мой отец не выдаст меня, я должна была выбирать: либо убить себя, либо бежать с Фамбера. Я бежала. На корабле был «Краткий планетарный справочник». В нем упоминались Сасани и Обменный Пункт — единственное во Вселенной место, защищенное от преступников. — Она окинула Джерсена уничтожающим взглядом: — Это было неточное определение. Обменный Пункт оказался чудным местом для фальшивомонетчиков.

Джерсен признал справедливость ее слов, улыбнулся и вновь наполнил свой бокал. Но перед тем как пить, вдруг вспомнил, что бутылка оставалась в салоне, пока он мылся. Не исключено, что вино уже отравлено. Он отставил бокал в сторону.

— А кто такой Сион Трамбле?

— Принц Вадруса, расположенного на западной границе Миска. Мы должны были обручиться... Он отважный воин и совершил много замечательных деяний.

— Понятно. — Джерсен призадумался. — А вы не помните путь с Фамбера до Сасани?

— Я ввела в автопилот координаты Сасани и покинула Фамбер. Больше я ничего не знаю. Кокур Хеккус — единственный человек на Фамбере, который владеет космолетом и умеет им управлять.

— Как называется ваше солнце?

— Просто Солнце.

— Оно оранжевого цвета?

— Да. А откуда вы знаете?

— Дедукция. Как выглядит ночное небо? Нет ли на нем необычных объектов? Ярких двойных или тройных звезд?

— Нет. Ничего необычного.

— Не было ли в последнее время «новых» звезд поблизости?

— Что такое «новая» звезда?

— Звезда, внезапно вспыхивающая и горящая в сотни раз ярче.

— Нет, ничего такого не было.

— Как насчет Млечного Пути? Он выглядит как полоса на небе, как облако или как-то иначе?

— Зимой через все небо тянется светящаяся полоса. Вы это имеете в виду?

— Да. Очевидно, ваша планета находится близко к краю Галактики.

— Возможно, — в голосе Ифигении не слышалось энтузиазма.

— Знаете ли вы легенды о Земле или других мирах? — поинтересовался Джерсен.

— Несколько легенд, немного древних песен. — Ифигения рассматривала Джерсена с явно насмешливым видом. — Почему бы вам не обратиться за помощью к «Звездному атласу» и «Краткому планетарному справочнику»?

— Фамбер — затерянный мир. Кто бы ни правил Фамбером в древности, он умел хранить тайны. Никакой информации о Фамбере сейчас нет, не считая детской песенки:

Если Сириус в путь тебя провожал
И к северу ты Ахернар держал,
Прямо по звездному краю лети,
И Фамбер засияет тебе впереди.

Ифигения слегка улыбнулась:

— Я тоже знаю этот стишок, даже целиком.

— Целиком? Там есть еще строки?

— Конечно. Вы пропустили середину. Рассказать?

Если Сириус в путь тебя провожал
И к северу ты Ахернар держал,
То по правому борту увидишь в пути
Шесть красных звезд с голубой впереди.
Правь, дожидаясь, чтоб замерцал
Сквозь темноту тебе звездный кинжал.
Под рукоятью по краю лети,
И Фамбер засияет тебе впереди.

— Отлично! — воскликнул Джерсен. Он вскочил, одним прыжком достиг пульта управления, установил курс и включил привод Джарнелла.

— Куда мы направляемся? — спросила Ифигения.

— К Сириусу — куда же еще?

— Вы приняли этот стишок всерьез?

— У меня нет других сведений. Я должен принимать его всерьез — или вообще ничего не делать.

— Хм, — Ифигения отпила немного вина из бокала, — в таком случае, поскольку я уже рассказала вам все, что знаю, посадите меня на Сириусе или на Земле...

— Нет.

— Но я действительно не знаю больше ничего!

— Вы знаете, как выглядят над Фамбером созвездия. Ваш стишок, даже если он когда-то и указывал верное направление, устарел на тысячу лет, а то и больше. И Сириус, и Ахернар изменили свое положение. Мы можем оказаться где-нибудь вблизи Фамбера — в десятке световых лет, если повезет. Тогда мы используем старый трюк заблудившихся космонавтов. Они сканируют небо, пока не находят участок со знакомыми созвездиями. Такой участок будет единственным и небольшим, поскольку он лежит точно в направлении на родную планету. Все другие созвездия будут искажены. Всегда можно отыскать хоть одно знакомое созвездие, и, когда вы его находите, летите прямо к нему, а когда оно вырастет до привычных размеров, до вашего дома рукой подать.

— А если никак не найти знакомое созвездие?

— Все равно можно отыскать путь домой. Надо лететь вверх или вниз перпендикулярно к плоскости Галактики, обозревать всю картину целиком и искать какие-либо приметы. Это потребует много времени, много энергии, много напряжения, и, конечно же, достанется приводу Джарнелла. И если что-нибудь сломается, тогда вы действительно влипли, и вам не останется ничего другого, кроме как болтаться в пространстве, смотреть на родную Галактику, распростертую перед вами, словно ковер, и ждать, пока не кончится энергия, а потом умереть. — Джерсен поежился. — Я никогда не сбивался с пути. — Он поднял свой бокал, подозрительно

оглядел его, потом вышел из салона и вернулся с новой бутылкой. — Расскажите мне о Фамбере.

Ифигения рассказывала более двух часов. Джерсен, откинувшись на спинку дивана, медленно тянул вино. Было очень приятно лежать, смотреть и слушать; в это время реалии его существования были далеко-далеко. Ифигения упомянула Аглабат, город, окруженный стеной из темно-бурого камня, и Джерсен встряхнулся. Расслабляться было опасно. Его пребывание в Обменном Пункте не принесло ему пользы. Он стал уступчивым, легко отвлекающимся. Однако он снова расслабился, потягивая вино и слушая Ифигению...

Фамбер был удивительным миром. Никто не знал, когда на нем впервые появились люди. Планету составляли разнообразные континенты, субконтиненты, полуострова и большой архипелаг в тропиках. Ифигения была родом из Драззана, что находится в Жантилье, государстве на западном побережье самого маленького континента. К востоку от Жантильи лежал Вадрус, где правил Сион Трамбле, а дальше — страна Миск. Остальное пространство континента, за исключением нескольких враждующих государств на восточном побережье, представляло собой различные места обитания варваров.

На других континентах картина была примерно такая же. Ифигения называла десятки народов и племен, резко различающихся по характеру и обычаям. Некоторые из них создавали великолепную музыку, устраивали потрясающие своим великолепием зрелища, другие были фетишистами или убийцами. В горах, в расщелинах, жили многочисленные бандитские племена, а внизу, в недоступных замках, пировали надменные лорды. Повсюду были чародеи и колдуны, творившие самые немыслимые вещи. Местные флора и фауна были сложными и богатыми, но иногда смертельно опасными: в морях плавали кровожадные чудовища, по тундре бегали голодные чешуйчатые волки, по горам на севере Миска лазали ужасающие дназды.

Современная технология и образ жизни цивилизованных миров были неизвестны на Фамбере. Даже Бурые берсальеры, гвардия Кокура Хеккуса, были вооружены палицами и кинжалами, а рыцари Миска —

мечами и арбалетами. Между Миском и Вадрусом шла с краткими передышками война, причем Жантилья обычно находилась в союзе с Вадрусом. Сион Трамбле был настоящим героем, но ему никогда не удавалось одолеть берсальеров. В знаменитой битве ему удалось победить варваров с гор Скар Сакау, которые после этого обрушили свою ярость на юг, на Миск, где они грабили деревни, разрушали крепости, сеяли смерть и опустошение.

Джерсен слушал ее как зачарованный. Романтические легенды о Фамбере ничего не преувеличивали, скорее даже, наоборот, приуменьшали. Он сказал об этом Ифигении, которая в ответ лишь пожала плечами:

— Фамбер, конечно, мир романтических деяний. В замках есть огромные залы, где поют барды, и павильоны, где девушки танцуют под звуки лютни. Но внизу, в подвалах, расположены темницы и камеры пыток. Рыцари, в доспехах, со стягами, представляют величественное зрелище, но потом, в заснеженных скавских степях кочевники отрубают им ноги, и они лежат беспомощные, ожидая, когда волки разорвут их в клочья. Колдуны варят магические зелья, и волшебники посылают с дымом сновидения, а заодно недуги и смерть.

Двести лет назад жили великие герои. Тайлер Трамбле завоевал Вадрус и основал Каррай, где ныне правит Сион Трамбле. Когда Джадаск Дуско пришел в Миск, это была страна скотоводов, а Аглабат — простой рыбацкой деревушкой. За десять лет он создал первые боевые отряды, и война с тех пор не прекращалась. — Она вздохнула. — В Драззане жизнь еще сравнительно спокойная. У нас четыре старых колледжа, сотни библиотек. Жантилья — древняя миролюбивая страна, но Миск и Вадрус — совсем другое дело. Сион Трамбле хотел, чтобы я вышла за него замуж и стала королевой, но принесло бы это мне покой и счастье? Или он вечно воевал бы со скадолаками, тадоусками и морскими шлемами? И повсюду Кокур Хеккус, который теперь станет неумолимым...

Джерсен промолчал. Ифигения вновь заговорила:

— В Обменном Пункте я читала книги о Земле, о Скоплении, об Элойзе. Я знаю, как вы живете, и вначале удивлялась, почему Кокур Хеккус живет в Аглабате, почему он сражается мечами и стрелами, когда легко

мог бы оснастить своих Бурых берсальеров энергетическим оружием? Но здесь нет никакой тайны. Он нуждается в эмоциях, как другие люди нуждаются в пище. Он жаждет возбуждения от ужаса и ненависти. И он нашел все это в стране Миск. Но когда-нибудь он зарвется, и Сион Трамбле убьет его. Или когда-нибудь Сион Трамбле попытается совершить особенно нелепый подвиг, и Кокур Хеккус убьет его, к большому моему сожалению.

— Хм,— произнес Джерсен.— Вы равнодушны к этому Сиону Трамбле?

— Да. Он добр, великодушен, отважен. Ему бы не пришлось в голову ограбить даже Обменный Пункт.

Джерсен горько улыбнулся:

— Я, пожалуй, ближе к Кокуру Хеккусу... А что вы можете сказать об остальной части планеты?

— Везде свои обычаи и нравы. В Бирзуле Годмас содержит гарем из десяти тысяч наложниц. Каждый день он забирает в гарем десять новых девушек, а других десять отпускает или, если он в плохом настроении, велит их утопить. В Галастанге на окрашенном кино-варью алтаре диаметром в сорок пять метров и сорок пять метров высотой возят по всем улицам Божье Око. В Латкаре дворяне содержат рабов-бегунов, специально выращенных и обученных для знаменитых Латкарских бегов. Тадоуски строят свои деревни на самых неприступных вершинах и сбрасывают в пропасть больных и калек. Они самые яростные воины на Фамбере. Они поклялись сокрушить стены Аглабата и преуспеют в этом, ибо Бурые берсальеры не могут им противостоять.

— Вы когда-нибудь видели Кокура Хеккуса вблизи?

— Да.

— Как он выглядит?

— Дайте мне карандаш и бумагу, я нарисую вам.

Джерсен принес набор для рисования. Ифигения провела несколько пробных линий, затем принялась за работу. Линия следовала за линией, и постепенно на бумаге появилось лицо, интеллигентное, настороженное, с высоким лбом, большими пристальными глазами; волосы были пышными, темными и блестящими, нос — коротким и прямым, рот — довольно маленьким. Ифигения несколькими штрихами набросала фигуру, изобразив человека несколько выше среднего роста, с ши-

рокими плечами, узкой талией и длинными ногами. Туловище вполне могло принадлежать Билли Уиндлу или Зеуману Отуалу, но лицо нисколько не напоминало резкие пронизательные черты Зеумана Отуала, а Уиндла Джерсен не мог разглядеть издали.

Пока Джерсен изучал рисунок, Ифигения наблюдала за ним. Вздвогнув, она прошептала:

— Я не могу понять жестокости, ненависти, убийства. Вы пугаете меня почти как Кокур Хеккус.

Джерсен отложил рисунок в сторону:

— Когда я был ребенком, мой дом разрушили, а всю семью, кроме бабушки, убили. Уже тогда я понял, что мой жизненный путь определен: я должен одного за другим убить тех пятерых негодяев, которые организовали налет. Это — моя жизнь, и другой у меня нет. Я не зло, я за пределами добра и зла, я Машина Смерти, созданная Кокуром Хеккусом.

— И я имела несчастье оказаться нужной вам, — вздохнула Ифигения.

Джерсен улыбнулся:

— Возможно, вы предпочтете быть нужной мне, а не Кокуру Хеккусу, поскольку я всего лишь прошу указать мне путь к Фамберу.

— Вы очень галантны, — ответила Ифигения, и Джерсен не понял, иронизирует она или нет.

Впереди ослепительно пылал белый Сириус, а рядом с ним мягким желтым свечением горела звезда, которая взрастила человеческую расу. Ифигения грустно разглядывала ее, затем повернулась к Джерсену, будто собиралась спросить его о чем-то, но, видно, передумала и не произнесла ни слова.

Джерсен указал на Ахернар, центр созвездия Эридана.

— Точка, находящаяся в 11,25 к северу от линии, соединяющей Сириус и Ахернар, и будет галактическим севером. Но стихотворению минимум тысяча лет, так что сначала нужно определить, где был Сириус тысячу лет назад. Это несложно. Потом нужно определить видимое тысячу лет назад положение Ахернара. Используем обе точки, возьмем к северу от этой линии на 11,25 и будем надеяться на везение. А поскольку я уже закончил вычисления...

Он осторожно подкрутил верньеры, и Сириус на экране резко сместился в сторону. Привод отключился. Джерсен тщательно сориентировал корабль и вновь включил его. «Старскип» и его пассажиры, освобожденные от инерции и эйнштейновских ограничений, начали почти мгновенное скольжение вдоль создаваемого кораблем разрыва в ткани Вселенной.

— Теперь мы должны ждать появления шести красных звезд. Они могут стремиться к голубой звезде или нет, они могут быть по правому борту или нет... Мы не знаем, как должна быть сориентирована вертикальная ось корабля...

Время шло. Ближайшие звезды скользили на фоне более отдаленных, которые, в свою очередь, скользили на фоне совсем уж далеких искорок звездного света. Джерсен нервничал. Он усомнился в том, что Ифигения правильно воспроизвела в памяти стишок. Девушка в ответ лишь пожала плечами, показывая, как мало это ее заботит, и предположила, что Джерсен ошибся в вычислениях.

— Сколько длилось ваше путешествие в Обменный Пункт?

Джерсен уже спрашивал об этом раньше, но она всегда отвечала неопределенно. Ничего нового не добавила и на этот раз.

— Я много спала. Время летело быстро.

Джерсен начал думать, что, руководствуясь стишком, они отправились совершенно в другую сторону и что Ифигении это прекрасно известно.

Девушка чувствовала его недоверие, и потому глаза ее блеснули торжеством, когда она указала на шестерку красных гигантов, выстроившихся в чуть изогнутую линию с яркой голубой звездой на конце.

Джерсен в ответ лишь проворчал:

— Ну что ж, они, вроде бы, и впрямь по правому борту, так что и стишок, и вычисления были недалеко от истины. — Он отключил привод Джарнелла, и «Старскип» неподвижно повис в пустоте. — Теперь поищем скопление звезд, похожее на кинжал, возможно, его видно невооруженным глазом.

— Вот оно, — указала Ифигения. — Фамбер уже близко.

— Откуда вы знаете?

— В Жантилье мы называем скопление, похожее на кинжал, Божья Лодка. Хотя отсюда оно выглядит немного иначе.

Джерсен развернул корабль к «рукояти» и опять включил привод, корабль скользнул вперед. Теперь они летели прямо сквозь скопление, со всех сторон их плотно окружали звезды, пока корабль не выбрался в более свободную область.

— Факт, — заметил Джерсен, — что мы на краю Галактики: «под рукоять по краю лети...». Где-нибудь впереди должен засиять Фамбер.

Впереди сверкала небольшая россыпь звезд.

— Звезда должна быть класса G8, оранжевая, — пробормотал Джерсен. — Которая из них оранжевая? Ага, вот она.

Оранжевая звезда появилась на экране чуть левее и ниже перекрестия. Джерсен отключил привод Джарнелла и настроил телескоп, который показал единственную планету. Он прибавил увеличение, и на экране появились моря и континенты.

— Фамбер, — произнесла Алюз Ифигения Эперже-Токай.

ГЛАВА 10

Среди человеческих качеств есть такое, которому трудно даже дать точное название. Не исключено, что оно самое благородное из всех качеств. Оно включает в себя нечто большее, чем просто доброту, душевную чуткость, шепетильность, глубину и постоянство чувств, самоотверженность. Это сопричастность всей совокупности ощущений, испытываемых другим человеком, это сопричастность жизни человеческого рода. Такое качество является неотъемлемой чертой любой гениальной личности, которое никоим образом не может быть приобретено в процессе обучения, ибо обучение в данном случае есть переход от возвышенного к комическому (как, например, препарирование бабочки, спектроскопия заходящего солнца, психоанализ хохочущей девушки). Попытка воспитания подобного качества обречена изначально: когда приходит ученость, исчезает поэзия. Насколько зауряден интеллект, не способный чувствовать! Какими банальными кажутся его суждения в сравнении с мудростью простого крестьянина, черпающего силу, подобно Антею, из эмоциональной сокровищницы всего человечества! По своей сути вкусы и предпочтения интеллектуальной элиты, выработанные в процессе обучения, насквозь лживы,

искусственны, схоластичны, оторваны от жизни, неглубоки, безапелляционны, запутаны, бесплодны и лицемерны.

Анспик, барон Бодиссей. «Жизнь», том 4.

Отзывы критиков на труд барона Бодиссея «Жизнь»

Монументальное произведение, если вам по душе монументы. Перед глазами неотвязно возникает скульптурная группа «Лаокоон» с центральной фигурой доброго Барона, мучительно корчащегося в попытках разорвать путы здравого смысла, в компании стремящихся к тому же самому наиболее ревностных его почитателей.

«Панкретик Ревю», Сан-Стефано, Бонифас.

Чудовишно громоздкий агрегат проглатывает знания целыми тучками, весь дрожит и стонет, перемалывая их, а затем выплевывает результат своей бурной деятельности – тощие клубы разноцветного едкого дыма.

«Эскалибур», Патрис, Крокиноль.

Шесть томов бредней, настоянных на розовой водичке мечтаний.

«Академия», Лондон, Земля.

Несусветный вздор, изложенный топорным и напыщенным слогом, совершенно неудобоваримый...

«Ригелианин», Авента, Альфанор.

Когда он завистливо фыркает, говоря о деяниях более достойных людей... невозможно не испытывать искреннего гнева.

«Галактический вестник», Балтимор, Земля.

Очень трудно противостоять соблазну изобразить барона Бодиссея на фоне аркадийской идиллии в окружении баранов, восторженно внимающих его поучениям.

«Эль-Орхид», Серль, Квантика.

На материке Деспаз было утро, когда Алюз Ифигения начала давать географические пояснения:

– Вытянутая полоса на юге, между береговой линией и горами Скар Сакау, – страна Миск. Аглабат различить трудно: он такого же бурого цвета, что и окружающая местность, и сливается с нею. Расположен Аглабат на берегу вон того залива, глубоко врезавшегося в сушу.

– А где ваша родина?

– Западнее. Сначала, среди отрогов гор, будет Вадрус. Обратите внимание на светло-серое пятно – это

город Каррай. Затем снова горы, и лишь за ними — Жантилья. — Она оторвалась от телескопа. — Но вы, естественно, никогда не побываете там. Как и в Каррае.

— Почему?

— Потому что ни мой отец, ни Сион Трамбле не потерпят, чтобы я оставалась вашей рабыней.

Ничего не ответив, Джерсен прильнул к окулярам и почти целый час изучал все новые и новые участки поверхности, по мере того как вращение планеты подставляло их под солнечный свет.

— Многое мне ясно, — наконец произнес он. — Однако сколько остается неясного! Например, каким образом выйти на Кокура Хеккуса, не подвергая себя смертельной опасности? Он, несомненно, располагает радарам и, возможно, организовал противовоздушную оборону своего города. Придется сесть где-нибудь подальше от средств обнаружения — лучше всего, наверное, по другую сторону горного массива.

— И что вы будете делать после посадки?

— Чтобы убить Кокура Хеккуса, я должен сначала найти его. А чтобы найти его, придется отправиться на поиски.

— А я? — горестно спросила Алюз Ифигения. — Я покинула Фамбер, спасаясь от Кокура Хеккуса. Вы же вернули меня обратно. После того как вас убьют, в чем не приходится сомневаться, что мне прикажете делать? Вернуться в Обменный Пункт?

— Похоже, наши интересы совпадают, — сказал Джерсен. — Мы оба хотим, чтобы не стало Кокура Хеккуса. Для нас обоих нежелательно, чтобы он знал о нашем присутствии на Фамбере. Вот и будем держаться друг друга.

Джерсен развернул «Старскип» к Фамберу, стараясь держаться немного севернее гор, называвшихся Скар Сакау. После тщательного обследования местности он нашел уединенную седловину между двумя могучими вершинами и именно на нее и сел. Справа и слева вздымались другие столь же могучие пики, до коренных пород оголенные неистовыми ветрами и лишь только сверху покрытые кружевными ледниками. Ниже к югу виднелись хаотически разбросанные горные кряжи, истерзанные глубокими ущельями, отвесными обрывами.

Еще никогда, пожалуй, Джерсену не доводилось бывать в столь дикой местности. Пока в шлюзовой камере выравнивалось давление, Джерсен спустил на поверхность небольшой ялик, до зубов вооружился и накиннул на себя плащ. В такой же плащ закуталась и Ифигения. Затем Джерсен открыл люк и прыгнул на землю. Ярко светило солнце, но воздух был прохладным. Ветра, к счастью, почти не было. Алюз Ифигения присоединилась к нему и восторженно огляделась: несмотря на все страхи, она была счастлива вернуться домой. Повинуясь необъяснимому импульсу, девушка повернулась к Джерсену и выпалила:

— Вы не очень-то похожи на злоумышленника. Вы добры ко мне, даже более добры, чем я могла ожидать. Почему бы вам не отказаться от осуществления своего фанатического замысла? Кокур Хеккус в полной безопасности за стенами Аглабата, даже Сион Трамбле не представляет для него угрозы. Разве вы сможете ему что-нибудь сделать? Чтобы убить, вам нужно каким-то образом выманить его, а для этого придется одолеть все его чертовски коварные уловки. И не забывайте о том, что больше всего на свете сейчас он жаждет встретиться именно с вами.

— Я все это прекрасно понимаю, — сказал Джерсен.

— И, тем не менее, продолжаете упорствовать? Вы, должно быть, или сумасшедший, или колдун.

— Ни то, ни другое.

— Тогда вам придется придумать что-то из ряда вон выходящее.

— Только вот как это сделать, если в моем распоряжении нет никакой информации? И именно этим мы сейчас и займемся. Видите ящик? — Он ткнул носком металлический чемодан. — Если забросить в Аглабат тайную микрокамеру, то на расстоянии в десять миль можно узнавать все, что мне необходимо знать.

Алюз Ифигения оставила без комментариев это заявление. Джерсен внимательно осмотрел «Старскип», затем, обведя взором теснившиеся со всех сторон горы, решил, что в такую глушь, да еще на такую высоту ни при каких обстоятельствах не забредут варвары-кочевники. Интуитивно догадываясь о его мыслях, Алюз Ифигения заметила:

— Они держатся к югу от гор, где есть пастбища для их стад и где рукой подать до амбаров Миска. Если мы полетим на юг, то увидим их селения. По-моему, они самые свирепые воины из всех, когда-либо существовавших, хотя и сражаются, как правило, голыми руками, изредка с кинжалами.

Джерсен поднял черный чемодан на борт ялика, который, в отличие от летающей платформы старенького разведчика 9Б, имел прозрачный колпак и удобные сиденья, помог забраться в кабину своей попутчице и тут же к ней присоединился. Колпак захлопнулся, ялик оторвался от земли, соскользнул с седловины и полетел на юг, пробираясь между вздымающимися высоко вверх утесами и отвесными склонами. Никогда еще перед взором Джерсена не разворачивалась столь жуткая картина местности. Они летели вдоль нескончаемых крутых обрывов ужасающей глубины; на дне этих пропастей металлической узкой лентой вилась река, различимая только потому, что оранжевое солнце находилось в зените. Врывавшиеся в пропасти ветры сталкивались друг с другом и трепали ялик, швыряя его из стороны в сторону. То и дело попадались грандиозные водопады, издали похожие на развевающиеся по ветру серебристые пряди.

Мимо проносились утес за утесом, гряда за грядой, и вот уже впереди появилась череда долин. Вдалеке виднелись леса и луга, и вскоре Алюз Ифигения показала на что-то вроде беспорядочной россыпи скал у почти отвесного обрыва.

— Поселок тадоусков. Мы им кажемся сказочной птицей.

— До тех пор, пока нас не подстрелят.

— Они пользуются только валунами, которые скатывают сверху на своих врагов, а на охоте — луками и пращами.

Джерсен, тем не менее, решил обойти поселок стороной и резко свернул к противоположной, почти отвесной стене ущелья, поверхность которой показалась ему чересчур бугристой и выщербленной. Только менее чем в ста метрах от стены до него дошло, что он быстро приближается к другому селению, с невероятным риском цеплявшемуся к бесплодным скалам. В поле зрения

промелькнули несколько темных фигур. Какой-то мужчина на крыше целился из оружия. Джерсен выругался и опять резко свернул в сторону. Однако короткая острая металлическая игла проткнула переднюю часть корпуса. Ялик сильно тряхнуло, он накренился, затем начал терять высоту.

Алюз Ифигения громко вскрикнула, Джерсен что-то прошипел сквозь плотно стиснутые зубы. Не прошло и двух часов пребывания на Фамбере, как их уже постигла беда!

— Выведены из строя передние подъемные винты, — сказал он, пытаясь сохранить спокойствие. — Не бойтесь, нам ничего не угрожает. Мы вернемся на корабль.

Но это оказалось невозможным: ялик завис под угрозжающим углом к горизонту, поддерживаемый в воздухе только центральным и задним винтами.

— Придется сесть, — вздохнул Джерсен. — Может, мне удастся устранить повреждение... Вы, вроде бы, говорили, что у этих людей нет никакого оружия.

— Это, должно быть, арбалет, отобранный у Кокура Хеккуса. У меня нет другого объяснения. Я так огорчена!

— Вы нисколько не виноваты. — Джерсен все свое внимание сосредоточил на управлении яликом, пытаясь удерживать его под таким углом, чтобы обеспечивалась необходимая тяга, позволяющая дотянуть до любого приемлемого для посадки места. В самый последний момент он выключил задние турбины, врубил на полную мощность двигатель и на какое-то мгновение выровнял ялик, благодаря чему посадка на покрытый гравием уступ в пятнадцати метрах над рекой получилась достаточно мягкой.

Из ялика Джерсен выбирался на негнущихся ногах. При виде причиненных ялику повреждений сердце его упало.

— Что-нибудь серьезное? — встревоженно спросила Алюз Ифигения.

— Очень. На корабль можно будет вернуться только в том случае, если удастся сдвинуть центральный винт вперед или каким-нибудь иным образом устранить дифферент при полете... Что ж, за дело.

Он извлек стандартный набор инструментов, которым комплектовался каждый ялик, и принялся за рабо-

ту. Быстро пробежал час. Солнце прошло зенит и пока-
тилось к западу. В долине потемнело, сгустились синие
тени. Стало холодно. Воздух наполнился запахом снега
и влажных камней. Вдруг Алюз Ифигения потянула
Джерсена за руку:

— Скорее! Прячьтесь! Тадоуски.

Ничего толком не поняв, Джерсен все же позволил
девушке затащить себя в расщелину между скалами.
Мгновением позже взору его представилось ошеломляю-
щее зрелище. С высокого холма спускалось около трид-
цати гигантских многоножек, на каждой из которых
сидело по пять человек. Многоножки, как сразу же за-
метил Джерсен, внешне почти не отличались от соору-
женного Пэтчем самохода, только были гораздо мень-
ших размеров. Наездники, как на подбор один страшнее
другого, очень мускулистые мужчины с темно-бордовой
лоснящейся кожей. У них были колющие, холодные
глаза, плотно сомкнутые тонкие губы, большие крючко-
ватые носы. Их примитивная одежда была сделана из
черной кожи, а шлемы — из такой же кожи и грубо
обработанного железа. Каждый вооружен копьем, бое-
вым топором и кинжалом.

Увидев ялик, весь отряд в изумлении остановился.

— По крайней мере, они не посланы специально для
того, чтобы захватить нас, — прошептал Джерсен.

Алюз Ифигения промолчала и только еще ближе по-
додвинулась к нему. Однако даже в столь крайних обстоя-
тельствах сама мысль о возможности соприкосновения
их тел вызвала у Джерсена волнующий трепет.

Тадоуски окружили ялик. Часть их спешила и стала
переговариваться; их речь была грубой, нечленораздель-
ной. Они начали обшаривать холм сверху донизу. Еще
несколько секунд — и кто-то из них додумается загля-
нуть в расщелину.

— Оставайтесь здесь, а я попробую отвлечь их, — про-
шептал Джерсен Алюз Ифигении и тут же вышел впе-
ред, заложив большие пальцы за увешанную оружием
портупею. На какое-то мгновение воины опешили и
молча уставились на Джерсена, затем вперед вышел
воин в весьма замысловатом шлеме, не таком, как у
других. Он заговорил. Произносимые им слова грубо
грохотали, как мельничные жернова, и хотя, по всей

вероятности, своим источником имели древний всеобщий праязык, Джерсен так ничего и не понял. Глаза вождя — таким, судя по всему, было его положение в отряде — скользнули мимо Джерсена, и в них снова вспыхнул огонь изумления. Из расщелины вышла Алюз Ифигения и сразу же обратилась к вождю на наречии, близком к языку тадоусков. Вождь не замедлил ей ответить. Остальные воины продолжали сидеть неподвижно. Никогда еще не доводилось Джерсену видеть картины более зловещей, несмотря на всю ее театральность.

Алюз Ифигения повернулась к Джерсену:

— Я сказала ему, что мы враги Кокура Хеккуса, что мы прибыли сюда из очень далекого мира, чтобы убить его. По словам вождя, их отряд готовит набег и собирается соединиться с другими отрядами, чтобы напасть на Аглабат.

Джерсен еще раз окинул вождя оценивающим взглядом.

— Спросите у него, может ли он помочь нам добраться до нашего корабля? Я хорошо заплачу ему.

Алюз Ифигения перевела. Вождь промычал что-то, свирепо ухмыляясь, затем заговорил. Алюз Ифигения тут же передала смысл его слов:

— Он отказывается. Сейчас отряд настроен только на этот грандиозный набег. Он приглашает присоединиться к ним. Я сказала, что вам необходимо отремонтировать механическую птицу.

Вождь снова заговорил. Джерсен заметил, что слово «дназд» прозвучало в его речи несколько раз. Алюз Ифигения — почему-то не сразу, что показалось несколько странным, — повернулась к Джерсену:

— Он говорит, нам не дожить до утра: нас убьет дназд.

— А что это такое?

— Дназд — огромное дикое животное. Эта местность как раз и называется Ущельем Дназда.

Снова раздался монотонный рокот голоса вождя. Ухо Джерсена, привыкшее помогать голове извлекать смысл из тысячи одного диалекта или наречия универсального языка, начало постигать общую тональность хриплого, гортанного говора вождя. Тадоуск, несмотря на угрожающее звучание слов, похоже, не был настроен враждебно

по отношению к незнакомцам. Джерсен решил, что для такого отряда воинов разделаться с беспомощными путниками означало только уронить собственное достоинство. «Вы считаете себя врагом Кокура Хеккуса,— таким, похоже, был смысл его слов,— значит, должны присоединиться к вооруженному отряду, если, конечно, вы настоящий воин, несмотря на вашу нездоровую бледность».

Алюз Ифигения сделала свой перевод:

— Он говорит, что перед нами боевой отряд, а бледный цвет вашей кожи создает впечатление, будто вы больны, и если вы желаете присоединиться, то пожалуйста, но только в качестве слуги. А работы предстоит очень много и еще больше опасностей.

— Гм. Он именно так сказал?

— По крайней мере, в таком смысле выразился.

Судя по всему, у Алюз Ифигении не было ни малейшего желания присоединиться к вооруженному отряду варваров.

— Спросите у вождя,— обратился к ней Джерсен,— имеется ли у нас хоть какая-нибудь возможность возвратиться на корабль?

Алюз Ифигения передала вопрос вождю. Тот сардонически усмехнулся и пророкотал, как понял Джерсен, следующее: «Только в том случае, если удастся спастись от дназда, если удастся преодолеть более двухсот миль пути через горы без пищи и воды».

Алюз Ифигения упавшим голосом по-своему перевела ответ вождя:

— Он говорит, что ничем не может помочь нам. Мы вольны поступать так, как нам захочется.— Девушка бросила взгляд в сторону ялика.— Мы сможем его починить?

— Вряд ли. У меня даже нет необходимых инструментов. Нам, пожалуй, лучше присоединиться к этим людям, пока не подвернется что-нибудь получше.

Алюз Ифигения слова Джерсена перевела крайне неохотно. Вождь ответил равнодушным согласием и подал знак, по которому приблизилось одно из верховых животных с четырьмя воинами на спине. Джерсен взгромоздился на служившую седлом подушку, подтянул к себе Ифигению и посадил ее на свои колени. Так близко

друг к другу они еще никогда не были. Казалось даже поразительным, что он столько времени себя сдерживал. Ифигения, похоже, думала о том же самом и с грустью глядела на Джерсена. Какое-то время она еще сидела вся съезжившись, затем немного расслабилась.

Бег многоножек был ровным и плавным, как если бы они скользили по льду. Отряд все время придерживался почти невидимой тропы, которая то опускалась, то поднималась, то огибала огромные валуны, то петляла среди расщелин, то ныряла в узкие проходы между скалами. Стены ущелья иногда почти смыкались над головой, и тогда небо Фамбера становилось лишь темно-синей узкой полоской. Попадавшие горные речушки с шумом проносились мимо и исчезали где-то за каменными скалами. Кавалькада продолжала карабкаться по карнизам крутых утесов. Воины хранили мертвое молчание, столь же беззвучно передвигались оседланные многоножки. Горную тишину нарушали только вздохи ветра и журчание ручьев. В такой обстановке Джерсен еще острее ощущал тепло тела прижавшейся к нему девушки. Однако он не переставал помнить, что ему нельзя поддаваться такого рода слабостям, что уделом его жизни может быть только печаль и роковой исход... Но все его естество на клеточном уровне, на уровне нервов и инстинктов противилось разуму, и руки его еще крепче обнимали Алюз Ифигению. Она оборачивалась, лицо ее выражало лишь отрешенную грусть, а в глазах блестели слезы. Почему она такая подавленная, не переставал удивляться Джерсен, что угнетало ее? Обстоятельства пока складывались не очень-то благоприятно и не могли не вызывать досады, однако положение казалось далеко не безнадежным. Как бы то ни было, но тадоуски обращались с ними учтиво... Внезапная остановка прервала его мысли. Вождь совещался со своими помощниками. Внимание их было приковано к вздымавшейся высоко вверх отвесной стене, к едва различимым прилепившимся к ней зернышкам, которые, как догадался Джерсен, составляли селение горцев.

Алюз Ифигения пошевелилась в его руках.

— Это селение противников, — пояснила она. — Отдельные кланы тадоусков испокон веков враждуют между собой.

Вождь подал знак — трое разведчиков спешили и побежали вперед, чтобы проверить безопасность тропы. В сотне метров от отряда они издали гортанные сигналы тревоги и быстро отпрянули назад, чудом не попав под массивную каменную глыбу, обрушившуюся на тропу сверху.

У воинов не шевельнулся ни один мускул. Разведчики двинулись дальше по тропе и исчезли из виду. Через полчаса они вернулись.

Вождь просигналил своим воинам, и многоножки одна за другой ринулись вперед. Высоко над головой появились какие-то предметы, похожие на серые горошины. Они падали вниз невообразимо медленно, почти что плыли по воздуху. Но их размеры и скорость полета оказались обманчивыми. Горошины превратились в каменные глыбы, которые, падая, высекали огромные осколки из скал, расположенных вдоль тропы. Невозмутимые воины ловко уклонялись от каменных лавин, то ускоряя, то замедляя бег своих многоножек, временами даже пуская их вперед стрелой, а иногда и останавливая на полном ходу. Как только мимо опасного места пронеслась многоножка с Джерсеном и Алюз Ифигенией, камнепад тотчас же прекратился.

Тропа вскоре вышла на вытянутое полумесяцем пастбище, окаймленное рекой с небольшим пойменным лесом. Здесь переднее животное вдруг остановилось, и по цепи наездников пронеслось: «Дназд».

Но дназд так и не показался. Отряд робко двинулся через луговину дальше, воины на всякий случай припали к спинам животных.

Наступал вечер. Лучи заходящего солнца выкрасили пучки перистых облаков, висевших высоко над головой, в темно-бронзовый цвет. Вскоре отряд вошел в скальное ущелье, точнее расщелину, в которую животные могли протиснуться, лишь совсем поджав под себя ноги. Кое-где Джерсен мог прикоснуться к стенам расщелины сразу с обеих сторон. Затем трещина расширилась и вывела отряд на круглую площадку, засыпанную песком. В стороне синел небольшой водоем. Все спешили. Животных отвели в сторону и привязали друг к другу веревками. Несколько воинов, набрав воды в кожаные ведра, напоили животных, а затем стали кормить

чем-то напоминающим высохшую и измельченную в порошок кровь. Другие воины, разведя несколько небольших костров и повесив на треноги котелки, начали готовить какое-то отвратительно пахнущее варево.

Вождь со своими помощниками расположился чуть в стороне от остальных и стал с ними вполголоса совещаться. Затем, бросив взгляд в сторону Джерсена и Алюз Ифигении, подал знак. Тотчас же двое воинов разбили нечто вроде палатки из черной кожи. Алюз Ифигения издала еле слышный вздох и потупила взор.

Как только закончилось приготовление еды, каждый воин из-под затылочной части шлема достал железную миску и погрузил ее прямо в котел, не обращая внимания ни на горячий пар, ни на кипящее варево. Не имея никакой посуды, Джерсен и Алюз Ифигения терпеливо наблюдали за тем, как воины расправлялись с едой непосредственно пальцами, помогая лишь широкими ломтями черствого хлеба. Первый закончивший есть воин вычистил миску песком и учтиво протянул ее Джерсену, который, поблагодарив, окунул ее в варево и передал Алюз Ифигении, чем вызвал удивленный ропот среди воинов. Тут же появилась еще одна миска, и теперь за еду принялся Джерсен. Похлебка оказалась не такой уж противной, хотя и приправленной какой-то весьма необычной, очень острой специей, да еще и пересоленной. Хлеб был черствым и отдавал жженым бурьяном. Воины сидели на корточках вокруг костров, не проявляя никаких чувств.

Вождь поднялся и пошел в палатку. Джерсен стал искать место для себя и Алюз Ифигении. Ночью будет холодно, а укрыться они могли только плащами. Тадоуски, у которых вообще ничего не было, очевидно, намеревались лечь прямо возле костров... Воины время от времени загадочно посматривали на Алюз Ифигению. Джерсен тоже посмотрел на нее. Она сидела, обвив руками колени, и глядела на огонь. Ничто, казалось, не должно было привлекать их внимание. Из палатки вышел вождь, хмурое лицо его выражало недовольство, будто пришел конец его терпению. Кивком головы он позвал Алюз Ифигению.

Джерсен медленно выпрямился. Алюз Ифигения, не отрывая глаз от костра, тихо произнесла:

— Для тадоусков женщины — существа низшего порядка... Они считаются общественной собственностью, и воин, занимающий высшее положение, спит с понравившейся женщиной первым.

Джерсен сказал ей:

— Объясните ему, что это не в наших обычаях.

Алюз Ифигения медленно подняла голову и пристально поглядела на Джерсена.

— Мы ничего не можем сделать. Мы...

— Скажите ему.

Алюз Ифигения повернулась к вождю и передала слова Джерсена. Сидевшие вокруг костра воины превратились в каменные изваяния. Потрясенный вождь сделал два шага вперед.

— На своей родине можете соблюдать собственные обычаи, — ответил он. — Но здесь Скар Сакау, и у нас свои правила. Разве этот бледнолицый самый выдающийся воин из всех присутствующих? Нет, конечно же, нет. Следовательно, ты, бледнолицая женщина, должна уйти в мою палатку. Так заведено в Скар Сакау.

Джерсен не стал дожидаться перевода:

— Скажите ему, что я особо выдающийся воин у себя на родине. Если вы и будете спать с кем-нибудь, то только со мной.

На что вождь не без раздражения ответил:

— Повторяю, здесь Скар Сакау. Я здесь вождь, никто не смеет мне перечить. И не стоит тратить попусту слов. Всем видно, бледнолицый мне не пара. Так что ступай сюда, женщина, и на этом закончим недостойные меня переговоры.

— Скажите ему, — упорствовал Джерсен, — что мое положение воина куда выше, чем его, что я адмирал космического флота, верховный правитель, сам Господь Бог, кто угодно, лишь бы это стало ему понятно.

Она покачала головой и поднялась:

— Мне лучше повиноваться.

— Скажите ему.

— Вас убьют.

— Скажите ему.

Алюз Ифигения перевела слова Джерсена. Вождь сделал еще два шага и показал на крепкого молодого воина.

— Ну-ка покажи этому бледнолицему, что он из себя представляет. Задай ему крепкую взбучку, чтобы он всегда помнил о своем жалком месте.

Воин сбросил доспехи с верхней части туловища.

— Бледнолицый вооружен, как самый настоящий трус,— произнес вождь.— Передай ему, женщина, что он должен биться по-мужски, только с кинжалом в руке. Пусть снимет с себя все мечущее молнии оружие.

Дрожащей рукой Джерсен потянулся к лучемету. Но тут же понял, что другие воины сразу обезоружат его. Он, не спеша, отдал оружие Алюз Ифигении, снял с себя куртку и рубаху. Его противник был вооружен тяжелым кинжалом с обоюдоострым лезвием. Джерсен извлек свой нож с узким и длинным лезвием.

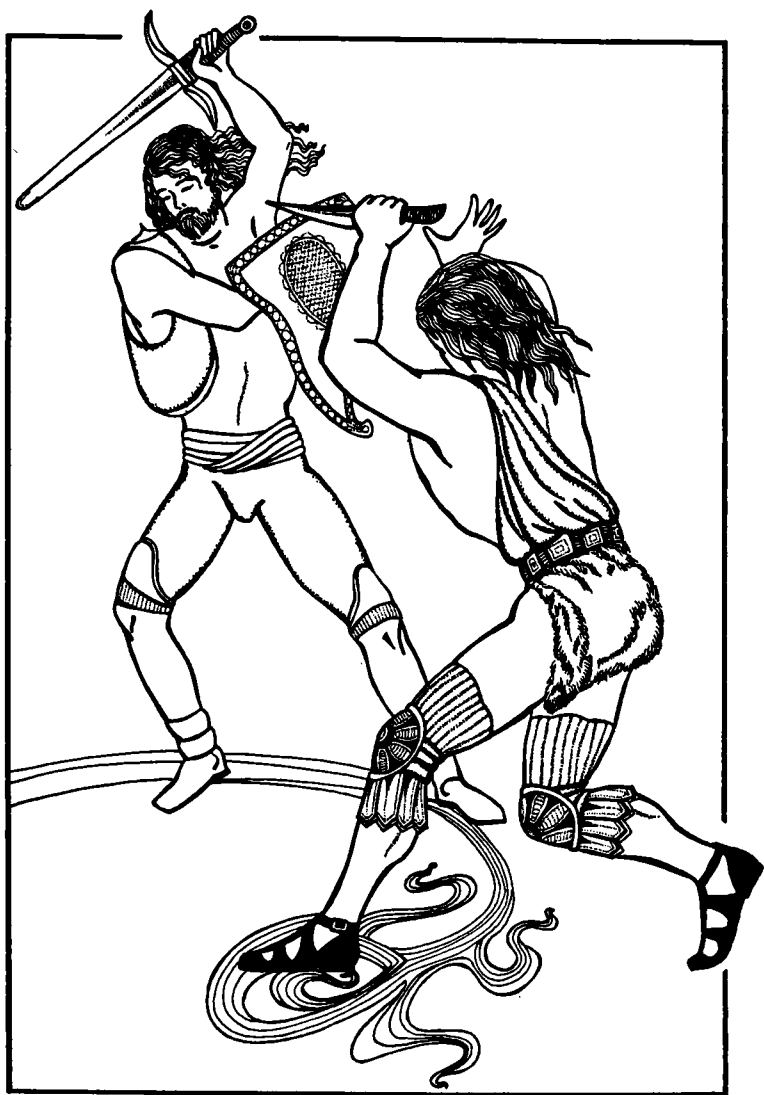
Воины-тадоуски расчистили пространство между тремя кострами и, присев на корточки, образовали круг. Темно-коричневые лица их оставались бесстрастными, и они походили на гигантских насекомых.

Джерсен вышел вперед и прикинул в уме возможности своего противника: выше Джерсена, мышцы могучие, движения быстрые. Пальцы тадоуска поигрывали тяжелым кинжалом, будто перышком. Джерсен чуть приподнял свой нож. Молодой воин описал кинжалом в воздухе круг — своеобразный психологический прием воздействия на противника. Сталь клинка, отражая языки костров, образовала в воздухе устрашающее огненное кольцо.

Резким движением Джерсен метнул свой нож в противника. Острое лезвие проткнуло запястье тадоуска. Мгновенно ослабевшие пальцы выпустили кинжал. В немом изумлении парень взирал на беспомощную руку. Джерсен подошел к нему, поднял оброненное им оружие, низко пригнулся, чтобы увернуться от удара ногой, и плоской стороной неприятельского кинжала сам ударил парня в голову, чуть повыше уха. Воин пошатнулся, Джерсен ударил его еще раз. Парень рухнул наземь.

Джерсен учтиво вернул кинжал молодому воину, вложив его в кожаные ножны, прикрепленные к поясу тадоуска, после чего вернулся к Ифигении и стал спокойно одеваться.

Только сейчас, впервые за все это время, в зрительских рядах появилось оживление. Однако не было ни

аплодисментов, ни осуждающих возгласов — только тихий ропот, выразивший некоторое удивление и недовольство результатом схватки.

С торжественным видом на площадку вышел вождь — все уставились на него. Вождь громким гортанным голосом патетично пропел свою длинную речь:

— Бледнолицый, ты одержал верх над нашим молодым воином. Я не вправе упрекать тебя за не совсем обычный способ, с помощью которого ты этого добился. Однако мы, тадоуски, считаем, что только тот, кто не очень-то надеется на свою силу и умение, захочет решать судьбу поединка одним-единственным броском. Ты не можешь успокоиться на том, что тебе удалось одолеть молодого и не очень опытного воина. Придется, бледнолицый, сразиться еще раз.

Взгляд его начал скользить по лицам воинов.

— Скажите вождю, — обратился Джерсен к Алюз Ифигении, — что только с ним я могу уладить разногласия насчет вашего ночного пребывания, и поэтому именно его я приглашаю сразиться со мной.

Алюз Ифигения тихим голосом перевела слова Джерсена, которые ошеломили тадоусков. Даже сам вождь был удивлен подобным предложением.

— Он действительно так считает? Неужели бледнолицый не понимает, что здесь мне нет равных, что я был сильнее всех людей, с кем мне доводилось до сих пор сталкиваться? Объясни ему, что поскольку я вождь, а он не принадлежит к моему клану, то схватка между нами должна закончиться только смертью одного из нас.

Алюз Ифигения все это передала Джерсену, на что тот ответил:

— Известите вождя о том, что я не стремлюсь доказывать свое высокое положение и с большей охотой предпочел бы спать, а не сражаться, если он не станет настаивать на вашем обществе.

Алюз Ифигения объяснила вождю желания Джерсена, но вождь решительным жестом швырнул наземь свои доспехи, после чего произнес:

— Кто из нас более достойный, мы выясним очень быстро. В боевом отряде не может быть двух предводителей. Чтобы судьбу схватки не решал один случайный бросок ножа, борьба будет вестись голыми руками, без оружия.

Джерсен окинул вождя придиричивым взглядом. Тот был высок, несколько тяжеловесен, но очень подвижен, темная кожа его казалась задубелой, как кора дерева. Джерсен посмотрел на Алюз Ифигению, зачарованно следившую за каждым жестом своего спутника, и двинулся вперед. По сравнению с темным телом тадоуска, на котором рельефно выделялись многочисленные бугры стальных мускулов, тело Джерсена выглядело мертвенно-бледным и дряблым. Чтобы проверить реакцию вождя, Джерсен попробовал как бы невзначай ударить кулаком в голову. Мгновенно стальные пальцы перехватили его запястье, взметнулась одна из ног тадоуска. Джерсен выдернул руку и мог бы, поймав ступню, опрокинуть вождя наземь, но вместо этого позволил носку противника слегка коснуться своего бедра, после чего с размаху ударил левой рукой по шее вождя. Впечатление было такое, будто костяшки пальцев уткнулись в ствол дерева. Вождь прыгнул вперед, оттолкнувшись сразу обеими ногами, а для большего устрашения еще и раскинул пошире руки. Незащищенное лицо варвара, точнее, левый глаз, уткнулось в кулак Джерсена, но при этом и сам Джерсен наварвался на такой захват руки, какой прежде ему еще никогда не встречался. Еще секунда, и противник сломал бы ему локтевую кость. Джерсен чуть присел, затем резко распрямился как пружина, неожиданно кувырнулся назад, с размаху ударив противника ногой в лицо, и рывком высвободил руку. Когда Джерсен снова начал наступать на вождя, самоуверенности у того поубавилось. Вождь медленно поднял обе руки, принимая защитную стойку, но Джерсен опередил его и снова ударил в левый глаз. Еще раз взметнулась нога варвара, и еще раз Джерсен воздержался от того, чтобы схватить его за лодыжку. Носок снова едва коснулся бедра Джерсена. Левый глаз вождя опух и налился кровью. Отпрыгнув назад после выпада противника ногой, Джерсен воспользовался секундной передышкой для того, чтобы образовать ступней углубление в песке. Вождь кружил около него, но напасть не решался. Тогда Джерсен сам отскочил чуть в сторону и сделал ложный выпад рукой. Противник поймал его руку и нанес рубящий удар по шее. Джерсен моментально нырнул вперед и уткнулся плечом в твердый, как гранит, живот тадоуска. Вождь кулачищами попытался освободиться от плеча Джерсена, который, однако, низко при-

гнув голову, продолжал наседать. Вождь взметнул вверх колено и с силой ударил им в грудь соперника. Джерсен поймал колено, резко выпрямился, перехватил руки, вцепившись в лодыжку, и крутанул ее. Вождю пришлось упасть, чтобы воспрепятствовать вывиху коленного сустава, но как раз в это мгновение Джерсен нанес сильнейший удар ногой точно в правый глаз и тотчас же отпрянул назад, едва успев увернуться от мощного взмаха темно-красной руки. Какой-то миг он стоял неподвижно, тяжело дыша и сопя: страшно болела грудь. Зато правый глаз вождя совсем заплыл. Джерсен пригнулся и тщательно расширил углубление в песке. Свирепо сверкая глазами, как разъяренный вепрь, вождь внимательно следил за каждым движением Джерсена. Затем, отбросив, по-видимому, всякую осторожность, ринулся вперед. Джерсен сделал шаг в сторону: порядок ответных действий на как раз вот такое притворное безрассудство был им тщательно отработан на выдававшихся от случая к случаю тренировках. Не задумываясь ни на мгновение, он нанес прямой колющий удар кулаком в левый глаз вождя, однако молниеносный удар левой руки варвара едва не раздробил его запястье, вызвав острую боль и полностью лишив возможности осознанно владеть левой рукой. Это была серьезная потеря, но правый глаз вождя уже совсем закрылся, а левый опух еще больше. Не обращая внимания на боль, Джерсен с размаху шлепнул ладонью слабоуправляемой левой руки по лицу противника. Снова взметнулась левая рука варвара, чтобы рубануть Джерсена по затылку, но тот изловчился и правой рукой ухватился за запястье вождя, ударил его ногой чуть ниже левого колена, а головой — в шею, после чего вождь немного присел, пытаясь сохранить свободу действий и возможность координировать движения. Выдохнув с громким хрипом из легких весь воздух, Джерсен изо всей силы хватил по открывшемуся на какое-то мгновение затылку вождя. Темное лицо варвара посинело, и он нанес слева хлесткий ответный удар тыльной стороной руки в правое предплечье Джерсена, который уже начал терять первоначальную подвижность. Удар вождя был сродни удару кувалдой, и теперь обе руки Джерсена бездействовали. Сильно вспотевшие и тяжело дышавшие противники разошлись в разные стороны. Глаза вождя почти полностью заплыли. Ничего так не желал сейчас Джерсен, как каким угодно спо-

собом утаить от противника непригодность своих рук. Проявление подобной слабости стало бы для него роковым. Собрав последние силы, он пригнулся и начал подкрадываться к вождю, держа руки так, будто готовится нанести удар кулаком. Варвар взревел и, оттолкнувшись одновременно обеими ногами, повторил свой коронный прыжок. Джерсен пригнулся, чтобы устоять на ногах, и правым локтем наотмашь ударил в почерневшее от ушиба место на шее вождя. Руки варвара обвились вокруг туловища Джерсена, боковыми ударами головы он начал долбить висок Джерсена, который присел еще ниже и головой стукнул вождя под подбородок, а затем нанес еще несколько ударов ногами по коленям. Они оба опрокинулись наземь, тадоуск предпринял попытку подмять под себя Джерсена, тот поначалу поддался ему, но в последнее мгновение вывернулся и даже оказался на вожде сверху, хоть и скованный влажными темно-коричневыми руками. Джерсен с размаху ударил головой противника в подбородок, затем в нос. Варвар в ответ каждый раз пытался укусить Джерсена в лицо и продолжал извиваться всем телом, стараясь вывернуться и опрокинуть соперника, однако Джерсен пресекал все попытки, упираясь в землю широко разведенными ногами. В очередной раз ударил он противника головой — зубы варвара оставили шрамы на его лбу. Тогда Джерсен ткнул головой в нос и услышал хруст перебитых хрящей, затем снова, как молот, опустил голову на подбородок, и снова зубы тадоуска вгрызлись в его лоб. Но на большее вождь уже не был способен. В последней отчаянной попытке противостоять настойчивым ударам головы Джерсена, он, отпустив соперника, высвободил руки, для того чтобы упереться локтями в шею Джерсена, который именно этого и ждал. Выпрямившись рывком, он расположился на животе вождя, а затем, собрав последние силы, нанес сокрушительный удар головой прямо в переносицу. Вождь поперхнулся, тело его обмякло, он уже ничего не соображал из-за невообразимой боли и усталости.

Джерсен, шатаясь, поднялся на ноги, руки его висели безвольно, как плети. С ужасом он глядел на распостертое перед ним массивное темно-коричневое тело. Никогда в жизни ему еще не приходилось иметь дело со столь необыкновенно сильным противником. Не убил ли он его? Даже не столь сильные удары убивали людей.

Спотыкаясь на каждом шагу, Джерсен подошел к всхлипывающей Алюз Ифигении и произнес заплетающимся языком:

— Скажите воинам, чтобы они позаботились о своем предводителе. Он великий боец и враг моего врага.

Алюз Ифигения передала его слова воинам. Послышались унылые вздохи и недолгий тихий ропот. Несколько воинов подошли к вождю, лежавшему без сознания, затем повернули головы в сторону Джерсена. Его шатало из стороны в сторону. Языки костров не переставали плясать перед глазами. Все лица слились в одну уродливую физиономию. Он открыл пошире рот, чтобы заглотнуть больше воздуха, и, подняв вверх глаза, увидел скопление звезд, напоминавшее своей конфигурацией ятаган...

— Пойдемте,— сказала, поднявшись, Алюз Ифигения и повела его к палатке. Никто не посмел заступить им дорогу.

ГЛАВА 11

Сейчас я хотел бы предложить вашему вниманию одну выдержку из каталога «ИМИСТЕЗ: Духи, Благовония, Эссенции», опубликованного в Пэмфайле на планете Заккаре, Квантика. Каждый вид и подкласс вышеперечисленных веществ подробно рассмотрен в главной части каталога, причем значительная часть повествования уделена крайне точному — настолько скрупулезному, что порой начинаешь наяву обонять аромат,— описанию природы и качественных особенностей их составных частей.

Часть I: Благовония И Ароматы Для Личного Пользования

Увеселения и развлечения:

Для соблазнения незнакомой девы
Для привлечения нового любовника
Для победного торжества
Для отвлечения шумливого дитяти
Для приветствия любимого или любимой
Для намека на быстрое охлаждение чувств

Празднества:

Для обыкновенных гуляний
Для пирушек
Для тарантелл

Для Уединения

Для сборищ:

В тесном кругу
В случае появления знатных персон
При обсуждении семейных тайн
При воспевании богов
— утреннем
— вечернем
— притворном
— непреднамеренном

и так далее

Часть II: Благоухания Церемониальные

Частная жизнь:

Для дома — всевозможные ароматы
Для похоронных церемоний
Для древнего дерева
Для пробы воды
— утренней
— на закате
В случае горя
В случае сожаления
Для празднования убийства

Жизнь общественная:

Для омывания ног Заткуна
Перед близким сражением
Для облегчения полета
Чтобы лучше чувствовать ветер
При прославлении доброй удачи
и так далее

Урок, что нам следует извлечь из данного отрывка, крайне прост: посещая Заккаре, старайтесь не пользоваться духами, иначе вы можете очутиться в весьма неудобном положении. Люди этой замечательной и фантастически прекрасной земли так же восприимчивы к разного рода ароматам, как обитатели Сирены — к музыке, и какой-то незначительный запах может давать им поразительное количество информации. Как можно заметить, каждый отдельный случай требует использования определенного вида духов, и малейшая ошибка заставит вас выглядеть в глазах населения Заккаре крайне нелепо и смехотворно. Пользуйтесь духами и прочими благовониями только по совету местных жителей или вообще не обращайтесь здесь к парфюмерии. Уж лучше сохранять нейтралитет, нежели выглядеть неотесанным чужеземцем!

Парфюмерная промышленность на Заккаре занимает первое место среди остальных индустрий. В Пэмфайле располагаются штаб-квартиры сотни с лишним компаний. Со всей Ойкумены стекаются сюда разные масла, экстракты и эссенции, и это не считая всего многообразия ароматизированных веществ, которые добываются в близлежащем Лесу Таланжи!

Вот образцы некоторых закаррейских ароматов:

(Далее следуют надушенные полоски бумаги, прикрепленные к странице журнала.)

Из статьи Руди Тумма «Обрети новое чужанье мира», опубликованной в журнале «Космополис» за январь 1521 года.

Перед рассветом жизнь в лагере снова забила ключом, воины раздули еще тлевшие головешки, поставили на маленький огонь котелки с остатками вчерашнего ужина. Вождь, все лицо которого было в кровоподтеках и ссадинах, сидел, прислонившись к скале, и угрюмо смотрел куда-то вдаль. Никто не заговаривал с ним, да и сам он хранил молчание. Из палатки показался Джерсен, сразу же за ним вышла Алюз Ифигения. Она перевязала левое запястье Джерсена и сделала массаж правого предплечья. Если не считать многочисленных синяков, ломоты по всему телу и растяжения связок левого запястья, состояние Джерсена было не таким уж плачевным. Подойдя к вождю, он попробовал заговорить с ним на грубом наречии Скар Сакау:

— Ты сражался достойно.

— Ты сражался достойнее, — с трудом ворочая языком, произнес вождь. — С самого детства никто не мог одержать надо мной верх. Я обозвал тебя трусом. Я ошибался. Ты не убил меня. Это дает тебе право стать моим соплеменником и вождем. Каковы будут твои распоряжения?

— Предположим, я отдам приказ отряду провести нас к нашему кораблю?

— Тебя никто не послушает. Воины бросят тебя. Я был тем, кем ты являешься сейчас — предводителем боевой дружины. Во всех остальных случаях я имел только такую власть, какую был в состоянии поддерживать силой. Такую же власть имеешь и ты.

— В таком случае, — сказал Джерсен, — будем считать события вчерашнего дня не более чем дружеским пое-

динком. Ты — предводитель, мы — твои гости. Мы покинем отряд, когда представится удобный случай.

Вождь, слегка пошатываясь, вскочил с места:

— Пусть будет так, как ты пожелаешь. Мы же двинемся дальше, чтобы сразить нашего врага Кокура Хеккуса, правителя Миска.

Вскоре отряд был готов выступить в путь. Посланный вперед разведчик почти тотчас же вернулся.

— Дназд! — пробежал приглушенный ропот по цепи воинов.

Прошел час. Небо озарили яркие лучи солнца. Вперед снова отправился разведчик и вернулся с сообщением, что проход свободен. Отряд воинов покинул свое скальное убежище и опять пустился в путь по извилистой горной тропе.

К полудню, после очередного поворота, со скалистых склонов перед путниками открылась обширная, залитая ярким солнцем долина, покрытая буйной растительностью.

Десятью минутами позже отряд наконец вышел к месту сбора боевых сил Скар Сакау. Шестьдесят — семьдесят многоножек стояло на привязи в ожидании своих седоков. Воины сидели на корточках неподалеку от животных. Вождь, не спешиваясь, быстро переговорил с другими вождями, равными ему по рангу. Вскоре объединенные силы нескольких кланов двинулись дальше. За час до захода солнца они окончательно покинули предгорье и вступили в холмистую саванну. Здесь паслись стада небольших жвачных черного цвета под наблюдением мужчин и мальчишек, разъезжавших верхом на животных того же рода, только более высоких. При виде тадоусков они тотчас же обратились в бегство, однако, убедившись, что за ними не гонятся, остановились и с удивлением смотрели вслед грозным силам горцев.

Постепенно местность становилась более обитаемой. Сначала на глаза попадались отдельные убогие хижины, затем круглые дома с низкими стенами и высокими коническими крышами, а затем и целые деревни. Население повсюду спасалось бегством. Никому не хотелось столкнуться лицом к лицу с тадоусками.

На закате показался Аглабат, будто бы выросший прямо из зеленой равнины. Город со всех сторон окружали стены из коричневого камня с многочисленными парапетами и бойницами. Издали он производил впечатление спрессованного нагромождения высоких круглых башен. В центре города над самой высокой башней развевался черно-коричневый флаг.

— Кокур Хеккус сейчас в своей резиденции, — сказала Алюз Ифигения. — Когда его здесь нет, флаг не вывешивают.

Шествуя теперь по идеально ровному травяному полю, скорее напоминавшему большой газон в хорошо ухоженном парке, воины все ближе и ближе подступали к городу.

— Нам лучше расстаться с тадоусками, — с тревогой в голосе произнесла Алюз Ифигения, — до того как они обложат город.

— Почему? — поинтересовался Джерсен.

— Вы думаете, Кокура Хеккуса можно застать врасплох? В любую минуту нужно ждать вылазки Бурых берсальеров. Начнется жуткое побоище, нас могут убить или, что еще хуже, захватить в плен, и вам уже больше никогда не удастся встретиться с Кокуром Хеккусом.

Возразить Джерсену было нечем. Но раз уж Джерсен связал свою судьбу с экспедицией варваров, то оставить их сейчас — а он разделял мнение Алюз Ифигении относительно возможности поражения тадоусков — казалось равносильным предательству. И все же на Фамбер он прибыл не для того, чтобы совершать великодушные жесты.

В двух милях от города отряд остановился. Джерсен подошел к вождю:

— Каков твой план предстоящих боевых действий?

— Мы осадим город. Рано или поздно Кокуру Хеккусу придется выслать нам навстречу свои войска. Когда такое случалось раньше, нас было слишком мало, и мы оставляли поле боя. Нас и сейчас немного, но не так уж и мало. Мы уничтожим Бурых берсальеров, мы сотрем рыцарей в порошок. Мы привяжем Кокура Хеккуса к одному из наших животных и будем таскать его по степи, пока не умрет. А потом завладеем богатствами Аглабата.

«Достоинство этого плана — в простоте», — подумалось Джерсену.

— Предположим, войско не покинет город?

— Рано или поздно оно обязательно это сделает, если только не предпочтет смерть от голода.

Солнце исчезло в пурпурной дымке, висевшей над горизонтом, на башнях Аглабата зажглись огни. В этот вечер никто не проявил непочтительного отношения к Алюз Ифигении. Как и в прошлый раз, Джерсен уединился с ней в черной палатке.

Ощувив близость девушки, Джерсен окончательно потерял всякий контроль над собой. Он взял ее за плечи, заглянул в чуть блескующие в темноте глаза и поцеловал. Джерсену сгоряча показалось, что она откликнулась на его поцелуй. Но так ли это на самом деле? Мрак палатки скрывал ее лицо. Джерсен снова поцеловал девушку и ощутил солоноватую влагу на ее щеках. Она плакала.

— Почему вы плачете? — сердито спросил Джерсен, отпрянув от девушки.

— Наверное, из-за того, что больше не в силах сдерживать тревогу.

— Потому что я поцеловал вас?

— Да.

Все стало как-то не мило сердцу Джерсена. Девушка всецело была в его власти, он мог с ней делать все, что вздумается. Но он не хотел ее бессловесной покорности. Он жаждал ответной пылкости.

— Предположим, обстоятельства бы сложились иначе, — начал Джерсен. — Предположим, мы находились бы в Драззанае и вам не о чем было бы беспокоиться. Предположим, я подошел бы к вам — вот так, как сейчас, — и поцеловал бы вас. Что бы вы стали делать в этом случае?

— Я больше уже никогда не увижу Драззана, — печально произнесла девушка. — Меня одолевает множество тревог. Я ваша рабыня. Поступайте, как вам заблагорассудится.

Джерсен бухнулся на пол палатки:

— Ладно. Спать так спать.

Назавтра тадоуски подошли к городу поближе и разбили лагерь в миле от главных ворот. Было видно, как расхаживают по стенам солдаты. В полдень ворота открылись, из города вышли шесть колонн копейщиков в

одинаковых коричневых одеждах, черных доспехах и черных шлемах. Тадоуски встретили их появление хриплыми гортанными возгласами и повскакивали на своих животных. Джерсен и Алюз Ифигения наблюдали за ходом сражения из лагеря. Оно было яростным и кровопролитным, противники были беспощадны друг к другу. Берсальеры сражались храбро, но без лютой ненависти, присущей горцам. Вскоре оставшиеся в живых ушли за ворота в город, покинув поле битвы, устланное многочисленными трупами.

На следующий день ничего существенного не произошло. На самом высоком шпиле крепости продолжал трепетать на ветру черно-коричневый флаг.

— Где Кокур Хеккус держит свой космический корабль? — спросил Джерсен у Алюз Ифигении.

— На одном из южных островов, до которого он добирается на таком же ялике, как и ваш. Пока Сион Трамбле не напал на остров и не захватил космический корабль, я считала Кокура Хеккуса великим волшебником.

Недовольство Джерсена стало еще большим, чем когда-либо. Было ясно: ему ни при каких обстоятельствах не подступиться к Кокуру Хеккусу. Пусть даже тадоускам и удастся взять штурмом город — Кокур Хеккус спасется бегством по воздуху... Значит, нужно во что бы то ни стало вернуться к «Старскипу». С его борта можно было бы наблюдать за ходом событий, самому оставаясь невидимым, с его помощью можно было бы перехватить ялик, который со временем все равно поднимется над Аглабатом независимо от исхода битвы.

Он поделился своими соображениями с Алюз Ифигенией. Девушка одобрила его планы.

— Нам нужно только добраться до Каррая. Сион Трамбле проведет вас через горы на север, и вы сможете поступить так, как сочтете нужным.

— А что будет с вами?

Она потупила взор:

— Сион Трамбле уже давно желает видеть меня своей невестой. Он во всеуслышание объявил о своей любви. Я не возражаю против этого.

Джерсен презрительно фыркнул. Благородный Сион Трамбле во всеуслышание объявил о своей любви! Как

это галантно со стороны Сиона Трамбле! Джерсен отправился поговорить с вождем.

— Часть воинов погибла во вчерашней схватке, и я заметил, что появилось несколько свободных верховых животных. Если вам не жалко одного из них, то я попытаюсь вернуться к своему космическому кораблю.

— Будет так, как ты пожелаешь. Выбирай любое, по своему усмотрению.

— Меня бы устроило послушное и легкоуправляемое.

К вечеру многоножку подвели к палатке. Джерсен и Алюз Ифигения решили отправиться на ней в Каррай на заре.

За ночь городские рабочие тайком соорудили ограждение длиной до тридцати метров и высотой до семи метров; сверху его покрыли коричневой тканью. При виде подобной наглости тадоуски пришли в неописуемую ярость. Они повскакали на свои многоножки и устремились к ограждению, правда, несколько настороженно, так как ограждение явно было устроено с определенным умыслом.

И это действительно оказалось именно так! Как только передние ряды верховых многоножек приблизились к ограждению, ткань, прикрывавшая его, слетела, и на свободу вырвалось чудовище на тридцати шести ногах, с глазами, изрыгающими пламя.

Тадоуски отшатнулись и в панике повернули назад.

— Дназд! — прокатилось по рядам осаждавших. — Дназд!

— Это не дназд, — предупредил Алюз Ифигению Джерсен. — Это машина, изготовленная инженерной компанией «Пэтч». Нам сейчас самая пора трогаться в путь.

Они взобрались на поджидавшую их многоножку и помчались во весь опор на северо-запад. Тем временем металлический монстр утюжил равнину перед городом, гоняясь за безумно мечущимися тадоусками, обратившимися в позорное бегство. Он передвигался с плавной легкостью, вызывающей у Джерсена смешанное чувство удовлетворения и сожаления. Алюз Ифигению слова Джерсена несколько не убедили.

— Вы уверены, что это чудовище из металла?

— Совершенно.

Большинство оставшихся в живых тадоусков удирали по той же дороге, по которой отправились в путь Джерсен и Алюз Ифигения, и в том же направлении мчался самоход, изрыгая длинные языки пурпурно-белого пламени. С каждым огненным выстрелом мгновенно сморщивалась от жара одна из многоножек и погибали пятеро воинов. Вскоре за спиной у Джерсена и Алюз Ифигении не осталось ни одного тадоуска, а сами они отчаянно мчались к предгорью. Самоход чуть свернул в сторону, чтобы перерезать им путь. Впереди показался довольно высокий бугор, окруженный со всех сторон скалами. Джерсен заставил животное домчаться до этих скал. Здесь он спрыгнул на землю, затем опустил Алюз Ифигению. Многоножка тут же умчалась прочь. Джерсен вскарабкался к укрытию по покрытому мхом песчаннику; за ним последовала Алюз Ифигения. Взглянув на Джерсена, она чуть было что-то не сказала, но сдержалась. Лицо ее было грязное, поцарапанное, волосы растрепанные, одежда перепачканная. В широко раскрытых глазах чернели расширенные от страха зрачки. У Джерсена не было времени на то, чтобы успокоить ее. Взяв на изготовку лучемер, он замер в ожидании.

Сначала послышался неразборчивый шум, затем все громче и громче стало раздаваться глухое шлепанье тридцати шести быстро бегущих ног. И вот уже самоход начал взбираться по склону, время от времени останавливаясь, видно, выискивая добычу.

Джерсен не переставал изумляться своей интуиции, когда-то давно, еще в цехе Б завода Пэтча, указавшей ему на вероятность именно такого столкновения. Установив невысокий уровень излучения, он тщательно прицелился в известную только ему одному точку в спинном гребне чудища и нажал на спуск. Тотчас же разомкнулись контакты потайного реле, ноги чудища потеряли упругость, расчлененное на множество сегментов тело осело на землю. Еще через несколько секунд открылся люк, из него повыпрыгивали члены экипажа и принялись недоуменно кружить вокруг самохода. Джерсен сосчитал их: девять человек из одиннадцати, составлявших полный экипаж. Двое остались внутри. На всех были коричневые комбинезоны, все держались очень непринужденно, что было совершенно не свой-

ственно жителям Фамбера. Среди них топтались двое, которые могли быть и Зеуманом Отуалом, и Билли Уиндлом, и Кокуром Хеккусом. С расстояния в пятьдесят метров Джерсену было трудно различить их лица. Один из них повернулся — у него оказалось слишком уж вытянутая шея. Значит, этот человек определенно не мог быть тем, кого искал Джерсен. Другой? Но он снова забрался внутрь самохода. Действие ионизации начало проходить — ноги чудовища наливались прежней силой...

— Прислушайтесь! — прошептала ему на ухо Алюз Ифигения.

Ничего особого Джерсен не услышал.

— Прислушайтесь! — повторила девушка.

На этот раз до Джерсена донесся шорох крадущейся походки, сопровождавшийся множеством шелкающих звуков — звуков приближающейся опасности. Вниз по горному склону спускалось существо, точной копией которого являлся самоход, — настоящий дназд. Однако Джерсен был потрясен тем, насколько легко оказалось обмануть простодушных варваров грубой металлической подделкой. Настоящий дназд, в отличие от тадоусков, почти сразу же распознал обман и быстрой трусцой побежал к самоходу, затем остановился как вкопанный, по-видимому, из любопытства.

Члены экипажа в панике попрыгали внутрь самохода и захлопнули люк. Конечности механизма еще не обрели полной силы, глаз брызнул тощим пучком тусклых искр, рассыпавшихся по хвостовым сегментам дназда. В ответ на это дназд встал на дыбы и, издав дикий пронзительный вопль, обрушился на самоход. Оба чудовища опрокинулись наземь и покатались вниз по склону, цепляясь конечностями друг за друга и за выступы скал. Челюсти дназда тщетно кусали металлический корпус, сочившиеся ядом зубы скреблись об обшивку, пытаясь проткнуть ее. Внутри корпуса, вопя, кувыркался экипаж, пока кому-то все-таки не удалось активировать систему стабилизации и автоматического восстановления двигательных функций.

Подача энергии возобновилась, самоход поднялся на ноги. Снова высоко на дыбы встал дназд, чтобы обрушиться всем своим телом на металлические сегменты. Из глаза самохода выплеснулся язык пламени — одна из

конечностей дназда беспомощно задержалась в воздухе. Глаз снова выпалил, на этот раз более точно. С громким треском лопнула центральная секция, тело дназда рухнуло вниз, ноги конвульсивно вспарывали землю. Самоход отступил чуть назад, огонь выплеснулся из обоих глаз — дназд превратился в груды дымящейся плоти.

Джерсен подался чуть-чуть вперед и снова направил лучемет на ячейку с реле, срабатывающим под действием ионизации. Как и в первый раз, самоход, раскачиваясь из стороны в сторону, грузно осел наземь. Вскоре открылся люк, выдвинулся трап, и экипаж снова спустился вниз. Джерсен сразу же начал считать: девять, десять, одиннадцать. Наружу вышли все до единого. Посовещавшись, члены экипажа направились к останкам дназда. Когда они развернулись к самоходу, у трапа их уже поджидал Джерсен с лучеметом наготове.

— Повернитесь ко мне спиной, — скомандовал Джерсен. — Станьте в шеренгу по одному, поднимите обе руки вверх. Убью любого, кто не подчинится.

Какие-то несколько мгновений члены экипажа в нерешительности переминались с ноги на ногу. Каждый лихорадочно прикидывал в уме свой шанс стать героем. И каждый пришел к выводу, что такой шанс слишком ничтожен. Джерсен, в свою очередь, подвел черту под подобными соображениями залпом из лучемета, превратившим в золу землю у их ног. Ругаясь, с искаженными ненавистью лицами, все повернулись спинами к Джерсену.

— Загляните внутрь самохода, — велел Джерсен подошедшей Алюз Ифигении. — Проверьте, не остался ли там кто-нибудь.

Через несколько секунд девушка вернулась и сообщила Джерсену, что самоход пуст.

— А теперь, — скомандовал Джерсен экипажу, — следуйте всем моим указаниям, если цените свою жизнь. Первый справа пусть отступит на шесть шагов назад. — Стоявший на правом фланге неохотно подчинился. Джерсен взял у него оружие — компактный, но внушительный лучемет неизвестной конструкции. — Ложитесь лицом вниз, ладони — на затылке.

Один за другим все одиннадцать отступили на шесть шагов и легли на землю, после чего были обезоружены и крепко связаны собственными ремнями.

Затем Джерсен каждого перевернул на спину, чтобы увидеть его лицо. Никто из пленников не был Зеуманом Отуалом.

— Кто из вас Кокур Хеккус? — спросил Джерсен.

Какое-то время все молчали. Затем тот, у которого Джерсен отобрал лучемер, произнес:

— Он в Аглабате.

Джерсен повернулся к Алюз Ифигении:

— Кто-нибудь из этих людей похож на Кокура Хеккуса?

Алюз Ифигения внимательно посмотрела на бывшего хозяина лучемерта:

— Лицо у этого человека другое, но фигура, манера держаться такие же.

Джерсен внимательно присмотрелся к чертам лица правофлангового. Ничто не свидетельствовало о том, что оно подвергалось пластической операции либо являлось собой искусно выполненную маску. Но глаза... были ли они глазами Зеумана Отуала? Какое-то почти не различимое сходство все-таки существовало, выражение некоего циничного всезнания. Во всяком случае, этот человек отличался от остальных членов экипажа.

— Как вас зовут? — спросил Джерсен.

— Франц Падербуш, — ответ звучал очень тихо, почти раболепно.

— Откуда вы родом?

— Я младший рыцарь замка Падер, к востоку от Миска... Вы мне не верите?

— У меня нет возможности убедиться в вашей искренности.

— Для этого вам нужно только побывать в замке Падер, — произнес пленник с некоторой не очень-то уместной в его положении дерзостью. — Старший рыцарь, мой отец, подтвердит мои слова десятком самых различных способов.

— Вполне возможно, — сказал Джерсен. — И все же вы чем-то напоминаете мне Билли Уиндла из Скузе, а также некоего Зеумана Отуала, с которым я встречался в последний раз в окрестностях Крокиноля. А вы, —

обратился он к остальным членам экипажа, — поднимайтесь и быстрее сматывайтесь отсюда.

— Куда? — спросил один.

— А куда хотите.

— Со связанными руками? Нас поубивают дикари.

— Найдите какую-нибудь шель и прячьтесь в ней до темноты.

После того как десять берсальеров с унылым видом тронулись в путь, Джерсен еще раз обыскал Падербуша, но никакого другого оружия при нем не нашел.

— А теперь, младший рыцарь, поднимайтесь и ступайте в самоход.

Падербуш быстро и охотно повиновался, что только сильнее встревожило Джерсена, который покрепче привязал пленника к одной из скамеек, затем захлопнул люк и прошел к знакомым органам управления самоходом.

— Вы умеете управлять этим ужасом? — спросила Алюз Ифигения.

— Я участвовал в его создании.

Она растерянно поглядела на Джерсена, затем повернулась к Францу Падербушу, который неожиданно удостоил ее самодовольной ухмылкой.

Джерсен включил все приводы самохода. Ноги чудища послушно повиновались, и оно сразу же понеслось на север.

— Куда мы направляемся? — спросила через некоторое время Алюз Ифигения.

— К космическому кораблю, куда же еще!

— Через Скар Сакау?

— Через. Или вокруг.

— Вы, должно быть, с ума сошли.

Эти слова обескуражили Джерсена.

— На самоходе мы доберемся до корабля.

— Но ведь вы совершенно не знаете троп, которые туда ведут. Они труднопреодолимы и зачастую заманивают в ловушки. Тадоуски будут сбрасывать на нас огромные камни. Из ущелий на нас будут нападать дназды. И не забудьте о глубоких провалах, скользких карнизах, снежных лавинах. И у нас нет еды.

— Все, о чем вы говорите, — правда. Но...

— Сверните на запад, к Карраю. Сион Трамбле окажет нам почетный прием и проводит вас к кораблю в обход гор.

Джерсену нечем было возразить, и он, изображая, что делает девушке немалое одолжение, развернул самоход и спустился в долину.

Холмистая местность, по которой они продвигались, радовала глаз своими пейзажами. Горы Скар Сакау остались далеко позади, за сизой дымкой. Весь теплый летний день самоход несея на запад, мимо небольших ферм с каменными амбарами и каменными домиками с высокими крышами, мимо редких селений. Увидев самоход, селяне застывали на месте от ужаса. Они были обычными людьми, светлокожими и темноволосыми; женщины носили пышные юбки и тугие узорчатые корсажи, мужчины — непомерно раздутые шаровары до колен, яркие рубашки и украшенные вышивками жилеты. Время от времени на глаза попадались барские усадьбы, прятавшиеся в глубине парков, или возвышавшиеся на крутых утесах феодальные замки. Некоторые из этих поместий начали приходить в упадок.

— Тени прошлого, — пояснила Алюз Ифигения. — Наша страна — очень древняя. Она заполнена призраками.

Джерсен, глянув мельком на Франца Падербуша, с удивлением обнаружил на его лице безмятежную улыбку. Вот точно такую же улыбку он несколько раз замечал на лице Зеумана Отуала, но ни общим характером лица, ни отдельными чертами Падербуш нисколько не был похож на Зеумана Отуала.

Зашло солнце, все вокруг погрузилось в сумерки. Джерсен остановил самоход на краю заливного луга. На ужин вполне сгодился рацион, предназначенный для экипажа самохода. После ужина Падербуша заперли в кормовом отсеке.

Джерсен и Алюз Ифигения вышли наружу и стали любоваться светлячками. Над головой у них ярко сверкали созвездия ночного неба Фамбера. В южной части неба звезд было неисчислимое множество, куда меньше их сверкало в северной, где начиналось межгалактическое пространство. В расположенном поблизости перелеске запело какое-то ночное существо, теплый воздух

был наполнен пряным запахом луговых трав. Джерсен в конце концов собрался с духом и взял руку девушки. Она не пошевелилась, чтобы ее высвободить.

Несколько часов сидели они спиной к самоходу, молча глядя на мерцание светлячков в луговых травах. Только заунывный звон колокола из отдаленной деревни отмечал каждый час течения времени. Созерцание ночи кончилось тем, что Джерсен расстелил плащ, и они легли спать на мягкой траве.

На заре путники снова двинулись на запад. Характер местности сильно изменился. Холмистая равнина плавно перешла в предгорье с многочисленными долинами, поросшими лесом; еще дальше к западу начались настоящие горы, на склонах которых высоко вверх тянулись деревья, очень напоминавшие сосны. Все реже стали попадаться деревни и хутора, а вскоре только редкие замки гордо взирали с высоких утесов на долины и реки. Один раз бесшумно мчавшийся самоход натолкнулся на группу вооруженных людей, устроивших пьяное шествие посреди дороги. Одеты они были в сплошные лохмотья, оружие составляли только луки и стрелы.

— Бандиты, — сказала Алюз Ифигения. — Отбросы Миска и Вадруса.

Границу охраняли двое стражей, окаменевших при виде самохода. Когда машина промчалась мимо, они опомнились и протрубили сигналы, вызывавшие к оружию.

Часом позже перед самоходом на много миль к северу и западу раскинулась бескрайняя волнистая равнина.

— Вот это и есть Вадрус, — произнесла Алюз Ифигения. — Видите белое пятно сразу же за темным лесом? Это город Каррай. Жантилья еще западнее, но я неплохо знакома с Карраем. Сион Трамбле нередко оказывал в нем гостеприимство моей семье, так как в Жантилье я принцесса.

— Так что теперь вы станете его невестой.

Алюз Ифигения печально смотрела на белый Каррай, будто с ним у нее были связаны сладостные, но теперь уже далекие воспоминания.

— Нет. Я уже больше не ребенок. Все теперь стало не так просто, как прежде. Раньше в моей жизни были Сион Трамбле и Кокур Хеккус. Сион Трамбле — воин до

мозга костей и в битвах бывает очень безжалостным, но для народа Вадруса он старается быть воплощением справедливости. А вот Кокур Хеккус, разумеется, воплощение зла. Раньше я остановила бы свой выбор на Сионе Трамбле. Теперь я не желаю ни того, ни другого. Слишком много мне довелось пережить, — задумчиво произнесла девушка. — Слишком много довелось мне узнать. С тех пор как я покинула Фамбер, я потеряла свою юность.

Джерсен резко повернулся — краем глаза он уловил перемену в настроении их узника.

— Что вас так позабавило?

— Я вспомнил о таких же разочарованиях своей юности, — ответил Франц Падербуш.

— У вас нет желания рассказать об этом подробнее?

— Нет. Просто к слову пришлось.

— Вы давно служите Кокуру Хеккусу?

— Всю жизнь. Он правитель Миска и, следовательно, мой сюзерен.

— Может быть, вы расскажете нам что-нибудь о его планах?

— Боюсь, что не сумею. Если у него даже и есть определенные планы — по-моему, их у него не так уж много, — то он все равно держит их при себе. Мой сюзерен — человек необыкновенный. Могу себе представить, какое негодование у него вызовет потеря самохода.

Джерсен рассмеялся:

— Гораздо меньшее, чем другие неприятности, которые я ему причинил. Как, например, в Скузе, где я сорвал его сделку с Даниэлем Трембатом. Или в Обменном Пункте, когда я украл у него из-под носа принцессу, расплатившись с ним пустыми бумажками.

Рассказывая обо всем, Джерсен внимательно следил за глазами Падербуша. Неужели ему это только почудилось? Или зрачки Падербуша в самом деле чуть расширились? Подобная неуверенность была нестерпимой. К тому же Билли Уиндл, Зеуман Отуал, Франц Падербуш совсем непохожи друг на друга. Общими у них были только тип телосложения и нечто такое, что вообще с трудом поддавалось определению и что можно было подвести только под такое расплывчатое понятие, как

стиль. Ни один из них, по словам Алюз Ифигении, не мог быть Кокуром Хеккусом...

Самоход несся мимо фруктовых садов и виноградников, мимо роскошных лугов, питаемых хрустальными родниками, мимо деревень и хуторов и наконец выскочил к распаханным полям, тянувшимся до самого Каррая — города, резко отличавшегося от Аглабата. Здесь не было высоких мрачно-коричневых стен, скрывавших от мира жизнь города, здесь все было видно как на ладони: широкие проспекты и мраморные колоннады, особняки, затененные высокими деревьями, и даже настоящие дворцы, сверкающие в глубине тщательно распланированных парков, великолепием ничуть не уступающие дворцам на Земле. Если и были здесь трущобы и лачуги, то, наверное, располагались далеко от центральных улиц.

У самого входа в город огромную мраморную арку венчал шар из горного хрусталя. Здесь же размещался караул стражников в пурпурно-зеленых мундирах. При приближении самохода командир караула принялся истошно выкрикивать приказания. Стражники строем выдвинулись вперед, бледные, но непоколебимые в своей решимости, выставили копья и стали ждать гибели.

Джерсен остановил самоход в пятидесяти метрах от ворот, открыл люк и прыгнул на землю. Стражники так и обмерли в изумлении. Затем из самохода вышла Алюз Ифигения. Командир, похоже, узнал принцессу, не смотря на ее далеко не лучший внешний вид.

— Неужели из нутра дназда вышла сама принцесса Ифигения Драззанская?

— Пусть вас не обманывает внешность зверя, — сказала Алюз Ифигения. — Это механическая игрушка Кокура Хеккуса, которую мы отобрали у него. Где ваш повелитель Сион Трамбле? В своей резиденции?

— Нет, принцесса. Он отбыл на север, зато только что в Каррай прибыл его канцлер и находится поблизости отсюда. Сейчас я пошлю за ним.

Вскоре появился высокий седобородый аристократ в камзоле из черного бархата с пурпурным отливом. Он торжественно вышел вперед и учтиво склонил голову. У Алюз Ифигении отлегло от сердца, когда она поздно-

ровалась с ним: наконец-то рядом появился кто-то, на кого можно было всецело положиться. Она представила аристократа Джерсену:

— Барон Эндель Тобальт.

Затем принцесса справилась о местонахождении Сиона Трамбле, на что барон не без иронии в голосе ответил, что Сион Трамбле выступил в поход против гроднедзов, пиратов Северного моря. Его возвращение ожидается в скором времени. А пока что принцесса может располагаться в городе как у себя дома. Таково желание Сиона Трамбле.

Алюз Ифигения с неописуемым изяществом повернулась к Джерсену, показывая сияющее от счастья лицо:

— Я не в состоянии должным образом вознаградить вас за все то, что вы для меня сделали, да и не буду даже пытаться: ведь, насколько я полагаю, свои деяния вы не расцениваете в качестве каких-либо заслуг передо мной. Тем не менее, я предлагаю вам все то гостеприимство, которым сейчас располагаю. Каким бы ни было ваше желание, вам нужно только упомянуть о нем.

Джерсен ответил, что служить ей для него было одно удовольствие. Любые обязательства с ее стороны она уже более чем выполнила, указав дорогу на Фамбер.

— И все же я попрошу, чтобы Падербуша заточили в таком месте, откуда он не смог бы сбежать до тех пор, пока я не решу, как с ним поступить.

— Мы разместимся в парадном дворце. В его подвалах найдется вполне подходящая темница.

Принцесса сказала несколько слов начальнику стражи, и несчастного Падербуша тотчас увели.

Вернувшись в самоход, Джерсен отсоединил часть кабелей и блоков управления, сделав механизм машины непригодным для каких-либо манипуляций. Тем временем появился экипаж — высокая, богато украшенная карета с золотыми колесами. Джерсен присоединился к Алюз Ифигении и барону Тобальту, уже занявшим переднее сиденье. Испытывая неловкость за свою перепачканную одежду, он осторожно сел на мягкий красный бархат и белый мех.

Карета выехала на проспект. Мужчины в роскошных костюмах и высоких остроконечных шляпах и женщины

в белых длинных платьях со множеством оборок останавливались, чтобы лишний раз полюбоваться выездом своего сюзерена.

Впереди, в глубине огромного парка, показался парадный дворец Сиона Трамбле — квадратное здание, по архитектонике похожее на другие дворцы Каррая, но чрезмерно украшенные бесхитростными архитектурными элементами. По периметру дворца возвышались шесть стройных башен, обвитых спиральными лестницами. Поверхность центрального купола была составлена из стеклянных пятиугольников, обрамленных бронзовой паутиной. Террасы дворца окружали белоснежные балюстрады из ровных рядов нимф. Карета остановилась у мраморной лестницы. Здесь гостей поджидал необычайно высокий и столь же необычайно худой старик в черно-сером одеянии. В руках он держал жезл с эллипсоидальным изумрудом на конце — по-видимому, символ возглавляемой им государственной службы. Алюз Ифигению старик поприветствовал со сдержанной почтительностью. Барон Тобальт представил его Джерсену.

— Атер Кэймон, мажордом парадного дворца.

Кланяясь, мажордом скользнул критическим взглядом по замызанной одежде Джерсена, затем чуть взмахнул жезлом. Возникшие как из-под земли ливрейные лакеи повели Алюз Ифигению и Джерсена во дворец. Они прошли через вытянутый приемный зал, потолок которого был весь увешан хрустальными люстрами, а пол устлан огромным ковром с бледно-лиловыми, красными и светло-салатными узорами. В круглом вестибюле их разлучили, разведя по разным коридорам. Джерсену представили апартаменты из целого ряда комнат, с окнами, выходящими в цветущий сад с фонтаном. После путешествия, полностью лишенного удобств, такая неожиданная роскошь казалась нереальной.

Джерсен выкупался в бассейне с теплой водой, затем цирюльник побрил его. Камердинер принес новую одежду: свободные темно-зеленые штаны, зауженные в шиколотках, темно-синюю рубашу с белой вышивкой, зеленые кожаные чуваки с причудливо изогнутыми носками, остроконечную шляпу, напоминающую шутов-

ской колпак, но, кажется, считавшуюся здесь весьма существенной частью мужского наряда.

На столе в саду уже дожидались фрукты, пирожные и вина. Джерсен утолил голод и жажду и тут же задумался: с чего бы это Сиону Трамбле менять роскошную, комфортабельную жизнь в столичном дворце на невзгоды и опасности, с которыми сопряжены многочисленные военные авантюры, так обожаемые, по словам Алюз Ифигении, ее нареченным?

После трапезы Джерсен решил побродить по дворцу. Мебель, ковры, портьеры, обои различных стилей были сделаны искуснейшими мастерами. Очевидно, предметы интерьера доставлялись сюда со всех концов Фамбера.

В гостиной Джерсен застал барона Тобальта, который поприветствовал его с холодной учтивостью. После недолгого размышления он справился у гостя о характере мира за пределами Фамбера, «...откуда, насколько я полагаю, вы прибыли».

Джерсен рассказал об Ойкумене, о различных планетах, входящих в ее состав, и существующих на них порядках, о Крае Света и творящихся там безобразиях, о планете Земля, пославшей в Галактику людей, сообщил, что о Фамбере люди других миров знают только по легенде и не верят в его существование. Барон ответил, что для жителей Фамбера остальное человечество тоже не более чем миф.

— Наверное, можно не сомневаться в том, что вы намерены вернуться в привычную для вас среду? — не без грусти в голосе спросил Тобальт.

— Все мое время, — осторожно ответил Джерсен.

— И тогда вы объявите, что Фамбер вовсе не миф?

— Я еще не задумывался над этим, — сказал Джерсен. — А как вы сами настроены? Наверное, предпочитаете изоляцию.

Тобальт покачал головой:

— Я очень благодарен судьбе за то, что не мне принимать подобное решение. До сегодняшнего дня только один-единственный человек утверждал, что побывал в других звездных мирах, — Кокур Хеккус, однако он по-

всюду разоблачен как хормагаунт, человек без души, которому нельзя доверять.

— Вы когда-нибудь встречались с Кокуром Хеккусом?

— Только на поле битвы.

Джерсен не решился спросить у барона, нет ли сходства между Кокуром Хеккусом и Падербушем. Думая о пленнике, заточенном в подземелье, он испытывал угрызения совести: если парень действительно только младший рыцарь замка Падер, то единственным предосудительным поступком с его стороны было лишь участие в контратаке против тадоусков.

Джерсен дал знак одному из лакеев.

— Отведите меня в темницу, где содержится узник.

— Одну секундочку, сэр рыцарь, я поставлю в известность об этом мажордома. Только у него хранятся ключи от темницы.

Вскоре появился мажордом, задумался над просьбой Джерсена, а затем с очень недовольным видом — так, во всяком случае, показалось Джерсену — повел его к массивной резной деревянной двери, отпер ее, затем отпер вторую дверь, железную, ведущую к лестнице с каменными ступенями. Она спускалась далеко вниз, в подвал, вымощенный гранитными плитами, свет в который проникал только через узкие щели, каким-то образом сообщавшиеся с наружным миром. Вдоль одной из стен выстроился целый ряд дверей со стальными решетками; за ними располагались камеры для заключенных. Все они были пусты, кроме одной.

— Вот здесь ваш узник, — произнес мажордом, показывая на единственную запертую дверь. — Если вам угодно убить его, то проделайте это, пожалуйста, в камере, расположенной вслед за первой: там имеется все необходимое.

— Умерщвление не входит в мои намерения. Я хотел только удостовериться, что пленник не испытывает лишних страданий.

— Здесь вам не Аглабат. Здесь даже речи быть не может ни о чем подобном.

Джерсен подошел к двери и заглянул через решетку. Падербуш, откинувшись к спинке стула, удостоил его

презрительно-насмешливым взглядом. Камера была сухой и хорошо проветриваемой. На столе виднелись остатки, по всей вероятности, вполне пристойной пищи.

— Вы удовлетворены? — спросил мажордом.

Джерсен повернулся к нему и утвердительно кивнул.

— Неделя-другая, проведенная в размышлениях, насколько ему не повредит. Проследите за тем, чтобы, кроме меня, он ни с кем не виделся.

— Как вам угодно.

Мажордом провел Джерсена назад в гостиную, где к этому времени к барону уже присоединилась Алюз Ифигения. Присутствовали здесь также и другие придворные дамы и кавалеры. Алюз Ифигения глядела на Джерсена с некоторым удивлением.

— Вы мне привычны только в облике некоего космического странника, — сказала она Джерсену. — Я поражена, видя вас джентльменом Вадруса.

Джерсен ухмыльнулся.

— Я несколько не изменился, несмотря на пышный наряд. А вот вы... — Он не смог найти слова, чтобы выразить то, что ему захотелось сказать.

— Мне сообщили, что возвращается Сион Трамбле, — поспешила объяснить Алюз Ифигения. — Он будет здесь на сегодняшнем вечернем пиршестве.

Джерсен сразу же почувствовал горькое разочарование и всеми силами старался подавить в себе мучительное ощущение потери. Невзирая на нынешний наряд, джентльменом он не был — ни Вадруса, ни какого-либо иного места во всей Ойкумене. Он был Киртом Джерсеном, чудом спасшимся от гибели во время резни в Маунт-Плезенте и обреченным до конца дней своих заниматься только тем, что должно оставаться тайной для всех остальных.

— Так вот что делает вас такой счастливой, — беспечно произнес он. — Близость вашего суженого.

Девушка покачала головой.

— Он вряд ли станет моим женихом — вам это известно лучше, чем кому-либо другому. Я счастлива потому, что... Нет! Не могу назвать себя счастливой. Я запуталась, и теперь сама не знаю, как мне быть! — Она взвол-

нованно всплеснула руками. — Смотрите! Все это мое, стоит мне только захотеть! Я могу наслаждаться всеми наивысшими благами Фамбера! Однако хочу ли я этого? И еще не сказал своего последнего слова Кокур Хеккус, который совершенно непредсказуем. Но я почему-то даже и не думаю о нем... Может быть, все дело в том, что мне пришлось по душе кочевая жизнь, раздражившая меня возможностью повидать много других миров помимо Фамбера?

Джерсен молчал. Она тяжело вздохнула и поглядела на него из-под полуопущенных век:

— Но выбора у меня нет. Сейчас я здесь и здесь должна остаться. На следующей неделе я вернусь в Драззан, а вас уже не будет... Вы ведь покинете Фамбер, не так ли?

Джерсен решил подойти к этому вопросу как можно более трезво.

— Куда и когда я отправлюсь, зависит от того, удастся ли мне добраться до космического корабля.

— А потом?

— Потом я снова возьмусь за то, ради чего сюда прибыл.

Она опять тяжело вздохнула.

— Не очень-то, как мне кажется, блестящая перспектива. Снова горы Скар Сакау... Снова отвесные скалы и пропасти. Затем Аглабат. Каким образом вам удастся преодолеть его стены? А если вас поймают... — Девушка скривила лицо. — Когда я впервые услышала о темницах под Аглабатом, я не спала несколько месяцев. Все страшно бояться оказаться в них.

В гостиную вошел дворецкий в светло-зеленой ливрее с подносом в руках. Алюз Ифигения взяла два бокала, один протянула Джерсену:

— Допустим, вас убьют или поймают, как я смогу тогда покинуть Фамбер, если решусь на это?

Джерсен невесело рассмеялся:

— Если бы я серьезно задумывался над тем, что будет, «если...», я бы всего боялся. Страх сковал бы мои действия, и, следовательно, возросла бы угроза моей поимки или гибели. Выйдя замуж за Сиона Трамбле, вы,

как мне кажется, обязательно столкнетесь с такими трудностями.

Алюз Ифигения чуть вздернула обнаженные нежные плечи — она была в белом открытом вечернем платье с оборками, которым в этом городе отдавали явное предпочтение.

— Он красив, благороден, справедлив, почтителен и, пожалуй, даже слишком хорош для меня. Неожиданно для самой себя я обнаружила, что у меня появились такие мысли и желания, которые раньше были мне неизвестны. — Она обвела взглядом комнату, на мгновение прислушалась к гулу голосов, затем снова повернулась к Джерсену. — Мне трудно выразить словами те чувства, что меня обуревают... Но в эпоху, когда люди почти мгновенно пересекают космическое пространство, когда сотни планет объединились в Ойкумену, когда возможно все, что только доступно человеческому воображению, эта отдаленная крошечная планета с доведенными до крайности добродетелями и пороками кажется неправдоподобной.

Джерсен, который был куда ближе, чем Алюз Ифигения, знаком с планетами Края Света и Ойкумены, не разделял ее чувств.

— Все зависит от того, — сказал он, — как вы относитесь к прошлому и настоящему человечества и какие надежды питаете в отношении его будущего. Большинство людей согласится с вами. Конгрегация... — Джерсен не удержался от смеха, произнося это слово, — наверняка предпочла бы Фамбер будням современной Ойкумены.

— Мне ничего не известно о Конгрегации, — призналась Алюз Ифигения. — Это группа людей с порочными наклонностями или даже преступников?

— Нет, — ответил Джерсен, — они всего лишь философы...

Алюз Ифигения вновь тяжело вздохнула, взгляд ее снова стал почти отрешенным.

— Я еще очень многого не знаю, — произнесла она, взяв руку Джерсена в свою.

В сопровождении пажей с фанфарами в руках в гостиную торжественно вошел герольд.

— Сион Трамбле, Великий Князь Вадруса.

В гостиной сразу же воцарилась тишина. Из приемного зала слышались пока что еще отдаленные, размеренные шаги и в такт с ними характерный звон металла. Пажи подняли фанфары, сыграли приветствие. И тут же размашистым шагом в гостиную вошел Сион Трамбле. Он был прямо с дороги, в перепачканных доспехах, в круглом металлическом шлеме, испещренном вмятинами и перемазанном запекшейся кровью. Когда князь снял шлем, взору Джерсена представилась пышная копна золотистых волос, коротко подстриженная светлая борода, великолепный прямой нос и невообразимо голубые глаза. Сион Трамбле поднял руку в приветственном жесте, относящемся ко всем присутствующим, затем церемонно подошел к Алюз Ифигении и склонился над ее ручкой.

— Моя принцесса, вы сочли возможным вернуться?

Алюз Ифигения хихикнула. Сион Трамбле с удивлением поглядел на нее.

— По правде говоря, — сказала принцесса, — вот этот джентльмен не предоставил мне иного выбора.

Сион Трамбле повернулся к Джерсену. «Мы с ним никогда не будем друзьями, — подумал Джерсен. — Каким бы благородным, учтивым, справедливым и добросердечным ни был князь, он все равно останется лишенным чувства юмора напыщенным индюком, самодовольным и своенравным».

— Меня поставили в известность о вашем приезде, — сказал Джерсену Сион Трамбле. — Я обратил внимание на чудовищный механизм, в котором вы прибыли. Нам предстоит многое обсудить. А пока прошу извинить меня. Мне нужно снять с себя доспехи.

Князь повернулся и покинул гостиную. Между придворными возобновились прерванные разговоры.

Алюз Ифигении не о чем было говорить, и она загрустила. Через час все собравшиеся перешли в пиршественный зал. За возвышением в дальнем конце стола восседал в белых и алых одеяниях Сион Трамбле, справа и слева от него расположились наиболее приближенные вассалы. Чуть ниже их, в строгом порядке по значимости, занимали места все прочие приглашенные. Ответ-

денное Джерсену место оказалось почти у самых дверей в пиршественный зал. От его внимания не ускользнуло, что и Алюз Ифигения, несмотря на статус официальной невесты Сиона Трамбле, занимала место после по крайней мере шести дам, ранг которых при дворе, видно, оценивался выше.

Пиршество было великолепным, вина подавались крепкие. Джерсен ел и пил в меру, учтиво отвечал на вопросы: все его старания держаться как можно неприметнее не увенчались успехом: глаза гостей неотрывно следили за ним:

Сион Трамбле ел совсем немного, а пил и того меньше. В разгар пиршества он поднялся и, ссылаясь на усталость, извинился перед собравшимися за то, что должен покинуть их.

Чуть позже к Джерсену подошел паж и шепнул на ухо:

— Милорд, соблаговолите пройти со мной. Князь желает поговорить с вами.

Джерсен поднялся из-за стола, паж повел его в круглый вестибюль, затем в коридор, затем в небольшую гостиную, стены которой были отделаны деревянными панелями. Вот здесь-то и дожидался Джерсена Сион Трамбле, успевший переодеться в свободный халат из светло-голубого шелка. Жестом пригласив Джерсена занять расположенное рядом кресло, он предложил выпить, указывая на небольшой низкий столик с графинами и бокалами.

— Располагайтесь поудобнее. Вы человек из далекого для нас мира. Пожалуйста, не обращайтесь внимания на наши непостижимые для непосвященных правила этикета. Давайте поговорим как мужчина с женщиной, честно и откровенно. Скажите мне: какова причина вашего пребывания здесь.

Джерсен решил, что врать бессмысленно:

— Я прибыл сюда, чтобы убить Кокура Хеккуса.

Сион Трамбле поднял брови:

— В одиночку? А каким же это образом? Вы возьмете приступом стены Аглабата? Одолеете Бурых берсальеров?

— Не знаю.

Сион Трамбле задумчиво поглядел на пламя, игравшее за решеткой камина.

— В настоящее время Миск и Вадрус заключили перемирие. Война может вспыхнуть только в том случае, если принцесса Ифигения окажет мне предпочтение, связав со мной свою судьбу, но сейчас, как мне кажется, она не будет принадлежать ни одному из нас. — Он нахмурился, глядя на огонь, и сжал пальцами подлокотники кресла. — Лично я не намерен давать поводов для войны с соседом.

— В любом случае, вы можете хоть как-то помочь мне? — спросил Джерсен, внутренне уже готовый к самому худшему.

— Возможно. В чем причина вашей вражды с Кокуром Хеккусом?

Джерсен рассказал о налете на Маунт-Плезент:

— Пятеро негодяев разрушили мой дом, убили всю мою родню, увели в рабство друзей. Я стремлюсь покарать всех пятерых. Малагате уже мертв. Очередь за Кокуром Хеккусом.

Сион Трамбле нахмурился:

— Вы отважились осуществить, как мне кажется, трудно выполнимое мероприятие. В частности, что вам нужно от меня?

— Во-первых, чтобы вы помогли мне вернуться к космическому кораблю, оставленному мной к северу от Скар Сакау.

— Сделаю все, что в пределах моих возможностей. Княжества к северу от Скар Сакау враждуют со мной, а тадоуски настолько воинственны, что мир с ними вообще невозможен.

— Есть еще одна сторона моего дела, — произнес Джерсен и остановился, пораженный одной мыслью, неожиданно пришедшей ему в голову, затем неторопливо, будто рассуждая вслух, продолжил: — Когда я отобрал у Кокура Хеккуса самоход, то прихватил еще и пленника, который, как мне казалось, вполне мог быть самим Кокуром Хеккусом. Принцесса Ифигения так не считает. Тем не менее, меня продолжают одолевать со-

мнения. Все-таки маловероятно, что Кокур Хеккус смог устоять перед искушением принять участие в первом же испытании своей новой игрушки... Что-то в этом узнике уж больно напоминает мне другого, который мог быть Кокуром Хеккусом.

— Я могу помочь вам развеять все сомнения, — сказал Сион Трамбле. — В моем дворце живет барон Эрл Кастильяну, некогда бывший ближайшим союзником Кокура Хеккуса, а ныне — его заклятый враг. Если нужно опознать Кокура Хеккуса, то барон Кастильяну лучше всех других подходит для этой роли. Проверку можете произвести хоть завтра.

— Я буду счастлив услышать его мнение.

— Больше я ничем вам не могу помочь, — к такому окончательному решению пришел Сион Трамбле. — Ибо не в моем характере обречь свой народ на войну и лишения без серьезной на то причины. Пока Кокур Хеккус остается в Аглабате, я не стану ему досаждать.

Он сделал жест, означавший окончание аудиенции. Джерсен поднялся и вышел из комнаты. В передней его дождался мажордом, который проводил в отведенные ему апартаменты. Джерсен вышел в сад, запрокинул голову, нашел звездное скопление, напоминающее ятаган, и, задумавшись над тем, что ему еще предстоит сделать, пришел в ужас. И тем не менее, разве могло быть иначе? Разве не для этого забрался он на Фамбер?

Сон его, однако, был крепок. Разбуженный солнечными лучами, он принял ванну, оделся в самые темные одежды, какие нашел в гардеробе, за завтраком удовлетворился фруктами, печеньем и чаем. С запада набежали тучи, брызнул дождь. Глядя на всплески капель, бьющихся о гладь бассейна, он снова и снова взвешивал все факторы, влияющие на сложившееся положение. И все время возвращался к одной и той же мысли: тем или иным способом должна быть установлена личность Падербуша.

Вошел паж и известил о прибытии барона Кастильяну, сухопарого мужчины средних лет, со шрамами на обеих щеках, державшегося довольно строго.

— Князь Сион Трамбле велел мне предоставить в ваше распоряжение некоторые особые знания, которыми я располагаю,— произнес он,— что я готов сделать с превеликим удовольствием.

— Вам известно, что от вас требуется?

— Нет.

— Я хочу, чтобы вы внимательнее присмотрелись к одному человеку и ответили мне, является ли он Кокуром Хеккусом.

Барон сделал кислую мину:

— И что потом?

— Вы можете это сделать?

— Несомненно. Видите шрамы? Мое лицо было обезображено по приказу Кокура Хеккуса. Трое суток я висел на пруте, проткнутах сквозь мои щеки, оставаясь в живых только благодаря ненависти.

— В таком случае идемте и вместе поглядим на этого человека.

— Он здесь?

— Заточен в подземелье.

Паж привел мажордома, который отпер сначала деревянную дверь, затем железную, после чего все трое спустились в темницу. Падербуш стоял в своей камере, широко расставив ноги и держась руками за прутья, и сверлил взглядом наружные стены подземелья.

— Вот этот человек,— произнес Джерсен.

Барон подошел поближе, пригляделся.

— Ну? — спросил Джерсен.

— Нет,— после некоторого размышления ответил барон.— Это не Кокур Хеккус. По крайней мере... Нет, я в этом не уверен... Хотя глаза смотрят на меня с такой же неизменной умудренностью... Нет, этот человек мне не знаком. Я никогда не встречался с ним ни в Аглабате, ни где-либо еще.

— Ну что ж, похоже, я ошибся.— Джерсен повернулся к мажордому.— Отоприте дверь.

— Вы намерены освободить этого человека?

— Не совсем. Но держать его в темнице нет необходимости.

Мажордом отпер дверь.

— Выходите, — сказал Джерсен. — Я, по-видимому, допустил несправедливость по отношению к вам.

Падербуш медленно вышел из камеры. Он не ожидал, что его выпустят, и двигался очень осторожно.

Джерсен взял его за запястье, притом так, чтобы можно было в случае необходимости мгновенно выкрутить руку.

— Идите. По ступенькам поднимайтесь лицом ко мне.

— Куда вы ведете этого человека? — раздраженно спросил мажордом.

— Князь Сион Трамбле и я сообща примем окончательное решение, — ответил Джерсен, затем обратился к барону Эрлу Кастильяну: — Благодарю за оказанное вами содействие, вашу помощь трудно переоценить.

Барон Кастильяну смутился:

— Этот человек в любом случае может оказаться негодяем, постарайтесь разделаться с вами.

Джерсен поднял лучемер:

— Я готов к любым неожиданностям.

Барон поклонился и быстро удалился, явно довольный тем, что от него больше ничего не требуется. Джерсен отвел Падербуша в свои апартаменты и закрыл дверь перед самым носом мажордома, затем непринужденно расположился в одном из кресел. Падербуш же так и остался стоять посредине комнаты и в конце концов спросил:

— Как вы теперь намерены со мной поступить?

— Я все еще в замешательстве, — ответил Джерсен. — Возможно, вы на самом деле тот, за кого себя выдаете. В этом случае я не знаю за вами никакой другой вины, кроме служения Кокуру Хеккусу. Тем не менее, я не стал бы заточать вас в темницу только по подозрению в предполагаемых преступлениях. Вы очень испачканы — может быть, примете ванну?

— Нет.

— Вам больше по душе пот и грязь? А может, смените одежду?

— Нет.

Джерсен пожал плечами:

— Как хотите.

Падербуш скрестил руки на груди и злобно посмотрел на Джерсена:

— Почему вы держите меня здесь?

Джерсен задумался:

— Судя по всему, ваша жизнь в опасности. Я намерен защитить вас.

— Я вполне способен защитить себя сам.

— И все-таки, пожалуйста, сядьте вон в то кресло.— Джерсен показал, куда сесть, кончиком дула лучемета.— Вы стоите, как дикий зверь, готовящийся к прыжку, это действует мне на нервы.

Падербуш в ответ только холодно ухмыльнулся, но сел.

— Я не причинил вам никакого вреда,— произнес младший рыцарь.— А вот вы унизили меня, швырнули в темницу и сейчас еще изводите намеками и злобными выпадами. Скажу вам вот что: Кокур Хеккус не тот человек, чтобы оставить без внимания обиды, нанесенные его вассалам. Если хотите уберечь своего хозяина от крупных неприятностей, отпустите меня на свободу, чтобы я мог вернуться в Аглабат.

— Вы хорошо знаете Кокура Хеккуса? — как бы невзначай спросил Джерсен.

— Еще бы! Не человек, а горный орел! Глаза его светятся умом. Его радость и гнев подобны огню, сметающему все перед собой. Его воображение столь же безмерно, как само небо. Нет такого человека, который бы не пришел в изумление от мыслей, возникающих в голове моего хозяина, и не задался бы вопросом, из какого источника он их черпает.

— Интересно,— произнес Джерсен.— Мне не терпится встретиться с ним, что я и сделаю в самом скором времени.

— Вы намерены встретиться с Кокуром Хеккусом?

Джерсен ответил утвердительным кивком:

— Я вернусь вместе с вами в Аглабат в самоходе, но сначала неделю или две отдохну здесь, в Каррае.

— Я предпочитаю покинуть Каррай прямо сейчас.

— Это невозможно. Я не хочу, чтобы Кокур Хеккус был уведомлен о моем прибытии. Я хочу, чтобы это стало для него сюрпризом.

Падербуш презрительно усмехнулся:

— Вы глупец. Вы даже хуже глупца. Неужели вы всерьез рассчитываете застать Кокура Хеккуса врасплох? Ему известно о ваших действиях больше, чем вам самому!

ГЛАВА 12

Туманной дымке, казалось, не было ни конца, ни края — она окутывала холодом и справа, и слева, и сверху, и снизу. Ощущение было такое, будто то приближалось, то удалялось нечто наполненное каким-то будоражащим воображение внутренним смыслом, абсолютно непостижимым для Мармадюка. В душу, однако, вкралось подозрение, что каким-то образом доктрина темпорального стасиса обусловила полную транспозицию всех перцепций *. Почему же, задумался он, пробираясь на ощупь в густом розовато-лиловом тумане, ему снова и снова приходит на ум слово «плаксивый»?

Он обнаружил, что находится у выпуклого окна с прозрачными стеклами, за которыми плясали анаморфированные ** видения. Подняв взор, он увидел ряд изогнутых прутьев, чуть пониже обнаружил розовую полку, в которую было заделано еще какое-то количество таких же прутьев. Рядом с полкой, будто невообразимо огромный нос, торчал какой-то комковатый пористый предмет. А потом он увидел, что этот предмет и есть нос, самый настоящий нос, хотя и совершенно необыкновенный. И тогда Мармадюк коренным образом поменял ход своих рассуждений. Главная проблема, как ему показалось, сейчас заключалась в том, чтобы понять, чьими глазами он смотрит. Ведь очень многое, если не все, будет зависеть от его точки зрения.

*Из главы «Ученик Воплощения», вошедшей в
«Свиток Девятого Измерения».*

Наступил полдень. Падербуш временами был настолько возбужден, что, казалось, вот-вот набросится на Джерсена. В один из таких моментов Джерсен счел необходимым предупредить его:

* Перестановка функций органов восприятия, искажающая непосредственное отражение объективной действительности органами чувств. — *Примеч. перев.*

** Искривленные в одном или нескольких измерениях. — *Примеч. перев.*

— Я настоятельно требую терпения с вашей стороны. Во-первых, сами понимаете, у меня оружие... а во-вторых, даже если бы его у меня не было, все равно вы ничего не смогли бы мне сделать.

— Вы в этом уверены? — надменным тоном спросил Падербуш. — Мы с вами примерно одинакового роста и веса. Давайте попробуем разок-другой побороться, тогда и увидим, кто чего стоит.

— Спасибо за предложение, но только не сейчас. Ради чего выматывать друг друга? Вскоре мы с вами плотно перекусим, а пока давайте-ка лучше расслабимся.

— Как хотите.

Раздался легкий стук в дверь.

— Кто там? — спросил Джерсен, став у стены рядом с косяком.

— Атер Кэймон, мажордом, — донесся приглушенный массивной дверью голос. — Откройте, будьте любезны, дверь.

Джерсен открыл дверь. Мажордом вошел в комнату:

— Князь желает видеть вас у себя. Немедленно. Он прослышал о мнении барона Эрла Кастильяну и настоятельно просит отпустить узника на свободу. Он не хочет давать повод Кокуру Хеккусу для придиорок.

— Я и сам решительным образом настроен со временем предоставить полную свободу этому человеку, — ответил Джерсен. — А пока что он согласился пользоваться гостеприимством Сиона Трамбле в течение, пожалуй, двух недель.

— Как это благородно с его стороны, — сухо заметил мажордом, — когда Великий Князь настолько пренебрег своими обязанностями радушного хозяина, что забыл сам предложить гостеприимство. Вы согласны следовать за мной в апартаменты князя Сиона Трамбле?

— С удовольствием. Только скажите, что мне делать с моим гостем? Я не решаюсь оставить его здесь одного, как и не намерен ходить с ним всюду под руку.

— Верните его в темницу, — сердито бросил мажордом. — Для него вполне достаточно и такого гостеприимства.

— Великий Князь будет категорически против,— заявил Джерсен.— Ведь вы сами сказали о его желании отпустить этого человека.

Мажордом несколько смешался:

— Совершенно верно.

— Принесите, пожалуйста, мои извинения князю и спросите, не сообразовоит ли он встретиться со мной здесь.

Мажордом пробурчал что-то, беспомощно всплеснул руками, бросил сердитый взгляд в сторону Падербуша и вышел.

Джерсен сел напротив Падербуша и спросил:

— Скажите, вам знаком некий Зеуман Отуал?

— Я слышал это имя.

— Он один из приспешников Кокура Хеккуса. У вас с ним много общего.

— Очень даже может быть... вероятно, из-за нашей близости к Кокуру Хеккусу... А в чем заключается это общее?

— В манере держать голову, в определенном наборе отработанных жестов, в том, что я мог бы назвать общим душевным настроением. Все это очень странно. В самом деле.

Падербуш в ответ только церемонно кивнул, но больше ничего не сказал. Через несколько минут к двери подошла Алюз Ифигения, Джерсен тотчас же впустил ее в комнату. Переведя взгляд с Джерсена на Падербуша, она удивленно спросила:

— Почему этот человек здесь?

— Он считает несправедливым одиночное заточение в темнице, поскольку все его преступления сводятся лишь к десятку-другому убийств.

Падербуш по-волчьи оскалился:

— Я Падербуш, младший рыцарь замка Падер. Никто в моем роду не был настолько труслив, чтобы отобрать одну или пару жизней, не подвергая смертельной опасности собственную.

Алюз Ифигения отвернулась от него и снова обратилась к Джерсену:

— Каррай не вызывает у меня прежних радостных чувств. Что-то изменилось. Чего-то недостает. Навер-

ное, во мне самой... Мне хочется вернуться в Драззан, к себе домой.

— А я-то считал, что в вашу честь планируется устроить пышное празднество.

Алюз Ифигения пожала плечами:

— Наверное, об этом уже позабыто. Сион Трамбле сердится на меня, или, по крайней мере, не столь учтив, как раньше. — Она на мгновение скосила взгляд в сторону. — Может быть, князь ревнует.

— Ревнует? С чего бы это ему ревновать?

— Как-никак, но я и вы провели много времени, оставаясь наедине. Одного этого достаточно, чтобы возбудить подозрения и ревность.

— Занятно, — произнес Джерсен.

Алюз Ифигения взметнула брови:

— Неужели я потеряла всю свою красоту? И не глупо ли даже намекать на возможность каких-то особых отношений между нами?

— Я с вами совершенно согласен. И мы просто обязаны избавить Сиона Трамбле от сомнений, которые, наверняка, причиняют ему большие страдания.

Он вызвал пажа и послал его испросить аудиенцию у Сиона Трамбле.

Паж вскоре вернулся и объявил, что князь не желает кого-либо видеть.

— Вернитесь к князю, — сказал Джерсен, — и передайте ему вот что: завтра я должен отбыть отсюда. Я отправляюсь на самоходе к своему космическому кораблю — как нибудь сам отыщу его. А также уведомите князя о том, что принцесса Ифигения намерена сопровождать меня, и справьтесь у него вновь, не желает ли он повидаться со мной?

Алюз Ифигения повернулась к Джерсену:

— Вы в самом деле хотите взять меня с собой?

— Если у вас есть желание вернуться в Ойкумену.

— А как же тогда Кокур Хеккус? Я считала...

— Мелочь, о которой и вспоминать-то не стоит.

— Значит, вы просто шутите, — уныло произнесла Алюз Ифигения.

— Да. Вы поедете со мной?

Она заколебалась, затем кивнула:

— Да. А почему бы и нет? Ваша жизнь реальна, моя же — как и всех на Фамбере — далека от реальности. Это всего лишь оживший миф, ожившие фрагменты какой-то древней диорамы. Меня душит двухмерное пространство Фамбера.

— Очень хорошо. Мы покинем его в самом скором времени.

Алюз Ифигения взглянула на Падербуша.

— А как поступить с ним? — с дрожью в голосе спросила она. — Вы освободите его или оставите решать этот вопрос Сиону Трамбле?

— Нет. Он отправится вместе с нами.

Алюз Ифигения обомлела в изумлении:

— С... нами?

— Да. Но он будет с нами совсем немного времени.

Падербуш поднялся, потянулся:

— Мне наскучил этот разговор. Я с вами никуда не поеду.

— В самом деле? Даже до Аглабата, чтобы встретиться с Кокуром Хеккусом?

— Я отправлюсь в Аглабат один, и прямо сейчас.

В три прыжка он пересек комнату, выбежал в сад, перемахнул через стенку и исчез.

Алюз Ифигения бросилась в сад, к самой стенке, затем вернулась:

— Зовите стражу! Он не может уйти далеко, эти сады лишь часть внутреннего двора. Поторопитесь!

Джерсен, казалось, вовсе не спешил. Алюз Ифигения потянула его за руку:

— Неужели вы хотите, чтобы он сбежал?

— Нет, — воодушевленно ответил Джерсен. — Ему никак не спастись. Мы уведомим о побеге Сиона Трамбле, который лучше нас знает, как изловить беглеца. Идемте.

Войдя в коридор, Джерсен приказал пажу:

— Немедленно отведите нас в апартаменты Сиона Трамбле. Живо! Бегом!

Паж провел их по коридору в круглый вестибюль, затем повел дальше по другому коридору, устланному красными коврами, и остановился перед широкой белой

дверью, которую охраняли двое стражей в одинаковых белых одеждах и черных стальных круглых шлемах.

— Пропустите! — сказал Джерсен. — Нам нужно немедленно встретиться с Сионом Трамбле.

— Нет, милорд. Мы получили от мажордома распоряжение не пропускать никого.

Джерсен направил дуло лучемета на замок. Полыхнуло пламя, повалил густой дым. Стражники негодуяше вскрикнули.

— Отойдите в сторону и охраняйте коридор. Под угрозой безопасность Вадруса!

Несколько ошеломленные стражники в нерешительности переминались с ноги на ногу. Джерсен распахнул дверь и вместе с Алюз Ифигенией прошел внутрь.

В передней они остановились. Мраморные статуи, стоявшие в нишах по обе стороны, бесстрастно глядели на них сверху вниз. Джерсен заглянул в один из залов, прошел под аркой, остановился перед закрытой дверью, прислушался. За дверью была слышна какая-то возня. Джерсен повернул дверную ручку — дверь заперта. Вновь воспользовавшись лучеметом, он «взломал» замок и ворвался в комнату.

Полураздетый Сион Трамбле метался по комнате. Он открыл рот, что-то нечленораздельно прокричал.

— На нем одежда Падербуша! — задыхаясь, произнесла Алюз Ифигения.

И так оно и было на самом деле: на вешалке висело зелено-синее одеяние Сиона Трамбле, а сам он скидывал с себя грязную одежду Падербуша. Князь потянулся к шпаге, но Джерсен рубящим ударом выбил ее из его рук. Тогда он бросился к полке, где хранилось самое различное оружие, однако Джерсен уничтожил весь арсенал одним залпом из лучемета.

Сион Трамбле медленно развернулся и бросился на Джерсена, как бешеный зверь. Джерсен громко расхохотался, пригнулся, нанес удар плечом в живот Сиона Трамбле, ухватился за мгновенно взметнувшееся колено противника и перекинул князя через себя. При этом он схватил князя за светлые волнистые локоны и, когда Сион Трамбле сделал отчаянную попытку встать, резко дернул их к себе. Мгновенно с головы Сиона слетели

золотые кудри, вслед за ними — и все лицо. Рука Джерсена держала за волосы теплую резиновую маску, безукоризненно прямой нос скривился набок, безвольно обмяк рот. У валявшегося на полу человека не было лица. Только голый череп, обтянутый тонкой прозрачной пленкой, сквозь которую виднелись бледно-розовые и ярко-красные лицевые мышцы. Из-под обнаженного лба, над черным провалом ноздрей злобно сверкали лишенные век глаза. Искривился безгубый рот, обнажив вдруг ослепительно белые зубы.

— Кто... что это? — едва слышно спросила Алюз Ифигения.

— Это, — ответил Джерсен, — хормагаунт. Это и есть Кокур Хеккус. Или Билли Уиндл. Или Зеуман Отуал. Или Падербуш. Или еще десяток других. И вот теперь пришло его время. Кокур Хеккус, ты помнишь налет на Маунт-Плезент? Я явился для того, чтобы покарать тебя.

Кокур Хеккус медленно поднялся на ноги, вместо лица Джерсен увидел череп гниющего трупа.

— Когда-то ты сказал мне, что боишься только смерти, — произнес Джерсен. — Сейчас ты умрешь.

Кокур Хеккус издал какой-то нечленораздельный хрип.

— Всю свою жизнь, — продолжал Джерсен, — ты совершал одно гнусное деяние за другим. Мне бы следовало умертвить тебя, предварительно подвергнув самым ужасным мучениям, но достаточно будет и того, что ты просто умрешь.

Джерсен поднял лучемер. Издав клопочущий вопль, Кокур Хеккус рванулся вперед, взметнув руки перед собой, — и тут же рухнул, натолкнувшись на огненный сноп.

На следующий день был повешен мажордом Атер Кэймон — пособник, ставленник, компаньон и наперсник Кокура Хеккуса. Стоя на высокой складной лестнице, он вопил над объятый ужасом толпой:

— Дурачье! Дурачье! До вас хотя бы дошло, как долго вас обманывали, доили, пускали вашу кровь? Куда делось ваше золото, где ваши воины, красивые женщины? Целых двести лет я здесь хозяйничал, а Кокур Хеккус еще дольше! Против Бурых берсальеров он посылал луч-

ших ваших воинов, и они погибали напрасной смертью. К его ложу доставляли ваших красавиц, редкие из них возвращались домой — как правило, они исчезали бесследно. Вы зальетесь слезами, когда узнаете, какова была их судьба! Он умер, умираю и я, но вы дурачье! Глупцы!

Палач вышиб лестницу из-под его ног. Толпа в оцепенении глядела на дергающееся тело мажордома, глаза которого мгновенно остекленели.

— Как же вы догадались? — спросила все еще бледная от ужаса Алюз Ифигения, прогуливаясь с Джерсе-ном в саду дворца барона Энделя Тобальта.

— Сначала подозрения у меня вызвали руки Сиона Трамбле. У него хватило ума держаться совсем не так, как Падербуш, но руки остались теми же самыми: с длинными тонкими пальцами, гладкой, лоснящейся кожей, с длинными ногтями на несколько выгнутых больших пальцах. Такие руки я уже видел, но не мог вспомнить, у кого, пока еще раз не присмотрелся к Падербушу с более близкого расстояния. Кроме того, Сион Трамбле разоблачил себя сам. Ему было известно о том, что вы решили не выходить за него замуж. Но только три человека могли знать об этом: вы, я и Падербуш, потому что только в самоходе вы пришли к такому решению. Когда я услышал об этом от Сиона Трамбле, то сразу же глянул на его руки и увидел подтверждение своей догадки.

— На какой планете мог родиться и вырасти такой подлец? Какие родители...

— Его буйное воображение было для него благословением и проклятием одновременно. Одной жизни для него оказалось недостаточно. Ему обязательно нужно было испытать из каждого источника, познать все на собственном опыте, испытать любые превратности судьбы, прожигать свою жизнь, не зная меры ни в чем. На Фамбере он нашел мир, соответствующий его темпераменту. Принимая попеременно то или иное обличье, он создал свой эпос. Когда же он уставал от Фамбера, то возвращался на планеты Ойкумены — мир, менее по-

слушный его воле, но все же не такой скучный. Теперь он мертв.

— А мне теперь более, чем когда-либо, необходимо покинуть Фамбер,— сказала Алюз Ифигения.

— Здесь нас уже ничто не держит. Завтра мы тронемся в путь.

— Почему завтра? Давайте уйдем отсюда прямо сейчас. Мне кажется, я уверена, что могу отыскать дорогу к космическому кораблю. Путь на север в обход гор Скар Сакау не так уж труден. Ориентиры мне знакомы.

— Что ж, можно и не задерживаться,— ответил Джерсен.— В путь так в путь.

Провожала их небольшая группа вельмож Каррая.

— Так вы пришлете сюда корабли из Ойкумены? — встревоженно спросил барон Эндель Тобальт.

— Я обещал это сделать, и обещание свое намерен сдержать,— ответил Джерсен.

— Когда-нибудь — еще не знаю когда — я вернусь на Фамбер,— произнесла Алюз Ифигения, с некоторым волнением обводя взглядом пейзаж родной планеты.

— Но учтите,— сказал барону Джерсен,— стоит появиться здесь кораблям Ойкумены, как придет конец вашему нынешнему образу жизни! Возникнет ропот, тоска по прошлому, неудовлетворенность. Может быть, вам больше нравится Фамбер такой, какой он сейчас?

— Я могу говорить только за себя,— произнес Эндель Тобальт.— Я считаю, мы должны воссоединиться с остальным человечеством, чего бы это нам ни стоило.

Его поддержали остальные.

— Воля ваша,— ответил Джерсен.

Алюз Ифигения забралась внутрь самохода, за нею последовал Джерсен, захлопнул люк, прошел к пульту управления, поймал взглядом фирменную табличку:

*Инженерная компания «Пэтч»
Патрис, Крокиноль*

— Ай да старина Пэтч,— произнес Джерсен.— Надо отослать ему отчет о работе его творения, если, конечно, чудище доставит нас к космическому кораблю.

Алюз Ифигения, стоявшая рядом, прижалась чуть-чуть к плечу Джерсена. Глядя вниз, на блестящие темно-золотистые волосы, Джерсен вспомнил, как впервые увидел ее в Обменном Пункте, какой неприметною она тогда показалась. И тихо рассмеялся. Алюз Ифигения подняла на него глаза.

– Чему вы смеетесь?

– Когда-нибудь узнаете. Но не сейчас.

Улыбнувшись, будто и сама вспомнила что-то личное, Алюз Ифигения не проронила ни слова.

Джерсен нажал на кнопку «Пуск». Поднялись и опустились тридцать шесть ног. Восемнадцать сегментов передвинулись вперед. Самоход взял курс на северо-запад, туда, где в косых лучах заходящего солнца ярко сверкали белые вершины Скар Сакау.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗВЕЗДНЫЙ КОРОЛЬ. Роман <i>Перевод с англ. А. Жикаренцева</i>	5
МАШИНА СМЕРТИ. Роман <i>Перевод с англ. Н. Николаевой</i>	221

Литературно-художественное издание

Джек Вэнс

МАШИНА СМЕРТИ

Перевод с английского

Ответственный редактор *И. Петрушкин*

Художественный редактор *А. Лютиков*

Технический редактор *Ю. Жихарев*

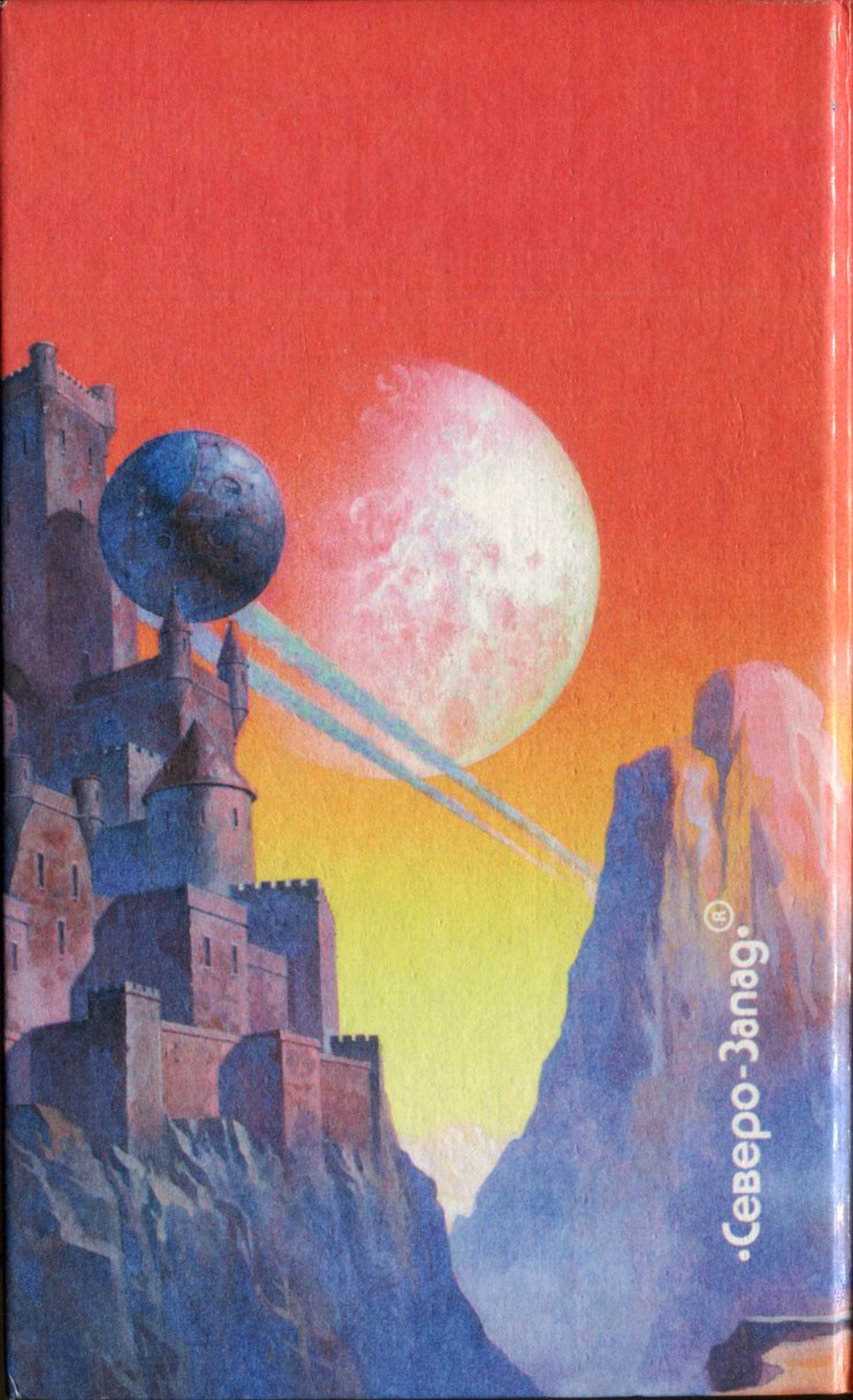
Корректор *В. Рошаль*

Подписано в печать с готового оригинал-макета 26.09.96.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать высокая.
Гарнитура тип «Таймс». Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 15 000 экз. Заказ № 147.

Оригинал-макет подготовлен ТОО Агентство «Сфинкс СПб».
195269, Санкт-Петербург, а/я 149.

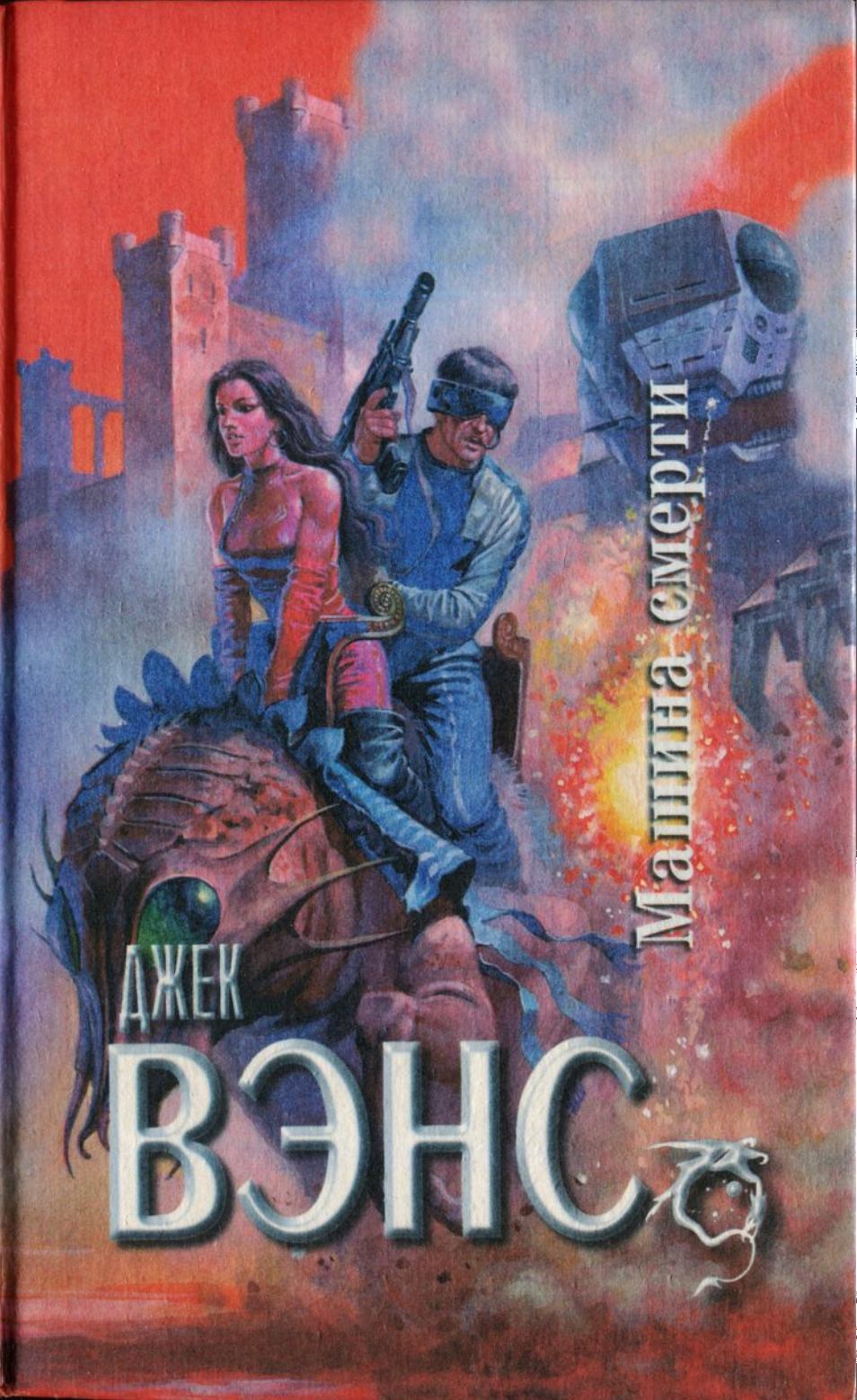
Издательство «Северо-Запад».
191110, Санкт-Петербург, а/я 171.
ЛР № 063852 от 04.01.95 г.

Отпечатано в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

•Северо-Запад•[®]

ВЭНС
ДЖЕК

ДЖЕК

ВЭНС

Машина смерти

